

The image is a composite. The top half features a close-up of a man and a woman about to kiss, with a soft, romantic glow. The bottom half shows a serene beach scene at sunset, with a curved pier, a large tree, and distant hills under a pink and orange sky.

ДЖУДИТ МАКНОТ

*Каждый
твой вздох*

Annotation

Хозяйка ресторана Кейт Донован, собиравшаяся стать женой известного адвоката, неожиданно влюбляется в одного из клиентов своего жениха – легендарного чикагского магната Митчела Уайатта. Однако неожиданная гибель двух родственников Митчела дает полиции основания считать его убийцей. На его причастность к преступлению указывают все улики – и теперь Кейт предстоит решить, готова ли она, несмотря ни на что, поверить в невиновность любимого мужчины...

- [Джудит Макнот](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)

- [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
-

Джудит Макнот

Каждый твой вздох

Judith McNaught
EVERY BREATH YOU TAKE

Перевод с английского *Т. А. Перцевой*
Компьютерный дизайн *Э. Э. Кунтыш*

Печатается с разрешения издательства Ballantine Books, an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC и литературного агентства Nova Littera SIA.

Глава 1

Особняк Уайаттов гордой короной венчал покрытый снегом холм. Готические шпили вздымались прямо в небо, витражи в окнах сверкали драгоценными камнями.

В миле от него разворачивался настоящий парад роскошных автомобилей. Лимузины и супердорогие машины медленным потоком направлялись к затянутому в униформу охраннику, стоящему у входа в ворота. Каждый раз, когда рядом останавливалась очередная машина, охранник сверял имена пассажиров со списком гостей и вежливо, но непреклонно сообщал водителю:

– Мне очень жаль, но из-за сегодняшнего снегопада мистер Уайатт не разрешает машинам парковаться во дворе.

Если за рулем был наемный шофер, охранник отступал, позволяя ему сворачивать на подъездную дорожку, чтобы доставить пассажиров к самому дому, прежде чем вернуться на основную дорогу и ждать окончания вечера.

Если же машину вел сам владелец, охранник показывал ему на длинный ряд блестящих черных «рейнджроверов», припаркованных на перекрестке. Из выхлопных труб вились дымки, означавшие, что двигатели остаются включенными.

– Пожалуйста, подъезжайте сюда и оставьте машину у служителя, – объяснял он. – Вас отвезут к дому.

Однако, как скоро обнаруживал каждый вновь прибывший, этот процесс был вовсе не так прост и удобен, как казался на словах. Хотя служителей, как и свободных «рейнджроверов», было немало, высокие сугробы и припаркованные машины так сузили дорогу, что местами было совершенно невозможно проехать, а нескончаемая процессия медленно движущихся автомобилей превратила четыре дюйма никем не убранного снега в густой слой слякоти.

Вся процедура донельзя нервировала и раздражала... Всех, кроме... детективов Чилдресса и Макнила, сидевших в неприметном «шевроле» без номеров, стоявшем в боковом проезде, в ста пятидесяти ярдах от входа в поместье Уайаттов. Оба были членами тщательно отобранной команды, созданной только сегодня утром и призванной держать Митчела Уайатта под круглосуточным наблюдением.

В восемь часов вечера они проводили его машину сюда, в поместье

Сесила Уайатта, где он ловко ускользнул от охранника, пытавшегося остановить его, а потом свернул на дорожку, предназначенную для хозяйских машин, и исчез из поля зрения. После этого детективам не оставалось ничего, кроме как припарковаться и вести запись всех, с кем общался объект слежки. Чтобы облегчить себе задачу, Чилдресс обозревал сцену действия в прибор ночного видения, диктуя номера машин и всякую полезную информацию Макнилу, который старательно заносил все в блокнот.

– К старту приближается новый участник соревнования, – пробормотал Чилдресс, когда очередная пара фар приблизилась к охраннику, после чего вслух прочел номер машины и описал ее и водителя: – Белый «мерседес», модель этого года или прошлогодняя, водитель – белый мужчина, лет пятидесяти с лишним, пассажирка – белая женщина, лет двадцати с лишним, прижимается к улыбающемуся папику.

Не дождавшись ответа, Чилдресс поднял глаза и понял, что внимание Макнила сосредоточено на машине, медленно спускавшейся с холма справа.

– Должно быть, кто-то, кто живет там, наверху, – пробормотал Чилдресс, но тут же добавил, увидев, как черный «линкольн-таун-кар» остановился, закупорив выезд с дорожки, где они стояли: – Смотри-ка, да он еще и любопытен.

Задняя дверца отворилась, и оттуда вышел мужчина лет сорока в длинном черном пальто. Чилдресс опустил стекло, намереваясь извиниться за свое присутствие в неподходящем месте, но когда тот остановился и поднес к уху мобильник, мгновенно узнал его и прошептал:

– Это Грей Эллиот. Что он здесь делает?

– Живет в этих местах. Может, приглашен на вечеринку.

– Или решил присоединиться к нашей компании и вести наблюдение, – пошутил Чилдресс без особого, впрочем, воодушевления. Всего год в должности прокурора штата – и Грей Эллиот успел стать героем для каждого здешнего копа: блестящий прокурор, не боящийся браться за самые трудные и рискованные дела. Тот факт, что он принадлежал к числу людей, которые предпочитали служить обществу, вместо того чтобы приумножать и без того немалое состояние, только добавлял блеска его героическому имиджу.

И Макнил симпатизировал ему именно по этим причинам. Впрочем, он всегда любил Грея, даже когда тот был беззаботным, легкомысленным, сумасбродным подростком, которого сам Макнил несколько раз приводил в участок за мелкие нарушения.

Закончив разговор, Эллиот подошел к машине, наклонился и заглянул внутрь.

– Вы, должно быть, Чилдресс, – бросил он вместо приветствия, но тут же обратился к Макнилу: – Мак, можно вас на пару слов?

Макнил вышел и, обогнув машину, остановился у багажника. Ветер стих, и работающий двигатель гнал по ногам теплые выхлопные газы.

– Я просил, чтобы вас назначили на это расследование, – начал Грей, – потому что вы возглавляли дело по исчезновению Уильяма Уайатта и знакомы со всеми участниками...

– Не со всеми, – перебил Мак, не сдержав любопытства. – До сегодняшнего дня я и слыхом не слыхал ни о каком Митчеле Уайатте. Кто он такой, черт возьми, и почему мы за ним следим?

– Сводный брат Уильяма Уайатта. И, по моему мнению, именно он виновен в исчезновении Уильяма.

– Сводный брат? – повторил Мак, с сомнением качая головой. – После пропажи Уильяма я опросил всех членов семьи и его друзей. Никто и словом не обмолвился о существовании сводного брата. Мало того, когда я говорил с Сесилом Уайаттом, старик несколько раз повторил, как важно найти и вернуть жене и ребенку его единственного внука.

– Вас намеренно ввел в заблуждение чванливый, хитрый старый дьявол, не желавший объяснить, что у него есть еще один внук, которого он никогда не хотел признавать. Я знаком с Уайаттами всю жизнь и тоже понятия не имел о сводном брате Уильяма. Как, впрочем, и сам Уильям до июня этого года. Если верить истории, которую я только сейчас услышал, отец Уильяма, Эдвард, спутался со своей секретаршей, когда Уильяму было года два и его мать умирала от рака. Секретарша забеременела, а рак вскоре доконал жену Уильяма. Но когда любовница стала давить на Эдварда, требуя, чтобы тот женился, как обещал, он стал уваливать, а потом вообще отрекся от отцовства. Хитрая бабенка пригрозила поведать свою печальную историю репортеру «Трибюн».

Тут мобильный Эллиота снова завибрировал. Проверив номер звонившего, он сунул трубку в карман и продолжал:

– В то время Сесил решил продвигать Эдварда в большую политику, и скандал разрушил бы все его планы, но и позволить «ничтожной маленькой потаскушке» войти в семью было немыслимо. Такого он допустить не мог. Сесил пытался откупиться, но она продолжала настаивать на праве ребенка иметь законное имя, называться Уайаттом и воспитываться, как Уайатт. Она наняла адвоката, и наконец обе стороны пришли к согласию: Эдвард женится на ней за несколько недель до появления новорожденного и

разведется сразу после родов. Она отказалась от всех прав на ребенка, передав его под опеку Сесила. Сесил, в свою очередь, обязался позаботиться, чтобы ребенок воспитывался, как подобает Уайатту, со всеми привилегиями, какие дают деньги и связи в обществе, а также включая лучшее образование, путешествия за границу и тому подобное. При этом она получала значительную сумму при условии, что никому ни слова не скажет о том, что случилось, и никогда не попытается вступить в контакт с заинтересованными сторонами, в том числе и с собственным отпрыском.

Макнил поднял воротник куртки. Если нижней части тела было довольно тепло, то уши превратились в ледышки.

– Очевидно, позднее Сесил передумал насчет внука, – пробормотал он, растирая руки, прежде чем сунуть их в карманы.

– Нет, он следовал букве, но не духу сделки. И хотя согласился, чтобы Митчел воспитывался со всеми подобающими Уайатту привилегиями, какие дают деньги и связи в обществе, все же вовсе не имел в виду, что в круг этих связей должна входить сама семья Уайаттов. Через неделю после рождения Сесил отослал Митчела вместе с фальшивым свидетельством о рождении в Италию на воспитание в одну чем-то обязанную ему семью. Когда мальчику исполнилось года четыре, Сесил вырвал его из привычного окружения и отправил в дорогой французский пансион. Позже он учился в частной швейцарской школе, а потом в Оксфорде.

– А парнишка знал свое настоящее имя? Или имя того, кто платил за его шикарное образование? – спросил Макнил.

– Семья, с которой он жил в Италии, рассказала парню только то, что было велено: будто бы его подбросили на порог одного калифорнийского дома, имя и фамилия наугад выбраны из телефонного справочника, а какие-то щедрые американские спонсоры регулярно платят за воспитание и обучение таких же подкидышей, как он, взамен желая только одного – оставаться анонимными.

– Иисусе, – вздохнул Макнил.

– Если это жалость, оставьте ее для того, кто этого заслуживает, – саркастически хмыкнул Эллиот. – Судя по тому, что я слышал, юный Митчел всю жизнь наслаждался жизнью и на все сто использовал свои возможности. Способный спортсмен, он преуспел в спорте, учился в лучших школах и был на короткой ноге с детьми из лучших европейских семей. После окончания колледжа он на редкость умно использовал свое образование, приятную внешность и приобретенные связи, умудрившись сделать кучу денег. Теперь ему тридцать четыре, и почти все его компании находятся в Европе. У него есть квартиры в Риме, Лондоне, Париже и Нью-

Йорке.

Эллиот взглянул на часы и нахмурился, пытаясь разглядеть циферблат в темноте.

– Не скажете, который час?

Макнил задрал рукав и глянул на большие светящиеся зеленые цифры своего «Таймекса»^[1].

– Восемь сорок пять.

– Мне нужно идти. Хотя бы ненадолго появиться на вечеринке Сесила.

– Но как же Уайатт оказался здесь и сейчас после стольких лет? – поспешно поинтересовался Макнил, стараясь максимально использовать оставшиеся минуты.

– Семь месяцев назад, в начале июня, Уильям полез в старый сейф, наткнулся на какие-то документы и был возмущен отношением отца и деда к бедному сводному брату. Он нанял детективов, и когда те обнаружили Митчела Уайатта в Лондоне, Уильям взял жену и сына и полетел в Лондон лично представить их брату и объяснить, что произошло.

– Очень благородно с его стороны.

Эллиот закинул голову и взглянул на небо.

– Тут вы правы, – ответил он голосом человека, пытавшегося скрыть свои чувства. – Уильям был действительно славным парнем, единственным мужчиной в этой семейке на протяжении многих поколений, которого никак нельзя считать эгоистичным социопатом.

Он резко опустил голову.

– Что тут поделать? Когда Уильям вернулся из Лондона, переполненный восторгами по поводу поразительных успехов Митчела, Эдвард и слушать ничего не пожелал, заявив, что не собирается иметь ничего общего с так называемым сыном, однако старый Сесил впечатлился настолько, что попросил о встрече. Встреча состоялась в августе, когда Митчел приехал сюда якобы по делам. В ноябре исчез Уильям, и Сесил попросил Митчела вернуться в Чикаго, чтобы они смогли узнать друг друга получше. Как ни странно, старику так пришелся по душе блудный внук, что он даже пригласил Митчела на праздник в честь своего восьмидесятого дня рождения. Ну а теперь мне пора, – бросил он уже на ходу, направляясь к машине. Но Макнил не отставал.

– Вы так и не сказали, почему мы держим Митчела Уайатта под наблюдением, – напомнил он.

Эллиот резко остановился. Лицо словно окаменело, а в голосе зазвенел лед.

– А разве я не сказал? По двум причинам: в сентябре, через месяц

после трогательного воссоединения Сесиля и Митчела, Эдвард, отец Уильяма и Митчела, упал с балкона тридцатого этажа и, разумеется, разбился. В ноябре исчез Уильям. По странному совпадению, согласно отметке в американском паспорте и отчетам Иммиграционной службы о прибытии в страну, Митчел Уайатт приезжал в США как раз перед каждым печальным событием и почти немедленно уезжал после очередной трагедии.

Макнил настороженно прищурился.

– Теперь часть картины вам ясна. Могу добавить, что Митчел пробыл в Чикаго две недели. Живет в доме Уильяма. Утешает его красавицу-жену и успел подружиться с его четырнадцатилетним сыном, – продолжал Эллиот и, не скрывая омерзения, резко добавил: – По-видимому, Митчел Уайатт систематически истребляет членов собственной семьи и перетягивает оставшихся на свою сторону.

– Считаете, он хочет загрести фамильное состояние? – заключил Макнил.

– Считаю, что гены Уайаттов произвели на свет очередного социопата. Полного и законченного. Хладнокровного, жестокого убийцу.

После его ухода Макнил снова забрался в «шевроле» вместе с Чилдрессом и долго смотрел, как машина Эллиота остановилась у перекрестка, в ожидании пока группу гостей перевозили к дому. Седовласая женщина поскользнулась в слякоти, и муж едва успел ее поддержать. Пара средних лет дрожала на холоде, пока нервные престарелые супруги с помощью служащих парковки пытались подняться на высокую подножку «рейнджровера».

– Знаешь, – заметил Чилдресс, когда машины наконец тронулись, – когда мы сегодня проезжали мимо ворот, я глянул на подъездную дорогу, ведущую к дому, и могу поклясться, она выглядела абсолютно чистой. Ни единой снежинки.

– Точно, – согласился Макнил.

– Так какого же черта охранник заставляет всех оставлять машины здесь, на главной дороге?

– Кто знает? – пожал плечами Макнил.

Глава 2

Поток прибывающих гостей сузился до тонкой струйки, когда очередная машина медленно приблизилась к воротам. Чилдресс отставил крышку от термоса, в которую только что налил кофе, и взял бинокль. Макнил потянулся к блокноту и принялся записывать передаваемую напарником информацию.

– Винтажный «роллс», возможно, 50-х годов, темно-бордовый, в идеальном состоянии. За рулем водитель. На заднем сиденье пассажирка. Господи, что за красота!

– «Роллс» или пассажирка? – уточнил Макнил.

– «Роллс», – смешливо фыркнул Чилдресс. – Пассажирке на вид лет девяносто. Лицо морщинистое, как сушеная слива, а какую гримасу она скорчила! Просто страх! Вероятно, из-за того, что говорит охранник водителю, которому, судя по виду, тоже под девяносто. Полагаю, старой леди не нравится парковать «роллс» на улице.

Тут Чилдресс ошибся. Недовольством тут и не пахло. Сестра Сесила, Оливия Хиберт, была вне себя от бешенства.

– Ну что за чванливый тиран! – пожаловалась она водителю, когда тот остановился за рядом «рейнджроверов». – Взгляните на подъездную дорожку, Грейнджер. Вы видите там снег?

– Нет, мадам.

– Сесил сбивает гостей в отары, как овец, только чтобы показать свою власть!

– Похоже, вы правы, мадам, – голосом, дрожащим от возраста и негодования, согласился водитель, служивший у нее сорок лет.

Довольная тем, что Грейнджер понял и согласился, Оливия Хиберт в бессильной ярости откинулась на спинку мягкого кожаного сиденья. Как все, кто знал ее брата, Оливия была слишком хорошо знакома с внезапными и не слишком приятными причудами Сесила, причудами, которые тот время от времени изобретал по единственной причине – навязать свою волю людям, считавшимся ему равней, и этим еще и еще раз доказать, что он по-прежнему выше их всех.

– Поверить не могу, что люди все еще мирятся с наглым поведением восьмидесятилетнего сноба, – горько вздохнула она. – Просто удивительно, как это они не повернутся и не уедут домой, увидев, что дорожка совершенно чиста!

Говоря это, Оливия немного кривила душой, поскольку прекрасно сознавала, почему гости Сесила готовы мириться с сегодняшними бессмысленными неудобствами. Во-первых, Сесил широко занимался благотворительностью, на которую тратил десятки миллионов долларов. И во-вторых, они собрались не столько, чтобы отпраздновать вместе с ним его восьмидесятилетие, сколько пережить событие, омраченное исчезновением любимого внука – тридцатишестилетнего Уильяма.

– В довершение всего сегодня вечером он еще и беззастенчиво использует людское сочувствие. Вот чем он занимается, – прошипела Оливия, когда «роллс» остановился перед домом, где запоздавшие гости все еще выходили из «рейндж-роверов».

Грейнджер не ответил, экономя силы для утомительного путешествия вокруг машины к задней дверце, которую полагалось распахнуть для пассажирки. Сгорбленные под тяжестью лет плечи бедняги, искореженные артритом позвоночник и колени вызвали искреннюю жалость. Тонкие прядки серебряных волос выбивались из-под черного водительского кепи, а тощая фигурка буквально утопала в черном пальто, ставшем за последнее время слишком просторным для старичка.

С усилием открыв дверцу, он протянул изуродованную ревматизмом руку, чтобы помочь даме выйти. Оливия вложила в нее затянутые в перчатку пальцы.

– Пожалуй, нужно отдать ваше пальто в переделку, – заметила она, потянувшись к своей трости. – Это для вас немного велико.

– Мне очень жаль, мадам.

Сжимая трость правой рукой и вцепившись левой в рукав его пальто, Оливия позволила старику медленно вести ее к двери, где в освещенном проеме уже ждал дворецкий Сесила.

– И попытайтесь больше есть, Грейнджер. Одежда в наше время обходится не меньше, чем когда-то новая машина.

– Да, мадам.

Старики с трудом одолели три каменные ступени крыльца, и Грейнджер, слегка задыхаясь, спросил:

– Как вы дадите мне знать, когда пожелаете уехать?

Оливия мигом остановилась, словно оцепенев, и свирепо уставилась на него.

– Даже не думайте двинуться с места! – предупредила она. – Мы по крайней мере не собираемся потакать капризам мелочного тирана! Припаркуйтесь вон там, под крытыми въездными воротами!

Услышав это, дворецкий протянул руку, чтобы помочь ей снять пальто,

и преспокойно попытался отменить приказ.

– Ваша машина должна ждать за воротами, а не в каком-то другом месте, – дерзко сообщил он, когда Грейнджер повернулся и принялся с трудом спускаться вниз. – Пожалуйста, велите вашему водителю...

– И не подумаю! – оборвала она и, почти швырнув ему трость, сама сняла пальто.

Дворецкий чуть поежился под ее уничтожающим взглядом.

– Грейнджер!

Грейнджер, застрявший на второй ступеньке, обернулся и уставился на хозяйку, вопросительно подняв белоснежные брови.

– Повторяю, встаньте под крытыми воротами, и если кто-то посмеет приблизиться к вам, разрешаю сбить его машиной, – отчеканила она и, явно довольная собой, удостоила дворецкого ледяной улыбки. – Кстати, там стоит черный иностранный спортивный автомобиль. Кому он принадлежит?

– Мистеру Митчелу Уайатту, – пояснил дворецкий.

– Я так и знала, – злорадно процедила Оливия, сунув пальто дворецкому и одновременно выхватывая у него трость. – Вижу, он тоже не желает подчиняться капризам старого тирана.

Гордо тряхнув головой, она тяжело оперлась о трость и побрела по неровному, выложенному сланцевыми плитами фойе на звуки голосов, несущихся из гостиной.

– Мистер Сесил велел вам подождать его в кабинете, – бросил ей в спину дворецкий.

Но несмотря на внешнюю бравату, Оливии не слишком хотелось оказаться с глазу на глаз со своим грозным братцем. Он обладал поистине дьявольской способностью предвидеть любые попытки сопротивления еще до того, как и в какой форме оно было оказано. Поэтому, вместо того чтобы прямо направиться в кабинет, она свернула налево, к гостиной. Остановившись под арочным входом, она вытянула шею, пытаясь отыскать взглядом союзника: на редкость высокого темноволосого мужчину, который вопреки приказу Сесила тоже припарковал машину в неподобающем месте.

В гостиной было полно людей, но Митчела не оказалось ни там, ни в столовой, где гости толпились у ломившихся под тяжестью блюд столов. Она уже собиралась вернуться в гостиную, как Сесил, погруженный в беседу с каким-то человеком, случайно поднял глаза, заметил сестру и воззрился на нее холодным, оценивающим взглядом давнего противника, после чего коротким кивком в сторону кабинета приказал немедленно идти туда. Оливия вызывающе вздернула подбородок, но подчинилась.

Кабинет Сесила был расположен по другой стороне коридора, в глубине дома, за парадной лестницей. Обычно во время нашествия гостей массивные, обшитые панелями двери были плотно закрыты, ограждая кабинет хозяина от любопытных, но сегодня створки были чуть приоткрыты, и оттуда тянулась тонкая полоска желтого света. Сжав ручку двери, Оливия приостановилась передохнуть, расправила уставшие плечи, подняла голову... и оцепенела в изумлении при виде открывшейся ей сцены.

Митчел обнимал жену Уильяма, а голова Кэролайн покоилась на его груди. С руки свисал кружевной носовой платочек.

– Не знаю, сколько еще я смогу продержаться, – всхлипнула она, поднимая лицо. – У меня больше нет сил.

– У нас нет выхода, – спокойно, но с участливыми нотками в голосе ответил он.

Потрясение мгновенно уступило место сочувственному пониманию. Оливия тяжело вздохнула. Бедняжка Кэролайн совсем исхудала и бледна как полотно. Вполне естественно, что ей приходится искать утешение у кого-то из членов семьи, но ее развратник папаша проводит очередной медовый месяц где-то в Европе с пятой женой, а от Сесила ничего не дождешься, кроме сухих наставлений о необходимости быть сильной в тяжкие времена. Четырнадцатилетний сын Кэролайн сам нуждался в материнской поддержке, и Кэролайн изображала при нем храбрую, негибаемую мать семейства, но самой ей не на кого было опереться... если не считать Митчела.

Привычная благодарность охватила Оливию при мысли о том, что Митчел попал в лоно семьи в тот самый момент, когда от него больше всего требовалось помочь Кэролайн и деду перенести скорбь от утраты мужа и внука. К сожалению, Оливию не покидало ощущение, что будь у Митчела выбор, он не помог бы Сесилу выбраться из горящего дома. Очевидно, у него не было ни малейшего желания поддерживать отношения с родными и их друзьями, и, хуже всего, Оливия была вполне уверена, что он намеревается очень скоро покинуть Чикаго, не предупредив никого, кроме разве Кэролайн.

И Оливия прекрасно его понимала. Уайатты избавились от младенца как от омерзительного комка грязи, случайно запятнавшего их идеальное, безупречно чистое существование. Сама она почти ничего не знала о судьбе нежеланного ребенка Эдварда и ничего не сделала, чтобы ее изменить. Поэтому и воспринимала презрительное отношение Митчела к ней как нечто должное. Но не могла смириться с мыслью о том, что он вот-вот

покинет Чикаго. Уж очень она хотела, чтобы он прежде всего узнал ее получше и понял, что ей можно довериться. И страстно мечтала, чтобы он перед отъездом назвал ее «тетя Оливия». Хотя бы только раз. И больше ей ничего не нужно. Но было и еще одно. То, чего Оливия желала гораздо больше. То, что она должна получить от него, пока еще не поздно: прощение за многолетнее равнодушие.

Однако в этот момент ее больше всего тревожило, что Сесил может оказаться за ее спиной, распахнуть двери в кабинет и совершенно неверно истолковать увиденную сцену.

Поэтому, вместо того чтобы ворваться в кабинет, отчего Кэролайн наверняка почувствует себя виноватой, а Митчел будет вынужден давать ненужные объяснения, Оливия решила предупредить о своем появлении: громко стукнула в дверь тростью и одновременно принялась возиться с ручкой, после чего для пущего эффекта вытянула трость перед собой, как слепая, и медленно вплыла в кабинет, ощупывая дубовый пол и внимательно присматриваясь к паркету, словно боялась упасть.

– Вам нужно больше света? – осведомился Митчел.

Оливия, словно удивленная его присутствием, вскинула голову, но, если честно сказать, ее неприятно уколола ирония в голосе Митчела. Он, как минутой раньше, стоял перед камином, но Кэролайн успела опуститься в ближайшее кресло. Сердце Оливии сжалось при виде темных кругов под ее прекрасными зеленовато-карими глазами.

– Бедное мое дитя, – прошептала она, кладя руку на золотистые волосы невестки.

Кэролайн чуть откинула голову и прижалась щекой к ее ладони.

– Тетя Оливия, – снова всхлипнула она.

Оливия хотела остаться рядом с ней, но увидела, как Митчел, отступив от камина, лениво изучает висевшие на стенах портреты. Эта большая комната была настоящим святилищем Уайаттов, где находились портреты и фотографии предков всех размеров, от громадных до совсем скромных. На памяти Оливии Митчел впервые проявил хоть какой-то интерес к Уайаттам: по крайней мере ей хотелось так думать.

– Это твой прадед, – объяснила она, показывая на портрет над камином. – Видишь сходство?

– С кем? – издевательски поинтересовался он.

– С тобой, – упрямо стояла на своем Оливия, но он бросил на нее холодный предостерегающий взгляд, до невероятности походивший на те холодные предостерегающие взгляды, которыми славился его прадед, после чего сунул руку в карман брюк и отошел. Оливия вняла предупреждению,

но продолжала искоса наблюдать за ним, надеясь на очередную возможность растопить ледяной панцирь, если Митчел выкажет хоть малейший интерес к другому портрету.

Сесил неизменно заставлял себя ждать: по его мнению, это доказывало его превосходство над окружающими. Обычно, если среди окружающих оказывалась Оливия, это невероятно ее раздражало, но сейчас она надеялась, что ожидание продлится не меньше часа.

Митчел остановился перед другим портретом, и Оливия поспешила присоединиться к нему, но тут же изумленно ахнула. Он рассматривал изображение девушки, скромно сидевшей на садовых качелях: в длинные волосы вплетены розовые бутоны, почти такие же, как вышитые шелком на юбке белого платья.

Митчел косо глянул на Оливию.

– Вы? – коротко спросил он.

– Господи Боже! Как вы угадали? В то время мне едва исполнилось пятнадцать!

Вместо ответа он кивнул в сторону другого портрета:

– И это тоже вы?

– Да. Тут мне двадцать, и я только что обручилась с мистером Хибертом. Вот он, на соседнем портрете. Нас нарисовали в один день.

– Что-то вы вовсе не выглядите такой счастливой, как полагалось бы в такую минуту.

– Так и было, – призналась Оливия, забывая, что это она хотела вызвать Митчела на откровенность, а не наоборот. – Я считала, что он... и его семья... немного занудны.

Митчел впервые открыто улыбнулся.

– А почему вы так считали? – допытывался он, словно забыв о присутствии Кэролайн.

– Теперь... теперь все кажется ужасно глупым, но один из его предков подписал Декларацию независимости, а другой был генералом во время Гражданской войны, и его семейка слишком много из себя строила... ну знаете, прямо так и пыжились от гордости и вечно хвастались своими заслугами.

– Возмутительное поведение, – с деланой серьезностью согласился он.

Оливия, в полном восторге от этой перепалки, решила на большее:

– Вот именно. Можно подумать, они явились в Америку на «Мэйфлауэре»^[2]!

– Уверен, что они пытались, – пошутил Митчел, – но корабль был слишком маленьким, и им скорее всего не удалось достать билеты.

– Что же, вероятно, потому, – призналась Оливия, наклонившись поближе, – что на борту уже были мы!

Митчел рассмеялся, и Оливия, окончательно потеряв голову, выпалила свои затаенные мысли:

– Мужчины в роду Уайаттов, все до одного, красавцы, но в мое время мы называли бы вас хрустальной мечтой, молодой человек.

Лицо Митчела окаменело в тот момент, когда она обмолвилась о его принадлежности к роду Уайаттов, но Оливия так отчаянно хотела набрать потерянные очки, что указала на единственную черту, которой не обладали его предки:

– Правда, у них карие глаза, зато у тебя – синие.

– Непонятно, как это произошло, – скучающе протянул он.

– Твоя ма...

Оливия было осеклась, но тут же передумала и решила, что он имеет право знать. Может, даже хочет знать.

– Я помню, что у твоей матери были прелестные синие глаза. Никогда не видела такого оттенка, как у нее, ни до, ни после.

Она ожидала расспросов, но вместо этого он сложил руки на груди и с ледяным нетерпением уставился на нее. Похоже, ему действительно все равно! Оливия поспешно отвела глаза и показала на маленький портрет, висевший как раз под изображением Джорджа Хиберта.

– Что ты думаешь о нем? – спросила она, стараясь привлечь внимание внучатого племянника к солидному джентльмену в крахмальной рубашке и галстуке в розовую, голубую и желтую полоску.

– Думаю, что у него омерзительно дурной вкус, по крайней мере в отношении галстуков, – резко ответил Митчел и отвернулся.

Оливия повернулась к Кэролайн, которая медленно покачала головой, словно подтверждая очевидное: тетка сделала одну ошибку, упомянув о матери, и вторую – пытаясь заставить Митчела признать родство с оригиналами портретов.

Поэтому Оливия молча наблюдала, как он переходит от одного портрета к другому: высокий, широкоплечий мужчина, как две капли воды похожий на своих предков. Гордость заставляла Митчела отрицать и сходство и наследие, но Оливия молча дивилась бесплодности его усилий. Его предки, все до одного, были такими же высокими, с такой же гордой осанкой, острым умом... и изменчивым темпераментом. В точности как у него.

Она вспомнила о язвительном замечании в адрес своего свекра, действительно имевшего несчастье выбирать на редкость безвкусные

галстуки, посмотрела на профиль Митчела и слегка повеселела. От носков сверкающих черных итальянских мокасин до сшитого на заказ костюма цвета маренго, белоснежной сорочки и безупречной укладки густых темных волос Митчел, как все мужчины Уайаттов, был прекрасно ухоженным воплощением хорошего, но консервативного вкуса.

Однако она успела обнаружить три особенности, несомненно, отличавшие его от предков: сдержанное чувство юмора, вкрадчивое светское обаяние и неотразимая улыбка. Сочетание было поистине смертоносным, то есть убийственным, до того, что даже у старухи вроде нее немного закружилась голова. Мужчины в семье Уайаттов были властными и энергичными, но обычно почти не обладали чувством юмора, не говоря уже о каком-то обаянии. Если их стиль – Хамфри Богарт, то Митчел был Кэри Грантом, с квадратной челюстью и ледяными синими глазами.

– Это не займет много времени, – резко бросил Сесил, врываясь в кабинет.

Оливия едва заметно поморщилась, наблюдая, как брат идет к письменному столу. До чего же неприятно, что, хотя брат на два года старше, артрит не согнул его позвоночника.

– Садитесь, – велел он.

Митчел подошел к Оливии и выдвинул для нее кресло, а сам шагнул к углу стола, сунул руки в карманы и поднял брови.

– Я сказал, садись! – рявкнул Сесил.

Легкая саркастическая усмешка тронула губы Митчела. Оглядевшись, он остался на месте.

– Кого ты ищешь? – спросил Сесил.

– Вашу собаку.

Оливия внутренне сжалась, а Кэролайн затаила дыхание. Сесил долго, пристально смотрел на него с неприязнью и, кажется, с уважением.

– Как пожелаешь, – процедил он, переводя взгляд на Оливию и Кэролайн. – Я хотел, чтобы вы двое тоже присутствовали, поскольку чувствовал себя обязанным перед Митчелом сказать это при всех и потому что, как рассудила судьба, мы единственные взрослые, оставшиеся в этой семье.

Взгляд его снова остановился на Митчеле.

– Много лет назад гордость и гнев подтолкнули меня на величайшую несправедливость, и я намереваюсь признать это сейчас, перед твоей теткой и невесткой. Мой гнев не имел ничего общего с тобой и был направлен на твоего отца и женщину, ставшую твоей матерью. Мой сын

Эдвард был настоящим бабником, и это меня бесило. Когда его молодая жена умирала от рака, он ухитрился сделать ребенка другой женщине, твоей матери, и за это я так и не смог его простить. Как и не мог простить твоей матери полное отсутствие моральных принципов. Она связалась с моим распутным сыном, хорошо зная, в каком состоянии находится его жена, но при этом забыла об элементарной порядочности. Она так и не поняла, как оскорбляет его первую жену, настаивая, чтобы он женился на ней всего через полгода после ее смерти. Мало того, позволила себе забеременеть и родить ребенка только с той целью, чтобы подцепить выгодного мужа и войти в нашу семью.

Сесил замолчал. Оливия встревоженно изучала лицо Митчела, гадая, что он думает, услышав уродливую правду о родителях. Но вид у него был по-прежнему отсутствующий, словно ему рассказывали не слишком приятную историю о не слишком хороших знакомых. Не заметь Оливия слегка сведенных бровей, посчитала бы, что ему попросту скучно.

Безразличный к столь тонким нюансам, Сесил продолжал:

– Могу я быть до конца откровенным?

– Ради бога, сколько угодно, – отозвался Митчел с издевательской учтивостью.

– Я был крайне возмущен, нет, взбешен поведением твоих родителей, но когда твоя мать наняла пройдоху-адвоката, чтобы вытянуть у меня деньги и заставить воспитывать своего незаконного ребенка как истинного Уайатта, мое отвращение переросло в ненависть и я был готов сделать все, что в моих силах, лишь бы ей ничего не досталось. Все, что угодно. Можешь ты понять мои чувства?

– Прекрасно.

– Если бы твоя мать просто хотела денег, чтобы воспитывать сына и жить прилично, я мог бы ей посочувствовать, – добавил Сесил, и Оливия впервые увидела нечто вроде удивления, промелькнувшего на замкнутом лице Митчела. – Но в ней не было ни крошки материнского чувства. Главным для нее были деньги и возможность находиться среди богатых людей. И она считала, что для ребенка этого тоже будет достаточно.

Сесил встал. Оливия заметила, что для этого ему пришлось опереться обеими руками о столешницу, словно он был куда слабее, чем хотел показать.

– Ты был отпрыском безвольного, непорядочного человека и хитрой, алчной маленькой потаскушки. Мне и в голову не приходило, что из тебя могло получиться что-то хорошее, но, как выяснилось, я ошибался. Кровь Уайаттов дала себя знать. Я любил твоего брата Уильяма, и он был

хорошим мужем и отцом, но слишком мягкосердечным человеком. Кроме того, он, как и Эдвард, был полностью лишен честолюбия. Ты же, Митчел, унаследовал лучшие черты своих предков. Я выбросил тебя в этот мир, не дав ничего, кроме образования и возможности завести нужные связи. Ты же всего за десять лет создал впечатляющую финансовую империю, унаследовав способности от Уайаттов. Пусть ты не рос в нашей семье, зато ты один из нас, – договорил Сесил, выжидающе поглядывая на Митчела.

Но тот, вместо того чтобы радоваться, явно развлекался.

– Должен ли я считать это комплиментом?

Брови Сесила сошлись вместе, но губы тут же приподнялись в довольной улыбке.

– Разумеется, нет. Ты Уайатт, а Уайатты не ищут и не нуждаются в одобрении окружающих. – И, словно осознав, что он ничуть не смягчил внука, Сесил сменил тактику: – И поскольку ты – Уайатт, должен понимать, как трудно признать, что гордость и гнев много лет назад подтолкнули меня к роковой ошибке, ошибке, за которую ты платил всю жизнь. Я не жду прощения, потому что Уайатты не требуют простых извинений за то, что простить нельзя, а мне уже восемьдесят лет, так что для покаяния осталось немного. Я тоже Уайатт, так что не могу просить прощения. Я могу просить только этого. – Старик вытянул трясущуюся руку: – Ты можешь пожать ее?

Оливия была тронута почти до слез, а мягкая нижняя губка Кэролайн подрагивала в ободряющей улыбке, но Митчел проигнорировал жест деда.

– Нет, пока не пойму, о чем мы сговариваемся.

– Сегодня мой восьмидесятый день рождения, – устало бросил Сесил, убирая руку. – Я отвечаю за Оливию, Кэролайн и молодого Билли. Но когда уйду, за ними будет некому присмотреть. Я знаю, что Оливия равнодушна к тебе и, вне всякого сомнения, считает союзником, поскольку вы оба проигнорировали мое требование припарковать машины на улице.

Митчел бросил удивленный взгляд на Оливию, и она вроде бы различила, как весело блеснули его глаза, прежде чем он вновь повернулся к Сесилу.

– Я знаю также, что Уильям с первой встречи ощутил родственную связь с тобой, а наш Уильям прекрасно разбирался в людях. Кэролайн и юный Билли говорят, что со времени исчезновения Уильяма ты проводишь с ними много времени и, полагаю, сумел заслужить их расположение.

Сесил помолчал, но Митчел ничем не подтвердил и не опроверг его слова, так что он снова протянул руку и очертя голову бросился вперед:

– Нравится тебе или нет, но ты мой внук. Мне, и особенно им, необходимо знать, готов ли ты принять эту роль и будешь ли заботиться о них, когда меня не станет. Итак, пожмем друг другу руки в знак согласия?

Оливии оставалось только удивляться, до чего же умно Сесил изложил свою просьбу. Значит, он делает это ради нее и Кэролайн?

Она страшно обрадовалась, когда Митчел, секунду поколебавшись, обменялся рукопожатием с дедом.

– Значит, это улажено, – буркнул Сесил, сбрасывая мантию беспомощной слабости, как плохо сидящий пиджак. – Оливия, Кэролайн, ведите Митчела в гостиную и постарайтесь, чтобы он встретился со всеми нужными людьми.

– Ты не собираешься сделать что-то вроде объявления насчет того, кто он и где был все это время?

– Разумеется, нет! Официальное объявление даст повод к дополнительным вопросам, на которые у меня нет ни малейшего желания отвечать. Я уже упомянул кое-кому, что Митчел был достаточно добр, чтобы на время оставить свой бизнес в Европе и провести несколько недель с нами. Ведите себя так, словно все давно знают, кто он. Собственно говоря, многие успели с ним познакомиться раньше.

Вполне удовлетворенный исходом дела, Сесил шагнул к двери.

– И каким образом, спрашивается, я должна это сделать? – осведомилась Оливия.

Сесил раздраженно обернулся:

– Подходишь к очередной компании и говоришь: «Надеюсь, вы все знакомы с Митчелом?» А когда кто-то говорит, что незнаком, изображай удивление. Остаток вечера они проведут, гадая, как и когда успели оскорбить меня настолько, чтобы оказаться вне круга избранных.

Он снова пошел к двери, обернулся, и губы его тронула коварная ухмылка.

– А еще лучше, подведи Митчела к кому-нибудь и начинай в таком роде: «Митчел, ты, конечно, помнишь такого-то и такого-то?» Они, разумеется, впервые его видят, но будут еще больше шокированы, если он признается, что никогда с ними не встречался. Это позволит Митчелу оказаться в более выгодном положении.

С этими словами он наконец ушел.

Оливия украдкой глянула на Митчела, чтобы понять его реакцию, но тот пристально смотрел в спину деда, поэтому она сказала:

– У Сесила за пазухой полно таких утонченных, но ловких трюков.

– Сам Сесил полон...

Но, бросив взгляд на перепуганное лицо Оливии, Митчел осекся и прикусил губу. К счастью, Кэролайн вовремя вмешалась, пригасив остроту момента:

– Видите ли, я сегодня не в настроении вести светские беседы или отвечать на вопросы насчет Уильяма, тем более что ответов у меня нет. Я бы предпочла подождать здесь.

– Я провожу вас домой, – поспешно предложил Митчел, но она улыбнулась и покачала головой:

– Сесил прав. Лучше представить вас сегодня всем присутствующим, тем более что большинство приятелей Сесила уже здесь.

– Помилуйте, я ведь не дебютантка, – сардонически хмыкнул он.

– Никто не примет вас за дебютантку, – сухо возразила Кэролайн, – но многие женщины будут рассматривать вас как божественно темную и соблазнительную конфетку.

Он шагнул к ней и попытался поднять на ноги.

– В другой раз.

Кэролайн только сильнее вжалась в кресло и отчаянно замотала головой:

– Это самое подходящее время и самый лучший способ. Идите с Оливией.

Но Митчел не трогался с места.

– Пожалуйста, сделайте это ради меня, – настаивала она. – После сегодняшнего вечера Билли повсюду может появляться с вами, иначе люди посчитают, что я уже успела заменить Уильяма новым бойфрендом.

– Пятнадцать минут, – нетерпеливо согласился Митчел, подавая руку Оливии. Та молча взяла ее.

Глава 3

На пороге гостиной Оливия помедлила, позволив Митчелу хорошенько осмотреться. Пока он разглядывал блестящее общество, она наскоро снабжала его сведениями о внушительных родословных и впечатляющих успехах собравшихся.

– Тот джентльмен, с которым только что говорил Сесил, – внук основателя «Юниверсал раббер». Собирается баллотироваться в сенаторы, и все мы уверены, что когда-нибудь он станет президентом. Хорошенькая брюнетка рядом с ним, которая как раз смотрит в нашу сторону, – его жена.

Митчел позволил ей высказываться, хотя с первого взгляда понял, кто эти люди и что собой представляют: самодовольные, напыщенные мужчины, уверенные, что хорошее происхождение автоматически возносит их над простыми смертными, и распушенные тщеславные женщины, скушающие от безделья, недовольные своей жизнью и своими мужьями и развлекающиеся благотворительностью и грязненькими романчиками. Эта сцена вовсе не была нова для Митчела, разве что была лишена европейского лоска и разнообразия типов, к которому он привык. Очередная, довольно провинциальная вечеринка, на каких он бывал не раз. Привычное событие в его жизни.

– Джентльмен в темно-сером костюме и бордовом галстуке – Грей Эллиот, – продолжала Оливия. – Грей происходит из хорошей старой чикагской семьи и самый молодой из окружных прокуроров. Но он уже доказал, что способен на многое, и приобрел большую известность. С ним рядом стоят Эван Бартлетт и его отец Генри. Бартлетты были поверенными Уайаттов, сколько я себя помню и еще гораздо дольше: на протяжении многих поколений.

Митчел смотрел на старшего Бартлетта и представлял, как тот улаживал скандальную историю, связанную с его появлением на свет: поддельное свидетельство о рождении, условия развода, выплаты матери.

– ... молодой Эван – блестящий адвокат, – весело щебетала Оливия, – который почти перехватил поводья у Генри...

«Молодой Эван, – мрачно думал Митчел, – завтра же просмотрит все старые дела, когда отец расскажет ему все, что помнит о Митчеле Уайатте».

Оливия с тревогой взглядела в лицо Митчела, ожидая его реакции.

– Уже скушаешь? – сокрушенно пробормотала она.

Митчел не испытывал ничего, кроме безгливости, но она так явно

хотела угодить ему и ввести в свой круг, что он невольно покачал головой:

– Вовсе нет.

– Собираешься скоро нас покинуть? – вздохнула Оливия.

– Да. Через две недели.

Она немедленно отвернула лицо, судорожно вцепившись в его рукав и дрожа как в ознобе. Митчел поспешно обнял ее за талию и огляделся в поисках ближайшего свободного стула.

– Вы больны... – начал он, но дрожь прошла так же быстро, как началась.

– Я редко болею, – сухо отозвалась она. – А если бы и заболела, заверяю тебя, не стала бы делать этого в присутствии гостей!

И в доказательство она подняла голову и окинула его вызывающе гордым взглядом, хотя выцветшие янтарные глаза подозрительно влажно блестели.

При виде ее слез Митчел скрипнул зубами. Он отвергал ее право расстраиваться из-за его отъезда. Еще в кабинете Сесила он понял, почему она пыталась рассказывать ему о портретах родственников. Знал, почему ей так чертовски не терпится повести его в гостиную и представить всем как своего внучатого племянника. За последние тридцать четыре года Оливия даже не попыталась послать ему хотя бы записку с объяснением, кто он и кем она ему приходится. А вот теперь ей приспичило каяться. Воображает, что может все искупить пустыми, никому не нужными поступками! Ее умоляющее лицо и цепкая рука вовсе не кажутся ему признаками истинной симпатии к нему и скорее говорят о вине и страхе.

Да, она всего лишь напуганная старуха с нечистой совестью, стоящая на пороге смерти. Хитрая старуха, желающая побыстрее получить прощение. Вероятно, поэтому и не хочет, чтобы он обманул ее ожидания, слишком поспешно уехав из города. Недаром она подозрительно быстро оправилась от приступа дурноты и сдержанно, почти безразлично поинтересовалась:

– Возвращаешься в Лондон или Париж?

– Нет! – отрезал Митчел, решив устроить ее в ближайшем кресле и тут же ретироваться. Не собирается он представляться гостям, вот и вся недолга! – Простите, уже поздно, а мне нужно отвезти Кэролайн домой.

– Собираешься когда-нибудь еще раз приехать в Чикаго?

– Через две недели после отъезда, – коротко ответил Митчел, едва ли не насильно подводя ее к неудобному на вид антикварному стульчику, прямо у входа в гостиную.

Но она остановила его, прислонив трость к его коленям:

– Так ты вернешься через несколько недель?

Митчел взглянул на просветлевшее лицо и засиявшие, полные слез глаза, и крошечный камешек оторвался от стены безразличия, которую он воздвиг и всю свою жизнь всячески оберегал от незнакомых ему членов семьи. Оливия буквально лучилась радостью и сжимала его руку, словно не могла заставить себя отпустить его.

Она напоминала ему хитрого паучка, не обращающего внимания на его куда большие размеры и готового храбро встретить опасность, поджидавшую тех, у кого хватало ума бродить под обваливающимися стенами. Он мог одним щелчком сбросить ее с рукава, но вместо этого услышал собственный голос:

– Я строю дом на Ангилье, и мне нужно провести там пару недель, а после этого я вернусь.

– Я так рада! – воскликнула она и в доказательство порывисто прижалась пергаментной щекой к его руке. – Я слышала, Ангилья – прекрасный остров. Кстати, там есть отель, о котором все только и говорят. Генри Бартлетт часто туда ездит, – добавила она, но тут же вспомнила о восхитительной задаче, которую взяла на себя и еще не успела выполнить. – Это Мэтью Фаррел и его жена, Мередит Бэнкрофт. Они только что вернулись из поездки в Китай. Ты, разумеется, слышал о них?

– Да, – протянул Майкл, с удивлением обнаружив, что действительно знает и искренне любит по крайней мере двух людей в этой комнате.

Вытянув шею, Оливия приготовилась вести его в бой.

– Итак, кому первому тебя представить?

– Мэтью Фаррелу, – поспешно ответил Митчел.

– Прекрасно, но нам придется пройти мимо Бартлеттов. Так что начнем с них.

Она взяла его под руку, весело улыбнулась и потащила вперед. Митчел, не видя выхода, наскоро нацепил на лицо маску учтивости и позволил ей править бал.

Очевидно, Сесил уже успел кое-кому шепнуть о появлении Митчела, и новость быстро распространилась среди гостей, потому что стоило ему войти в гостиную под руку с Оливией, как множество любопытных лиц тут же повернулось в их сторону. Давно его не разглядывали так пристально, подвергая тщательному осмотру с головы до ног. Уровень шума мгновенно снизился почти до нуля, превратившись в восторженный шепоток.

Оливия мгновенно отметила благоприятное впечатление, произведенное племянником, и зашагала еще медленнее, чтобы как следует его показать.

– Похоже, ты вызвал настоящий фурор среди дам, – довольно прошептала она и, окинув комнату понимающим взглядом, добавила: – Даже среди замужних.

«Особенно среди замужних», – мрачно подумал Митчел. Как же, в стойло ведут нового жеребца и к тому же чистокровного! Порода делала его гораздо более желанным любовником, чем простые инструкторы по теннису, фитнесу или нищие художники и актеры.

Он давно уже играл в высшей лиге с такими же, как эти, игроками, знал все правила, все игры и способы их выиграть. Он не гордился и не стыдился прошлых успехов, но и не пытался их повторить. Единственной реакцией на собравшихся в этой комнате женщин было чувство облегчения. Какое счастье, что Оливия слишком старомодна, чтобы понять, о чем думают некоторые из них.

Оливия снова сжала его пальцы, чтобы привлечь внимание, и Митчел повернул к ней голову.

– Я знаю, о чем думают эти особы, – объявила она.

– И о чем же? – осторожно осведомился растерявшийся Митчел.

Оливия утвердительно кивнула и счастливо прошептала:

– Они думают, что ты их хрустальная мечта!

А вот Генри Бартлетт явно так не считал. Генри Бартлетт точно знал, кто такой Митчел Уайатт, и Генри Бартлетт хотел, чтобы Митчел тоже это знал.

Когда Оливия в соответствии с инструкциями Сесила поинтересовалась, встречался ли он с Митчелом, ледяная улыбка Бартлетта сменилась наглой ухмылкой.

– Да, – грубо ответил он, сунув руку в карман, вместо того чтобы протянуть ее Митчелу. – Правда, тогда он был куда меньше.

Столь неожиданный ответ поверг Оливию в полное смятение.

– Генри, ты, должно быть, путаешь Митчела с кем-то еще. Ты не мог знать Митчела в детстве...

– Думаю, Генри прав, – перебил Митчел, бесстрастно глядя на Бартлетта. – Бьюсь об заклад, именно он взял меня в мой первый полет.

– О нет, только проводил до самолета.

– Теперь у Митчела свой самолет, – вставила Оливия, создав у Митчела впечатление, что она ни слова не поняла из того, что сказал Генри, но ощутила нечто неладное, и это ей не понравилось. Обратившись к сыну Бартлетта, она добавила: – Митчел, это Эван Бартлетт, сын Генри. – Но тут же осознав ошибку, неуклюже поправилась: – Ты ведь помнишь Эвана, не так ли?

– Мы не знакомы! – отрезал Митчел, и пальцы Оливии нервно затеребили жемчужную нить у горла.

Однако Эван оказался лучше воспитан, чем отец. Он пожал Митчелу руку, не стал задавать нескромных вопросов и предпочел для разговора нейтральную тему вроде частных самолетов:

– Мы ищем для своей фирмы «Гольфстрим G-3» двухлетней давности. Полеты на коммерческих авиалиниях отнимают столько времени и усилий, что хотя бы в целях экономии просто необходимо иметь свой самолет. Ясно, что больше так продолжаться не может.

Митчел зловердно отомстил Генри, предоставив его сыну выпутываться из трудного положения, и вместо ответа просто поднял брови и промолчал.

– Проблема в том, – продолжал Эван после неловкой паузы, – что «G-3» – довольно дорогое удовольствие, особенно если помнить, что «лир» с таким же успехом доставит нас куда угодно.

– Но не с такими удобствами, – заметил наконец Митчел.

– Верно. Разумеется, если брать в расчет комфорт и роскошь, в том случае когда деньги абсолютно не имеют значения, единственный самолет, который стоило бы иметь, – «G-5». Боже, что за красавец! Редкого пера птичка! Я вождедею ее каждый раз, когда вижу на взлетной полосе. Возбуждает, как вид красивой женщины. Вы никогда не бывали внутри?

Митчел предположил, что он имеет в виду самолет, а не женщину. Не будь здесь Оливии, наверняка попросил бы уточнить, исключительно чтобы позабавиться реакцией Эвана. Но поскольку рядом стояла тетка, Митчел только утвердительно кивнул.

– А какой же самолет у вас? – допытывался Эван.

– «G-5».

Оливия громко фыркнула, но тут же испуганно огляделась.

– Через две недели Митчел уезжает на Ангилью, – выпалила она. – Вы ведь часто там бываете, не так ли, Генри?

– Несколько раз в год, – ответил Эван за отца, поскольку тот упорно молчал. – Через три недели я сам впервые туда лечу. Хотел поехать в ноябре, но не смог получить номера в клубе «Айленд» до первого февраля. Там почти невозможно остановиться, если только вы не постоянный гость. А вы тоже там останавливаетесь, когда бываете на Ангилье?

– Нет, – коротко обронил Митчел и, чтобы воспрепятствовать Оливии, явно умиравшей от желания во всеуслышание сообщить, что он строит там дом, поспешно добавил: – У моего друга там яхта. Он всегда приглашает меня останавливаться у него.

– Надеюсь, мне не придется отменять поездку, – пожаловался Эван. – Один из наших клиентов внезапно умер, а его дочь, как сами понимаете, безутешна. Она может не... – Он осекся, глянул на часы и нахмурился. – Кстати, о кончине клиента: сегодня вечером мне придется идти на его поминки, и я уже сильно опаздываю.

Он попрощался с отцом и Митчелом, поцеловал Оливию в щеку и стал пробираться к выходу сквозь толпу.

Оливия воспользовалась его уходом и, холодно кивнув Генри, потащила Митчела прочь.

– Ну-ка посмотрим, где сейчас Мэтью Фаррел, – пробормотала она, оглядываясь. – Смотри, он сам идет сюда. По-моему, ему не терпится познакомиться с тобой.

– Почему вы так думаете? – спросил Митчел, втайне наслаждаясь озадаченной улыбкой друга.

– Да ведь он тебе улыбается.

– Возможно, считает меня хрустальной мечтой, – хмыкнул Митчел, ощущая, как предвкушение встречи вытесняет раздражение и скуку.

Глава 4

Кейт Донован стояла на террасе виллы, которую Эван зарезервировал для них в клубе «Айленд», и любовалась пейзажем, казавшимся крохотным уголком рая. Виллу окружал сад, напоенный ароматами цветущего жасмина, белого и красного. Под ослепительно синим небом, усеянным пушистыми белыми облачками, по сверкающим водам залива Мондиз скользили грациозные лодки и блестящие яхты. На полумесяце пляжа, усыпанного белоснежным, как сахар, песком, нежились купальщики, а на заднем плане маячили внимательные служители отеля в ожидании, пока кто-то из гостей поднимет флажок, означающий требование подойти и принести охлажденное полотенце, напиток или какое-то блюдо.

Парочка, пытавшаяся управлять байдаркой около самого берега, сдалась и выскочила из воды, смеясь и таща за собой суденышко. Кейт невольно улыбнулась, на секунду забывшись, прежде чем очередная волна тоски и одиночества нахлынула на нее и унесла все попытки отрешиться от гнетущей скорби по ушедшему отцу.

Остров Ангилья был ослепительно красив, а отель казался мавританским дворцом из волшебной сказки, с куполами, башенками и сказочными садами. Но здесь Кейт была совершенно одна. Вместо того чтобы отвлечь ее от мрачных мыслей, пребывание в этом тропическом раю только усиливало нереальность происходившего и ощущение полной изоляции от окружающего мира, которые она чувствовала со дня похорон.

Телефон зазвонил, и она убежала с террасы, в надежде, что это окажется Эван.

– Кейт, это Холли. Погоди секунду...

Жизнерадостный голос лучшей подруги пролился бальзамом на душу Кейт, как и знакомый лай собак, пробивавшийся даже сюда. Холли была ветеринаром и часто брала в дом бездомных псов, которым неизменно удавалось найти хозяев. Поэтому поговорить с ней без этого хорового сопровождения было почти невозможно.

– Извини насчет шума! – задышавшись, выпалила Холли. – Я только сейчас взяла спасенного добермана, и он сеет рознь среди остальных. Ну, как Ангилья?

– Изумительная красота. Настоящий рай.

– А как ты себя чувствуешь? Головные боли прошли?

– Совсем. Последний приступ был в самолете из Чикаго. Мне было так

плохо, что когда мы приземлились на Сен-Мартене, Эван попросил таксиста доставить нас к врачу. Тот отвез нас к своему доктору, славному старичку, открывшему кабинет в собственном доме. Старичок говорил только по-французски. Водитель немного знал английский, так что ему пришлось служить переводчиком.

– Слава Богу, что у тебя нет гинекологических проблем!

Улыбнувшись шутке Холли, Кейт продолжала:

– Очевидно, водитель сумел донести до старика смысл происходящего, потому что тот решил, что у меня мигрени... Кстати, единственное слово, которое я поняла. Так или иначе, он дал мне рецепт на таблетки от мигрени, которые я должна принимать каждый день следующие две недели. Я честно их принимаю, но думаю, что головные боли скорее всего последствия стресса и прошли сами собой, когда я немного отдохнула.

– Все равно продолжай их принимать, – строго приказала Холли, и когда Кейт клятвенно пообещала пить лекарство, перешла к более нейтральной теме: – Как насчет клуба «Айленд»? Расскажи, какой он?

Стараясь изобразить некоторое воодушевление – исключительно ради Холли, – Кейт принялась описывать отель:

– Тридцать отдельных вилл, каждая со своим садом, террасой и панорамным видом на залив. Все белое: отель, виллы, даже полы в комнатах. Ванная комната размером с мою гостиную, а ванна скорее напоминает небольшой бассейн. Главное здание отеля, где регистрируют приезжих, довольно маленькое, но бутики просто потрясающие, а еда – фантастическая.

– Успела увидеть каких-нибудь знаменитостей?

– Рассыльный сказал, что на прошлой неделе здесь останавливался Дональд Трамп, а Джулия Робертс гостила месяц назад. На одной из вилл живет семья, которая наняла телохранителя для своего сына-подростка, но я не знаю, как их фамилия, и не думаю, что кто-то из служащих скажет мне, даже если я и спрошу. Они тут все чрезвычайно скрытные и очень преданы отелю. Честно говоря, здесь есть один молодой официант, которого я очень хотела бы видеть в своем штате. То есть в нашем, – поправилась Кейт, стараясь говорить деловитым тоном и не выдать, как она одинока. Впрочем, Холли ничуть не обманывалась насчет состояния подруги.

– Забудь о ресторане. Лучше позови к телефону Эвана. Его ждут самые строгие наставления. Он просто обязан заставить тебя смеяться и заниматься с тобой любовью до умопомрачения, так чтобы ты ни о чем не думала, пока не вернешься домой.

– Эвана здесь нет, – поколебавшись, нерешительно призналась Кейт.

– Играет в гольф? Проходит тридцать шесть лунок в день или только двадцать семь?

– Ни в какой гольф он не играет. Он в Чикаго.

– Что? – рассерженно выпалила Холли.

– Его отец должен был получить отсрочку по одному важному делу, – пояснила Кейт, – но судья им отказал. Эвану пришлось немедленно вернуться в Чикаго, чтобы либо присутствовать на заседаниях, либо убедить судью в необходимости его отложить.

– Когда он собирается вернуться на Ангилью? – с горечью осведомилась Холли.

– Возможно, завтра. Скорее всего.

– Эван – спесивый, безмозглый кретин, и мне плевать, какие предлоги он изобретает, лишь бы не быть рядом с тобой. Он едва успел на поминки по твоему отцу, да и то попал к самому окончанию. И все потому, что, видите ли, сначала ему пришлось ехать на день рождения к какому-то богатому старикашке. Он прекрасно знал, что ты не желаешь никуда ехать сразу же после похорон, но делал все, чтобы ты почувствовала себя виноватой и отправилась с ним. А теперь ты торчишь там одна!

– Это еще не самое плохое место на земле, где можно торчать одной, – попыталась пошутить Кейт, чтобы успокоить Холли. Краем глаза она заметила большого пса, который вылез из кустов и неторопливо семенил по саду. Зажав трубку между плечом и щекой, она принялась разворачивать бекон, который приберегла для него от завтрака. – Признаюсь, здесь имеется красавец-мужчина, с которым мы довольно часто видимся. Мы с Максом уже привыкли обедать вместе.

– Ну-ка подробнее, – потребовала заинтригованная Холли.

По-прежнему прижимая телефон щекой, Кейт вышла на террасу и принялась описывать пса, который сожрал очередной кусок бекона, с тем чтобы терпеливо дожидаться следующего.

– Очень высок, со светло-каштановыми волосами и невероятно умными карими глазами. Для такого громилы он к тому же на удивление нежен. Я зову его Максом, сокращенное от Максимилиана.

Но Холли было не так просто провести. Расслышав веселые нотки в голосе подруги, она с подозрением осведомилась:

– А что с ним не так, Кейт?

– Слишком худ, срочно нуждается в ванне и в жизни не видел щетки для волос.

– Господи!

– И еще у него четыре ноги.

– А вот с этой проблемой тебе не справиться, – хихикнула Холли. – Мы говорим о собаке или о кошке?

– Об очень большой собаке, – с улыбкой подтвердила Кейт, отдавая псу последний ломтик бекона и вытирая пальцы о салфетку. – Напоминает мне того кобеля, которого ты как-то спасла. Помнишь, мы еще целую вечность его ловили. Короткая желтовато-коричневая шерсть и черная морда. Помоему, ты еще сказала, что эту породу использовали для охоты на тигров и что под конец несчастные тигры с ног валились.

– Не тигры, а львы, – поправила Холли. – Эти собаки называются родезийские риджбэки.

– Ну, Макс не из таких, и он определенно бродячий. Имеет двух мохнатых подружек, гораздо меньше размером, чем он сам, и они всегда приходят к обеду. Но Макс довольно часто забегает и один, только чтобы поздороваться. Он вообще не прочь пофлиртовать.

– Кстати, о флирте: не сделаешь мне небольшое одолжение, пока торчишь там одна, потому что Эван слишком занят, чтобы уделить тебе внимание?

– Какое именно? – спросила Кейт, заподозрив неладное.

– Скажи, пожалуйста, в твоём обозримом пространстве имеются привлекательные неженатые мужчины?

– Не думаю.

– Ладно, в таком случае видела ли ты хотя бы приличного швейцара? Симпатичного коридорного?

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что я окажусь на седьмом небе, если буду знать, что ты переспишь с кем-то, пока Эван оплачивает чертовы отельные счета, – ехидно пояснила Холли.

Кейт сдавленно хмыкнула:

– Договорились.

Гнев в голосе Холли сменился удивлением.

– И ты это сделаешь?

– Нет, – с сожалением признала Кейт, – но позволю тебе думать, что так оно и было, и ты окажешься на седьмом небе, и все будут счастливы.

Дружеская перепалка немного подняла настроение Кейт, и, повесив трубку, она решила найти себе какое-то занятие. Можно пойти поплавать, а потом пойти на ленч в «Сандбер», уютный маленький ресторанчик с крытым двориком, мавританскими арками и великолепным видом на залив. А если надоест смотреть на воду, можно почитать книгу «Как справиться с горем», купленную в аэропорту О'Хэйр.

В конце концов, давно пора составить список неотложных дел, за которые следует приняться, как только она вернется в Чикаго. В ресторане полно работы, особенно теперь, когда она осталась единственной владелицей, а кроме того, следует позаботиться о собственности отца. Больше все равно некому.

Обычно простой процесс составления списков неизменно улучшал самочувствие и поднимал силы Кейт. И поэтому в тяжелых обстоятельствах она принималась составлять списки – списки важных дел в порядке значимости, списки аргументов «за» и «против», когда предстояло принять трудное решение. Холли вечно подтрунивала над ней из-за этой привычки, но Кейт это занятие неизменно успокаивало.

Теперь, когда у нее появились планы на день, она сразу оживилась. Не дожидаясь, пока очередной приступ бессилия и бесплодной скорби опять свалит ее с ног, она переоделась в желтый купальник и завязала на талии такое же желтое парео, после чего положила книгу и таблетку от головной боли в зеленую парусиновую сумку-мешок, которую использовала также в качестве пляжной, и отправилась поплавать. Сначала освежающее купание, потом восхитительный ленч.

Молодой официант материализовался ниоткуда, едва подошва босоножки Кейт коснулась пола крытого дворика «Сандбера», но когда он попытался подвести ее к единственному свободному столику, девушка заколебалась. Пожалуй, ей следует убраться подальше от тропического солнца, прежде чем оно сожжет ее светлую кожу прямо через тент. Кроме того, за соседним столиком сидели трое подростков с телохранителем. Они уже пытались неумело, но настойчиво заигрывать с ней и теперь с надеждой поглядывали в ее сторону.

– Пожалуй, я поем в зале, – сказала она официанту.

Тот искренне расстроился.

– Но в таком случае вам придется поесть у стойки бара, если не хотите ждать, пока освободится столик.

Кейт остановилась под мавританской аркой и заглянула внутрь. Никто не сидел у маленькой стойки, и высокие табуреты со спинками, на которые можно опереться, выглядели достаточно удобно. Ничего страшного, если она поест у стойки.

Она выбрала табурет, повернутый к дворику, чтобы можно было посматривать на воду, и вытащила из сумки книгу, блокнот и ручку. Удостоверившись, что у нее есть все необходимое, она повесила сумку на спинку табурета и заказала салат и стакан томатного сока.

На пляже, стоило ей выйти из воды, как служащий тут же принес полотенце, и теперь душистый сквознячок пролетал сквозь открытые арки, высушивая влажные волосы.

До чего же приятно хоть ненадолго избавиться от палящего солнца! И в ресторане достаточно тихо, чтобы не мешать ее размышлениям.

Кейт смотрела на воду, думая о том, какой список составлять первым, и нетерпеливо постукивая ручкой по стойке.

Пожалуй, стоит начать с ее отношений с Эваном.

Официант принес ей стакан томатного сока как раз в тот момент, когда она разделила страницу вертикальной линией на два столбца. Над левым она написала «Доводы за», над правым – «Доводы против».

Она действительно не понимала, что делать дальше, и совсем не была уверена, что хочет по-прежнему встречаться с Эваном. Холли вешала на него все грехи, в том числе и тот, что за четыре года он не удосужился надеть на палец Кейт обручальное кольцо. Но в последнем больше всего была виновата сама Кейт. Когда она чувствовала, что он готов заговорить о женитьбе, немедленно делала все, чтобы этого не произошло, переводя разговор на отвлеченные темы. Ее отец любил Эвана и был бы рад и горд, войди его дочь в семью Бартлеттов. Он мечтал, чтобы Кейт жила счастливо, беззаботно, не беспокоилась о деньгах, не экономила каждый цент...

– Что это? – спросила она официанта, когда тот поставил второй стакан томатного сока рядом с первым, к которому она едва притронулась.

– Привет от молодых джентльменов во дворике, – с улыбкой ответил он. – Они просили принести вам стакан того, что вы пьете, и включить стоимость в счет их родителей.

Кейт едва сдержала улыбку и посмотрела в сторону их столика.

Три молодые физиономии с надеждой улыбались ей. Люди за соседним столиком, очевидно, знали о проделке мальчишек, потому что не сводили глаз с Кейт, как, впрочем, и пара, сидевшая рядом с ней и явно слышавшая речь официанта.

Судя по виду, мальчишкам было от тринадцати до шестнадцати лет, и Кейт лихорадочно размышляла, как лучше всего выйти из положения, не ранив их самолюбия.

– Передайте им большое спасибо от меня и... и скажите, что я работаю.

Несколько неуклюжее извинение, зато они уж точно не попытаются подсесть к ней в баре.

К тому времени, как официант принес заказанный салат, Кейт успела записать по несколько пунктов в обоих столбцах. Но вскоре поняла, что в

ее нынешнем состоянии вряд ли может быть объективной как насчет Эвана, так и относительно их взаимных чувств. Поэтому она оставила список до лучших времен и перевернула страницу, чтобы начать новый, озаглавленный «Что необходимо переделать в ресторане».

Но тут рядом снова появился официант, с третьим стаканом томатного сока.

– С приветом от молодых джентльменов, – повторил он, на этот раз закатывая глаза и ухмыляясь.

Кейт оглянулась, обнаружив, что несколько пар за ближайшими столиками откровенно улыбались, а те, что сидели рядом с мальчиками, открыто наблюдали за ней, все, если не считать мужчины, занявшего столик, от которого она отказалась раньше. Сконфуженная не за себя, а за подростков, Кейт строго взглянула на них и медленно покачала головой. Но все же улыбнулась, чтобы не слишком расстроить молодых дурачков своим отказом, и снова занялась списком. Рука ее слегка задрожала.

В ее памяти ресторан «Донован» вечно будет связан с отцом. Расположенный в деловой части города, он начинался с маленького ирландского паба и постепенно превратился в один из самых элегантных и популярных чикагских ресторанов. И для этого потребовалось немало усилий Дэниела Патрика Донована, остроумного обаятельного человека, у которого было немало друзей среди постоянных посетителей. Расхаживая между столиками и переговариваясь с гостями, он, однако, ухитрялся отслеживать каждую мелочь, касающуюся еды и обслуживания. Он был добрым духом ресторана, и теперь Кейт приходилось справляться без него.

Стараясь держать эмоции в узде, Кейт продолжала работать над списком. Если верить метрдотелю, все столики заказаны на ближайшие одиннадцать дней, а список очередников был длиннее обычного количества отмен заказов. Теперь Кейт требовалось изучить все детали управления рестораном и сделать все, чтобы удержаться в пределах бюджета. Кроме того, придется каждую неделю собирать весь штат, пока служащие не убедятся, что она действительно способна занять место отца... и пока сама она не будет в этом уверена. Да, и еще нужно убедиться, все ли в порядке с новыми обложками для меню, выбранными отцом. Он любил эти пухлые бордовые кожаные обложки, с вытисненным золотом названием ресторана.

Он любил бордовые кожаные стулья с блестящими медными головками гвоздиков, вспомнила она с болью.

И официантов в свежесглаженных пиджаках.

И сверкающие хрустальные бокалы...

И начищенную медную подножку у стойки бара...

Кейт перестала писать и прижала большой и указательный пальцы к переносице, чтобы сдержать жгущие глаза слезы. Из дворика донесся дружный смех, нарушивший тишину в ресторане. Кейт сморгнула слезы и подняла голову.

– Привет от молодых джентльменов, – объявил официант, поднося четвертый по счету стакан с соком.

– Отнесите обратно и передайте, что я не желаю это принимать, – резко приказала Кейт и, бросив извиняющийся взгляд на посетителей, перевернула страницу блокнота. Нужно составить список всего, что она намеревалась сделать в доме отца.

При виде официанта, несшего нетронутый стакан сока на подносе, мальчишки дружно застонали. Митчел Уайатт, сидевший за соседним столиком, отвернулся, чтобы скрыть смех, и встретился с веселыми взглядами соседей слева. К этому времени все обедавшие во дворике уже знали о напрасных попытках подростков произвести впечатление на хорошенькую девушку у стойки бара. Правда, Митчел не мог ничего сказать о ее внешности, поскольку ее лицо находилось в тени. Согласно громко и несколько раз высказанному мнению подростков она была «Таааакая классная» и «Таааакая шикарная».

Официант поставил стакан на столик и сурово уведомил озорников:

– Леди больше не желает томатного сока.

Стараясь не слишком откровенно веселиться при виде очевидного разочарования мальчишек, Митчел решил углубиться в отчеты подрядчика, но самый младший из подростков, похоже, решил спросить совета у старшего, более опытного мужчины. Подавшись к Митчелу, он беспомощно поднял руки и задал свой вопрос:

– А что бы сделали вы на нашем месте?

Несколько раздраженный новой помехой, Митчел с легкой безразличностью осмотрел стакан неаппетитного томатного сока и ответил:

– На вашем месте я добавил бы водки и палочку сельдерея.

– Точно! – взволнованно воскликнул парнишка, глядя на официанта.

Тот, в свою очередь, вопросительно уставился на телохранителя, сидевшего рядом и делавшего вид, что читает газету.

– Ну помоги нам, Дирк, – умоляюще пробормотал один из мальчишек.

Телохранитель колебался, вздохнул и кивнул официанту:

– Ладно. Одну порцию.

Мальчишки взвыли от восторга, хлопая друг друга по рукам.

Сосед слева, смеясь, признался Митчелу:

– Я бы на их месте сделал то же самое. Черт, будь я холостяком, сам бы

подкатился к ней. Классная девочка!

Митчел, окончательно обозлившись, оставил бесплодные попытки сосредоточиться на отчете и поискал взглядом официанта, чтобы попросить счет. Но официант уже скрылся внутри ресторана.

Не подозревая о событиях во дворике, Кейт просматривала список дел, которые следовало бы сделать в доме отца, и сердце все сильнее сжималось от боли.

Пожертвовать одежду Армии спасения...

Костюмы отца... любимый зеленый свитер, в котором его глаза казались еще зеленее... Какие чудесные глаза у него были! Смеющиеся ирландские глаза. Больше она никогда их не увидит.

И тут Кейт в ужасе осознала, что вот-вот заплачет! Нужно немедленно выбираться отсюда!

Она закрыла блокнот и слезла с табурета как раз в тот момент, когда официант поставил перед ней «Кровавую Мэри», а из дворика вышел мужчина и направился к ней.

– С приветом от юных джентльменов, – в который раз повторил официант.

– Томатный сок – это здорово. А вот «Кровавая Мэри» – нет, – бросила она официанту. – И детям неприлично и грубо выкидывать подобные штуки!

– Это не их идея, мисс, – поспешно заверил официант.

– В таком случае чья же? – не унималась Кейт, не заботясь о том, что все в ресторане, а возможно, и во дворике наострили уши с очевидной целью услышать, что она сделает с «Кровавой Мэри».

– Моя, – признался подошедший к ней мужчина.

Судя по низкому голосу, он достаточно взрослый, чтобы участвовать в подобных проделках!

Кейт решительно отказывалась взглянуть на него, но все же достаточно громко пробормотала:

– По-моему, законом запрещено покупать алкоголь для подростков.

С этими словами она схватила левой рукой блокнот и книгу, продела правую сквозь длинные ручки зеленой парусиновой сумки и подняла бокал с коктейлем, намереваясь отдать ему.

– Мне это не нужно...

Ручки сумки застряли между табуретом и стойкой. Она нетерпеливо дернула за них, одновременно сунув стакан мужчине.

Красная жидкость выплеснулась на его безупречно белую сорочку.

– О нет! – охнула Кейт, заглушая вырвавшееся у него ругательство и

дружный вздох зевак. – Мне так жаль!

Бросив все, она поставила полупустой стакан на стойку и потянулась к кувшину воды со льдом и полотняной салфетке.

– Томатный сок впитается, если немедленно его не стереть, – продолжала она, боясь взглянуть ему в глаза.

Когда она принялась поливать шелковую сорочку ледяной водой, Майкл вздрогнул от холода, но тут она взялась энергично вытирать пятно салфеткой, перемежая усилия лихорадочными извинениями, и чувство юмора взяло верх над раздражением. Но когда она приказала маячившему поблизости официанту принести содовой, Митчел решил положить этому конец.

– Не смейте ничего ей давать, иначе она и это выльет на меня, – предупредил он. – Принесите лучше полотенце.

Она выплеснула на Митчела коктейль еще до того, как его глаза привыкли к полумраку, и с той минуты не поднимала глаз выше его груди, так что он понятия не имел, как выглядит девушка, если не считать того, что рост у нее примерно пять футов шесть дюймов, а волосы – длинные темно-рыжие, очень густые и вьющиеся. Помимо этого, со своего пункта наблюдения он видел только, что ресницы и брови у нее такого же цвета, как волосы. Поэтому он опустил голову и обратился к ее ресницам:

– Разве никто не учил вас говорить: «Спасибо вам огромное, но мне ничего не надо»?

Кейт наконец сообразила, что он не злится, и испытала нечто вроде облегчения, смешанного со стыдом.

– Боюсь, ваша рубашка окончательно испорчена, – вздохнула она, потянувшись правой рукой за принесенным официантом полотенцем и сунув пальцы левой между пуговицами его сорочки. – Я попытаюсь промокнуть ее, насколько сумею.

– Это намного лучше, чем пытаться меня утопить.

– Не представляете, до чего мне совестно, – тихо призналась она. – Хуже и быть не может.

– Может, – заверил Митчел, стараясь одновременно прочесть заглавие книги, которую она уронила.

– Это как?

– Я не подговаривал мальчишек посылать вам «Кровавую Мэри», – ответил он за секунду до того, как понял, что книга называется «Как справиться с горем».

Совершенно убитая, она наконец подняла глаза, и его словно ослепило. И в этой вспышке озарения до него все-таки дошло, почему трое

подростков не постеснялись выставить себя дураками из-за этой девушки. Это лицо, без всякого следа косметики и обрамленное массой тициановских волос, словно сошло с портрета древнего мастера: кожа цвета слоновой кости, высокие скулы и маленький квадратный подбородок с интригующей ямочкой посередине. Прямой нос, пухлый широковатый рот... но его мгновенно заморозили ее глаза поразительного цвета мокрой листвы, выглядывающие из-под грациозно летящих темно-рыжих бровей и густой бахромой длинных ресниц цвета ржавчины. Слишком поздно он сообразил, что эти глаза полны слез, и ощутил острый, совершенно идиотский укол сожаления за то, что невольно стал их причиной.

– Я, разумеется, заплачу за рубашку, – пробормотала она, отступая и отворачиваясь.

– Я, разумеется, ничего другого и не ожидал от человека со столь благородными принципами, – весело парировал Митчел, наблюдая, как она кладет полотенце на стойку и сует руку в парусиновую сумку. Он заметил, что на ее левом безымянном пальце нет кольца.

Кейт расслышала шутливые нотки в его голосе и не поверила ушам. До чего же славный человек! И до чего же поразительно красив!

Стоя спиной к нему, она вынула из сумки чековую книжку и пошарила в поисках ручки.

– Сколько я вам должна?

Митчел колебался, занятый поспешными оценками и вычислениями. Клуб «Айленд» – чрезвычайно дорогой, элитарный отель, и все же ее часы и кольцо на правой руке были недорогими, а на сумке красуется название книжного магазина, а не логотип модного дизайнера. Это означало, что она, вероятно, приехала с кем-то, кто оплачивает ее расходы. Еще бы, с такой внешностью! Должно быть, миллионеры в очередь выстраиваются, чтобы возить ее в лучшие отели и всячески развлекать... только вот купальник слишком скромный для такой девицы, как она. Кроме этого, было в ней нечто мягкое и незащищенное и даже... слегка чопорное?!

Не дождавшись ответа, Кейт обернулась и вопросительно уставилась на него.

– Это очень дорогая рубашка, – объявил он похоронным тоном, хотя в уголках губ таилась усмешка. – Будь я на вашем месте, предложил бы поужинать сегодня же вечером.

Растерянный смех сорвался с губ Кейт, на миг вытесняя ноющую тоску, которая не оставляла ее почти две недели.

– Ваша рубашка настолько дорогая?

Митчел торжественно кивнул, изображая предельное сожаление:

– Боюсь, что так. И приглашение к ужину будет самым мудрым выбором с финансовой точки зрения, уж поверьте.

– После всего, что я натворила, вы еще хотите поужинать со мной? – недоверчиво уточнила Кейт.

– Да, но только твердыми продуктами. Никаких жидкостей в пределах вашей досягаемости.

Не в силах сдержаться, Кейт поспешно наклонила голову. Плечи затряслись от смеха.

– Насколько я понял, вы готовы выплатить долг... скажем, сегодня, в восемь вечера? – вкрадчиво осведомился Митчел, втайне желая подсмотреть выражение ее лица.

Она немного помялась, но все же кивнула и подняла голову. При виде ее завораживающей улыбки Митчел ощутил, как его сердце пропустило удар. Настоящая романтическая героиня. Раньше он думал, что такие бывают только в дурацких книжках про любовь...

– Я Кейт Донован, – представилась она, протягивая руку.

– Митчел Уайатт, – ответил он, сжимая ее пальцы. И рука у нее крепкая и теплая. Не то что эти снулые рыбы из высшего общества!

Практичный ум Кейт уже включился в работу, напомнив ей, что Эван заранее зарезервировал на сегодняшний вечер столик в «Вояж», чудесном ресторане отеля со стеклянными стенами, у самой воды.

– Давайте встретимся в «Вояж», в восемь, – предложила она.

– Нет, лучше у входа в отель. Я имел в виду другой ресторан.

Кейт ощутила некую смутную неловкость, но была слишком озабочена испорченной сорочкой и сознанием того, что все посетители ресторана либо следят за ними, либо подслушивают. Кроме того, ей не давало покоя его необычайно красивое лицо.

– Хорошо, – обронила она, собирая вещи. Вместо того чтобы пройти через дворик мимо столика подростков, Кейт повернула к выходу, находившемуся прямо у нее за спиной, что позволило ей сократить путь к вилле, где она жила. Уже уходя, она оглянулась и, не увидев высокого мужчины с большим красным пятном на рубашке, сообразила, что он покинул ресторан через главный вход, и виновато покачала головой. Представить только, что ему пришлось вытерпеть от подростков во двореке, когда он проходил мимо!

Глава 5

Стоя перед зеркалом в ванной, Кейт, завернутая в белый махровый халат, любезно предоставленный администрацией отеля, старательно уложила кудрявые волосы мягкими волнами, после чего выключила фен и подошла к шкафу, чтобы обозреть свой гардероб. Для большинства островных ресторанов не требовалось вечерней одежды, но некоторые были весьма дорогими и элитарными, а Кейт понятия не имела, куда ее поведут и будут ли на ее спутнике джинсы с майкой или спортивный пиджак со слаксами.

Поскольку за ленчем он носил белую сорочку, слаксы и мокасины, вполне вероятно, что к вечеру оденется так же строго, а может, и еще элегантнее. Поэтому Кейт выбрала шелковые брюки с узором, воспроизводившим «Водяные лилии» Моне на бедно-голубом фоне, такого же цвета топ с широким, обнажающим плечи вырезом и светло-голубым поясом. Но вместо того чтобы одеваться, помедлила, продолжая вертеть в руках вешалку.

Решив, что не стоит рисковать с выбором одежды, она повесила брюки и топ обратно в шкаф и подошла к телефону в гостиной. Нажала кнопку вызова портъе и попросила соединить ее с номером Митчела Уайатта.

– Простите, – ответил молодой человек после некоторой паузы, – но мистер Уайатт здесь не живет.

– Вы уверены?

– Абсолютно, мисс Донован.

Та смутная неловкость, испытанная Кейт при упоминании «другого ресторана», превратилась в настоящую тревогу. Уставясь невидящим взглядом на проспект предоставляемых отелем услуг, лежавший рядом с телефоном, она перебирала в уме неопровержимые факты. Сегодня она познакомилась с мужчиной, человеком, о котором абсолютно ничего не знает, и согласилась сесть к нему в машину и отправиться неизвестно куда. Да, он необычайно красив, несомненно, обаятелен и боек на язык – идеальная комбинация для жиголо, околачивающихся вокруг дорогих отелей в надежде подцепить богатую женщину.

Но вполне вероятно, что жиголо – еще не самый худший вариант. А вдруг это убийца, серийный убийца, перебирающийся с острова на остров, зверски разделяваясь со своими жертвами и хороня их тела в песке?

Придя в отчаяние, Кейт вышла на террасу и едва подавила нервный

крик, когда из кустов неожиданно высунулась собачья голова.

– Ты напугал меня, Макс! – упрекнула она, и пес даже попятился под ее обвиняющим взглядом. Пристыженная, Кейт сразу сменила тон: – Нет-нет, это не ты виноват. Я уже боюсь, потому что, вполне возможно, согласилась пообедать с Фредди Крюгером или Джеком Потрошителем.

Пес оглянулся, словно желая увериться, что за ними никто не наблюдает, после чего обошел кусты и нерешительно поставил лапу на ступеньку террасы. Только одну лапу, как заметила Кейт. Не обе.

– У меня больше нет еды, – с сожалением сказала она, показывая на пустой столик. – Видишь, тут ничего не лежит.

Макс поставил на ступеньку вторую лапу, по-прежнему робко, словно хотел от нее чего-то. Шагнув вперед, она положила ладонь на его голову.

– Мне нечего тебе дать, – повторила она, но хвост энергично завилял, едва она дотронулась до Макса. – Ты этого хочешь? – удивилась она, осторожно проводя рукой от макушки до шеи. В ответ он прижался головой к ее ноге, и поскольку она продолжала гладить его, налег на нее всем весом и даже закрыл глаза в молчаливом наслаждении. – Я тоже одинока, Макс, – прошептала Кейт. После смерти отца нервы были в таком состоянии, что, осознав, как одинок несчастный пес, она едва не заплакала и попыталась сосредоточиться на чем-то еще. Но на ум приходили только возможные неприятные последствия ее поспешного согласия поужинать сегодня с незнакомцем.

Она продолжала ласкать Макса, не думая о времени. И когда взглянула на часы, оказалось, что уже без четверти восемь.

– Мне пора, – вздохнула она, потрепав напоследок пса по голове, прежде чем отойти. – Вот что я тебе скажу, – добавила она на ходу, стараясь говорить как можно более ободряюще, – если я вернусь живой и невредимой, утром мы позавтракаем вместе и я закажу плотный мясной завтрак специально для тебя, договорились? Ну, как это звучит?

Большие карие глаза вопросительно уставились на нее. Хвост снова пришел в движение. Он хотел, чтобы его продолжали гладить, и это было яснее всяких слов. Но Кейт попятилась в номер и, задвигая стеклянную дверь, продолжала дурацкие попытки поднять настроение брошенного пса и тем самым облегчить собственную совесть. Продолжая осыпать его обещаниями, она медленно закрывала дверь.

– Я закажу тебе бекон и сосиски, нет, лучше стейк на косточке, чтобы ты мог взять ее с собой и зарыть! А теперь тебе пора идти, – уговаривала она, преодолевая последний дюйм пространства между дверью и стеной. Пес остался по другую сторону, продолжая пристально смотреть на нее.

Кейт неохотно отвернулась.

Через десять минут, успев за это время натянуть выбранный костюм, Кейт нагнулась, чтобы застегнуть светло-голубые босоножки, захватила маленькую голубую сумочку-планшетку, в тон босоножкам, и шагнула к выходу. Настало время обнаружить, не совершила ли она самую глупую и, возможно, роковую ошибку в жизни, согласившись поужинать с первым встречным вне отеля. Если она не вернется сегодня и ее труп обнаружат где-нибудь на пляже, ни один человек не узнает, кто ее прикончил.

На полпути к двери ее осенила идея. Повернув назад, Кейт вытащила из зеленой сумки ручку и блокнот и вырвала чистую страничку, на которой написала большими буквами:

«Я отправилась ужинать с человеком, назвавшимся Митчелом Уайаттом. Мы встретились сегодня днем в «Сандбере», где я пролила на его сорочку «Кровавую Мэри». Официант может дать вам его описание».

Довольная своей сообразительностью, она прислонила записку к телефонному аппарату, где ее легко найдет полиция, если будет расследовать исчезновение постоялицы. Прочтя записку, они немедленно отправятся в «Сандбер», где тот или иной официант обязательно сумеет составить словесный портрет ее похитителя.

У самого выхода Кейт снова помедлила и оглянулась на дверь террасы. Макс спустился вниз и бежал к кустам. Очевидно, он слишком умен, чтобы оставаться на террасе в ее отсутствие, и Кейт была этому рада. Он наверняка перебрался под прикрытие деревьев, в общество своих приятельниц.

Но когда она отошла на несколько шагов от виллы, где находился ее номер, пес, обогнув здание, мгновенно оказался рядом с ней и уселся. Кейт встревоженно оглянулась.

– Ты слишком вольничаешь, – строго заметила она. – Садовники наверняка тебя ищут, а если меня не будет, кто тебя защитит? – И, показав на рощу, она приказала: – Туда!

Макс взглянул сначала в указанном направлении, а потом на нее.

– Ты прекрасно меня понял, – твердо настаивала Кейт, – потому что люди всегда преследуют и прогоняют тебя и приходится убегать. А теперь иди. Я вполне серьезно. Уходи!

Пес медленно встал.

– Давай же! Проваливай! – резко повторила Кейт, хлопнув для пущего эффекта в ладоши, после чего повернулась к нему спиной и решительно

зашагала по дорожке к главному входу в отель. Краем глаза она увидела, как пес бежит к деревьям, но старается держаться параллельно ее маршруту. Он был таким большим, сильным и грациозным, что без усилий покрывал одним прыжком огромное расстояние, но если бедняга попытается встретить ее у дверей отеля, как пить дать попадет в беду.

Она вспомнила, как он прижимался к ней, как закрывал глаза, когда она его гладила, и почувствовала себя безжалостной ведьмой за то, что прогнала беднягу.

Глава 6

– Добрый вечер, мисс, – приветствовал швейцар, когда Кейт около восьми часов пересекла вестибюль главного здания отеля. Праздничные факелы освещали вход и обе стороны длинной подъездной дорожки, по которой гуляли парочки. Многие были уже одеты к ужину в отеле, остальные, в шортах и майках, отправлялись на поиски менее утонченных развлечений.

– Разрешите вызвать такси?

– Нет, спасибо.

Кейт оглядела длинный ряд машин. Лениво отметив это обстоятельство, большинство из них были красными с белым прокатными автомобилями, она вдруг вспомнила, как читала где-то, что «жучки-фольксвагены» были любимым транспортом серийных убийц. Если Уайатт подъедет на таком, она ни за что в него не сядет!

Вместо того чтобы вернуться в вестибюль и ждать там, она медленно побрела по тротуару, обсаженному по левой стороне гигантскими кустами. Подъездная дорожка отеля оказалась справа. Когда она добралась до конца живой изгороди, на дороге показался черный кабриолет с опущенной крышей. Но внезапный взрыв рассерженных воплей с другой стороны кустов наполнил ее неприятным предчувствием и заставил ускорить шаг.

Мимо нее, вероятно, на крики, пробежали двое рассыльных. Кейт услышала слово «собака» и помчалась туда как раз в тот момент, когда Митчел Уайатт остановил кабриолет на обочине рядом с ней. Она еще успела заметить его удивленное лицо, но времени останавливаться и объяснять не было.

Обогнув кусты, Кейт остановилась рядом с рассыльными, и страх быстро сменился веселой улыбкой. Двое обозленных, орущих садовников гонялись за Максом, размахивая граблями, но, разумеется, где им было его догнать!

– Секунду назад я думал, что вы бежите к моей машине, потому что вам не терпится снова меня увидеть.

Кейт, оглянувшись, рассеянно улыбнулась:

– Вы были польщены или напуганы?

– Вы пролетели мимо, прежде чем я успел среагировать, – признался он и шутливо добавил: – Если вы так уж заинтересованы в исходе состязания между собакой и садовниками, я за садовников. Десять к

одному.

– Двадцать к одному, и то мало, – лихо парировала Кейт.

Он ухмыльнулся, и вдруг все страхи Кейт относительно Митчела показались совершенно бессмысленными. Ну какой он преступник?

Выждав еще немного, дабы убедиться, что Макс не грозит опасность, она повернулась и вместе с Митчелом пошла к машине.

– Зачем они его гоняют? Правда, одна из горничных рассказывала, что собаки, сбивающиеся в стаи, могут стать настоящей угрозой для острова, но этот пес абсолютно безвреден. Он просто голоден. И никому не причиняет зла.

– Насколько я понял из разговора рассыльных, именно этот пес разоряет сад, потому что очень уж велик, – возразил Митчел, открывая для нее дверцу машины. – Кроме того, он пугает гостей отеля. На прошлой неделе подбежал к маленькой девочке, и та ударилась в слезы.

– Он так одинок, – грустно пробормотала Кейт, не переставая вспоминать о том, как Макс прислонился к ней и закрыл глаза. Уже сев в машину, она вдруг вспомнила: – На каком языке говорит швейцар? Большинство служащих говорят по-французски, но это совсем другой язык.

– Голландский, и я, вероятнее всего, не понял и половины... – начал он, но визг автомобильных тормозов заставил их обоих оглянуться как раз вовремя, чтобы увидеть, как пес мчится по дороге, увертываясь от машин и от тележки для гольфа, в которую догадались забраться садовники. Тележка благополучно остановилась у обочины, как и прибывшее такси, но отъезжавшее такси как раз начало набирать скорость, и Кейт в ужасе окликнула собаку. Макс свернул на звук ее голоса и побежал к ней. Такси сбило беднягу.

Кейт выскочила из машины и метнулась к собаке еще до того, как водитель такси успел выйти. Митчел догнал ее и схватил за руку.

– Дайте мне сначала посмотреть, – настаивал он.

– Но я хочу помочь! – не помня себя, крикнула Кейт, пытаясь вырваться. – Да пустите же!

Пораженный явным стремлением девушки устроить публичную сцену, Митчел отпустил ее и ускорил шаг.

Добравшись наконец до такси, Кейт поняла, что худшие ее страхи оправдались. Макс неподвижно лежал на боку. Глаза закрыты, голова покоится на бордюре обочины. Кейт, опустившись на колени, лихорадочно пыталась нащупать пульс у него на горле. Немного погодя она облегченно вздохнула.

– Он жив, но нам необходима помощь, – быстро проговорила она и,

подняв голову, оглядела рассыльных и садовников, собравшихся около водителя такси и Митчела. – Немедленно вызовите ветеринара, – велела она рассыльным. Те непонимающе уставились на садовников.

– Ветеринара? – повторил один, когда Кейт принялась осторожно обследовать кровотокающую рану на голове Макса.

– Доктора для животных, – нетерпеливо пояснил Митчел сначала на английском, потом на голландском.

Очевидно, садовников возмутило предложение; рассыльные же упорно стояли на своем:

– Нет, мисс, никакого доктора. Мы сами позаботимся о собаке. Поезжайте, и желаем вам хорошо провести вечер! – пробормотал все тот же рассыльный и сказал что-то по-голландски своим спутникам. Они дружно двинулись вперед. Когда их тень упала на Кейт, она вскинула голову, неожиданно сообразив, как именно они «позаботятся» о большом погибающем животном-разрушителе, раздражавшем взрослых гостей отеля и, по их мнению, являвшемся угрозой для детей.

– И что вы собираетесь делать? – осведомилась она.

– Оттащим с дороги, чтобы машины могли проезжать, а потом уберем.

– Нет, – решительно покачала головой Кейт. – Его нельзя трогать. Машины могут его объезжать. А вдруг у него сломаны кости или поврежден позвоночник?

Конечно, им всем было абсолютно наплевать на несчастья приبلудного пса! И поэтому она умоляюще взглянула на человека, с которым обещала поужинать:

– Мы должны ему помочь!

Митчел смотрел в ее грустное прекрасное лицо и понимал, что она ждет от него согласия спасти жизнь грязного, бездомного, бродячего пса. И он почему-то согласился, хотя именно эти зеленые глаза, а не собачьи беды послужили тому причиной. Втайне пораженный тем воздействием, которое оказывают на него эти залитые слезами глаза, Митчел торжественно пообещал:

– Посмотрю, что тут можно сделать.

Швейцар вежливо улыбнулся при виде Митчела:

– Добрый вечер, мистер Уайатт.

Митчел предположил, что швейцар, должно быть, видел всю сцену, и поэтому, игнорируя приветствия и воздерживаясь от объяснений, сразу перешел к делу:

– Собака тяжело ранена. Где тут ближайший ветеринар?

– На Ангилье только один ветеринар, но его кабинет в этот час

закрыт. – И в доказательство, что уже довольно поздно, швейцар многозначительно показал на заходящее солнце.

Предвидя, каким будет его ответ, Митчел прошел мимо него в вестибюль и направился к стойке портье, где уже ожидали своей очереди две пары и какой-то мужчина спрашивал дорогу к ресторану. Но тут из боковой двери вышел управляющий, увидел Митчела и ринулся вперед, чтобы приветствовать его.

– Мистер Уайатт! – восторженно воскликнул он.

Митчел приветливо кивнул.

– Я и не знал, что вы остановились в нашем отеле, – продолжал управляющий, протягивая руку. – Я передавал дела своему помощнику, потому что на следующей неделе он будет исполнять мои обязанности. Завтра мне нужно срочно вылететь в Штаты, и боюсь, он совершенно растерялся.

Митчел пожал протянутую руку и сунул в ладонь стодолларовую банкноту.

– Я рад, что вы сегодня здесь, Морис, потому что на подъездной дорожке случилась автомобильная авария, требующая вашего особого внимания.

– О нет! Неужели кто-то пострадал?

– Именно.

– Один из наших гостей?

– Нет, один из ваших бродячих псов, – бросил на ходу Митчел, направляясь к телефону, Морису пришлось почти бежать, чтобы не отстать от него. – Мне немедленно нужна «Скорая» и врач.

– Вы... вы хотите послать за «Скорой» и врачом, потому что машина сбила бездомную собаку?

Вместо ответа Митчел поднял трубку и протянул ее взъерошенному управляющему.

– Я хочу, чтобы они приехали как можно скорее. Заметьте, я питаю самые нежные чувства именно к этой собаке.

Управляющий взял трубку, нажал кнопку и колебался.

– Но они откажутся лечить бродячего пса.

– Аппелируйте к их человечности, – сухо посоветовал Митчел, вынимая деньги из кармана и принимаясь отсчитывать крупные банкноты, чтобы возместить причиненное беспокойство водителю «Скорой» и врачу.

Управляющий, понаблюдав за этой сценой, быстро набрал остальные цифры телефонного номера.

Митчел оставался на месте, пока управляющий не положил трубку,

после чего отдал ему деньги с просьбой разделить по справедливости.

Выйдя из отеля, он сразу увидел Кейт Донован. Таксист, сбивший Макса, уже уехал, рассыльные и садовники исчезли, и только она, поджав ноги, сидела одна на траве рядом с собакой. В свете факела ее рыжие волосы казались шелковой мантией, волнами лежавшей на плечах. Маленькая рука осторожно гладила раненого пса. Митчелу она показалась каким-то неземным видением.

Заслышав шаги, она подняла голову и пристально всмотрелась в него, словно пыталась угадать, что ему удалось сделать.

– Помощь уже в пути, – сообщил он, присаживаясь на корточки рядом с ней. – Как пациент?

– Дыхание, похоже, выровнялось, – ответила она, продолжая гладить густую шерсть. – По-моему, переломов нет. И раны неглубокие, но у него может быть внутреннее кровотечение. Несколько минут назад он начал приходить в себя, по крайней мере мне так показалось. – Она замолчала, и Митчел больше ничего не сказал, потому что продолжал к чему-то прислушиваться. И очень скоро он услышал то, что ожидал: вой сирены, становившийся все громче.

Кейт не обратила внимания на сирену, потому что ощутила легкое подергивание мышц под пальцами. Макс внезапно открыл глаза.

– Ну вот, кажется, обошлось! – весело объявила она. – Лежи спокойно!

Для пущей наглядности она придавила пса обеими руками, когда тот сделал слабую попытку перевернуться на живот.

– Помощь уже идет, – пообещала она и, не глядя на Митчела, спросила: – Какого рода помощь?

Ее слова почти заглушил рев мотора. Машина «Скорой» остановилась перед отелем.

– Вот эта, – пояснил Митчел, вставая.

Кейт подалась вперед, вгляделась в машину и уставилась на него с нескрываемым восхищением и веселым недоверием.

– Вы вызвали «Скорую»?

Она хотела сказать что-то еще, но Митчел уже направился к «Скорой», а пес, постепенно пришедший в волнение, дергался, безуспешно пытаясь встать.

Продолжая успокаивать его словами и ласками, она наблюдала, как двое мужчин выпрыгнули из «Скорой», и в то же время темно-зеленый автомобиль, промчавшийся по подъездной дорожке, остановился позади них. Машина все еще покачивалась, когда водитель распахнул дверь и вышел, неся в руках большую черную сумку.

Кейт сразу поняла, что это врач, но ее восторг был несколько омрачен опасением, что и врач, и санитары «Скорой» повернутся и уедут, как только Митчел объяснит, кто на самом деле их пациент.

Она со страхом наблюдала, как Митчел показывает на лежащую собаку, удержать которую стоило немалого труда.

Кейт затаила дыхание.

Доктор повернулся и направился к ним. Санитары спешно вытащили из машины носилки.

Кейт, стараясь скрыть радость, прошептала Максусу:

– Думаю, мы с тобой в очень хороших руках.

Она еще больше уверилась в этом, когда врач присел возле нервничавшего, настороженного пса и открыл сумку.

– Наш местный ветеринар в отпуске, но я перед отъездом позвонил своему другу-ветеринару на Сен-Мартене и привез с собой все, что он порекомендовал. Знаете, – спокойно продолжал он, – собаки обычно меня любят. Надеюсь, и этот тоже, потому что пока не хочу колоть ему транквилизатор. Раны на голове могут быть...

Он медленно протянул руку.

Тихое рычание вырвалось из горла животного. Губы натянулись, обнажив белые клыки. Врач тут же отдернул руку.

– Раненые животные часто нападают на тех, кто подойдет слишком близко, – сообщил он и снова потянулся к собаке, на этот раз куда осторожнее. – Но вижу, парень разрешает вам касаться его, так что, может, и мне позволит. Он немного боится меня... и все это рычание... просто притворство.

– Но я не думаю...

Предупреждение Кейт запоздало, заглушенное воплем боли.

Глава 7

– По-моему, с собакой все будет в порядке, – сказал врач, оглядываясь в поисках сумки.

«Скорая» уже уехала, после того как собаку положили на пол в гостиной, около журнального столика.

– Завтра вам нужно перевезти пса на Сен-Мартен, где ветеринар его посмотрит и сделает рентген головы и плеча.

– Не знаю, как вас и благодарить, – искренне выпалила Кейт, – и мне ужасно жаль, что он вас укусил.

– Укус не слишком глубокий, но очень болезненный, – сухо ответил врач, собирая бинты и флакон с антисептиком со стола около дверей на террасу. – И конечно, следует помнить о бешенстве.

Кейт едва успела скрыть улыбку беспокойства и раскаяния.

– Но вы говорили, что на острове уже много лет как не было ни одного случая бешенства?

– Да. Но прошу вас оставить при себе это животное до отъезда. Потом я сам о нем позабочусь. Жаль, что вы мне не позволяете забрать его с собой сейчас.

– Я хочу сама ухаживать за ним, пока еще здесь, – пробормотала Кейт. Ей казалось, что врач предпочел бы немедленно усыпить Макса, чтобы обнаружить, не бешеный ли он, вместо того чтобы выждать полагающийся десятидневный период карантина и только потом проверить, нет ли у Макса опасных симптомов.

– Если у него действительно проявятся эти симптомы, сообщите мне немедленно, чтобы я смог сделать прививки. Согласны?

– Совершенно, – кивнула Кейт.

– И вы ясно поняли, каковы эти симптомы?

– Я все записала, – заверила Кейт, показывая блокнот.

– Если собака исчезнет раньше, чем пройдет десятидневный срок, – наставлял врач, – мне придется подвергнуться лечению, независимо от того, бешеный он или нет.

Митчел посчитал, что наслушался достаточно об этой весьма маловероятной возможности и в дальнейших рассуждениях на эту тему просто нет смысла, по крайней мере до того, как эта самая невероятная возможность не станет столь же маловероятной реальностью. Пес был настолько слаб и оглушен, что клыки едва поцарапали кожу, но врач взвыл

от боли и стал обрабатывать руку с таким видом, словно была повреждена крупная артерия.

– Мы все прекрасно поняли, – вкрадчиво вставил Митчел, провожая врача к выходу и широко распахивая дверь. – И станем выводить его только на поводке.

Доктор замер на пороге, поколебался и обернулся:

– А у вас есть поводок?

– Купим утром.

Но врач и не думал уходить.

– И сделаете это прямо с утра?

– На рассвете, – кивнул Митчел и, легонько сжав локоть врача, повернул его и бесцеремонно вытолкнул в коридор.

Кейт наблюдала этот маневр с дальнего конца комнаты, пораженная и восхищенная хладнокровием Митчела, как и его быстрой реакцией в критические моменты. Сколько всего случилось за те несколько часов, что она узнала его! Сначала громко и несправедливо обругала за «Кровавую Мэри», потом выплеснула коктейль ему на сорочку, отвертелась от обещанного ему ужина и втянула в операцию по спасению бродячей собаки. И все это он перенес стоически и очень, очень любезно и снисходительно. Всего час назад она воображала, что он убийца, теперь же считала другом и союзником и поэтому не постеснялась выразить свои искренние чувства теплой улыбкой.

– Я все-таки осталась должна вам ужин. Можно позвонить в обслуживание номеров, и мы поедем на террасе, если хотите.

Поскольку Эван собирался прилететь завтра вечером, оставалась еще одна альтернатива.

– Или предпочтете забыть об ужине и позвольте мне заплатить за сорочку?

Интересно, заметил ли Митчел, что она предоставила ему только два выхода? Но судя по его поведению, ему было совершенно все равно.

– Нет уж, ограничимся ужином, тем более что он мне был обещан, а я, как строгий кредитор, всегда стараюсь получать долги.

Очевидно, ее бойфренд приезжает завтра, иначе она обязательно объяснила бы, почему не сможет перенести ужин на следующий вечер.

Кейт сложила руки на груди и весело уставилась на него:

– В самом деле?

– Всегда, – подчеркнул он, потянувшись за проспектом услуг, оказываемых отелем.

– В таком случае сколько я должна вам за врача и «Скорую»?

– Нисколько, – покачал головой Митчел, добравшись до раздела «Обслуживание номеров».

– Но разве вы не предложили денег, чтобы они согласились приехать и лечить собаку?

– Я воззвал к их человечности.

– Понятно, – вздохнула Кейт, делая вид, что поверила. – Именно поэтому они так быстро добрались сюда? То есть менее чем через десять минут после того, как вы вышли из вестибюля?

Митчел искоса посмотрел на нее. Кейт наблюдала за ним с понимающей усмешкой, и он вдруг ощутил внезапный и явно преждевременный порыв сжать ее в объятиях и накрыть губами этот соблазнительный рот. Эта мысль вызвала на его губах легкую улыбку, но он справился с собой, пожал плечами и сказал:

– Они добрались быстро, потому что это очень маленький остров.

– И еще потому, что вы пообещали им очень большие чаевые?

Стараясь не рассмеяться, Митчел углубился в меню.

– Что вы хотите на ужин?

Кейт назвала те же восхитительные блюда, которые ела накануне.

– Креветки, гребешки и салат из авокадо, – перечислила она, наклоняясь, чтобы проверить состояние спящего пса.

– Хотите, я позвоню в обслуживание номеров? – спросил он.

– Да, пожалуйста, – кивнула Кейт, не оборачиваясь. – Заказывайте все, что хотите. Все, что любите, – подчеркнула она, представляя, какая огромная сумма потребовалась, чтобы заставить водителя «Скорой» и врача примчаться на помощь бездомной собаке.

Нос Макса на ощупь был теплым, дыхание – слабым и немного учащенным, но врач заверил, что этого следовало ожидать. Митчел поднял было трубку, но тут же резко бросил обратно. Озадаченная Кейт обернулась и увидела, что он стоит у телефона, мрачно сведя брови, с листком разлинованной бумаги в руках.

Листок бумаги... из ее блокнота!!! Записка, которую она написала, чтобы помочь полиции опознать преступника в случае ее исчезновения!

– Я сейчас все объясню, – пролепетала она, вскакивая и подбегая к нему.

– Умираю от нетерпения послушать объяснение, – холодно бросил он, подавая ей записку.

Кейт отреагировала на его ледяной тон с испугавшей ее страстью. Она не хотела оскорбить этого человека. Не хотела, чтобы он дурно о ней подумал... только не сейчас, когда она так благодарна ему. Когда поняла,

что он не может быть преступником! Он обращался с ней далеко не так враждебно, когда она винила его за «Кровавую Мэри», да еще и вылила полстакана на его сорочку!

Пытаясь придумать наименее оскорбительное объяснение, она перечитала записку:

«Я отправилась ужинать с человеком, назвавшимся Митчелом Уайаттом. Мы встретились сегодня днем в «Сандбере» где я пролила на его сорочку «Кровавую Мэри». Официант может дать его описание».

Пытаясь выиграть время, Кейт положила обличающую записку на письменный стол.

– Сегодня, – нерешительно начала она, – не зная, что надеть к ужину, я решила позвонить вам и спросить, куда мы идем. – Она осеклась, нервно вытирая ладони о брюки.

– Продолжайте, – резко приказал он.

– Но когда я позвонила портье и попросила его соединить меня с вашим номером, он сказал, что вы здесь не живете. Это... это немного меня смутило. И тут в голову полезли разные мысли... Я была так уверена, что вы здешний постоялец, когда соглашалась поужинать с вами.

– Какие именно мысли? – допрашивал он.

Кейт попыталась было уклониться, но пронзительный взгляд синих глаз, словно рапирой, пригвоздил ее к месту.

– Видите ли... некоторые детали заставили меня посчитать вас... – она почти подавилась словом, – жиголо.

– Кем? – прорычал он, помрачнев как туча.

– Пожалуйста, попытайтесь взглянуть на это с моей точки зрения. Вы болтаетесь вокруг очень дорогого отеля, в котором не проживаете, вы возмутительно красивы, невероятно хорошо воспитаны, неотразимо обаятельны и очень быстро действуете: ровно через три минуты после знакомства попросили пригласить вас на ужин!

Выражение его лица ничуть не смягчилось, и Кейт поняла, что, во-первых, ему ничуть не польстили ее комплименты насчет внешности и обаяния и, во-вторых, он по-прежнему ждет, чтобы она объяснила, почему велела тому, кто прочитает записку, получить его описание у официанта.

Откинув волосы со лба, она наконец признала всю постыдную правду:

– Я ужасно расстроилась, что позволила заманить себя в сети жиголо, но тут же поняла, что вы можете оказаться кое-кем похуже.

– Не могу вообразить нечто более омерзительное, чем жиголо.

– Нет, просто омерзительный – это еще полбеды. Вы могли оказаться опасным. Да просто убийцей, который знакомится с одинокими

женщинами в отелях, убивает их и хоронит тела в песке... или что-то в этом роде... – заикаясь, закончила Кейт, чувствуя себя полной кретинкой.

– И поэтому оставили записку властям на случай вашего исчезновения?

Кейт пристыженно кивнула.

– Хотели удостовериться, что мне ваше убийство не сойдет с рук?

Кейт была так унижена и зла на себя, что не обратила внимания на веселые нотки в его низком голосе. Не в силах выдержать его взгляд, она повернулась к Максу.

– Тогда это казалось не такой идиотской идеей, как сейчас.

Второй раз за последние полчаса Митчелу пришлось бороться с порывом обнять ее. Поэтому, чтобы отвлечься, он отвернулся и взялся за телефонную трубку.

Испуганная его резким жестом, Кейт робко спросила:

– Кому вы звоните?

– В обслуживание номеров, – мягко пояснил он.

– В таком случае, – покаянно пробормотала Кейт, – можете сменить мой заказ на черствый хлеб и воду.

Митчел все еще улыбался, когда в трубке послышался голос служащего.

Глава 8

Оставив Митчела общаться с обслуживанием номеров, Кейт вышла в роскошную ванную, служившую заодно гардеробной, чтобы привести себя в порядок. Вертясь перед зеркалами в полный рост, занимавшими целую стену, она стряхивала приставшие к брюкам травинки и комочки грязи, но на одной штанине оказалось очень заметное влажное пятно.

Понимая, что времени нет, она подошла к шкафу и снова принялась перебирать одежду. Холли помогала ей собраться, потому что за день до отлета Кейт свалилась с очередным приступом жестокой головной боли, которая преследовала ее с самой смерти отца. Холли выбрала наряды для романтического отдыха с Эваном, и ни один не подходил именно для этого случая.

В конце концов Кейт выбрала свободные брюки кремового шелка с широкой каймой золотой марокканской вышивки внизу и тонкую шелковую блузку того же цвета с узкими бретельками, которые завязывались бантами на плечах. Костюм казался слишком женственным для ужина наедине с женщиной в номере отеля, но закрывал все, если не считать рук, да и вырез не был слишком низким, так что лучше просто не придумаешь.

Она наскоро переоделась, сунула ноги в золотистые босоножки, задержалась перед зеркалом над раковиной ровно настолько, чтобы провести щеткой по волосам и обновить помаду на губах.

Кейт была полна решимости искупить все свои грехи перед Митчелом, сделав этот вечер как можно более приятным, и поэтому не намеревалась заставлять его ждать дольше, чем необходимо.

Телефон зазвонил как раз когда Кейт красила губы. Она машинально потянулась к отводной трубке возле зеркала, но, колебавшись, все же не стала отвечать. Эван звонил каждый вечер примерно в это время, и этот звонок, несомненно, тоже от него. Если он хочет сказать, что не сможет завтра прилететь на Ангилью, возможно, с облегчением оставит сообщение на голосовой почте отеля. Если же собирается подтвердить, что прилетает, как собирался, она выслушает сообщение позже. Сейчас же ей нужно выплатить неотложный долг человеку в соседней комнате. И единственный способ это сделать – стать идеальной хозяйкой. А это Кейт, выросшая в ресторанном бизнесе, умела как нельзя лучше.

Она бросила в зеркало последний взгляд, выключила свет и вышла,

ожидая увидеть Митчела на террасе, где он наверняка наслаждается теплой лунной ночью. Но он стоял возле спящей собаки, сунув руки в карманы, с чуть удивленной улыбкой на губах. Она замерла на пороге, вновь пораженная выражением его лица, пытаясь угадать, о чем он думает. И тут ее поразила одна деталь. Он выглядел таким же безупречно ухоженным, как сразу же после приезда в отель. Густые черные волосы были идеально подстрижены, уложены и ничуть не растрепались. Белоснежная сорочка нисколько не помята, как и рыжевато-коричневые брюки. Коричневые мокасины сверкают. Он повесил синий блейзер на стул и подвернул рукава, но если не считать этих изменений, ни за что не скажешь, что он помогал перекладывать на носилки большую грязную собаку, а потом еще и устраивать ее в комнате!

Днем в полумраке ресторана она была слишком пристыжена историей с «Кровавой Мэри», чтобы обратить особое внимание на его внешность, смутно отметив только, что он красив. Сегодня вечером она была целиком занята Максом и не успела как следует изучить человека, галантно откликнувшегося на призыв о помощи. Но сейчас вдруг осознала, что Митчел Уайатт не просто красив. Он – само совершенство! Высокий, с очень широкими плечами, мускулистой грудью и узкими бедрами. Загорелое лицо, квадратный подбородок, густые и прямые брови над обрамленными темными ресницами глазами цвета индиго.

Вообще-то такая редкостная красота в мужчине не производила на Кейт особого впечатления, потому что подобные люди обычно были либо тщеславны, либо ограничены. Как правило, в них проступало нечто женственное, но этот человек был добр и заботлив, и никто не мог бы отрицать в нем истинно мужского начала. По крайней мере, стоя в ее гостиной, он положительно излучал сексуальную энергию и чувственность.

Все эти качества в сочетании с мрачноватым юмором и несколько пресыщенной утонченностью позволили Кейт считать его самым привлекательным из всех ее знакомых мужчин. Роскошные, богатые, элегантные женщины, конечно, так и падали к его ногам, стоило ему поманить пальцем. В отличие от них она не слишком роскошна, редко бывает в обществе и сейчас даже рада этим недостаткам, потому что в противном случае он обратил бы на нее всю силу своего обаяния и красоты.

События этого вечера и без того действовали ей на нервы. Не хватало еще отбиваться от не слишком настойчивых ухаживаний убийственно привлекательного мужчины.

Запоздало сообразив, что слишком долго изучает его, Кейт выступила

вперед и сказала первое, что пришло в голову:

– Простите, что задержалась.

Он повернулся на звук ее голоса и, не отвечая, медленно оглядел ее с головы до ног с откровенно оценивающей мужской улыбкой, которая мгновенно вывела Кейт из равновесия. Пришлось старательно переставлять ноги с единственной мыслью: как бы не споткнуться. И когда его взгляд снова уперся в ее лицо, она сжалась в ожидании двусмысленного комплимента.

– Вижу, вы сумели укротить свои локоны, – мягко заметил он.

Нервные предчувствия Кейт вылились в облегченный смех.

– Я заставила их покориться, пытая щипцами для распрямления волос и феном, – пояснила она, останавливаясь рядом с ним. – Ну, как поживает наш пациент?

Наклонившись, она потрепала Макса за уши и ощутила крупинки какого-то порошка, которого на нем раньше не было. Такой же порошок усеял белый ковер вокруг лежавшей собаки. Кейт нерешительно оглянулась, стряхивая непонятное снадобье с пальцев.

– Вы не знаете, что это?

– Порошок от блох. Я попросил служащего принести немного. Пока вы переодевались.

– Почему вы считаете, что у него блохи?

– Их там легион. На моих глазах они пытались утащить его к двери, – сухо объяснил он и схватил ее за руку, заставляя подняться. – На вашем месте я бы держался подальше, пока эта штука не подействует, иначе вы всю ночь проведете, почесываясь за ушами и не только.

Кейт удивилась и растрогалась, обнаружив, что пока ее не было, он успел позаботиться еще об одной проблеме. Выпрямившись, она испытующе взгляделась в красивое смуглое лицо. Рядом с ним она постоянно чувствовала себя неловко просто потому, что он возмутительно хорош собой, и ее так и подмывало сказать ему это, а потом немедленно извиниться. Но вместо этого она искренне призналась:

– Вы очень славный.

Митчелу снова захотелось прижаться к ее губам, но, глядя в сияющие зеленые глаза, он вдруг задался вопросом: так ли уж банально утверждение, что глаза – зеркало души? Правда, он тут же устался на чувственный полный рот, но когда он почти поддался порыву поцеловать ее, тишина разлетелась в прах под напором пляжных музыкантов, принявшихся энергично исполнять «Прощай, Ямайка» под аккомпанемент барабанов.

Кейт немедленно отступила, улыбнулась и кивком показала в сторону открытых дверей террасы, откуда доносилась музыка:

– Я люблю калипсо. Вы и их выступление устроили, когда требовали доставить в номер порошок от блох?

Девушка так быстро пришла в себя, что Митчел почти поверил, будто она не поняла, что именно должно было случиться минутой раньше. Почти. Если бы не предательские розовые пятна, выступившие на высоких скулах. Ее притворство показалось ему забавным, но совершенно зряшным и ненужным. Оба они взрослые люди, их явно тянет друг к другу, и, следовательно, вечер просто должен закончиться на мягкой огромной кровати ее номера. И нет никаких причин изображать невинность и делать вид, что ничего особенного не происходит.

– Если бы я нанимал музыкантов, – сухо сообщил он, – объяснил бы, что предпочитаю куда более медленный темп – по крайней мере сначала.

Кейт отлично поняла двойной смысл, вложенный им в якобы невинную реплику, и на миг широко раскрыла глаза. Чуть раньше, утверждая, что он слишком напористо действует, она не ожидала, что он так быстро и почти без пауз перейдет от разговора о блохах к попытке поцелуя и откровенным намекам на секс.

Или этот человек настолько самовлюблен, что действительно считает себя неотразимым для любой женщины?

Но может, она ошибается?

В конце концов Кейт решила, что воображение сыграло с ней злую шутку, и напомнила себе, что собиралась сегодня быть идеальной хозяйкой.

– Позвольте вам чего-нибудь налить, – предложила она с улыбкой, подходя к хорошо укомплектованному бару. – Что предпочитаете?

– Водку с тоником, если у вас есть лед. Если же нет, тогда просто водку.

– Уверена, что лед у нас есть, – кивнула она, поднимая крышку ведерка для льда. – Здешние служащие все предусмотрели. И даже раздают на пляже охлажденные полотенца.

Из маленького холодильника появились миниатюрная бутылочка водки, тоник и свежий лайм.

– Пока вы переодевались, кто-то звонил, – вспомнил он.

Кейт взглянула на красную лампочку автоответчика, осуждающе подмигивавшую с телефонного аппарата, и открыла бутылку.

– Знаю. Прослушаю сообщение позже.

– Когда вы его ожидаете? – небрежно, словно продолжая давно начатый разговор, спросил он.

Кейт растерялась. Откуда он догадался, что она ожидает мужчину? Но, быстро взяв себя в руки, она умудрилась улыбнуться и так же небрежно ответить:

– Возможно, завтра вечером.

Добавляя льда в стакан, она напрасно ожидала ответа Митчела. Молчание с каждой минутой становилось все более неловким. И поэтому Кейт сочла нужным сообщить об Эване дополнительную информацию, хотя, откровенно говоря, вообще не желала о нем упоминать:

– Все дни он проводит в суде, где рассматривается сложное дело, а по вечерам сидит над бумагами, пытаясь выработать соглашение между сторонами. Четыре дня назад он прилетел сюда со мной, но судья отказался дать отсрочку по делу, и ему пришлось немедленно лететь обратно. Он думал, что суд быстро закончится, но, как видно, ошибся.

Выпалив все это, Кейт поняла, что, возможно, правильно поступила, упомянув об Эване. Теперь она не только подтвердила существование бойфренда, но и сумела воздвигнуть нечто вроде невидимого барьера между собой и Митчелом. Если упоминание о «темпе», который предпочитает Митчел, действительно имеет сексуальный оттенок, этого больше не повторится. Впредь он не попытается ее поцеловать, и, следовательно, у нее не будет искушения позволить ему... Каким бы славным и привлекательным ни казался Митчел, все же факт остается фактом: он совершенно незнакомый человек, и они одни в номере.

– Мы встречаемся уже несколько лет, – добавила она для пущего эффекта, чтобы окончательно лишить его всяких надежд, после чего безмятежно налила водки в стакан Митчела в твердой уверенности, что предстоящий вечер будет полностью лишен всяких выводивших из равновесия подводных течений.

Митчел молча наблюдал за ней, в свою очередь, совершенно убежденный, что бойфренд-адвокат не является препятствием для сегодняшнего завершения вечера в одной постели. Для него было совершенно очевидно, что Кейт не считала себя влюбленной: вокруг влюбленной женщины создается особенная атмосфера, тем более когда она говорит о возлюбленном. А вот в голосе Кейт Донован звучало почти нескрываемое равнодушие.

Парень не помешает им, даже если они решат насладиться друг другом еще день-другой. По опыту Митчела адвокаты, предсказывающие успешное и скорое окончание «сложного дела», либо тешат несбыточными надеждами себя, либо сознательно вводят в заблуждение других, в данном случае Кейт.

В мозгу Митчела уже сложился образ преуспевающего законника среднего возраста, которому несколько лет назад удалось вскружить голову Кейт, вероятно, почти сразу после того, как она окончила колледж. Митчел мог бы подтвердить свои подозрения несколькими вопросами, но настроение вечера было бы непоправимо испорчено, хотя бы потому, что просто неприлично обсуждать с ней ее любовника и вмешиваться в личную жизнь незнакомого человека в самое неподходящее для этого время. Согласно личному кодексу европейской сексуальной этики, спать с любовницей другого мужчины вполне допустимо. Но только по взаимному согласию. Однако судачить о человеке в его отсутствие – дурной тон и недостойно джентльмена. А Митчел ненавидел и презирал неджентльменские поступки.

Не подозревая о том, что рассказ об Эване произвел прямо противоположное впечатление тому, на которое она рассчитывала, Кейт добавила к водке с тоником ломтик лайма и отнесла готовый напиток Митчелу. Когда она протянула стакан, он, помня о злосчастной «Кровавой Мэри», отступил на шаг и с преувеличенной осторожностью взял стакан. Кейт решила, что из всех его привлекательных качеств ей больше всего нравится обезоруживающее чувство юмора, вероятно, потому, что так было легче забыть о его внешности и расслабиться. Добродушно улыбаясь его выходке, она задала первый пришедший на ум вопрос:

- Где вы научились голландскому?
- В Голландии, – пожал он плечами, пригубив водку.
- Когда вы там были?
- Лет в одиннадцать-двенадцать.

Он, похоже, не слишком спешил откровенничать, но Кейт упорно продолжала допрос, наверное, потому, что это казалось достаточно подходящей темой для начала беседы:

- А почему вы оказались в Голландии в таком возрасте?
- Я учился в школе с мальчиком, семья которого жила в Амстердаме, и два года подряд он приглашал меня проводить летние каникулы с его семьей.

– А я никогда не была в Европе, – с легкой завистью протянула Кейт, отворачиваясь и снова направляясь к бару, – но Амстердам мне хотелось бы увидеть больше всего! Знаете, что я представляю, когда при мне кто-то упоминает об Амстердаме?

– Нет, – покачал головой Митчел, любясь бессознательной грацией ее легкой походки и сияющим водопадом темно-рыжих волос, рассыпавшихся по спине. – Что вы представляете, когда кто-то упоминает об Амстердаме?

Оглянувшись, она бросила на него взгляд, исполненный шутливого сожаления, и присела на корточки перед холодильником.

– Те же две вещи, что и вы и скорее всего остальные.

– Марихуану и проституток? – уверенно предположил Митчел.

Она встала с бутылкой перье в руках, но вместо того чтобы подтвердить сказанное, долго возилась с пробкой. Решив помочь, Митчел шагнул вперед, но тут же понял, что ее плечи трясутся от смеха, и замер от удивления.

– Понимаете, первое, что приходит на ум при упоминании об Амстердаме, – это кафе, в меню которых входит марихуана, и проститутки, стоящие в витринах.

Она засмеялась громче и энергично тряхнула головой, так что волосы разлетелись в разные стороны.

– И вовсе не это! – выдавила она наконец, ухитрившись снять пробку с бутылки и наполняя стакан газированной водой.

– Но о чем еще можно думать? – пожал плечами Митчел.

Кейт, все еще смеясь, повернулась к нему.

– Тюльпаны, – сообщила она, забирая с собой стакан и подходя к Митчелу. – И каналы. Тюльпаны и каналы – вот что главное в Амстердаме!

– Не все так считают, – возразил Митчел.

– Очевидно, нет, – согласилась она, втайне отказываясь признавать его правоту. – Однако должна заметить, что на календарях Амстердам всегда утопает в тюльпанах всех цветов радуги и каналы просто изумительны. И там нет ни снимков меню с марихуаной в качестве закуски, ни проституток в витринах.

– Блюда с марихуаной перечисляются в отдельных меню, – поправил Митчел, получая почти забытое, детское удовольствие от невинной, веселой, абсолютно бессмысленной перепалки с дерзкой девчонкой, которая привлекала, забавляла и противоречила ему на каждом шагу. – И никто не предлагает их в качестве закуски.

– А должны бы, – заявила Кейт, автоматически превращаясь во владелицу ресторана. – Марихуана возбуждает аппетит.

– Это вы по личному опыту? – осведомился Митчел с понимающей улыбкой.

– У меня диплом колледжа, – как бы между делом сообщила Кейт.

«Весьма информативно», – отметил про себя Митчел.

Чтобы избавиться от дальнейших вопросов, Кейт подняла руки, словно сдаваясь, и весело положила конец дальнейшему обсуждению:

– Больше ни слова об Амстердаме, иначе вы навеки испортите мое

представление об этом городе, прежде чем я успею в нем побывать. Вы уже уничтожили мои мечты о полях разноцветных тюльпанов образами кафе, пропахших наркотиками, и мои видения чудесных каналов превратились в тени грязных переулков, где проститутки выставлены на продажу. Кроме того, – добавила она, услышав стук в дверь, – наш ужин прибыл.

Митчел распознал нотки облегчения в ее голосе и понял, что девушка испытывала искреннюю неловкость, обсуждая с ним нелегальный секс и наркотики. Это поразило и озадачило его, хотя все, что она ни делала, либо сбивало с толку, либо интриговало. Несколько минут он наблюдал, как она с такой уверенностью распоряжается официантами, расставлявшими на столе изысканные блюда, словно всю жизнь управляла хозяйством в лучших домах и отелях. Только недавно она стояла на коленях перед искалеченным псом и умоляюще смотрела на Митчела со слезами на глазах, после чего он обнаружил ее сидящей на обочине подъездной дорожки, абсолютно безразличной к своему внешнему виду, одежде и реакции других гостей отеля. А когда он сказал, что помощь сейчас будет, она подняла лицо и улыбнулась с неподдельной благодарностью.

Ничего не скажешь, он действительно ей нравится, и она даже не пытается это скрыть, и все же... Митчел чувствовал, что лишает ее равновесия. Она была красива яркой, почти экзотической красотой... но когда он молчаливо восхитился тем, как она выглядит в широких, развевающихся шелковых брюках и маленьком белом топе, державшемся на прозрачных бретельках, завязанных бантами, она так смутилась, что он поспешил перевести разговор на ее волосы. Несколько минут назад они были на грани поцелуя... но когда им помешала музыка, Кейт отодвинулась и попыталась сделать вид, что ничего не случилось.

Учитывая все это, Митчел засомневался в собственной правоте насчет ее чувств к адвокату. Может, она оставалась со своим дружкой по той причине, что действительно была к нему привязана? Или по крайней мере была намерена не изменять ему!

Митчел горячо надеялся, что ошибается, потому что ее влекло к нему... а его очень влекло к ней.

Нет, не очень. Безумно. И нужно честно в этом признаться.

Официанты потянулись к выходу.

– Ужин подан! – беспечно объявила Кейт.

Митчел повернулся и увидел ее, залитую сиянием свечей. Морской ветерок играл с огненной мантией волос на ее плечах.

Страстно влечет...

Когда он приблизился к столу, она небрежным жестом откинула

непокорную прядь со щеки, и у него замерло сердце от этого бессознательно женственного жеста, словно Митчел никогда раньше не видел, как сотни женщин делают это.

– Садитесь, пожалуйста, – любезно пригласила она, когда он попытался выдвинуть для нее стул. – Вам и так пришлось целую вечность ждать этого ужина.

Ее нервозность немного улеглась. Теперь она была на знакомой территории, стояла возле изысканно накрытого, уставленного свечами стола, принимая особо важного гостя, для которого хотела казаться приятной и радушной хозяйкой. Эту роль она могла играть идеально. Потому что училась у настоящего мастера, и только он был способен сделать это лучше.

Но больше она никогда не увидит отца в этой роли.

Сморгнув неизвестно откуда взявшиеся слезы, Кейт потянулась к открытой бутылке вина на приставном столике.

– Разрешите налить вам вина? – спросила она, улыбаясь сквозь слезы.

– Это зависит от того, где именно вы собираетесь его наливать и насколько метко целитесь.

Непрощеная тоска мгновенно сменилась приступом веселости.

– Очень-очень метко, – заверила она, наклоняясь над его бокалом.

– А у меня имеется свидетельство обратного, – усмехнулся Митчел.

К его досаде, она тут же отомстила, улыбаясь прямо ему в глаза, одновременно ловко отмерив нужное количество вина в бокал.

– Собственно говоря, в тот раз я поразила именно ту цель, которую хотела, – сообщила она.

И прежде чем Митчел успел определить, насколько она серьезна, Кейт отвернувшись, легко скользнула на стоящий напротив стул и безмятежно уставилась на него.

– Намеряете на то, что специально облили меня «Кровавой Мэри»? – осведомился он.

– Сами знаете, что говорят о темпераменте рыжих, – откликнулась Кейт, разворачивая салфетку, но тут же подалась вперед и широко раскрыла глаза, словно в голову пришла ужасающая, но забавная мысль. – Надеюсь, вы не думаете, что я попросту крашу волосы в этот немыслимый цвет?

Митчел был окончательно сбит с толку. Неужели она специально окатила его коктейлем в приступе детской неуправляемой обиды?

– Вы действительно сделали это специально? – спросил он с наигранной небрежностью.

- Обещаете не сердиться?
- Нет, – добродушно улыбнулся он.

С губ Кейт едва не сорвался растерянный смешок: такого она не ожидала.

– Ну хотя бы обещаете никогда больше не заговаривать об этом, если я скажу правду?

- Нет, – с ленивой улыбкой повторил он.

Кейт прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

– По крайней мере вы честны и искренни, хотя умеете ввести в заблуждение.

И, всячески стараясь оторвать от него взгляд, подняла корзинку с хрустящими булочками и предложила гостю.

– А вы? Вы честны и искренни? – весело поинтересовался он, беря булочку, и, несмотря на беспечную атмосферу, Кейт безошибочно ощутила некое подводное течение. И неожиданно сообразила, что он затеял игру в кошки-мышки. По всему видно, что в этой игре он чемпион мира, тем более что отводит себе роль кота. Но одновременно она чувствовала, что он не слишком забавляется игрой. И поскольку ее целью было отплатить за его невероятную доброту, подарив приятный вечер, то она решила положить конец всей шараде.

Смело встретив его взгляд, она со спокойным чистосердечием ответила:

– Я сделала это не нарочно. Просто притворялась, что специально облила вас. Чтобы взять реванш за ваши постоянные шуточки насчет «Кровавой Мэри».

Митчел слышал ее слова, но беспомощно тонул в ее глазах, а выражение прелестного лица так повлияло на умственные способности, что ему уже было все равно, сделала она это нарочно или нет. Однако почему-то сразу же понял, что она говорит правду, и это означало для него больше, чем следовало бы. Интересно, в какой семье, в каком городе, на какой планете появилось это непредсказуемое, живое, веселое создание со своенравным чувством юмора, разящей в самое сердце улыбкой и неисцелимой страстью к спасению раненых дворняжек?

Митчел потянулся к ножу для масла.

- Откуда вы взялись, черт возьми?
- Из Чикаго, – растерянно пробормотала она.

Он резко вскинул голову и уставился на нее с таким недоверием, что Кейт сочла нужным подтвердить свои слова.

- Чикаго, – повторила она. – Я родилась и выросла там. А как насчет

вас?

Чикаго.

Митчел умудрился скрыть свое недовольство, но мгновенно насторожился.

– Я нигде не жил достаточно долго, чтобы считать какое-то место своим, – уклончиво пробормотал он, считая, что этого вполне достаточно. По крайней мере остальные вполне удовлетворялись таким ответом. Да и вопрос был чисто риторическим. Люди задавали его, потому что так принято при знакомстве. Правда их ничуть не интересовала. Но Кейт Донован была не из таких.

– А в каких местах вы росли? – допытывалась она и шутливо добавила: – Хотя не так долго, чтобы считать их своими.

– В различных европейских городах, – неохотно ответил Митчел, решив немедленно сменить тему. Однако не тут-то было.

– А где вы живете сейчас?

– Там, куда призывает работа. У меня квартиры во многих столицах Европы и Нью-Йорке.

Работа иногда призывала его и в Чикаго, но упоминать об этом он не хотел, желая избежать непременных расспросов о том, есть ли у них общие знакомые. Конечно, она вряд ли знает кого-то, принадлежавшего к кругу Уайаттов, но эта фамилия была известна многим чикагцам, особенно читавшим газеты. И поскольку Кейт знала его фамилию, вполне может спросить, из тех ли он Уайаттов, а ему совершенно не хотелось сознаваться в таком родстве, а тем более обсуждать подробности отношений с семьей.

Кейт ожидала, что он перечислит, в каких городах у него квартиры, или объяснит, в чем заключается его работа. Но поскольку Митчел молчал, она предположила, что он намеренно избегает этих тем. Это показалось ей странным. Кейт не хотела совать нос не в свое дело, но не могла с легкостью переключиться на другую тему и поэтому все же спросила:

– И никаких корней?

– Совершенно никаких, – подтвердил Митчел и, встретившись с ее непонимающим взглядом, усмехнулся: – Судя по выражению вашего лица, вы находите это несколько неестественным?

– Да нет, просто трудно такое представить. – Решив, что если она поделится с ним сведениями о себе, он последует ее примеру, Кейт продолжала: – Я родилась и росла в ирландском квартале. Мой отец владел маленьким рестораном, и много лет мы жили в квартирке наверху. По вечерам жители квартала собирались у нас поесть и пообщаться. Днем я ходила в школу Святого Михаила с детьми из своего квартала. Позже

поступила в Университет Лойолы. После окончания стала работать недалеко от дома, хотя к тому времени очень изменилась.

Митчел с чем-то вроде веселого недоверия осознал, что его безумно влечет к милой рыженькой ирландке-католичке из солидной американской семьи среднего класса. Совершенно нетипично для него, и неудивительно, что она кажется такой загадкой.

– А куда вы устроились после колледжа?

– Социальным работником в департамент социального обеспечения детей и семьи.

Митчел едва сдержал смех. Значит, его безумно влечет к рыжей ирландке-католичке из среднего класса с сильно развитым общественным сознанием.

– Но почему вы решили заняться социальной работой, а не ресторанным бизнесом? Полагаю, в детстве вы достаточно его изучили? – допрашивал он.

– Это был скорее не ресторан, а уютный ирландский паб с весьма ограниченным меню из ирландских блюд и сэндвичей, но я ужасно его любила, особенно когда кто-то играл на пианино, а посетители пели ирландские песни. Караоке, – с улыбкой добавила она, – весьма почитаемая форма развлечения в ирландских пабах на протяжении сотен лет, только термин появился в последние годы.

Митчел, знавший, что такое караоке, был так же хорошо знаком с несколькими пабами в Ирландии, поэтому прекрасно понимал, что она имеет в виду.

– Продолжайте, – попросил он, потянувшись к бокалу с вином. – Вы любили музыку...

Кейт поняла, что он к тому же умеет слушать, и подумала, что если она будет немного откровеннее и побольше расскажет о своей жизни, он сделает то же самое.

– Я любила музыку, но в спальне она была плохо слышна, а мне не разрешали спускаться вниз после пяти вечера, поэтому я украдкой пробиралась в гостиную, когда няня засыпала, и слушала музыку оттуда. К тому времени, когда мне исполнилось семь лет, я знала все песни наизусть: грустные, революционные, непристойные. Значений слов я не совсем понимала, зато произносила их с чисто ирландским выговором. Говоря по правде, – призналась Кейт, попробовав салат, – я часами смотрела по телевизору старые мюзиклы и хотела стать певицей в ночном клубе и носить красивые наряды, как женщины в тех фильмах. Воображала, что наш старый кухонный стол – это рояль, ложилась на него в картинной позе

и пела в импровизированный микрофон – чаще всего в ручку от метлы.

Митчел сочувственно хмыкнул.

– И вы никогда не пели для посетителей внизу?

– Как же, пела. Мой официальный дебют состоялся в семь лет.

– И как все прошло?

История была смешной, но пришлось бы упоминать об отце, поэтому она молча смотрела в сад, пытаясь решить, сумеет ли продолжать рассказ без того, чтобы не заплакать.

– Достаточно сказать, что все прошло не совсем так, как ожидалось, – выдавила она наконец.

Митчел почти не замечал, что ест. Она была такой откровенной всего минуту назад, что теперь явное нежелание изложить подробности дебюта вызвало в нем сильнейшее желание вытянуть из нее детали. И поскольку простая вежливость требовала по крайней мере дать ей спокойно поесть, Митчел сдержал любопытство, приберегая расспросы на потом.

Шеф-повар в клубе «Айленд» пользовался мировой славой, и креветки и салат авокадо, заказанный Митчелом для них обоих, подавался с восхитительным соусом из пармезана с каперсами. Рыба люциан, которую он попросил для себя, оказалась изумительно приготовленной и была подана с кедровыми орешками и свежей спаржей. Но ему куда больше нравилась рыжая особа, сидевшая напротив, и он едва ощущал вкус еды. Подождав, пока она попробует салат и основное блюдо, он осушил бокал и полусерьезно заметил:

– Я не позволю вам проигнорировать мой вопрос о вашем певческом дебюте в пабе.

После довольно долгого молчания звуки его низкого баритона словно пробудили Кейт от сна. Девушка резко вскинула голову и, пытаясь скрыть свою реакцию, уставилась на него, как надеялась, с выражением веселого высокомерия.

– Я отказываюсь поведать вам историю, пока вы не расскажете мне нечто такое, что выставит вас в невыгодном свете.

Вместо того чтобы согласиться или сдаться, он откинулся на спинку стула, вертя в руках бокал и молча, задумчиво разглядывая ее.

Кейт пыталась стойко выдержать его взгляд, но засмеялась и махнула рукой:

– Все, сдаюсь, сдаюсь... И ужасно интересно, о чем вы думаете?

– Пытаюсь решить, к чему прибегнуть: лести или подкупу?

– Попробуйте подкуп, – дерзко посоветовала Кейт, потому что ставкой была всего лишь история, а она была уверена, что он предложит какую-то

дурацкую приманку.

– В таком случае завтра я обещаю купить ошейник и поводок...

Кейт в притворном ужасе закатила глаза:

– Либо вы не в себе, либо совершенно не разбираетесь в аксессуарах. Лучше ограничьтесь галстуками...

– И помогу доставить вашего Макса к ветеринару на Сен-Мартен, – продолжал он, не обращая внимания на укол.

Только тут Кейт поняла, о чем идет речь, и с благодарностью посмотрела на него, как ни странно, чувствуя, что им предстоит стать лучшими друзьями и что это было кем-то предназначено. Он ответил ей таким же взглядом, тепло улыбаясь... нет, не тепло! Интимно!

Кейт, боясь самой себя, попыталась отвлечь его шуткой:

– Что же, взятка немалая! А как вы собирались мне льстить?

Митчел задумчиво поднял брови. На губах играла улыбка.

– Скорее, уговаривать. Напомнить о том, что вы мне должны, – хмыкнул он.

Кейт ужасно захотелось закрыть лицо и заткнуть уши, чтобы не видеть и не слышать его. Даже сейчас, в спокойном состоянии, он буквально излучал сексуальную энергию. А уж когда смеялся, был просто неотразим. Когда улыбался, выглядел опасно привлекательным. А уж когда был молчалив и задумчив, как минуту назад, еще больше интриговал ее. Он был настолько физически привлекателен, остроумен и утончен, что ему хотелось доверять. Хотелось дружить с ним, хотя он был последним человеком на Карибских островах, которому можно довериться. С которым можно подружиться... даже полюбить... Мощный магнит весом в двести фунтов, а она чувствовала себя крохотной скрепкой, изо всех сил борющейся с его притяжением. Но он все равно неумолимо притягивал ее к себе, дюйм за дюймом, через весь стол.

Пожалуй, ей легче развлекать и забавлять его, чем пытаться целых три безмолвных секунды противостоять его притяжению. Что ж, наверное, придется сдаться и рассказать историю дебюта.

Митчел мгновенно понял, что решение принято.

– Что побудило вас? – довольно ухмыльнулся он. – Подкуп или уговоры?

– Я совершенно равнодушна к подкупу, – язвительно объявила Кейт и хотела было добавить, что не менее равнодушна к уговорам, но не успела, потому что Митчел кивнул:

– Вот и прекрасно. Я заеду за вами утром в десять. А теперь выкладывайте, как прошел дебют.

– Это случилось в День святого Патрика, – со вздохом начала Кейт, – так что к семи вечера в пабе яблоку негде было упасть. Пиво лилось рекой, а от оглушительного рева дрожали стены. Я знала, что отец куда-то вышел, потому что перед этим он поднялся наверх за бумажником, поэтому я прокралась вниз, хотя, если его не было дома, мне вообще строго-настрого запрещалось заходить туда. Таковы были правила, и я знала, как мне влетит, если я их нарушу. Это знал и бармен, но народу толпилось столько, а я была такой маленькой, что меня никто не заметил. Сначала я просто торчала на последней ступеньке, тихо подпевая музыке. Но оттуда ничего не было видно, поэтому я продвинулась чуть дальше... и дальше... и дальше... пока не добралась до конца стойки. Пианино находилось у меня за спиной, а справа за стойкой сидела пожилая парочка. Я не знала, что они давно наблюдают за мной, пока мужчина не нагнулся и не спросил, есть ли у меня любимая песня. Я сказала, что моя любимая песня – «Дэнни-бой», потому что моего папу зовут Дэниел...

Кейт потянулась за стаканом, чтобы скрыть боль, нахлынувшую при упоминании о песне, которую она пела для отца в последний раз, стоя у могилы. Тогда по ее лицу струились слезы, а остальные собравшиеся дружно сморкались в платки.

– Кажется, я совсем не даю вам есть, – извинился Митчел.

Кейт съела кусочек гребешка и чуть-чуть риса, чтобы выиграть время и немного успокоиться, но Митчел почти не коснулся еды. Кейт заметила, что для такого высокого человека, который, должно быть, уже успел проголодаться, он ел очень мало.

– Как только захотите продолжить... – поторопил он через несколько минут. Его улыбка была такой заразительной, что Кейт улыбнулась в ответ и продолжала историю, почти забыв о давящей тоске, которую испытывала совсем недавно.

– Мужчина за стойкой поднялся и, вероятно, дал пианисту денег, потому что тот сразу заиграл «Дэнни-бой». И тогда незнакомец подхватил меня на руки, поставил на свой табурет и потребовал, чтобы все замолчали, потому что сейчас буду петь я.

Кейт снова помедлила, на этот раз потому, что старалась не хихикнуть.

– Вот так он и настал, мой звездный час. Я так нервничала, что пришлось сцепить руки за спиной, чтобы они не дрожали. А когда попыталась петь, из горла вырвалось нечто вроде кваканья.

– И на этом все кончилось?

– К несчастью, нет, – засмеялась Кейт, качая головой.

Митчел, которому не терпелось узнать, что будет дальше, попробовал

угадать:

– Вам наконец удалось запеть громче и очень фальшиво?

Его улыбка померкла при мысли о том, как в подобных обстоятельствах могут быть жестоки к маленькому ребенку люди, успевшие набраться.

Но Кейт снова покачала головой и приняла оскорбленный вид.

– Мой конец истории нравится мне куда больше.

– И каким же был конец?

– Собственно, как только я обрела голос, все было лучше некуда. К счастью, пока я пела, все молчали, а потом тишина продолжалась еще несколько секунд, прежде чем раздались аплодисменты.

– Громкие?

– Очень. Естественно, я посчитала это одобрением публики и принялась петь другую песню, уже более веселую, которая, как я понимала, покажет всем мое блестящее владение ирландским наречием. Когда я ее пела, кто-то дал мне зеленую шляпу гнома и игрушечную дубинку. И тут, как раз на последнем куплете... – она все-таки расхохоталась, – вошел отец. О Господи, что там началось!..

– Он, конечно, расстроился, – предположил Митчел, подумав про себя, что ее отцу совсем не следовало ругать девочку, раз она дала такое великолепное представление.

– Это правда. Он действительно немного расстроился, – подтвердила она, смеясь еще громче. – Видите ли, к тому времени как он пришел, я уже стояла не на стуле, а на барной стойке, чтобы все могли меня видеть. Нахлобучила зеленую шляпу, размахивала дубинкой и во весь голос распевала разухабистую песню «Собирайтесь все бродяги и прохвосты». На случай, если вам она не известна, некоторые куплеты несколько непристойны, и я как раз дошла до одного из них, когда передо мной возник отец.

– И что случилось?

– Мой голос оборвался на полуслове.

– А ваш отец? Как он поступил?

– Стащил меня со стойки, а назавтра попросил моего дядю использовать все его влияние, чтобы немедленно записать меня в школу Святого Михаила, с тем чтобы монахини... э... смогли как-то участвовать в моем воспитании. До этого я ходила в обычную школу, потому что она была гораздо ближе, и брала уроки катехизиса в Святом Михаиле только по субботам.

– И на этом ваша певческая карьера закончилась? – поинтересовался

Митчел, поднося бокал к губам.

– Почти. Отныне мое пение ограничивалось исключительно церковным хором.

При слове «хор» Митчел поперхнулся.

– Слава Богу, что монахини не заманили вас в свой монастырь и не превратили в невесту Христову! – выпалил он, хотя вовсе не собирался выражать свои мысли вслух.

– Заманить меня в монастырь? – хмыкнула она. – Да они бы не позволили мне и порога переступить, даже если бы я об этом умоляла! Не было того правила в уставе, которое я не обошла бы или не нарушила, и меня всегда, всегда ухитрялись поймать, в точности как в тот день, когда отец застал меня поющей в баре. Все годы учебы меня оставляли после уроков за одно или другое нарушение. И я практически истерла все школьные доски, выписывая по сто раз обещания вроде: «Я буду подчиняться школьным правилам» и «Я больше не буду грубить учителям». Бедные монахини окончательно отчаялись бы, если бы не мой «ангельский» голосок. Без меня, как они утверждали, церковный хор многое бы потерял.

Митчел все еще пытался соотнести образ ангелочка из церковного хора с привлекательной рыжеволосой особой, сидевшей напротив него, когда та беспечно заметила:

– Лично мне кажется, что вовсе не мои вокальные способности, а влияние дяди не позволило монахиням исключить меня в первый же год.

– Ваш дядя жертвовал на церковь много денег?

– Не деньги, а все свое время. Мой дядя был приходским священником.

Митчел с комическим ужасом уставился на нее. Кейт, склонив голову набок, изучала его лицо.

– Похоже, вам это не понравилось.

– Страшно подумать, что вы могли бы стать монахиней. Вот это был бы настоящий кошмар.

– Но почему? Неужели это вас так раздосадовало бы?

Ответ был очевиден, но поскольку Кейт, похоже, действительно не понимала, Митчел перевел многозначительный взгляд на ее манящие губы и грудь и снова посмотрел в глаза.

– А вы как полагаете, Кейт?

Трудно было иначе истолковать значение его слов. И Кейт ощутила, как горячая волна прихлынула к низу живота, разлилась жаркой молнией по ногам до кончиков пальцев. Реакция ее тела была столь сильной и

неожиданной, что она подавилась нервным смехом, встала и, стараясь выглядеть сдержанной и суровой, строго спросила:

– Вы всегда так откровенны?

– Я хочу быть уверенным, что мы с вами в одной команде.

– Я даже не уверена, что мы с вами в одной лиге, – пробормотала Кейт, нервно откидывая волосы со лба.

Его восхищенный взгляд скользнул по ее волосам, притягивая, соблазняя, уговаривая...

Рука Кейт дрогнула, а щеки запылали румянцем.

Он заметил это и улыбнулся:

– А я думаю, что все именно так и есть.

Не зная, как выйти из положения, Кейт снисходительно усмехнулась:

– По-моему, вы чересчур уверены в себе.

– Не обязательно, – невозмутимо парировал он. – Скорее всего я просто позволил себе вообразить, что вас влечет ко мне так же сильно, как меня к вам. Поэтому если я и виновен, то лишь в том, что принял желаемое за возможное, а излишняя самонадеянность тут ни при чем. – И, окончательно лишив ее равновесия, многозначительно поднял брови: – Как видите, существуют всякие возможности. Выбор зависит от вас.

«Вы не в моей команде... даже не в одной лиге... Вы сознательно вводите себя в заблуждение...»

Вот что ей следовало бы ответить! Но пронизывающий взгляд синих глаз разоблачал ее, не говоря уже о понимающей улыбке, и она втайне сознавала, что вряд ли будет выглядеть убедительно, тем более что потеряла значительную часть уверенности в себе. Пытаясь выкрутиться из невыгодного положения, она проигнорировала его требование сделать выбор и, смеясь, пробормотала:

– Ненавижу, когда меня ставят перед подобными альтернативами. Это... так ограничивает! – И прежде чем он успел сказать хотя бы слово и заманить ее в очередную ловушку... или к себе на колени, Кейт поспешно добавила: – Пойду посмотрю, как там Макс, и принесу нам еще льда. А вы пока поешьте.

Она бросилась в номер, но, не останавливаясь у ведерка со льдом, прошла прямо в ванную, включила свет и закрыла дверь. Опершись ладонями на изысканные керамические плитки туалетного столика, она низко опустила голову и сделала несколько глубоких вдохов, чтобы обрести равновесие. Но думала только о том, каково это – таять под поцелуями Митчела, нежиться в его объятиях.

Расстроенная направлением, которое приняли ее мысли, Кейт подняла

голову и злобно уставилась на себя в зеркало. Как можно вообще рассчитывать на короткую бессмысленную сексуальную связь с незнакомым человеком, если раньше она не делала ничего подобного? Наверное, потому, что этот самый незнакомец, ожидающий ее на террасе, – ожившая фантазия любой женщины: остроумен, обаятелен, утончен, заботлив, добр и... о да, ошеломляюще красив и чересчур сексуален. Даже обстановка поистине идиллична: тропический остров, ужин при лунном свете, пьянящий аромат жасмина и накаленный ритм стальных барабанов, играющих музыку калипсо на пляже. Кейт поняла, что и время выбрано самое подходящее, потому что она собиралась положить конец долгим отношениям с Эваном.

И все это подталкивало ее прямо в объятия Митчела Уайатта, искушая сотворить то, о чем она, возможно, горько пожалеет потом. Кейт никогда не занималась сексом ради секса. Даже в колледже, со знакомыми мальчиками. В отличие от других студенток ее не устраивал случайный партнер на одну ночь. Если она пойдет на это сейчас, если немедленно не возьмет себя в руки, завтра ее гордость и самоуважение навсегда останутся в прошлом.

Кейт задумчиво потерла лоб. В конце концов, она взрослая женщина и, возможно, утром не будет испытывать угрызений совести. Она знала, что если решит отказать ему, скорее всего потом долго-долго будет гадать, как все могло бы быть.

И Кейт, беспомощно пожав плечами, посчитала, что лучше все пустить на самотек, и потянулась к выключателю на стене, рядом с телефоном. Красный индикатор настойчиво, повелительно подмигивал, и то ли из чувства вины, то ли из осторожности она вдруг решила узнать, что хотел сказать ей Эван. Подняв трубку, она нажала кнопку голосовой почты.

– *Одно непослушанное сообщение,* – объявил автоответчик, и секундой спустя раздался знакомый сдержанный голос Эвана:

– *Кейт, это я. Ты, вероятно, ушла на ужин.*

Судя по тону, он казался расстроенным и измученным, поэтому Кейт угадала, что последует дальше, прежде чем он продолжил:

– *Прости, но я не смогу прилететь завтра. Я делаю все возможное, чтобы закончить дело, и ты, разумеется, это понимаешь. Заседание никоим образом не может продлиться дольше одного дня, так что я буду послезавтра. Рассчитывай на меня.*

Кейт «рассчитывала» вот уже третий день.

И поэтому повесила трубку.

Глава 9

Выйдя в гостиную, она подошла к спящему Максу и коснулась его носа. Влажный и немного холоднее, чем раньше, да и дыхание ровное. Погладив его, она тихо спросила:

– Ну, Макс, как ты себя чувствуешь?

К ее восторженному изумлению, он приоткрыл глаза и слабо вильнул хвостом.

– Похоже, с тобой все будет хорошо, – прошептала она, почесывая его за ушами. – Если через несколько минут к тебе вернуться силы и если ты действительно хороший сторожевой пес, можешь спокойно выходить на террасу. Нужно, чтобы за мной кто-нибудь присмотрел, потому что так и подмывает сделать ужасную глупость. А может, и не такая это глупость...

Но тут она ощутила странное покалывание в затылке и оглянулась. Митчел не сводил с нее глаз.

– Как он?

Пульс Кейт чуть участился.

– Получше, – кивнула она, вставая. – Сейчас приду, только смою с рук этот мерзкий порошок.

Она заперлась в ванной и наскоро вымыла руки. Проходя через гостиную, она увидела бар, вспомнила про ведро со льдом, которым воспользовалась как предлогом удрать на пару минут, и захватила его с собой, а заодно и бутылку бренди.

– Я принесла дары, – пошутила она, ставя на маленький столик бутылку и ведро. – Хотите еще вина?

– Я налил нам обоим, пока ждал вас.

Взглянув на его тарелку, Кейт обнаружила, что он не прикоснулся к еде, с тех пор как она ушла. Вероятно, предпочел, чтобы все остыло, чем ужинать без нее. Помимо всего прочего, у этого человека безупречные манеры.

Пытаясь оправдаться за свое долгое отсутствие, она поспешно подняла вилку и позволила ему выбрать тему разговора. К ее облегчению... и некоторому разочарованию, он завел легкую, ни к чему не обязывающую беседу насчет отеля и погоды, а также рассказал забавную историю о двух парах, нанявших на Сен-Мартене лодку на три часа и пропадавших три дня. Вскоре Кейт еще раз убедилась в его умении развлечь даму.

Музыканты либо закончили играть, либо сделали перерыв, но

доносившиеся с пляжа взрывы смеха означали, что гости отеля по-прежнему развлекаются. Кейт повернула голову, прислушиваясь к шороху прибоя, ритмично накатывавшего на берег, и одновременно размышляя о том, как заставить его говорить о себе и одновременно не показаться слишком назойливой. Ею владело не обычное любопытство, а искренняя потребность узнать и понять его лучше. Несмотря на все обаяние и внешнее дружелюбие, Кейт все сильнее ощущала, что ее новый знакомый – человек непростой. Недаром он уклоняется от всяких расспросов на личные темы и мгновенно настораживается, стоит ей попробовать что-то выведать. Очевидно, Митчел не против интимной близости, но ей начинало казаться, что он вряд ли доступен кому-то на чисто эмоциональном уровне. Даже ей.

Украдкой вздохнув, Кейт выругала себя за то, что думает и чувствует как влюбленная, потерявшая голову девчонка, которой не терпится узнать все возможное о предмете своего увлечения.

Митчел поднял бокал и откинулся на спинку стула, наслаждаясь видом ее прелестного профиля и соблазнительным изгибом маленького рта и с улыбкой представляя семилетнюю малышку, раскинувшуюся на кухонном столе с палкой от метлы вместо микрофона.

Потом он попытался представить ее в форме ученицы католической школы: скорее всего белая блузка и клетчатый джемпер с темной юбкой, белыми носочками и коричневыми туфлями. Когда он воображал, как она поднимается на цыпочки, чтобы в сотый раз написать «Я больше не буду грубить учителям», уголки его глаз смешливо сощурились. Монахини считали, что она поет как ангел, вспомнил он, и перед глазами немедленно возникла новая картина: маленькая девочка в длинном белом одеянии с огромными зелеными глазами, поднятыми к небу, и с книгой гимнов в руках.

Митчел был немного знаком с католическими церковными хорами. Недаром он до пяти лет жил в итальянской семье Каллиорозо, откуда уехал в свой первый пансион. Незадолго до его отъезда Серджио Каллиорозо и его жена сообразили, что Митчела вряд ли крестили, и поскольку были истовыми католиками, выбрали для него эту религию. Митчел отчетливо помнил тот июльский день, когда его крестили, потому что в маленькой деревенской церкви было невыносимо душно, а Розалия Каллиорозо весь предыдущий вечер крахмалила и гладила его белую рубашку, пока она не сделалась твердой, как картон. В довершение всех неудобств старый священник выбрал для бесконечной проповеди таинство крещения. И пока он битый час уныло бубнил слова проповеди, Митчел только и думал о том,

как хорошо было бы, если бы кто-то налил ему на голову немного холодной воды, поскольку именно это, как объясняла Розалия, с ним и должны сделать. Но когда время пришло, вода оказалась тепловатой, как и воздействие всей церемонии.

Став католиком, он не ощутил ни святости, ни благочестия, ни даже малейшей приверженности к католицизму. Во всех пансионах, в которых ему доводилось жить потом, посещение церкви считалось обязательным, так что Митчел прежде всего старался узнать, какие службы в каком пансионе самые короткие, после чего незамедлительно решал «обратиться» именно в эту религию. Когда ему исполнилось четырнадцать и единственный раввин в городе заболел так сильно, что больше не смог исполнять свои обязанности, Митчел немедленно объявил о горячем желании обратиться в иудейство и почти полгода сумел увертываться от всякого посещения служб вообще.

А вот Кейт каким-то образом процветала в удушливой атмосфере приходской школы.

Митчел снова глотнул вина, втайне поражаясь, до чего же она естественна и непринужденна, несмотря на лицо и фигуру, которым позавидовали бы большинство женщин. Митчел наслаждался обществом многих умных красивых женщин, а также знал женщин попроще, зато восхитительно остроумных, начитанных и интеллектуально одаренных. Но Кейт Донован была единственной, обладавшей всеми их лучшими качествами и к тому же имевшей поразительно доброе сердце и некую внутреннюю порядочность. Все это делало ее чертовски неотразимой... при условии, что ее внушенные приходской школой моральные принципы и некоторая чопорность не зайдут сегодня чересчур далеко.

Она не упоминала ни о матери, ни о сестрах или братьях, но хотя Митчелу было бы интересно о них узнать, все же спрашивать он не намеревался. Если он и дальше станет допытываться о ее семье, она будет иметь полное право расспросить о его родных. И хотя он был готов почти на все, чтобы затащить ее в эту гигантскую кровать, все же не намеревался удовлетворять ничье любопытство относительно своего детства и родных.

Кейт рассеянно смотрела на стену деревьев и кустов на краю сада: возможно, составляла список вопросов для него, грустно улыбнулся Митчел. Но тут она неожиданно замерла и подалась вперед:

– Видели?

– Что именно? – спросил Митчел, вскакивая.

– Какое-то шевеление в деревьях, и я заметила, как что-то сверкнуло, вероятно, отразилось в лунном свете.

Да, ничего не скажешь, сразу видно городскую девушку! Так испугаться всего лишь безвредного ночного животного!

Вместо того чтобы снова сесть, Митчел отошел от стола.

– Собака или кошка, – заверил он, шагнув к ней. – Их глаза вспыхивают в темноте, когда попадают в полосу лунного света.

– В таком случае эта собака или кошка была ростом почти шесть футов.

– Потому что она залезла на дерево, – рассудил Митчел, но поскольку она продолжала с сомнением вглядываться в деревья, добавил: – Только не ожидайте, что я отправлюсь на поиски. На сегодня я уже исчерпал свою квоту героических поступков.

Кейт решила, что он был прав насчет животного на дереве, и ей быстро передалось его шутливое настроение.

– Где ваше чувство рыцарства? – упрекнула она.

В низком голосе зазвучали многозначительные ноты.

– Мое рыцарство испаряется, как только с десертом покончено.

Он стоял так близко, что штанины рыжевато-коричневых брюк почти касались ее коленей, и Кейт пришлось откинуть голову, чтобы продолжать разговор. Но она, как могла, старалась казаться веселой и беззаботной, несмотря на его физическое преимущество.

– Но мы еще не приступали к десерту, – напомнила она.

– Так давайте начнем, – изрек он со спокойной неумолимостью и протянул руку.

Сердце Кейт ударило в ребра. Медленно-медленно его рука потянулась к ее руке. Ее пальцы скользнули в его теплую ладонь. Он протянул другую руку, и Кейт ощутила, как ее поднимают. Правая рука Митчела легла на ее талию, притягивая Кейт к мужской, твердой, как скала, груди. Левой он положил ее руку на свое плечо. Ожидая поцелуя, Кейт подставила было губы, но он отступил вбок и чуть влево. За мгновение до того, как потерять равновесие и споткнуться о его ноги, Кейт сообразила, что пляжные музыканты играют «Девушку из Ипанемы» и Митчел вовсе не собирается целовать ее. Просто таким образом пытается пригласить на танец. Причем ключевое слово именно «пытается», и Кейт едва сдержала приступ сконфуженного смеха, поскольку пришлось сделать два быстрых неуклюжих шага, чтобы не наступить ему на ноги, и еще два шага вперед, чтобы поймать ритм.

– Ну, как танцуется? – шутливо спросил он.

Несколько минут назад она боялась дотронуться до него из страха, что попросту займется пламенем. Теперь же прислонилась лбом к той же

каменно-твердой мужской груди, от прикосновения к которой покалывало соски.

– Могли бы упомянуть, что намерены танцевать, а не тащить в постель, – беспомощно рассмеялась она.

– Но я действительно собираюсь тащить вас в постель, – тихо предупредил он, так близко наклонившись к ее макушке, что его дыхание колебало волосы.

Кейт мгновенно стало не до смеха. Зато все ощущения невероятно обострились. Чувственная мелодия самбы пульсировала в ночи, и его длинные ноги то и дело прижимались к ее ногам. Прошло не меньше минуты, прежде чем Кейт поняла, что он танцевал так же, как делал все остальное: умело и без всяких видимых усилий. Вне всякого сомнения, он и в постели так же неотразим: требователен, нежен, но ведет себя с женщиной истинно по-мужски.

Ее предательское тело стало теплым и податливым, и Кейт из последних сил боролась с ошеломляющим искушением отдаться легкому нажиму его руки на ее спину и прижаться теснее. Интересно, строго спрашивала она себя, что будет после того, как она переспит с ним? Он весьма обыденно относится к сексу и, вне всякого сомнения, забывает женщин так же быстро и легко, как соблазняет. Если так, забыть о ней вдвойне легко. Но вот она вряд ли вообще сумеет забыть Митчела, даже если откажется переспать с ним. А уж что с ней будет твориться, если она не откажется? В этом случае ей долгие годы предстоит ужасно страдать.

Пытаясь сосредоточиться на этой невеселой мысли, Кейт смотрела прямо перед собой, но видела только его загорелую шею в распахнутом вороте белой сорочки, откуда, как раз поверх пуговички, виднелись крохотные черные волоски.

Она поспешно перевела взгляд вправо и обнаружила, что уставилась на длинные мужские пальцы, переплетенные с ее собственными. У него очень красивые руки, с короткими ухоженными ногтями. Сильные, все умеющие руки, которые безошибочно найдут на ее теле самые чувствительные места, если только она позволит...

Кейт смирилась с поражением. Она готова все ему позволить. Невзирая на последствия, намеревается обнаружить, что ждет ее в его объятиях. Она должна знать. Должна понять, почему он сумел пробудить в ней взрывное сочетание пьянящего желания и теплого дружелюбия всего через несколько часов после первой встречи.

Кейт прижалась щекой к его груди, закрыла глаза и отдалась ритму танца, предугадывая каждое движение Митчела, словно они целую

вечность танцевали вместе.

Митчел слегка приподнял подбородок, полностью расслабившись в предвкушении того, что должно сейчас произойти. Слегка повернув запястье, он посмотрел на часы. Одиннадцать двадцать пять. Минут через пять служащие отеля придут убрать остатки ужина, если предположить, что они будут точны и прибудут в указанное Кейт время. Она скорее всего забыла об этом. В отличие от Митчела. А он не хотел еще одного неудачного поцелуя, как тот, последний. Кроме того, куда теперь спешить? По опыту он знал, что предвкушение любого интимного акта, включая первый поцелуй между будущими любовниками, часто так же приятно, как и сам акт. А последнее время само предвкушение все чаще казалось гораздо приятнее свершения.

Музыканты замолчали, дожидаясь взрыва аплодисментов от слушателей. Кейт остановилась и взглянула на него глазами, полными покорности и лунного света.

Митчел понял, что она ожидала поцелуя, и, мгновенно изменив решение, подумал, что сейчас настал миг легкого короткого поцелуя. Обещания того, что последует позже.

Едва он наклонил голову, Кейт приготовилась к требовательной чувственной атаке, но поцелуй оказался на удивление легким, скорее, дружеским, нерешительное прикосновение к ее губам его рта – улыбающегося рта. И она тоже слегка улыбнулась, положила руки на его плечи и вернула первый поцелуй. Самый первый. Когда будущие любовники только знакомятся друг с другом.

Но тут давление его губ чуть усилилось, потом еще, еще... пока ее губы не раскрылись. Тогда его пальцы зарылись в волосы на ее затылке, продолжая прижимать ее голову к своей, а свободная рука скользнула по ее бедрам, притягивая их к его возбужденной плоти.

Кейт так забылась в жарком, требовательном поцелуе, что почти не услышала стука. Она так и не поняла, что это такое, пока Митчел не оторвался от нее и, злобно нахмурился, не уставился на что-то за ее плечом.

– Обслуживание номеров, – выдавил он, отступая. – Ты велела им прийти в половине двенадцатого, чтобы убрать посуду.

До Кейт наконец дошел смысл его слов. Поспешно отвернувшись от него, она шагнула к двери, чтобы впустить официантов.

Митчел смотрел ей вслед и тихо ругался, пытаясь укротить разбушевавшуюся похоть. Поняв, что физическое свидетельство этой похоти не желает ни на йоту уменьшаться, он повернулся и ушел с террасы, вынужденный ретироваться в темноту сада, чтобы спрятать дикое

возбуждение, которое никак не должно было стать следствием одного сравнительно целомудренного поцелуя. Да хотя бы и дюжины!

Глава 10

Кейт открыла дверь улыбающимся официантам, молодому и постарше.

– Как ваш ужин, мисс? – спросил тот, что помоложе, ввозя сервировочный столик.

– Восхитительный, – слегка задыхаясь, заверила она, хотя не могла припомнить, что именно ела.

– А вино понравилось? – осведомился второй, осторожно обходя спящую собаку.

– Да. Очень, – подтвердила Кейт с улыбкой, пытаясь обрести равновесие. Проверила, не стало ли хуже Макс, пригладила волосы и вышла на террасу. Митчел стоял в саду, сунув руки в карманы и задумчиво глядя на залитую лунным светом воду.

Музыканты снова заиграли, и когда Кейт стала обходить стол, молодой официант, силившийся воткнуть пробку в недопитую бутылку вина, приостановился.

– Там, внизу, устроили вечеринку. Надеюсь, музыка не потревожила ни вас, ни вашего мужа.

– О нет, мы... мы... нам очень нравится, – пробормотала Кейт, запнувшись при слове «муж». Не потому, что Митчел не был ее мужем. Просто она поняла, какой неловкой будет ситуация завтрашним или послезавтрашним вечером, если те же официанты подадут обед ей и Эвану! Возможно, Митчел подумал о том же, поэтому и ушел в темноту, в самую глубь сада.

Но Кейт вынудила себя выбросить из головы тревоги о будущем и ступила с террасы в траву. Очень скоро ей придется жить с последствиями своего решения остаться на ночь с Митчелом. Но пока что решение принято, и назад дороги нет. Да она и не хочет отступать, особенно после их поцелуя. Оказалось, что до этой минуты она не знала, что такое настоящий поцелуй, и отчего-то ощущала, что Митчел почти так же удивлен и захвачен этим поцелуем, как сама она.

Он повернулся к ней, и Кейт всмотрелась в его лицо, пытаясь найти хоть какой-то признак того, что поцелуй действительно повлиял на него. Очень хотелось верить, что и для него это не обычный поцелуй.

Да-да, Кейт необходимо было поверить в это, и все же в бледном лунном свете она видела, что Митчел почти хмурится. Однако он стоял слишком далеко, чтобы понять, так ли это. Кейт нерешительно улыбнулась

и попыталась придумать, что сказать ему, когда подойдет ближе. Он не улыбнулся в ответ. Почему?

А Митчел не улыбался, потому что изучал женщину, только сейчас единственным поцелуем умудрившуюся возбудить в нем порыв неуправляемой, алчной похоти. Изучал и вовсе не радовался тому, что видел. Она шла навстречу, заложив руки за спину. Ветерок играл ее длинными волосами, забирался под широкие брюки. В эту минуту она напомнила ему певчую из ирландского хора, и соблазнительный костюм, который она носила и который он мысленно сдирал с нее во время ужина, теперь показался девственно-белым.

Кейт Донован совсем не была женщиной в его обычном стиле, и бурная физическая реакция на единственный поцелуй тоже показалась ему весьма необычной. Днем, когда она опрокинула на него «Кровавую Мэри», его желание вновь увидеть ее было вполне естественным: какой мужчина не назначил бы свидания такой хорошенькой девушке? Но вечером его влечение к ней усиливалось так бурно с каждым новым ее поступком и словом, что единственный поцелуй, предназначенный, чтобы выразить чисто физическое желание, которое скоро будет удовлетворено, стал чем-то другим. Выражением безумной потребности.

Кейт остановилась, чтобы сорвать белый цветок с куста. Поднесла цветок к носу, глубоко вдыхая аромат и глядя на воду. И внезапно Митчел перенесся на десять лет назад, в дом греческого бизнесмена, где праздновали какое-то событие. Когда ему надоел шум, он захватил с собой выпивку и медленно побрел по тропинке, кончавшейся у входа в маленький, залитый светом факелов садик на краю обрыва. В центре стояла статуя молодой женщины с вьющимися волосами, державшей в руке цветок. Судя по одежде, статую изваяли совсем недавно, но что-то в ней привлекало Митчела.

– Не возражаете, если я присоединюсь к вам? – спросил он у статуи, изучая черты ее лица.

Идиотский вопрос. Как и тот факт, что он сравнивает рыженькую девушку из Чикаго с греческой статуей из алебаstra. Его реакция на Кейт Донован была не только странной, но и непредсказуемой, и хотя Митчел понятия не имел, почему она так на него повлияла и куда все это приведет, все же несколько насторожился. Общее направление движения вызвало смутные подозрения. Придется проследить, чтобы курс прокладывался более тщательно и на его условиях.

Кейт остановилась перед ним и посмотрела в сторону берега, где музыканты заиграли очередную самбу.

– Мы опять с музыкой, – беспечно сообщила она, стараясь игнорировать его холодноватую улыбку и руки в карманах. – Официант сказал, что там чья-то вечеринка.

Митчел посмотрел в ту сторону и назвал мелодию, которую играли музыканты.

– «Корковадо», – отметил он, но не попытался вновь пригласить ее на танец, и Кейт решила, что он так сдержан в присутствии официантов.

И поскольку так и не смогла возродить то настроение, которое царило здесь до появления официантов, решила, что лучше всего затеять легкую беседу, а если повезет, побольше узнать о человеке, с которым собиралась лечь в постель.

– Судя по тому, как вы танцуете, я уже поняла, что вы любите музыку, – начала она. – А какая ваша любимая?

– Джаз.

Кейт с преувеличенным отчаянием вздохнула:

– Мужчины вечно предпочитают джаз, потому что им лень слушать тексты песен. А с джазом можно даже не притворяться, что слушаешь. Ну а кроме джаза?

– Классическая музыка.

– В которой вообще нет текстов, – кивнула она с таким самодовольным видом, что Митчел невольно улыбнулся. – А кроме джаза и классической музыки?

– Опера.

– Тексты, которые вообще невозможно разобрать, – сухо заметила Кейт, торжествующе поднимая руки в знак того, что сумела доказать свою теорию, но промелькнувшая в его глазах нерешительность заставила ее опустить руки. – Вы знаете итальянский?

Именно итальянский, а не английский был первым языком Митчела, но вместо того чтобы признаться в этом и спровоцировать очередной допрос, он просто кивнул.

– Может, и говорите на нем? То есть объясняетесь так же хорошо, как на голландском и английском?!

– Я не слишком силен в голландском, – напомнил он.

Из этого Кейт заключила, что в итальянском он как раз силен, и с возрастающим уважением уставилась на собеседника.

– И сколько же языков вы знаете?

– Не считал.

– Давайте посчитаем, – предложила Кейт, принимаясь загибать пальцы.

– Лучше не надо! – отрезал Митчел, надежно пригасив и ее улыбку, и энтузиазм, отчего ему вдруг стало так стыдно, что он поспешил неуклюже загладить свою грубость, предложив не слишком понятное объяснение, смутившее девушку и потребовавшее уточнения: – Большинство европейцев говорят на нескольких языках.

– Но вы скорее похожи на американца. Никогда бы не подумала, что вы европеец.

– Я не европеец.

– Тогда кто же вы? – не выдержала она.

– Ни то и ни другое. Я нечто вроде гибрида всех цивилизаций, – ответил Митчел напрямик, потому что именно гибридом и считал себя. Но когда сообразил, что мягкий голос и сияющие глаза только сейчас заманили его в ловушку, заставив высказать то, что он никогда не признал бы вслух, ему стало не по себе. Митчел нетерпеливо посмотрел в сторону террасы и, взяв Кейт под руку, повернул туда. – Официанты уже ушли. Зайдем в номер, – попросил он, намереваясь без дальнейших обсуждений уложить ее в постель.

Кейт кивнула и послушно пошла рядом. Митчел предположил, что она разгадала его план. Но когда они оказались на террасе, она намеренно или случайно расстроила его замысел, усевшись на каменную балюстраду.

– Митчел...

Она впервые назвала его по имени тихим, мелодичным голосом, но тут же осеклась, словно звук его имени в ее устах доставил ей такое же неожиданное удовольствие, как и самому Митчелу. Он прислонился бедром к противоположной балюстраде и сложил руки на груди.

– Что? – откликнулся он, смирившись с необходимостью, прежде чем затащить ее в номер, назвать несколько языков, которыми владел.

– Почему вы называете себя гибридом? – прошептала она, доверчиво подняв к нему лицо.

– Потому что я американец по рождению и европеец по воспитанию.

Она кивнула, словно удовлетворившись ответом.

– У вас есть братья и сестры?

Расстроенный и раздраженный неожиданным оборотом, который приняла беседа, Митчел коротко ответил:

– В общем, нет.

– В общем, нет, – повторила она и шутливо поинтересовалась: – Как насчет отца и матери?

– Тоже нет.

– И вообще никаких родных?

– Да какая вам разница, черт возьми?

– Полагаю, никакой, – пожала она плечами, но в голос закрались нотки грусти и отрешенности. У Митчела сложилось отчетливое впечатление, что по какой-то причине дальнейший отказ отвечать на вопросы станет тяжким доводом против него в том решении, которое она сейчас старается принять.

– У меня есть невестка, племянник и внучатая тетка, – сухо сообщил он, отказываясь признавать существование деда.

– Как у вас могут быть невестка и племянник, если нет ни братьев, ни сестер?

– Куда ведет эта беседа? – спросил он вместо ответа.

– Может, вы служите в ЦРУ или занимаетесь поисками людей, пропавших без вести?

Если бы не усталость и злость, он наверняка рассмеялся бы.

– Ни в коем случае.

– Нет, разумеется, нет, – весело заключила она, вставая, – иначе приготовили бы гораздо более правдоподобную легенду, верно?

Митчел встал и нетерпеливо дернул плечом.

– Вы всегда так любознательны?

Это прозвучало тонко замаскированным упреком и предупреждением отвязаться.

И Кейт отвязалась, в прямом и переносном смысле.

Отвернувшись, она взирала на холодную реальность ситуации, никак не желавшей превращаться в романтическую идиллию, о которой она мечтала несколько минут назад. Все, чего он желал, – провести с ней час-другой в постели. И интересовала она его как вполне подходящий сексуальный партнер. В какой-то момент она вдруг подумала, что, может, стоит довольствоваться этим, но вспомнила, сколько боли, неопределенности и грусти ей придется вынести по возвращении в Чикаго. Не стоит добавлять к этому унижение и угрызения совести!

Язык ее тела читался безошибочно, и Митчел внезапно решил, что на этом и стоит закончить вечер. Так гораздо лучше. Мало того, он почувствовал нечто вроде облегчения, что вечер закончится именно так. Завтра, когда они будут на Сен-Мартене, он вполне успеет насладиться ею, морально и физически.

– Становится поздно, – спокойно напомнил он. – Заеду за вами завтра в десять.

Вместо того чтобы согласиться, как он того ожидал, Кейт покачала головой, откашлялась и пробормотала:

– Нет. Спасибо, но завтра я вполне справлюсь сама.

Митчел решил, что она дуется, и поскольку не выносил надутых женщин, ощутил извращенное удовлетворение, обнаружив, что и она способна капризничать. Да вот только, когда Кейт повернулась и взглянула на него, он понял, что она вовсе не дуется. Просто сказала, что думает.

– До свидания, Митчел, – кивнула она, мягко улыбаясь. – Спасибо за чудесный неповторимый вечер. Я бы не отказалась от него ни за что на свете.

Митчел был настолько обезоружен, что передумал заканчивать вечер подобным образом.

– Нам совсем не обязательно прощаться прямо сейчас, – заметил он.

– О нет, обязательно.

И хотя Митчел был готов изменить свое мнение, все же не позволял загонять себя в угол или принуждать к компромиссу.

– Все потому, что я не захотел поведать вам историю своей жизни, – бесстрастно констатировал он.

– Нет, потому что вы вытянули из меня историю моей жизни, ничего не предложив в ответ.

– Ничего? – поддел он, поднимая брови.

Он напоминал, что вместо биографии предложил ей свое тело, и Кейт пришлось бороться с новой волной соблазна и ощущением предопределенности их дружбы, которое уже испытывала раньше. Сама не сознавая, что делает, она положила ладонь на его небритую щеку и широко улыбнулась, глядя в полуприкрытые тяжелыми веками глаза.

– Знаю, любая женщина с радостью согласилась бы на все, что вы предлагаете, – шутливо начала она, – но проблема в том, что, по-моему, вы нечто гораздо большее, чем просто очередное смазливое личико...

Нерешительная улыбка чуть приподняла края губ. В глазах промелькнули смешливые искорки, и та связь, которая зародилась между ними, еще усилилась заодно с растущим и неприятно ноющим чувством потери.

– По правде говоря, я думаю, что вы похожи на капусту – много-много листьев, слой за слоем, и если бы мы завтра встретились, я бы продолжала стараться снимать эти слои, чтобы заглянуть под очередной и посмотреть, что там прячется. – И поскольку он не ответил, она сделала это за него: – Но вы мне не позволите, и вам очень не понравится, если я хотя бы попробую, верно?

Захваченный врасплох, шокированный ее откровенностью и одновременно восхищенный отвагой, Митчел воздал ей должное, честно ответив:

– Не понравится. И очень.

– Я знала это, – снова улыбнувшись, прошептала она и медленно скользнула рукой по его плечу, прежде чем отнять окончательно. – А теперь уходите, пока я не передумала.

Митчел заметил, как неохотно она отстранилась, услышал легкую дрожь в голосе и с абсолютной уверенностью понял, что может обнять ее и заставить передумать. Он даже ощутил, что на каком-то подсознательном уровне она хотела, чтобы он сделал это, хотела так же сильно, как и он. Но вместо этого он решил исполнить высказанную вслух просьбу, отчасти потому, что сейчас это было самой мудрой тактикой. Однако, не желая заканчивать их короткое знакомство на мрачной ноте, перед уходом он намеренно шутливо объявил:

– Вы еще пожалеете о своем решении.

– Вне всякого сомнения, – с готовностью кивнув, заверила она ему в тон, но ее глаза подозрительно блеснули.

Уже привыкший тонко улавливать каждый оттенок ее настроения, Митчел предположил, что этим блеском она обязана непрошеным слезам.

– Если передумаете насчет завтрашнего дня...

– Не передумаю, – тихо перебила она. – Прощайте.

Она уже протянула руку для рукопожатия, совсем как двенадцать часов назад, когда представилась ему после истории с пролитым коктейлем.

Он уставился на эту руку и внезапно ни с того ни с сего, без каких-либо резонов едва не поддался почти непреодолимому желанию уговорить ее провести вместе ночь.

Игнорируя протянутую руку, он сжал ее подбородок большим и указательным пальцами, приподнял лицо и улыбнулся, глядя прямо ей в глаза:

– В Европе, когда мужчина и женщина проводят вечер вместе, они на прощание целуются.

Если бы она отвела взгляд или попыталась высвободиться, Митчел насильно завладел бы ее губами, заглушил поцелуями и ласками все возражения. Но она с наивным недоумением уставилась на него.

– В какой части Европы принято такое? Во Франции? Швеции? Бельгии?

Митчел хмуро свел брови:

– Вы чертовски упрямы, верно?

– Испании? Трансильвании? – настойчиво продолжала она.

Митчел раздраженно передернул плечами и опустил руку. Кейт отступила.

– Я провожу вас, – вежливо добавила она, поворачиваясь.

Он отклонил ее предложение скупающим, надменным тоном:

– Не трудитесь. Я обойду вокруг здания.

Отчаянно пытаясь не заплакать, Кейт смотрела, как он спускается с террасы и поворачивает налево, на дорожку, ведущую вдоль заднего фасада ее виллы. Но тут он внезапно остановился, извлек из кармана ключи, задумчиво наклонил голову и снова обернулся. При виде его улыбающегося лица надежды Кейт возродились с новой силой, но слова прозвучали пощечиной, мигом вернувшей ее к трезвой, болезненно-холодной реальности.

– Вы сделали правильный выбор.

Он и не подозревал, как жестоко обидел ее равнодушными словами и небрежной усмешкой, но она старательно растянула губы в ответной улыбке.

– Знаю, – солгала она.

Он кивнул, словно обрадованный, что между ними все улажено, после чего пошел дальше и исчез за углом. Исчез из ее жизни.

В деревьях на границе сада что-то снова прошуршало, но на этот раз Кейт не встревожилась и даже не позаботилась обернуться. Поскольку это не Митчел, остальное значения не имеет. Она не двинулась с места. Только зажмурилась, опустив голову. Проигрывая поединок со стыдом и сомнениями.

Причины, по которым она заставила Митчела так быстро закончить вечер, были всего лишь полуправдой. С самого начала, решив переспать с ним, она вовсе не собиралась допытываться, сколько языков он знает, сколько сестер и братьев у него было и есть. Зачем ей все это? И какое имеет значение для принятия этого самого решения, если она пошла на попятную, по причинам, которые ей самой казались фальшивыми и нечестными? Кейт с самого начала понимала, что, если переспит с ним сегодня, потом будет терзаться угрызениями совести и стыдом, однако была готова рискнуть и принять все последствия. Но оказалась неготовой вернуться в Чикаго и мучиться вопросами, на которые не получила ответа. Смерть ее отца до сих пор оставалась загадкой, а будущее ресторана, которому он посвятил жизнь, по-прежнему было крайне неопределенным, особенно с нынешней хозяйкой в ее лице. И когда Митчел отказался рассказать о себе, она запаниковала при мысли о том, что на ее голову свалилась очередная неприятная тайна, стоявшая прямо перед ней и смотревшая на нее чувственными глазами под тяжелыми веками. Соблазнявшая обманчиво ленивой улыбкой. И при этом он практически

подначивал ее обнаружить, что происходит в ее душе.

Но больше всего Кейт бесилась и стыдилась себя, потому что могла сделать это, пусть и частично. Струсил! Это она-то, со степенью магистра психологии и многолетним опытом общения с членами неблагополучных семей! Сегодня за ужином она почти сразу поняла, что вокруг Митчела буквально громоздятся тщательно возведенные эмоциональные баррикады, причем возведенные много лет назад, возможно, в самом детстве.

Но вместо того чтобы предоставить ему право сохранять эти психологические барьеры и восхищаться тем изумительным теплом и той силой воли, которыми он, очевидно, обладал, вместо того чтобы испытать на себе всю мощь его неодолимой, уверенной сексуальности, как она и намеревалась с самого начала, Кейт сосредоточилась на возможном происхождении и фундаменте его баррикад и принялась докапываться до истины назойливыми вопросами о членах его семьи.

А ведь он задал ей поразительно точный и верный вопрос: «Да какая вам разница, черт возьми?»

Кейт, краснея, была вынуждена признать: абсолютно никакой. Каждый взрослый мужчина воздвигает вокруг себя эмоциональные барьеры того или иного рода. Иногда, правда, разрушает их ради женщины, которой симпатизирует, но никогда только потому, что едва знакомая особа настойчиво требует сделать это, причем немедленно.

Горестно шмыгнув носом, Кейт спустилась с террасы, где смеялась, шутила и танцевала с ним... и таяла от единственного незабываемого поцелуя. Подняв руку, она потерла ноющие мышцы шеи. Всего полчаса назад его длинные пальцы легли на ее затылок, зарылись в волосы, а губы жадно сомкнулись на ее губах.

Она неожиданно сообразила, что с его уходом смолкла и музыка. Наверное, теперь на пляже никого нет.

Она бесцельно побрела по саду. С его уходом умерла ночь.

Она вспомнила, как он обернулся, словно, вынимая ключи, вспомнил о том, что необходимо сделать напоследок.

«Вы сделали правильный выбор», – усмехнулся он, и Кейт впервые поняла причину его очевидно странного поведения. Он учтиво, как истинный джентльмен, принял на себя вину за неудавшийся вечер. Ничего не скажешь, манеры не просто идеальные, а поистине безупречные. Независимо от того, поливали ли его ледяным коктейлем или отказывали в самых интимных желаниях, он ни разу не вспылил и не потерял терпения.

Она остановилась, пытаясь сообразить, где слышала о такой сдержанности, и вспомнила, что читала об этом в книгах. Похоже, именно

представители британского высшего класса держались так, словно их никогда и ничем не проймешь. Любое проявление нетерпения или раздражения считалось признаком дурного воспитания. Очевидно, Митчел каким-то образом приобрел манеры английских аристократов. Впрочем, теперь уже трудно сказать, так ли это. Из-за собственной трусости и ребяческого желания побольше узнать о предмете своего увлечения она навеки потеряла возможность вообще что-либо узнать.

И от этого ей стало так плохо, что осознание собственной абсолютной для него никчемности послужило почти утешением. По крайней мере можно не винить себя за то, что она лишилась тех шансов, которых на самом деле никогда не имела.

Глава 11

Кейт продолжала бездумно бродить по саду, изнемогая от сожаления и несбыточного желания вернуться к началу сегодняшнего вечера. И не сводила глаз с переливавшегося серебром прибоя, который, едва нахлынув на песок, тут же откатывался в залитое лунным светом море.

Она была так погружена в свои мысли, что не услышала тихих шагов за спиной. И только когда на нее упала длинная тень, замерла, боясь, что если оглянется, обнаружит всего лишь одного из постояльцев отеля, решившего перед сном прогуляться по берегу. Но уже через мгновение тоска сменилась бурной радостью, когда руки Митчела легли на ее талию. Он стоял так близко, что его грудь прижималась к ее спине. Следующие несколько минут Кейт слышала только стук своего сердца и неутомимый шорох пальмовых листьев над головой. Но тут он серьезно сказал:

– Моего брата звали Уильям.

Звали? Значит, его брат умер?

Кейт пристыженно опустила голову. И она еще упорно вынуждала его говорить об этом?! Какой позор!

– Мы едва знали друг друга, – пояснил он, словно стараясь разубедить ее. – У нас был один отец, но разные матери. Я вырос в Европе, а Билл – в Штатах, с семьей отца.

– Простите, что допытывалась, – прошептала Кейт, – но спасибо за то, что сказали.

Его ладони скользнули по ее рукам. После долгого молчания Митчел снова начал говорить, нерешительно, неохотно, делая большие паузы после каждого предложения. словно ему стоило большого труда выговорить все, что он пытался рассказать Кейт.

– Мы вообще узнали о существовании друг друга только несколько месяцев назад, когда он случайно обнаружил, что у него есть брат. Билл разыскал меня в Лондоне, где я тогда жил, и прислал письмо с объяснением, кто он и каким образом меня нашел. На следующей неделе он позвонил несколько раз, а еще через неделю взял с собой жену и сына-подростка и все трое без предупреждения появились у меня на пороге.

Он так явно игнорировал роль отца в воссоединении семьи, что в душе Кейт предостерегающе завывали сирены тревоги. Но сейчас было не время и не место допытываться о подробностях. Вместо этого она уцепилась за самую жизнерадостную часть рассказа и, обернувшись, весело улыбнулась:

– Очевидно, ваш брат был гениальным стратегом.

– Почему вы так считаете?

– Потому что, привозя жену и сына, он продемонстрировал, что его семья полностью согласна с его желанием получить вас узнать.

– А по-моему, он их привез просто для того, чтобы мне было труднее спустить его с лестницы.

– А почему он считал, что вы на такое способны?

– Возможно, потому, что я не ответил ни на его письмо, ни на звонки, – сухо объяснил Митчел.

– Правда?!

– Истинная, – кивнул он, и выражение его лица смягчилось настолько, что Кейт позволила себе еще один нескромный вопрос:

– Но вы познакомились поближе, он ведь понравился вам, верно?

Прежде чем ответить, Митчел отвел глаза и уставился поверх ее головы на море.

– Да, – тихо признался он и почти прошептал: – Очень понравился.

И в этих двух словах скрывалось столько эмоций, что Кейт едва не заплакала.

Он опустил голову и вопросительно взглянул на нее:

– Что еще вы хотели бы узнать?

Единственное, что хотела узнать Кейт, – каким образом отвлечь его от этой болезненной темы. Выходит, зря она считала, что ничего для него не значит, иначе он не вернулся бы. В самом деле вернулся, чтобы ответить на ее дурацкие вопросы. И это для нее главное.

Немного подумав, она нашла, что ему ответить. Стараясь принять как можно более серьезный вид, она объявила:

– Есть только один вопрос, на который мне срочно необходим ответ. Правда, это очень личное, но мне во что бы то ни стало необходимо знать.

Его брови вопросительно приподнялись, но выражение лица мгновенно стало таким мрачно-настороженным, что Кейт засмеялась и все-таки задала «чрезвычайно важный» вопрос:

– Итак, сколько языков вы знаете?

Растерянный смешок мигом сменился ленивой чувственной улыбкой. Притворяясь, будто в самом деле раздумывает над ответом, он нахмурился и покачал головой:

– Точно сказать не могу. Я буду называть, а вы считайте.

Говоря это, он привлек ее к себе и нагнул голову.

– Я говорю на итальянском...

Его теплые губы коснулись ее губ, чуть надавили... язык обвел

контуры, медленно исследуя форму и текстуру, и внутренности Кейт мгновенно скрутились узлом.

– Испанском...

Поцелуй стал крепче, руки сжались сильнее. Язык слегка толкнулся между губами, и сердце Кейт заколотилось так, что стало больно дышать.

– И французском...

Его ладонь легла на его затылок, язык проник в ее рот, коснулся ее языка, и Кейт вернула поцелуй, самозабвенно обхватив его за шею и прильнув к нему всем телом. Но к ее удивлению, он тут же поднял голову, прижался губами к ее лбу и прошептал:

– Я еще немного говорю по-немецки и по-гречески... – И, коснувшись губами ее виска, добавил: – Чутьочку понимаю русский и японский. – Его губы провели дорожку от ее скулы к уху, и его теплое дыхание заставило ее вздрогнуть и опять прижаться к нему, когда он шутливо закончил: – И почти не знаю голландского.

Несмотря на его беспечный тон, дрожь ее тела пробудила в нем мечту о том, как бы вновь заставить ее трепетать, только на этот раз гораздо сильнее и дольше. Но он вынудил себя отстраниться. Потому что никак не мог понять, почему эти поцелуи так сильно подействовали на него. Митчел искренне радовался, что сумел назвать все языки и не потерять при этом голову.

Кейт шевельнулась в его объятиях и вскинула подбородок.

– Ты забыл упомянуть английский, – напомнила она с улыбкой.

И тут Митчел почувствовал себя обязанным упомянуть английский вместе с поцелуем. В точности как несколькими минутами раньше. Для лучшего соответствия.

– Разве? – спросил он, медленно проводя большим пальцем по ее мягкой нижней губке, и, сообразив, что делает, мгновенно потерял всякие остатки самообладания. Сильно прижал палец к ее губам, вынуждая их раскрыться, и завладел ими в жадном, почти исступленном поцелуе. Его язык ворвался в ее рот, и поцелуй окончательно вышел из-под контроля. Но она так же яростно целовала его, впиваясь пальцами в мышцы его спины, притягивая к себе, пока его руки неустанно скользили по ее груди, прежде чем опуститься вниз и прижать ее бедра к восставшей плоти.

Вожделение уже горело в его крови, и мысль о том, чтобы в таком состоянии пройти весь путь до ее виллы, показалась просто смешной. Вместо этого он продолжал держать ее в объятиях. Она уткнулась лицом ему в грудь, а тициановские волосы рассыпались волнистым каскадом по его руке.

Он поднял глаза и посмотрел поверх ее головы на вечно изменяющееся море, ощущая одновременно возбуждение и странную радость. Она прислонилась к нему, словно в поисках поддержки; ее ладонь лежала на его гулко бьющемся сердце, пальцы слегка двигались в легчайшей ласке. Ему понравились ее прикосновения. Наверное, потому, что она была в том же эмоциональном и физическом состоянии, что и он. И это тоже ему нравилось.

И если честно, ему вообще нравилось в ней все.

Нравились ее чувство юмора, излучаемое ею тепло, неосознанная чувственность. Нравились ее храбрость, искренность и гордость. Нравился мелодичный звон ее смеха. Нравились ее лицо, и волосы, и жест, которым она положила ладонь на его щеку, прежде чем сказать: «По правде говоря, я думаю, что вы похожи на капусту: много-много листьев, слой за слоем...»

Ему нравилось, как она прижимается к нему и как ее груди ложатся в его ладони...

Митчел проверил направление своих мыслей и чуть отстранился, готовый разжать объятия и вернуться в номер.

– И сколько вы насчитали языков? – с улыбкой поинтересовался он.

Она подняла голову, откинулась назад в кольцо его рук, недоуменно нахмурилась и тут же, сообразив, о чем идет речь, ответила с очаровательно покаянной улыбкой:

– Не знаю. Потеряла счет, когда вы дошли до французского.

– Значит, придется начать заново.

– О Господи! – поперхнулась она смехом и прислонилась лбом к его груди.

– Только не здесь, – продолжал Митчел, обрадованный и польщенный ее реакцией, и, обняв за талию, направился к вилле. Пока они шагали по траве, он пытался припомнить, когда и какая женщина сумела вызвать в нем столь сильные, частые и неожиданные переходы от смеха к вожделению, от раздражения к страсти. Он не мог припомнить, чтобы нечто подобное случалось с ним раньше. Впечатление было удивительным, поразительным, необыкновенным. И он боялся разрушить или хотя бы ослабить его и, посмотрев на открытые двери террасы, вдруг задался вопросом: не будет ли ошибкой уложить ее в постель в номере ее же любовника? Впрочем, кого это волнует? Его? Ее? Их обоих?

Сама вероятность того, что ему не нравится спать с ней в номере другого человека, казалась абсурдной, поскольку он без всяких угрызений совести проделывал подобные вещи в прошлом. Поэтому Митчел решил, что беспокоится исключительно из-за нее... Но тут они вошли в номер и

увидели его синий спортивный пиджак, висевший в гостиной на спинке стула.

– Вы забыли пиджак, когда уходили, – с удивлением констатировала Кейт очевидное.

– Да, наверное, сложно было бы объяснить адвокату появление мужского пиджака в его номере, – вырвалось у Митчела без всякого намерения ее обидеть. В этих обстоятельствах адвокат был запретной темой, и он поверить не мог, что свалил такого дурака! Ляпнуть такое в самое неподходящее время!

– Но я бы заметила его, и...

– И что? – осведомился Митчел, сознавая, что только усугубляет свое невыгодное положение, и все больше раздражаясь на самого себя.

Кейт вымученно улыбнулась и наклонилась над все еще спящей собакой. Нос Макса был холодным и влажным; мало того, стоило его погладить, как он открыл глаза и слегка вильнул хвостом. Кейт довольно кивнула и вытерла ладони о брюки, пытаясь придумать, что сделала бы с пиджаком Митчела. Собственно говоря, эта тема не слишком ей нравилась, потому что теперь казалось нечестным и подлым ложиться в постель с новым любовником в номере прежнего. А ведь всего несколькими минутами раньше она была счастлива.

– Наверное, положила бы в пакет и оставила у портье на ваше имя.

Митчел понимал, что это вполне логичное решение, но по какой-то причине нашел его до ужаса омерзительным, словно это не пиджак, а его самого собирались сунуть в пакет и оставить у портье.

– Или оставила бы его в шкафу и подождала бы, пока вы позвоните и скажете, что с ним делать.

Митчел подавил идиотский порыв спросить ее, одинаковый ли размер у них с адвокатом... потом посмотрел на телефон и представил, что адвокат берет трубку и отвечает на его вопрос насчет пиджака или проверяет автоответчик. И тут он сообразил, что на аппарате уже не мигает красный индикатор. Это означало, что Кейт улучила минуту прочесть сообщение.

Он оглянулся, почти ожидая увидеть, что она тоже смотрит на телефон. Но Кейт виновато уставилась на кровать. Куда девалась мягкая, манящая улыбка, с которой она вошла в номер. И хотя адвоката здесь не было, он неожиданно стал немалым препятствием к их безграничному наслаждению друг другом. И Митчелу стало не по себе.

– Он действительно собирается прилететь завтра?

Кейт покачала головой.

– Послезавтра, – пробормотала она, но этот разговор так выбил ее из

колеи, что она не могла взглянуть на кровать, не чувствуя себя грязной и продажной. С точки зрения этики это не ее номер и не ее постель. За все платит Эван.

«Решай сейчас, – требовал внутренний голос. – Решай. Решай».

Погруженная в борьбу с этическими принципами и логикой, Кейт потрясенно обернулась, увидев, что Митчел натягивает пиджак.

– Уже уходите? – растерянно пробормотала она.

Он кивнул, но тут же частично рассеял страхи Кейт, прижав ее к себе. Она заметила, что выглядит он веселым. Нераздраженным.

– Но почему?

– Видите ли, – сухо пояснил он, – что-то подсказывает мне, что порядочные ирландские девушки из церковного хора считают неприличным спать с мужчиной в номере другого мужчины.

Он попал в самую точку!

Кейт широко раскрыла глаза, потрясенная такой проницательностью, но термин «девушка из церковного хора» казался настолько неподходящим в таких обстоятельствах, что она не могла прятаться за его фальшь:

– Вряд ли мое поведение пристало девушке из церковного хора.

– Но я верно угадал насчет номера? – парировал он с понимающей улыбкой.

– Не совсем, но...

– И я также думаю, что если мы переспим после первого же свидания, завтра один из нас решит, что наше сегодняшнее поведение отдает грязным, неразборчивым сексом.

– Имеете в виду себя? – ошарашенно пробормотала Кейт, и он коротко хохотнул:

– Не себя. Вас.

Немного подумав, Кейт смущенно кивнула.

– До сегодняшнего дня никогда не думала, что я такая ханжа!

В ответ он запустил пальцы в ее волосы и завладел губами в требовательном поцелуе, закончившемся ворчливой командой:

– Постарайся исправиться до завтра.

Кейт попыталась отделаться остроумной репликой, но вместо этого тихо пообещала:

– Обязательно.

Довольный, что уладил дело, он отпустил ее и повернулся к дверям террасы, очевидно, намереваясь выйти этим путем.

– Входная дверь намного ближе, – посоветовала Кейт.

– Если я пройду мимо этой кровати, уже через полминуты мы

окажемся в ней вместе.

– Вы ужасно уверены в себе, – поддела она.

Митчел откинул голову и закрыл глаза.

– Не советую подстрекать меня на подобные подвиги. Все, что мне необходимо, – один крошечный, самый легковесный предлог, и я не посчитаюсь со своей хрупкой новоявленной совестью.

Кейт мудро решила не искушать его. Митчел открыл глаза.

– Заеду за вами и Максом в десять. Отвезем его к ветеринару на Сен-Мартен, проведем там день. И ночь, – многозначительно добавил он и, не услышав возражений, спросил: – Любите азартные игры?

Кейт взглянула на человека, с которым согласилась провести ночь после нескольких часов знакомства, и широко улыбнулась:

– Очевидно.

Поняв смысл ее ответа, он рассмеялся:

– В таком случае захватите вечернее платье. Что-нибудь нарядное.

И, повернувшись, исчез на террасе.

Глава 12

Митчел сидел на корме яхты Зака Бенедикта. Перед ним на столике стояли чашка кофе, тарелка с тостами и лежала развернутая газета. Услышав, как сыплет ругательствами капитан, то и дело злобно поглядывавший в сторону приближавшегося судна, Митчел поднял голову.

Весь в белом – от крахмального воротничка рубашки с короткими рукавами до носков белоснежных парусиновых туфель на толстой пробковой подошве, – капитан Натаниэл Прескотт, высокий, представительный, прямой, как трость, джентльмен, прямо-таки излучал ауру уверенности и сознания собственной значимости.

– Держитесь за поручень, – посоветовал он Митчелу. – Вот еще один!

Не успел он договорить, как паром, идущий к одному из соседних островов и битком набитый туристами, проскользнул менее чем в пятидесяти футах от яхты и до них донесся усиленный мегафоном голос капитана:

– Леди и джентльмены, по правому борту находится яхта водоизмещением сто двадцать пять футов, принадлежащая кинозвезде Заку Бенедикту, который назвал ее «Джулией» в честь своей жены. Приготовьте камеры, и я подведу вас немного ближе. Я вижу на палубе человека! Вполне возможно, это сам Бенедикт!

Митчел выругался еще громче капитана и поднял газету, закрывая лицо.

– Не знаю, как Зак это выносит. Я бы, наверное, стал целиться в них из пистолета.

До вчерашнего дня «Джулия» была мирно пришвартована к причалу в одной из прекрасных марин^[3] Сен-Мартена, но какие-то горячие поклонники Зака увидели яхту и сообразили, кому она принадлежит. Весть об этом распространилась по острову, как лесной пожар. Через несколько часов причал превратился в одну из туристических достопримечательностей, и фанаты целыми днями вились вокруг яхты, надеясь выпросить автограф, делая снимки и чертовски всем надоедая. Некоторые все еще торчали там прошлой ночью, когда Митчел вернулся от Кейт, и, чтобы дать ему хоть немного покоя, капитан отвел яхту от причала, едва пассажир поднялся на борт. Теперь яхта стояла на якоре у входа в марину, что позволило избавиться от самых назойливых фанатов, но не давало никакой защиты от туристов с паромов и прогулочных судов.

– Я узнаю на других маринах, нет ли у них достаточно большого слипа, чтобы мы могли поместиться, – пробормотал Прескотт обреченным тоном человека, который много раз попадал в подобную ситуацию в прошлом. – К сожалению, придется пользоваться катером, чтобы доставлять вас на берег.

– Ничего страшного, – отмахнулся Митчел. – Сегодня утром у меня дела на Сен-Мартене.

– Я прикажу Ярдли приготовить катер к... – Капитан помедлил, ожидая ответа.

Митчел посмотрел на часы. Восемь пятнадцать.

– Через полчаса.

– Я позвоню вам на мобильный и дам знать, где мы пришвартовались, чтобы вы смогли найти нас вечером, – пообещал Прескотт.

– Сегодня я не вернусь. Переночую в отеле.

– Да, там куда спокойнее, – кивнул Прескотт с извиняющимся вздохом и, немного отойдя, обернулся и добавил с легкой улыбкой: – Рано утром из Рима звонил мистер Бенедикт. Я сказал, что прошлой ночью нам пришлось выйти из марины. Он велел передать, что там, где сейчас находится, все восхитительно тихо и мирно.

Митчел оценил шутку Зака легкой улыбкой. Зак жил в римской квартире Митчела, пока снимался в новой картине, а потом вместе с Джулией собирался лететь на Сен-Мартен.

После ухода Прескотта Митчел еще посидел немного, наблюдая, как над яхтой кружат чайки, и думая о своем по меньшей мере странном обращении с Кейт Донован.

Утром, при свете дня, он был удивлен и немного пристыжен теми крайностями, на которые пошел, чтобы ей угодить. Когда она попросила помочь бродячему псу, он немедленно вызвал «Скорую» и врача, после чего вызвался отвезти собаку к ветеринару. Позже она фактически предъявила ему ультиматум, когда отказалась не только спать с ним, но и вообще встречаться, если он не захочет рассказывать о себе. Митчел это понимал. И не желал, чтобы им манипулировали. Поэтому и ушел, поступив, как следовало в подобном случае. Но всего через несколько минут, терзаемый неумолимой, жесточайшей, лишаящей разума похотью, сдался и вернулся, чтобы ответить на ее вопросы. И словно этого было недостаточно, побуждаемый совершенно дурацким приступом благородства, отказался спать с ней в номере ее любовника, решив подождать до завтра и повести ее в отель на Сен-Мартене.

И это было особенно странно и глупо, тем более что он был

совершенно откровенен относительно своих намерений переспать с ней.

Ели судить задним числом, его поведение прошлой ночью было совершенно обескураживающим, и все же тому были причины. Стоило ему войти в ее номер, как он действительно потерял голову. Наверное, потому, что впервые встретил столь необычную женщину.

Так он по крайней мере чувствовал вчера. Но настал другой день, и без лунного света и музыки, без сочетания обстоятельств, которые сделали этот вечер абсолютно незабываемым, вполне возможно, что волшебство растает. Прямо сейчас Митчел вовсе не был уверен, чего хочет. С самого приезда брата и его семьи в Лондон Митчел временами ощущал, что становится мягче душой, и подобные эмоции казались ему чуждыми и раздражающими. Сначала до него достучался Уильям, потом он позволил тете Оливии пробраться к нему в сердце и даже пожал руку деду. И вот теперь в его жизни появилась рыжая ирландочка!

Погруженный в размышления, Митчел не сразу заметил очередной паром, идущий прямо к яхте, и, вместо того чтобы потянуться за газетой, схватил тост, оторвал кусок и бросил за борт. Чайки с криками ринулись на добычу. Он продолжал бросать куски поджаренного хлеба, на которые отовсюду слетались белые птицы.

– Леди и джентльмены, – прогремел голос капитана, – если вы поклонники кинозвезды Зака Бенедикта...

Митчел снова швырнул птицам корм, и они дождем посыпались с неба, оглушая туристов пронзительными воплями и пикируя вниз, подобно крохотным истребителям.

– Приготовьте камеры...

Митчел схватил остатки хлеба и медленно скрошил за борт. Лавина чаек жадно набросилась на добычу.

– Берегитесь чаек...

Митчел глянул на часы и отодвинул стул. Еще нужно успеть покидать в сумку кое-какие вещи на вечер.

Защищенный от любопытных глаз стаями обезумевших птиц, он медленно пошел по палубе.

Темно-синяя багажная сумка Кейт, уже собранная и закрытая, лежала в изножье постели. Сидя на белой софе в гостиной, она лениво гладила Макса по голове, неотрывно глядя на сумку и пытаясь возродить эмоции, бушевавшие ее прошлой ночью, – эмоции, казавшиеся совершенно естественными и правильными и побудившие ее согласиться провести с ним ночь. Но утром все вчерашние переживания казались чем-то вроде

приступа временного умопомешательства.

Как она обрадовалась, когда Митчел подошел сзади и сказал, что его брата зовут Биллом! Подумать только, она потеряла голову из-за мужчины лишь потому, что он неохотно согласился упомянуть о брате и его семье и перечислить языки, которыми владел. Полнейший абсурд!

Вероятно, на нее так повлияла обстановка, в которой они оказались, – обстановка в сочетании с его фантастической красотой и редкостным обаянием. Все это и сбilo ее с толку, чего, очевидно, он и добивался. С самого начала вечера он и не пытался скрыть, что намерен уложить ее в постель.

«Страшно подумать, что вы могли бы стать монахиней... Я хочу быть уверенным, что мы с вами в одной команде... Но я намереваюсь уложить вас в постель...»

Даже его поцелуи были намеренно соблазняющими. Эти медленные возбуждающие поцелуи, превратившиеся в жаркие и требовательные... умелые ласки его рук, прижимавших ее бедра к откровенному свидетельству его желания... Эти поцелуи имели одну упорную, безошибочно определимую цель. Однако она не так глупа, чтобы чувствовать себя обязанной спать с ним только потому, что согласилась сделать это вчера вечером.

После ухода Митчела она слишком нервничала и волновалась, чтобы сразу уснуть, поэтому стала разбирать привезенную с собой одежду, чтобы составить комплект, который подошел бы на все случаи, чем бы они ни решили заняться на Сен-Мартене. К тому времени когда она закончила, было уже почти три часа ночи, и около сумки были аккуратно разложены несколько костюмов вместе с туфлями, сумочками, браслетами и сережками. Оставалось только решить, что она наденет, когда он приедет за ней, и как уложить волосы.

Но утром она была слишком погружена в невеселые мысли, чтобы заботиться о своей внешности. И вместо того чтобы возиться с волосами, Кейт просто стянула их в хвост, открыла шкаф и выбрала первое, что попало на глаза: джинсы, футболку с короткими рукавами и кожаные босоножки.

Тяжело вздохнув, она подалась вперед и взъерошила шерсть на голове Макса.

– Во всем ты виноват, – пошутила она. – Если он помог мне спасти тебя и добыл порошок от блох, еще не значит, что я обязана с ним спать...

Последние слова заглушил громкий, уверенный стук. Макс с трудом встал и пошел за ней, волоча по полу импровизированный поводок,

который она связала из двух поясков от гостиничных махровых халатов.
По дороге она взглянула на часы. Ровно десять.

Глава 13

Кейт уже взялась за ручку двери, но приостановилась. Сейчас она окажется лицом к лицу с фактически незнакомым человеком. Человеком, с которым она в момент явного безумия согласилась провести ночь. Наконец она растянула губы в приветливой улыбке, на случай если он собрался сразу же поцеловать ее в знак приветствия, и спокойно отступила на три шага, одновременно открывая дверь.

На пороге возникла высокая фигура Митчела. Одетый в простые черные слаксы и черную тенниску, подчеркивающие загар и придающие глазам цвет синей стали, он выглядел убийственно красивым и невероятно сексуальным.

Кейт осторожно отступила еще на шаг.

– Вижу, вы вовремя, – жизнерадостно объявила она.

Он немного помедлил, измеряя взглядом расстояние, которое она так поспешно установила между ними, прежде чем понимающе кивнуть и медленно ступить в комнату.

– Пунктуальность – одна из моих немногих добродетелей, – пожал он плечами, словно между делом оглядывая комнату. Очевидно, он сразу заметил синюю сумку, после чего перевел взгляд на стоявшего перед ним пса. – Как Макс?

– По-моему, чудесно. Надеюсь, в вашей сумке лежат ошейник и поводок. Мне пришлось связать два пояска от халатов, чтобы вывести его сегодня утром.

– Я заметил. Выглядит он так, словно сбежал с собачьего курорта, – пошутил Митчел, вручая ей пакет.

На нее внезапно нахлынули воспоминания о вчерашних шутках и дружном смехе... нахлынули и утопили неловкость, которая все утро не давала ей покоя.

– Я запру двери, – вызвался Митчел, направляясь к террасе.

– На столе много чего осталось от завтрака. Если хотите есть, не стесняйтесь, – бросила Кейт ему в спину, разворачивая плоский, почти невесомый бумажный пакет.

– Я не смог найти магазин товаров для животных, а времени уже не оставалось, так что пришлось купить это, – сообщил он, выходя на террасу и поднимая крышки на блюдах.

Кейт извлекла из свертка два невероятно безвкусных галстука. Где он

их только раздобыл? Один – с рисунком из пальмовых листьев, другой – с пронзительно-желтой надписью «Сен-Мартен» на ярко-синем фоне. Кейт, едва сдерживая смех, села на корточки перед Максом, загородила его от Митчела и быстро сняла поводок. Она научилась завязывать виндзорский узел, когда на студенческих каникулах работала в ресторане, и сейчас, ловко работая пальцами, завязала галстук с пальмами на шее Макса.

Оглянувшись, она увидела, как Митчел закрывает крышкой блюдо.

– Назовите меня чересчур брезгливым, – пробурчал он, – но я отказываюсь грызть уже кем-то объединенную кость от бифштекса.

С этими словами он закрыл и запер дверь террасы, как раз в тот момент, когда она расправила концы галстука, сняла солнечные очки и пристроила на макушке Макса, предварительно погладив его, чтобы он не вздумал их стряхнуть.

– Не уверена, что имидж туриста лучше, чем имидж курортника, – заметила она, когда Митчел остановился у нее за спиной, и, быстро повернувшись, отступила в сторону.

– По крайней мере галстуки ничего не весят... – начал он, но тут же согнулся пополам от хохота и весело покачал головой: – Ну и ну!

Кейт, не сводя с него глаз, улыбнулась и почувствовала, как очарование вчерашней ночи вновь завладевает ею. Очевидно, он тоже это ощутил, потому что легко обнял ее за талию и хрипловато прошептал:

– Привет!

– Привет! – повторила она.

Звякнул телефон, и она подскочила от неожиданности, но тут же виновато оглянулась. Митчел поморщился. Нужно же было чертову адвокату позвонить именно в это время! Вместо того чтобы поцеловать ее, как он намеревался, пришлось опустить руки и отойти.

– Пойдем отсюда, – сурово приказал он.

Кейт послушно кивнула и нагнулась, чтобы снять галстук с Макса, после чего связала концы галстуков. Получился длинный многоцветный поводок.

– Ему было явно не по себе, когда я вывела его в сад. Бедняга не привык ходить на поводке, – сообщила она Митчелу, когда они шли к главному зданию отеля. – Но он ни разу не попытался убежать от меня.

– Что доказывает его способность оценить хороший бифштекс, – кивнул Митчел, но про себя заметил, что большой пес спокойно идет рядом с новоявленной хозяйкой, не пытаясь натянуть поводок. Поразительно, как легко дикий бездомный зверь готов подчиняться этой девочке. Очевидно, Кейт Донован производила то же воздействие на всех «бродячих» особей

мужского пола, как людей, так и собак. – Будем надеяться, что он так же смиренно влезет в машину, а после и на катер, – добавил он.

Митчел уже поднял крышу кабриолета, чтобы собака не смогла выпрыгнуть на ходу. Но никакие уговоры и даже толчки не могли заставить Макса войти внутрь. Бросив свою сумку в багажник, Митчел подошел было к дверце, чтобы помочь Кейт, но вскоре отодвинулся, любуясь редкой сценой. Кейт нагнулась над Максом, стараясь поставить его передние лапы на днище машины, и Митчел впервые увидел, какой восхитительной выглядит Кейт Донован сзади в облегающих джинсах.

– Если вы сядете первой, Макс не будет так бояться, – посоветовал он.

План сработал, и Митчел закрыл за псом дверь, после чего обошел машину и открыл дверь со стороны водителя, чтобы Кейт смогла выбраться с заднего сиденья и перейти на переднее.

Сидя на парковке отеля, детектив Чилдресс увидел, как машина Уайатта отъезжает от обочины, взглянул на часы, потянулся за журналом наблюдений, лежавшим на сиденье маленького белого прокатного автомобильчика, и отметил время отъезда. Из вестибюля вышел детектив Макнил и рысцой потрусил по дорожке.

– Узнал, кто эта рыжая? – спросил Чилдресс, включая зажигание, едва Макнил успел прыгнуть в машину.

– Пока что нет. Швейцар отшил меня, в точности как вчера управляющий и второй швейцар. Давать имена постояльцев идет вразрез с политикой отеля.

Кабриолет Уайатта уже сворачивал на шоссе, и Чилдресс резко увеличил скорость.

– А ты сунул швейцару пять баксов, перед тем как расспрашивать?

– Ха! Не пять, а десять, – хмыкнул Макнил, – и это все, чего мне удалось добиться за такие деньги. Однако сегодня дежурит помощник управляющего, мистер Орли, а он сейчас крайне расстроен. Пока я торчал в вестибюле, прибыли некие Уэйнрайты, а он никак не мог докопаться, какие номера предназначены для них. Наконец, уладив все, он послал за рассыльным проводить их на виллу и обратился к ним «мистер и миссис Рейнрайт». Я не стал расспрашивать его о рыженькой, потому что он все равно бы не сказал, но, может, «мистер Уэйнрайт» сумеет что-то из него вытянуть.

Макнил немедленно вытащил из кармана мобильник и набрал номер клуба «Айленд».

– Я бы хотел поговорить с мистером Орли, – сказал он портье.

После долгого ожидания трубку поднял Орли, судя по голосу, такой

всполошенный и расстроенный, что, не делая пауз, громко затараторил:

– Это мистер Орли, простите, что заставил ждать, чем могу служить?

– Это Филип Уэйнрайт, – солгал Макнил, пытаясь изобразить властный тон человека, готового, однако, посмотреть сквозь пальцы на сегодняшние неприятности с процедурой вселения в отель, если управляющий не посмеет ему перечить. – Когда мы с женой шли на завтрак, нам встретилась молодая женщина, которая поздоровалась с нами как со старыми знакомыми. Мы вспомнили, что прошлой весной провели с ней приятный вечер, и решили пригласить ее выпить коктейль на пляже, но, как ни старались, не смогли припомнить ее имя. У нее рыжие волосы, и, кроме того, она упомянула, что остановилась на вилле номер шесть. Как ее зовут, черт возьми?

– Мне очень жаль, мистер Уэйнрайт, но правила отеля строго запрещают сообщать имена гостей кому бы то ни было.

– Я не «кто бы то ни было», а тоже гость! – негодуя воскликнул Макнил. – И позвольте мне поговорить с Морисом, – потребовал он, прекрасно зная, что управляющий отсутствует. – Я много лет его знаю, и он не задумался бы сказать, кто она!

Помощник управляющего поколебался.

– Морис уехал... однако если вы уверены, что он не задумался бы вам сказать...

Макнил улыбнулся, услышав шелест переворачиваемых страниц, но, к сожалению, Орли ничем не смог его обрадовать.

– Вилла номер шесть зарегистрирована на джентльмена, а имя леди даже не упоминается. Простите, но мне звонят по другой линии...

– А имя джентльмена? – быстро спросил Макнил. – Это скорее всего его жена.

– Его зовут Бартлетт, и не хочу показаться грубым, но я действительно должен ответить на звонок...

– Ну? – с надеждой спросил Чилдресс.

Макнил закрыл телефон и сунул в карман.

– Виллу номер шесть снял некий Бартлетт. Имя дамы нигде не записано.

Движение на острове было небольшим, и черный кабриолет ушел от них всего на милю.

– Бьюсь об заклад, Уайатт движется к Блоуин-Пойнт, – предсказал Чилдресс, имея в виду причал, откуда паромы и туристические суда забирали пассажиров и возвращали их на остров. И верно, через минуту у черного кабриолета замигал правый поворотник. – Черт, я был прав. Уайатт

направляется прямо к Блоуин-Пойнт, и нам суждено очередное плавание на чертовой шлюпке. Меня уже тошнит.

– Прими таблетку.

– Не могу, меня от них в сон тянет.

– Тогда нужно было принять одну прошлой ночью, вместо того чтобы выхаркивать свои внутренности, перегнувшись через борт шлюпки.

– Когда будешь докладывать окружному прокурору Эллиоту, не забудь сообщить, что если нам придется сегодня спать в лодке, потому что яхта Уайатта стоит посреди гавани, потребуется катер побольше, а не такая скорлупка, которая подпрыгивает как бешеная, даже если по воде идет просто рябь. Я еще смирился бы с морской болезнью при условии, что придется терпеть не больше чем полчаса, пока мы гоняемся за ним с острова на остров, но я не могу выполнять работу, когда меня всю ночь выворачивает наизнанку.

Макнил мгновенно сник, потому что второго такого мастера наружного наблюдения, как Чилдресс, было трудно найти, особенно если речь шла о преследовании машины. За рулем ему не было равных, и он легко обходил любую пробку, лавировал, вливался в поток и отрывался от общей массы машин. Кроме того, он каким-то шестым чувством угадывал, куда собирается свернуть Уайатт и когда можно спокойно держаться на расстоянии, подальше от его зеркальца заднего обзора.

Поэтому Чилдресс в основном водил машину, а Макнил управлял катером. Из предосторожности они каждый день брали новую машину и новый катер, но Макнил был гораздо больше уверен в способности Чилдресса выполнять работу, чем в своем умении управлять судном чуть подлиннее, чем двадцатичетырехфутовое рыболовное суденышко с подвесным мотором, которое они арендовали сегодня.

– А какая лодка сегодня у Уайатта? – спросил Чилдресс, включая правый поворотник.

– Не знаю. Тридцать шесть – тридцать восемь футов.

– Если мне придется снова спать в шлюпке, я желаю такую же, – объявил Чилдресс и, подождав, пока Макнил повернулся к нему, упрямо добавил: – Я не шучу, Мак.

Макнил открыл было рот, чтобы отпустить шуточку, но прикусил язык. На лбу Чилдресса уже выступили капли пота только при мысли об очередной поездке по морю, и, несмотря на свежеприобретенный загар, кожа казалась серовато-зеленой. Вместо того чтобы признаться в полном неумении управлять большим катером, Макнил ободряюще объявил:

– Утром Уайатт оставил вещи в отеле на Сен-Мартене. Вряд ли он

собирается ночевать сегодня на яхте Бенедикта.

Глава 14

На пристани Блоуин-Пойнт царило оживление. Два катамарана с яркими цветными флажками, нагруженные туристами, как раз отходили от причала, а остальные туристы выстроились в длинную очередь на паром, каждые полчаса ходивший между Агильей и Сен-Мартеном.

Митчел припарковался в дальнем конце пристани, где был пришвартован нанятый им катер. Капитан стоял на носу, куря сигарету.

– Надеюсь, Макс готов последовать за вами, – заметил Митчел, открывая дверь для Кейт и помогая ей выйти, после чего сунул голову в окно и взялся за конец поводка. – Бедняга весь дрожит.

– Нервничает, – сочувственно вздохнула Кейт и, похлопав себя по ноге, позвала: – Макс, ко мне!

Огромный пес комком вырвался из машины и едва не сбил ее с ног. Девушка со смехом пошатнулась, но устояла и потянулась к его поводку.

– Давайте я подержу, пока мы не затащим его в катер, – предложил Митчел и, обернув конец поводка вокруг запястья, стиснул пальцы. Но волноваться не было нужды: оказавшись на твердой земле, Макс немедленно подобрался к Кейт и счастливо засеменил рядом. – Вы всегда умели укрощать диких зверей или Макс – исключение? – полусерьезно спросил Митчел.

– Не такой он и дикий, – возразила Кейт, почесывая Макса между ушей. – Пусть у него сейчас нет хозяина, но людей он любит, а это значит, что когда он был щенком, кто-то с ним играл, ухаживал и кормил. Если бы это было не так, если бы он не общался с кем-то очень добрым, наверняка не захотел бы иметь с нами ничего общего. – И, с извиняющимся видом посмотрев на Макса, она пояснила: – Моя лучшая подруга и бывшая соседка по комнате – ветеринар.

Они добрались до катера, и Кейт сосредоточилась на задаче доставки Макса на борт.

– Я пойду первой, – решила она и, держась за протянутую капитаном руку, медленно ступила с причала на корму. – Пойдем, Макс!

Макс попятился, дрожа от страха. Но едва Кейт решила, что его придется насильно поднимать на борт, он взвился в воздух и приземлился у ее ног, впечатав в капитана, которому пришлось обхватить ее обеими руками.

– Пока что все идет легче, чем я ожидал, – объявил Митчел, в свою

очередь, поднимаясь на борт.

– Легче вам, не мне, – хихикнула Кейт, стряхивая с джинсов собачью шерсть.

Митчел смешливо развел руками, подошел к поручню и встал рядом с ней. Пес втиснулся между ними. Капитан завел мотор, и Митчел подался в сторону, разглядывая длинный рыжий хвост, развевавшийся на ветру.

Катер набрал скорость, и причал стал медленно удаляться.

– Почему вы так смотрите на меня? – спросила она.

Наверное, потому, что у нее самые зеленые глаза, самая гладкая кожа и самый красивый рот на свете... И если ее преданность бездомной собаке о чем-то говорит, у нее также самое нежное сердце. Он был совершенно очарован всеми ее качествами, кроме последнего. По непонятной причине оно рождало в нем какую-то смутную неловкость.

– Я как раз думал, какая у вас чудесная улыбка, – пробормотал он, опираясь на поручень и наблюдая, как катер режет волну.

Неожиданный комплимент заставил Кейт порозоветь от удовольствия, но, поскольку тон его был далек от любезного или убедительного, она решила не отвечать.

Через десять минут, когда они приблизились к Сен-Мартену, капитан наконец нарушил молчание.

– Эй, приятели, среди вас имеются поклонники кинозвезды Зака Бенедикта? – спросил он.

Митчел промолчал. Кейт оглянулась.

– Я его обожаю, – призналась она.

– Вон там стоит яхта Бенедикта, – сообщил капитан, показав налево, где на якоре стояла белоснежная сверкающая яхта. – Называется «Джулия».

– Это в честь его жены, – объяснила Кейт Митчелу, восхищаясь изящными очертаниями яхты.

– Кое-кто из туристов утверждает, что вчера видел Бенедикта на борту с газетой в руках, – продолжал капитан. – Хотите, отвезу вас туда? Могу подойти совсем близко: вдруг повезет, и вы увидите его на палубе.

– Нет, – резко ответил Митчел, и Кейт почти одновременно покачала головой:

– Большое спасибо, не стоит. – И, удивленная неприязненным тоном Митчела, с любопытством спросила: – Вы не любите Бенедикта?

Митчел нахмурился и загадочно улыбнулся, казалось, всерьез обдумывая ее предположение.

– Честно говоря, не могу назвать себя поклонником Зака Бенедикта, – выговорил он наконец, – но было бы интересно узнать, почему вы так им

восхищаетесь.

Кейт послышались снисходительные нотки в его голосе, но она не собиралась отступать.

– Восхищаюсь, да. И даже не столько как кинозвездой, сколько его человеческими качествами, – твердо ответила она. – Мужчины считали его супермачо, когда несколько лет назад он сбежал из тюрьмы, взяв в заложницы Джулию Мэтисон. Но женщины всего мира безумно в него влюбились, когда он простил ее за то, что завела его в ловушку и выдала властям. Когда же он вернулся в маленький городок, где жила она, и попросил выйти за него замуж, все американки рыдали, сидя перед телевизорами во время выпусков новостей.

– И вы тоже? – осведомился Митчел, повернувшись к ней.

– Разумеется.

– Вы рассуждаете как безнадежный романтик.

– Возможно, так оно и есть, – призналась она.

– Но она предала его, – напомнил Митчел. – И если бы настоящий убийца не был найден, Зак Бенедикт по-прежнему гнил бы в тюрьме, потому что доверился женщине, которая обманула это доверие.

– Вижу, вы не слишком великодушны.

– Скажем так: я не романтик, – заверил Митчел, но, несмотря на это, Кейт, глядя в его красивое лицо, вспомнила некоторые вчерашние поступки и пришла к собственному заключению.

Слегка улыбаясь, она вгляделась в яхту Зака Бенедикта.

– И чему вы радуетесь? – любопытствовал он.

– Решала про себя, романтик вы или нет.

– И что же?

– Думаю, вы все-таки романтик.

– Воображаете, что можно делать подобные заключения, всего лишь взглянув мне в глаза?

Кейт утвердительно кивнула, но ответ вышел немного нерешительным:

– Я искренне, искренне надеюсь, что это так.

Митчел отметил ее смущение и несколько секунд играл с мыслью удивить ее, привезя на борт яхты Бенедикта и объяснив, что очень близко знаком с Заком и Джулией и прекрасно относится к последней. Но пока что он не собирался откровенничать, сказав что-то такое, что наверняка приведет к пространному обсуждению ее любимого романтического героя. Сейчас его занимала только одна мысль – поскорее затащить ее в постель.

Глава 15

– Ветеринарная клиника находится всего в нескольких кварталах отсюда, – сообщил Митчел, помогая ей сойти на пристань капитана Ходжеса в Филипсбурге, оживленном живописном городке на голландской территории Сен-Мартена. – Туда можно легко добраться пешком, но с вашей сумкой и собакой лучше взять такси.

– Вы, наверное, правы, – начала она, но тут зазвонил ее мобильник. Вынув его из сумочки, она посмотрела на номер звонившего. – Я должна ответить. Уезжая, я просила управляющего рестораном звонить на этот номер.

– Я пока заберу сумку, собаку и найду такси, – пообещал Митчел, отходя.

Кейт поднесла трубку к уху и закрыла ладонью другое, поскольку уличный шум был почти невыносим: с моря доносилось тарахтенье лодочных моторов, а по мостовой проносились машины. Под конец пришлось поставить звук на полную громкость.

– Я вас не слышала, Луис, но сейчас все в порядке. Вчера что-то случилось, о чем мне следует знать?

Медленно бредя вслед за Митчелом, Кейт слушала, как Луис Келлард перебирает все вчерашние события. Поставщик овощей привез только половину от заказанного, и фирменное блюдо закончилось к середине вечера; бармен отказался подавать спиртное пьяному, который закатил скандал, за что и был выброшен из ресторана; утром звонил его адвокат и пригрозил подать в суд, требуя возмещения за моральный ущерб, нанесенный клиенту; запас вин нужно пополнить еще до возвращения Кейт...

Не прекращая разговора, Кейт уселась на заднее сиденье такси, и Макс немедленно устроился рядом, так что ей пришлось забиться в уголок и уже оттуда давать Луису инструкции:

– Если адвокат перезвонит, не вступай с ним в спор. Просто переадресуй его к нашему адвокату. Какой бармен дежурил вчера? Джимми? Передай ему, что следует быть более тактичным. Отец говорил мне, что он ведет себя как настоящая примадонна и что давно пора бы его уволить. Ты поговорил с поставщиком овощей? Выяснил, почему наш заказ сократили вдвое?

Пока такси медленно катилось по Фронт-стрит, усеянной лавчонками и

забитой туристами, Кейт слушала бесчисленные жалобы Луиса, стараясь как можно быстрее решить все проблемы, но чаще всего отвечала вопросом на вопрос:

– А как бы поступил мой отец?

К тому времени как разговор закончился, Кейт вовсю паниковала, чувствуя себя совершенно беспомощной и ничтожной.

– Перезвони сегодня, как только узнаешь, что случилось с заказом на овощи и почему столового белья вдруг перестало хватать, – напонила она, перед тем как он повесил трубку, после чего закрыла телефон, сунула в сумочку и тяжело вздохнула.

Митчел повернулся к ней, недоуменно вскинув брови.

– Хотите спросить насчет этого звонка?

– Я невольно слышал все, что вы говорили, и несколько удивлен. У меня создалось впечатление, что вы социальный работник, а ресторан принадлежит вашему отцу. Похоже, вы решили управлять им вместо отца?

Кейт прерывисто вздохнула, но голос прозвучал ровно.

– Мой отец мертв. Убит по пути домой из ресторана, три недели назад поздно ночью. Полиция считает, что это обычное разбойное нападение, потому что несколько дней назад в этом же квартале произошел еще один подобный случай.

– И теперь вы пытаетесь управлять рестораном?

Кейт кивнула.

– Уволилась с работы, чтобы целиком посвятить себя отцовскому делу. Я работала в ресторане неполный день, когда училась в старших классах и колледже, но не уверена, что смогу достойно заметить отца. Я... – Она осеклась и опустила глаза, запоздало сообразив, что Макс, положив голову ей на колени, встревоженно смотрит на нее.

– Бойтесь, что потерпите неудачу? – тихо dokonчил за нее Митчел.

– Перепугана до смерти, – призналась Кейт.

– Может, лучше его продать?

– Это не так легко сделать, как кажется. Мой отец любил этот ресторан и вложил в него всю душу. Он и меня любил, и поскольку большую часть времени проводил в ресторане, многие мои счастливые воспоминания связаны с этим местом. Ресторан был частью нас обоих. Теперь это все, что осталось от него... вернее, от нас... это трудно объяснить...

Удивленная внезапным желанием рассказать Митчелу о жизни с отцом, она молча гладила Макса, пытаясь справиться с ненужным порывом.

После долгой нерешительной паузы она искоса взглянула на Митчела,

ожидая встретить рассеянный или скучающий взгляд. А наткнулась на пристально-сочувственный.

– Продолжайте, – попросил он.

Кейт попыталась доходчивее объяснить, почему ресторан хранил дорогие воспоминания о счастливых минутах жизни с отцом, и остановилась на первом, что пришло в голову:

– Обычно ресторан был закрыт днем, поэтому в детстве примерно с трех до пяти я делала уроки, сидя за стойкой бара рядом с отцом, пока тот занимался своими делами. И всякий раз, когда мне требовалась помощь, я обращалась к нему. Собственно, мы и сидели рядом, поскольку для него это было единственным способом убедиться, что я действительно делаю домашние задания. Вообще он любил математику, историю и естествознание, но ненавидел английскую грамматику и правописание. А я так люто ненавидела все предметы, поэтому, чтобы сквитаться с отцом, заставляла заниматься со мной грамматикой и правописанием.

Митчел, не отвечая, вопросительно смотрел на нее, безмолвно требуя продолжать. Несколько удивленная его искренним интересом, Кейт решила привести еще один пример.

– Когда я была в четвертом классе, – подумав, заговорила она, – мне пришло в голову ездить на каток и брать уроки катания на коньках. Отцу не нравились те подростки, которые там ошивались, и вместо этого он записал меня в балетную школу, хотя я вовсе не желала заниматься балетом. Занятия там проходили дважды в неделю. Но балетная школа сгорела через день после моего первого урока – и на случай, если вы что-то заподозрили, я не имею к этому никакого отношения.

– Да я и подумать такое не посмел бы, – заверил Митчел.

Кейт поняла, что он не шутит, и едва не засмеялась. Похоже, он представлял ее кем-то вроде маленького ангела, а не дьявольского отродья, которым она и была в то время.

– Когда балетная школа сгорела, оказалось, что до ближайшей нужно добираться автобусом, а отец никогда бы этого не допустил. Но я ныла и ныла, как мне жаль преподавательницу и как ужасно, что меня лишили любимого занятия...

– И? – коротко спросил Митчел, когда Кейт остановилась передохнуть.

– Отец пригласил преподавательницу проводить занятия в ресторане. Господи, до чего же забавно было наблюдать, как он старался не морщиться, когда тридцать маленьких балерин в пачках дважды в неделю скакали по его столовой под аккомпанемент пианино, которое едва не разваливалось под пальцами грузной особы, весившей не менее трехсот

фунтов!

Кейт с улыбкой замолчала, вспоминая о своих днях рождения, которые неизменно праздновались в ресторане. Поймав выжидающий взгляд Митчела, она пояснила:

– Я думала о праздниках. Каждый год, в мой день рождения, он устраивал большую вечеринку-сюрприз, на которую приглашал всех моих одноклассников. По всему залу были развешаны воздушные шары, и под конец всегда выносили чудесный торт, шоколадный, с розовой глазурью. Розовой – потому что я была девочкой. Задолго до этого он пытался одурачить меня, убеждая, что в этом году вечеринки не будет, потому что зал сдан под чье-то другое торжество. Или потому что денег нет, или потому что должен в этот день куда-то уехать. Он так искренне хотел меня удивить, что я, входя в ресторан и видя собравшихся гостей, всегда делала вид, что уж такого никак не ожидала.

– Но на самом деле вы вовсе не удивлялись.

– Ну разумеется. Ну как можно было не заметить большую кастрюлю с розовой глазурью за день до моего дня рождения, или ведерки с шоколадным мороженым, которыми был забит холодильник, или двести шаров и баллон с гелием в задней комнате. Кроме того, он всегда просил моих подруг оповестить всех одноклассников, а уж они все пересказывали мне.

– Да уж, где ему было вас одурачить! – ухмыльнулся Митчел.

Кейт тоже улыбнулась, но тут же, став серьезной, призналась:

– Нет, однажды, когда мне исполнилось четырнадцать, это ему удалось.

– И как же он обманул вас в тот раз?

– Решив вообще не устраивать вечеринку.

Чтобы отвлечь его от расспросов о том несчастном дне рождения, Кейт резко оборвала воспоминания и вернулась к его вопросу насчет продажи ресторана.

– Даже если я решу его продать, закрываться тем более нельзя. Ресторан должен работать. Так что у меня нет иного выбора, кроме как управлять им, что я и сделаю, если смогу, конечно.

Вместо пустых слов утешения и заверений, что она, разумеется, прекрасно со всем справится, он молча обнял ее, словно успокаивая, и медленно потер ладонью обнаженное плечо. Кейт прислонилась к нему, позволяя мерным движениям хоть на несколько минут успокоить ее опасения насчет будущего.

– Мне очень жаль, что с вашим отцом случилось такое, – выдохнул

он. – А я-то гадал, почему вчера в ресторане у вас было с собой руководство, как справиться с горем.

Кейт метнула на него растерянный взгляд:

– От вас ничего не ускользнет, верно?

– Нет, когда я сосредоточен на чем-то. Или на ком-то, – добавил он, многозначительно глядя на ее губы.

Понятно, что он намеренно флиртует с ней, пытаясь отвлечь и развеселить. Поэтому Кейт улыбнулась и сказала ему в тон:

– По-моему, вчера вы сосредоточились исключительно на своей рубашке.

– У меня редкий дар – умение сосредоточиться на двух вещах одновременно.

– У меня такой же, – весело заверила она, – поэтому именно мне совершенно ясно, что такси остановилось и водитель ждет, пока мы выйдем.

Глава 16

Ветеринар принимал в узком, обшитом выкрашенной в розовый цвет вагонкой домике, а комната ожидания явно служила также и гостиной. Утром Митчел нашел его имя в телефонном справочнике и позвонил, чтобы записаться на прием, но им все-таки пришлось дожидаться почти сорок пять минут. За это время Кейт чуть не наизусть выучила список услуг, предлагаемых ветеринаром, а Макс старательно вынюхал каждый угол тесной комнатенки, не пропустив при этом негодующего кота, застенчивого пуделя и перепуганную желтую канарейку в клетке, очевидно, ожидавших вместе с хозяевами своей очереди на прием.

Когда вышедший ветеринар спросил Мэри Донован, Кейт оставила сумочку на стуле рядом с Митчелом, чтобы освободить руки, на случай если Макс вздумает заартачиться.

Митчел проследил, как она исчезает за дверью, после чего раскрыл путеводитель на голландском, потому что больше читать было нечего. Почти сразу же зазвонил мобильник Кейт, и Митчел оставил запись на голосовой почте, не пытаясь ответить за нее.

Минут через десять телефон снова зазвонил. Митчел нахмурился, гадая, уж не адвокат ли так настойчиво старается дозвониться. Если так, то он либо очень надоедлив, либо интуитивно чувствует, что его девушка собирается изменить ему с другим мужчиной. Глядя на сумочку, Митчел представлял преуспевающего поверенного средних лет, возможно, считавшегося вполне привлекательным, когда Кейт познакомилась с ним несколько лет назад. Но теперь он наверняка растолстел, потерял форму и отчаянно цепляется за женщину намного его моложе, ту, которая, как он опасался, может устать от роли его «игрушки».

Митчел слишком часто наблюдал подобные ситуации в прошлом, чтобы не сомневаться в своей правоте, но на этот раз, как истинный джентльмен, посчитал нужным ощутить некоторое сочувствие к почти поверженному сопернику. В конце концов, бедняга истратил небольшое состояние, чтобы повезти Кейт в самое эксклюзивное местечко на Карибском море. А пока он застрял в Чикаго, Митчел собирается наставить ему рога.

Наконец из кабинета появилась Кейт в сопровождении ветеринара, который настойчиво гладил ее по руке, что показалось Митчелу крайне неприличным.

– На всякий случай я сделаю рентген головы и плеча Макса, все необходимые уколы, – пообещал он, – и обрызгаю спреем от блох. Если захотите оставить его и на завтрашнюю ночь, только позвоните. Кроме того, я подготовлю все бумаги, чтобы вы смогли взять его с собой в Штаты.

Митчел с веселым недоверием уставился на Кейт, прежде чем вручить ей сумочку и подхватить лежавшую у стула дорожную сумку.

– Вместо того чтобы вызвать вчера «Скорую» для Макса, – пошутил он, открывая ей дверь, – мне стоило бы купить ему билет на самолет.

Кейт оценила шутку легкой улыбкой и объяснила свое решение:

– Придется взять Макса с собой, или его в конце концов попросту усыпят.

– Это ветеринар сказал? – осведомился Митчел, выходя на потрескавшийся асфальт тротуара и останавливая такси, как раз выехавшее из-за угла.

Кейт кивнула:

– Да, и добавил, что фактически у нас нет возможности найти ему хороший дом здесь или на Ангилье. Макс – бродячая собака, и поскольку он очень большой, его трудно прокормить.

Потрепанный серый «шевроле» с надписью «Такси» на двери остановился перед ними, и Митчел объяснил водителю, куда ехать.

– Я звонила в Чикаго своей подруге Холли, о которой вам уже говорила, – продолжала Кейт. – Она ветеринар и сказала, что прививки от бешенства никакой сложности не представляют, но для людей могут иметь серьезные побочные эффекты, вплоть до фатальных. Недаром вчерашний врач был в панике, хотя бешенства на острове вообще нет. Вместо того чтобы продержать Макса в десятидневном карантине, врач мог попросту усыпить его и сразу же проверить, заражен ли Макс бешенством. И думаю, он решил сделать именно это.

Митчел понял, что она скорее всего права, и поэтому сменил тему:

– Пока вы были у ветеринара, вам дважды звонили.

– Скорее всего Луис и Холли, – пробормотала Кейт, потянувшись за сумочкой. К сожалению, она забыла, что поставила звук на максимум, и когда нажала кнопку, чтобы прослушать голосовую почту, Митчел вежливо вытащил из кармана на спинке сиденья пачку туристических проспектов и сделал вид, что углубился в чтение.

Первое сообщение оказалось от Эвана, и он казался таким встревоженным, что Кейт почувствовала угрызения совести.

– Кейт, милая, почему ты не перезвонила мне? Я снова звонил в отель сегодня утром, оставил сообщение, а от тебя по-прежнему ничего.

Я начинаю беспокоиться. Ты не заболела? Может, мигрени вернулись?

От второго сообщения ей окончательно стало не по себе.

– Милая, я только что звонил Холли, и она сказала, что вы с ней вчера говорили и с тобой все в порядке. Очевидно, ты так рассержена за то, что я до сих пор не приехал, что больше не желаешь отвечать на звонки. Я ужасно скучаю, Кейт, и устал куда-то уезжать, чтобы проводить с тобой все дни и ночи. Мы могли бы сделать это и в Чикаго. Мы с тобой много лет вместе и знаем, как сделать друг друга счастливыми, потому что оба хотим одного и того же: дом, детей и друг друга. Что для нас всего важнее? Я...

Не в силах больше слушать, Кейт закрыла мобильник, сунула в сумочку и украдкой взглянула на Митчела, с облегчением обнаружив, что тот продолжает читать проспекты. Однако он хмурился, и губы были плотно сжаты. Наконец, нарушив неловкое молчание, Кейт жизнерадостно объявила:

– У нас все хорошо.

Митчел рывком сунул проспекты в карман на спинке сиденья и мрачно уставился на нее.

– А ваш бойфренд, похоже, считает иначе.

– Вы слышали?

– Трудно было не услышать. Он женат?

– Нет, конечно, нет. Почему вы так подумали?

– Вы сами сказали, что вместе уже несколько лет, но, судя по тому, что я сейчас услышал, вместе не живете. Сколько ему лет?

– Тридцать три. Значит, вы... – Кейт наконец осенило. – Значит, у вас сложилось впечатление, что я нечто вроде... – она поколебалась, прежде чем выбрать наименее неприятный термин из всех существующих, – содержанки?

– Я не задумывался над такой возможностью, но она вполне вероятна, если учесть, что подобных историй знаю немало.

– И у вас большой опыт в этой области?

Митчел развалился на сиденье, вытянул ноги и, помедлив, кивнул:

– Очень. – Прежде чем Кейт успела оправиться от этого заявления, он ловко сменил тему: – Почему ветеринар назвал вас «Мэри»?

– Потому что я заполнила анкету на свое настоящее имя, Мэри Катерина. Все звали меня Мэри Кейт, пока я не выросла и не запретила им издеваться надо мной. Но отец до самой смерти звал меня именно так.

– Мэри Кейт, – мрачновато повторил он. – Очень мило. Идеальное имя для девушки из ирландского церковного хора.

Немного растерявшись от его тона, Кейт напрямик заявила:

– Я никогда не была девушкой из церковного хора в том смысле, какой вы подразумеваете. Честно говоря, я была настоящей сорвиголовой.

– Прекрасно, – сухо обронил он.

Кейт повернула голову и стала рассматривать подножия гор, мелькавшие справа, одновременно пытаясь понять причину столь внезапно испортившегося настроения Митчела. Очевидно, ему не давало покоя что-то, услышанное за последние несколько минут, но что именно? Совершенно непонятно.

Глава 17

Немного погодя Кейт украдкой взглянула на него и натолкнулась на пристальный взгляд. Митчел задумчиво хмурился. Стойко удержавшись от порыва пригладить волосы, она сказала первое, что пришло в голову:

– Для этого времени года погода просто изумительная.

– Совершенно верно.

– Я думала, что сегодня будет дождь, но на небе ни облачка.

– Было бы удивительно, если с безоблачного неба вдруг полил дождь, – хмуро согласился он, хотя губы уже смешливо морщились, и Кейт так обрадовалась, что ответила нерешительной улыбкой.

Взгляд Митчела переместился от ярко-зеленых глаз на ее мягкие губы, и желание коснуться их поцелуем стало таким сильным, что пришлось отвернуться и уставиться в окно. После десятилетий молчания его совесть вдруг обрела голос и теперь нещадно корила его, особенно после того, как Мэри Кейт Донован предстала перед ним в истинном свете. В такси по дороге к ветеринару она рассказывала о своей жизни с отцом, и даже Митчелу, совершенно не ведавшему семейных отношений, пусть самых плохих, стало очевидно, что Кейт горячо любила отца и скорбела о его смерти. Судя по ее высказываниям, она до смерти боялась ответственности, которая легла на ее плечи, тем более что плохо знала, как управлять рестораном. Отсутствующий бойфренд, которого Митчел считал стареющим богатым плейбоем, беззастенчиво использующим Кейт как постельную игрушку, оказался на год моложе самого Митчела и не только любил Кейт, но и был готов жениться. Это он повез ее в дорогой отель на прекрасном тропическом острове, несомненно, затем, чтобы помочь ей оправиться от потрясений. Когда ему пришлось вернуться в Чикаго, он оставил в этой полной искушений обстановке прелестную скорбящую измученную Кейт, которая, вероятно, никогда не изменяла ему раньше, но теперь так ослабела от одиночества и горя, что была готова упасть в объятия Митчела.

На следующей неделе или в следующем месяце, но она обязательно пожалеет о том, что легла с ним в постель, и ко всем ее бедам прибавятся угрызения совести. Она так мягкосердечна, что, даже изнывая от печали, была полна решимости взять с собой бездомного пса, чтобы спасти от верной гибели. Дело кончится тем, что она изведет себя за то, что поступила так жестоко, изменив любовнику.

Совесь Митчела продолжала твердить, что если бы Кейт действительно нравилась ему по-настоящему, он, как честный человек, должен был бы попросить водителя повернуть назад и доставить их в Филипсбург. Сам он не годился для долгих романов, не собирался становиться ничьим бойфрендом и к тому же не намеревался задерживаться в Чикаго дольше чем на неделю. Его появление на дне рождения Сесила было отмечено репортером «Трибюн», ведущим колонку светской хроники, и если его снова увидят в Чикаго, кто-нибудь обязательно начнет копать, и раньше или позже его биография станет предметом оживленных сплетен в кругу людей, с которыми он не согласился бы провести вечер, а уж тем более разделить малоприятную историю своей жизни. Кроме того, он испытывал необъяснимую, но непреодолимую антипатию к признанию своего родства с блистательными Уайаттами, но в городе, где жила Кейт Донован, у него не было иного выхода.

Но тут логика вступила в смертельную битву с совестью, твердя, что Кейт достаточно взрослая, чтобы самой принимать решения и совершать поступки, а долгие страстные занятия любовью отвлекут ее от нынешних бед и проблем. Последняя часть была продиктована не логикой, а похотью, о чем не замедлила сообщить разъяренная совесть Митчела.

Водитель выбрал именно этот момент, чтобы оглянуться и спросить дорогу:

– Этот поворот еще далеко?

Погруженный в нелегкие мысли, Митчел поколебался, после чего спокойно сообщил:

– Несколько миль.

Очевидно, у похоти и логики аргументов было меньше, а вот голоса оказались громче, чем у совести.

Кейт ожидала, что он наконец скажет, куда они едут, но Митчел снова отвернулся к окну. Сбитая с толку и расстроенная его молчанием, она потянулась к проспекту, который читал перед этим Митчел. Она уже взяла похожий в вестибюле отеля, и в этом приводилась почти та же информация: Сен-Мартен – небольшой остров, площадью всего тридцать семь квадратных миль, принадлежащий двум государствам – Франции и Голландии.

К задней обложке была прикреплена карта острова, и Кейт развернула ее, пытаясь понять, где находится. Они ехали по главному шоссе, единственному на острове, если верить карте, и к тому же кольцевому. Она вспомнила, что позади остались дорожные указатели с надписями «Залив

Симпсона» и «Аэропорт принцессы Джулианы», а это означало, что они ехали на восток. Судя по всему, теперь они повернули на север, вдоль побережья французской части, поскольку Карибское море виднеется слева, а горы – справа.

Очевидно, они действительно едут во французский сектор, поэтому Кейт стала читать о волнующей ночной жизни и развлечениях тех мест: сказочные магазины, рынки на открытом воздухе, шикарные пляжи, среди которых есть и нудистские. Сосредоточиться на всем этом было легче, чем гадать, что тревожит сидевшего рядом мужчину. Кроме того, можно было не думать о звонках Эвана.

Она погрузилась в чтение, не заметив, что такси описало кривую, замедлило ход и повернуло направо, на живописную дорожку, вьющуюся между увитыми цветущими растениями каменными стенами. Дорожка серпантинном кружила вокруг холма, покрытого густой тропической растительностью. Такси резко свернуло и остановилось у каменной сторожки, где рядом с высокими воротами кованого железа с медными буквами «Энклейв» стоял охранник в униформе.

Митчел высунулся в окно и назвал ему свое имя; ворота распахнулись, и машина въехала во двор. Еще один поворот, и Кейт ахнула от удовольствия. Изысканный четырехэтажный отель в средиземноморском стиле приютился у подножия холма, возвышавшегося над самым морем. Длинная лестница уступами спускалась к белоснежному песчаному пляжу. По ступенькам летали официанты с подносами, нагруженными едой и напитками для гостей, отдыхающих под большими голубыми пляжными зонтиками, прикрепленными к шезлонгам.

– Совсем как театральная декорация! – воскликнула Кейт.

Швейцар открыл дверь, и Кейт, выскользнув из машины, закинула голову, продолжая любоваться отелем. Голубая черепичная крыша и белые оштукатуренные стены с изящно скругленными открытыми балкончиками по фасаду и большими лоджиями по бокам производили незабываемое впечатление.

Кейт и Митчел вошли в прохладный, элегантно обставленный вестибюль с полированными каменными полами и высокими стеклянными дверями, ведущими на балкон, очевидно, заменявший столовую. Они миновали стойку консьержа, где парочка гостей договаривалась об аппаратах для подводного плавания и моторной лодке, но когда Митчел подошел ко второй стойке, где стояла табличка «Регистрация приезжающих», Кейт нерешительно посмотрела на него.

– Я еще не зарегистрировался, – объяснил Митчел.

– Разве вы не тут остановились?

Он покачал головой:

– Я живу на яхте друга, но подумал, что здесь нам будет удобнее.

Вместо того чтобы подойти к стойке портье, Кейт показала на ряд стульев около лифтов. На столике между ними лежала кipa гостиничных проспектов.

– Я подожду там.

Митчел направился к стойке, едва не столкнувшись с двумя на редкость привлекательными женщинами, выходящими из магазинчика в вестибюле. При виде его они перестали смеяться, замолчали и обернулись, чтобы посмотреть ему вслед. Но воздержались от комментариев, пока не приблизились к лифтам, где сидела Кейт.

– Ты когда-нибудь видела такого красавца? – прошептала одна из них.

– Его можно смело назвать богом, – согласилась подруга почти благоговейным тоном, с сильным французским акцентом, после чего снова обернулась.

Кейт машинально проследила за направлением ее взгляда. Митчел стоял у стойки, заполняя обычные регистрационные формы. Отсюда его плечи казались шириной в добрый ярд.

Но тут ей в голову пришла мысль, мигот вытеснившая размышления о его мужских достоинствах. «Бог» не привез с собой чемодана!

Объяснить это можно было только тем, что Митчел решил оставаться обнаженным до завтрашнего утра.

Сердце Кейт куда-то покатилося. Прошлой ночью он настоятельно просил ее привезти с собой вечернее платье, потому что хотел взять ее в казино, но сам не захватил даже смены одежды, даже плавок...

Потому что пляж и бассейн, вероятно, были нудистскими!

Если верить путеводителю, прочитанному в такси, многие пляжи французского сектора были нудистскими, а ведь отель определенно находится во французском секторе! Перспектива оказаться на нудистском пляже, да еще и голой, заставила Кейт вздрогнуть от ужаса. Бессильно обмякнув, она решала, как выйти из положения. Она не сможет разгуливать голой, хотя бы и до пояса, перед толпой незнакомых людей. Просто не сможет!

Управляющий отелем умудрился заступить дорогу Митчелу, когда тот, закончив заполнять формы, направился к Кейт.

– Очень рад, что смог предоставить вам достойный номер, мистер Уайатт, – провозгласил он, протягивая руку Митчелу. – Конечно, дело оказалось крайне деликатным, но другая сторона была вполне

удовлетворена вашим предложением. Мало того, они очень обрадовались.

Кейт увидела, как Митчел небрежно полез в карман, прежде чем пожать руку управляющему, и невольно задалась вопросом, сколько денег пришлось отдать Митчелу за оказанную услугу. Кстати, что это за предложение и кто такая эта «другая сторона»?

– Дидерик наверху, ждет вас, – продолжал управляющий отелем. – Он уже позаботился о всех ваших нуждах.

Кейт от души понадеялась, что эти «нужды» заключаются в доставке одежды и плавок для Митчела, но тут же поняла абсурдность такого предположения и опустила голову, чтобы скрыть нервный смешок. Через секунду прямо перед ней возникли туфли Митчела.

– Готова? – спросил он.

Взгляд Кейт медленно скользил по его ногам, тонкой талии, черной тенниске, обтягивающей мускулистую грудь и широкие плечи, и наконец остановился на загорелом лице и пронизывающих синих глазах.

– О каких нуждах позаботился этот Дидерик? – со смехом выпалила она, поднимаясь.

При виде ее сияющего лица Митчел тоже не удержался от улыбки:

– Надеюсь, имелся в виду ленч.

Глава 18

Выбранный Митчелом номер оказался на верхнем этаже, в самом конце коридора. Одна створка двойных дверей была чуть приоткрыта. Судя по скромной табличке, это был президентский номер.

Митчел широко распахнул двери, и Кейт, протиснувшись мимо него, ступила в просторное фойе, потом повернула направо и ахнула. Внешние стены номера были отлиты из стекла. Стоило шагнуть ближе, и отсюда к западу и северу открывалась захватывающая дух панорама Карибского моря. Ковровое покрытие было того же цвета, что и море, мебель в основном белая, цветовыми пятнами служили огромные вазы, полные пышных тропических цветов.

Около дверей стоял обеденный стол с шестью стульями. Прямо в центре номера возвышалась гигантская кровать с пушистым белым покрывалом и горой подушек, расположенная так, чтобы постояльцы, лежа в постели, могли любоваться морем. Скрытые в потолочных зеркалах светильники заливали кровать бледным сиянием. В этих зеркалах можно было наблюдать все, что происходит в постели...

Кейт отвела глаза и шагнула вперед.

Прямо перед окнами располагались белые диваны и стулья, заваленные подушками и расставленные широкой дугой.

– Поразительно! – выдохнула Кейт.

– Я рад, что тебе понравилось, – кивнул Митчел, подходя к большой лоджии. Мужчина, который, как предположила Кейт, и был Дидериком, стоял у накрытого стола под голубым зонтиком, разливая вино в бокалы.

– Оглядись немного, пока я посмотрю, как там насчет еды, – посоветовал Митчел.

– Можно подумать, ты умираешь с голоду, – поддела Кейт.

Митчел повернулся, и она ощутила всю обольстительную мощь его ленивой белозубой улыбки и прямого взгляда.

– У меня здоровый аппетит, дорогая.

Намек был не слишком тонким, и Кейт невольно сжалась, отчасти от нервного возбуждения, отчасти от предвкушения. В такси Митчел был таким рассеянным и отчужденным, что она невольно начала сомневаться, так ли уж он стремится лечь с ней в постель. Может, уже передумал? А вот теперь принялась гадать: что, если он хочет пообедать здесь, чтобы не терять зря времени?

Запоздало сообразив, что замерла на месте, словно приросла к коврику, Кейт медленно пошла за Митчелом.

Рядом с открытыми балконными дверями стояла стойка бара с четырьмя табуретами. Справа виднелся арочный вход в другую комнату, оказавшуюся сочетанием ванной и гардеробной и выложенную чудесной мозаикой, изображавшей островные пейзажи. В центре комнаты под куполообразным световым люком находилась огромная, утопленная в пол ванна, выложенная мозаичными изразцами и окруженная колоннами. В ванну спускались четыре ступеньки. У противоположной стены стояла стеклянная душевая кабинка, достаточно просторная для четырех-пяти человек, где на различной высоте располагалось несколько душевых мембран и кранов.

Кейт положила сумочку на туалетный столик, после чего помыла руки. Вытирая их, она случайно взглянула на сумочку, снова вспомнила о звонках Эвана, и на душе стало тяжело.

Она всегда знала, что он очень ее любит, но не представляла, что страх и волнение могут подвигнуть его сделать предложение по телефону... нет, по голосовой почте! Какой трогательный, нехарактерный для него, импульсивный поступок! До сих пор Эван позволял ей избегать разговоров о браке, и Кейт всегда предполагала, что втайне он был доволен таким положением дел: любимая работа, любимая женщина и игра в гольф, которую вполне можно втиснуть между ними.

А что, если это неправда? Вдруг он так сильно любит ее, что готов отложить женитьбу только потому, что не хочет вынуждать ее принять решение, к которому она еще не готова?

Какой благородный, бескорыстный характер...

Кейт покачала головой, пытаясь избавиться от чувства вины. Правда, это ей не удалось. Она отнесла сумочку в комнату и, положив на табурет у стойки бара, направилась к балкону, но остановилась и обернулась. На голосовой почте было три сообщения, а она прослушала только два. Третье, возможно, от Луиса! Если это так, следует обязательно узнать, как идут дела в ресторане.

Стоя спиной к лоджии, она открыла сумочку, схватила телефон, но тут же выпустила. Если и третье сообщение тоже от Эвана, у нее не хватит сил его выслушать. Не сейчас, когда она только что оказалась в отеле с незнакомым мужчиной, к которому ее тянет так сильно и безрассудно, что она никак не поймет, что же все-таки с ней творится. Кейт знала только, что прошлой ночью ощутила нечто волшебное и глубоко проникновенное, и хотела испытать это снова. Испытать все: отчаянное желание, вызванное

поцелуями Митчела, безоглядную радость пребывания в его объятиях, магию прикосновений и необъяснимое чувство необычайной близости, возникавшее от простого взгляда или слова.

Но все же нельзя отрицать, что она знает его всего один день, а это делало все ее замыслы и планы ужасающе поспешными. Необдуманно. Абсолютно рискованными. Немного безумными.

Напряжение и нерешительность сковали затылок. Посчитав, что, несмотря на принятые таблетки, сейчас начнется очередной приступ головной боли, Кейт потерла виски и вынула из волос эластичную ленту.

Митчел с лоджии увидел, как густая копна упала на ее плечи волнистым темно-рыжим водопадом, и мгновенно перестал понимать, о чем говорит дворецкий. Похоже, она борется с противоречивыми мыслями, пытаясь принять решение.

Но тут она тряхнула головой, повернулась и направилась к нему. Поднеся к губам бокал, чтобы скрыть оценивающую улыбку, он наблюдал, как она переступает порог: цельная, искренняя, порядочная американская девушка, выглядевшая безыскусно женственной в белой футболке и джинсах... верующая ирландочка с твердыми моральными принципами, поразительно мягким сердцем и процветающим, образованным женихом, жившим в одном с ней городе.

И Митчел не имеет права тащить ее в постель и подвергать опасности ее распланированное будущее.

Кейт подошла к нему: смеющаяся, чувственная, желанная женщина с манящими, созданными для поцелуев губами, глазами цвета мокрой листвы, от взгляда которых он таял, и стройным телом, так и просившим его ласк.

И Митчел решил, что имеет полное право уложить ее в постель при условии, что будет честен и не создаст у нее ложных иллюзий или нереальных ожиданий.

– Дидерик рассказывал мне о бывших обитателях этого номера, – сообщил он, вручая ей бокал с белым вином. Судя по выражению лица, ему было плевать на бывших обитателей, но и обижать Дидерика он не хотел.

Дидерик, мужчина средних лет, совершенно лысый, зато с аккуратными усиками, определенно предвидел, что Митчел проголодается. На столе уже стояли фрукты и сыр, огромное блюдо с овощным салатом, еще одно – с крошечными сэндвичами, супница и два подогретых, закрытых крышками блюда. Сам Дидерик находился в процессе украшения тарелки с креветками петрушкой и ломтиками лимона. С Митчелом он говорил по-голландски, но немедленно переключился на английский,

стоило ему услышать, как Митчел общается с Кейт именно на этом языке.

– Здесь жили новобрачные, никогда раньше не бывавшие за границей. Прибыли три дня назад, чтобы провести здесь четыре дня. В первое же утро они посетили рынки на другом конце острова и что-то там съели. Беднягам было так плохо, что гостиничному доктору пришлось лечить их от пищевого отравления. Они и с постели вставали только в крайнем случае.

Кейт вспомнила короткий разговор Митчела с управляющим и пронзила его осуждающим взглядом.

– И где теперь эти новобрачные? – спросила она Дидерика.

– Я велел вытащить их отсюда и сбросить со скалы, – буркнул Митчел.

– В другом номере, – одновременно ответил Дидерик, – за который любезно предложил заплатить мистер Уайатт. Молодой человек был очень расстроен ценой этого люкса, который они даже не смогли оценить по достоинству. – Наконец, удовлетворившись делом рук своих, он обратился к Кейт: – Перед уходом я разложу ваши вещи. Что-то требуется погладить?

– Нет, спасибо, – покачала головой Кейт и, захватив сэндвич с кресс-салатом, подошла к высоким перилам лоджии, чтобы полюбоваться видом.

– Я погладил вашу одежду, мистер Уайатт, и повесил в шкаф, – сообщил Дидерик.

Не заметив, что Митчел последовал за ней, Кейт развернулась и едва не вlepила сэндвич ему в грудь.

– Значит, вы привезли одежду! – восторженно воскликнула она.

Вместо ответа он оперся руками о перила по обе стороны от нее, и Кейт оказалась в плену.

– По-моему, вы сейчас начнете прыгать от радости, – насмешливо бросил он.

Кейт не успела раскрыть рот, как Дидерик вежливо осведомился:

– Чем еще я могу служить, когда закончу развешивать вещи?

Не отрывая смеющегося взгляда от Кейт, Митчел приказал:

– Пожалуйста, расстелите постель и позаботьтесь, чтобы нас не беспокоили.

– Как вы можете так откровенничать с ним?! – негодуяще ахнула Кейт.

– Это отель, – резонно возразил он.

– Знаю. Но за последние пять дней я вселилась в два отеля с разными мужчинами. И чувствую себя уличной потаскушкой.

Митчел с улыбкой покачал головой и небрежно провел костяшками пальцев по ее щеке.

– Значит, ты вообразила, что я не привез с собой одежду?

– Но у тебя не было ни сумки, ни чемодана, – оправдывалась Кейт, стараясь не обращать внимания на ласку.

– Я оставил его здесь сегодня утром, когда пробовал получить номер получше, чем мне предложили с самого начала.

Кончики пальцев скользнули по ее подбородку, плечу, проникли за вырез футболки и погладили ключицу.

– Кстати, из чистого любопытства, что, по-твоему, я собирался делать без одежды, пока мы здесь?

– Я подумала, что пока мы здесь, тебе не понадобится одежда, – нерешительно пробормотала Кейт, стараясь сосредоточиться на его словах и поменьше обращать внимания на настойчивые пальцы. – Если верить путеводителю, здесь много нудистских пляжей.

– Но не казино.

– Нет, конечно, нет! Я подумала, может, ты решил отменить поход в казино.

– И что вместо этого?

– Не знаю.

– Знаешь.

Кейт, покраснев, глянула на дверь:

– Ш-ш-ш... Дидерик здесь. Он услышит.

– Подумаешь! Кому какое дело?

– Мне есть дело. Должно быть. Я покажусь тебе ужасно наивной дурочкой, но до этого никогда не приходила в отель с единственной целью переспать с кем-то, и поэтому сейчас немного смущена. Полагаю, ты делал это тысячи раз, верно?

– Ну вот, теперь смущен я.

– Не стоило и спрашивать, – с сожалением вздохнула Кейт.

– Возможно, – согласился он.

Кейт сжалась от завуалированного упрека, но прежде чем сумела придумать достойный ответ, он погрузил пальцы в ее волосы и оттянул голову. Теплые губы прижались к ее губам в долгом, медленном, испытующем поцелуе, словно излучающем страсть и голод. Наконец он поднял голову.

– Давай зайдем в комнату.

Кейт решительно кивнула. К этому времени она с готовностью кивнула бы, предложи он прыгнуть через перила вниз. Но как только они очутились в номере, его тон и голос изменились, мгновенно выдернув ее из чувственного тумана.

– Нам нужно поговорить, Кейт. Садись, – сухо сказал он, словно предлагал сделку.

Удивленная Кейт присела на ручку кресла и с любопытством наблюдала, как он подошел к окнам и долго стоял к ней спиной, сунув руки в карманы и глядя вниз, словно собирался с мыслями. А когда повернулся, выражение его лица было совсем другим. Не враждебным. Скорее, отчужденным.

– Прежде чем лечь со мной в постель, я хочу быть уверен, что ты не станешь питать ложных надежд и фальшивых иллюзий относительно того, что происходит между нами.

– Продолжай, – кивнула Кейт, когда он помедлил, очевидно, чтобы до нее лучше дошел смысл его слов.

– По твоему же признанию, ты романтик, и прошлой ночью мы попали в ситуацию, которая могла бы показаться более... значимой, чем на самом деле. Я не пытаюсь отрицать, что между нами действительно возникло сильнейшее притяжение, но прошлой ночью, на пляже, в лунном свете, несколько поцелуев могли показаться... Какое слово тут лучше подойдет?

– Магическими? – предположила Кейт, стремясь лучше передать собственное впечатление от прошлой ночи. Но, едва сказав это, тут же пожалела, что была слишком откровенна и так глупо выдала себя.

Однако Митчел, похоже, был с ней согласен.

– Да, пожалуй. Не ты одна находилась под влиянием момента и необычной обстановки. Да и на меня все это подействовало так, что я вернулся, решив ответить на твои вопросы, чего в обычных обстоятельствах ни за что не сделал бы. Однако все это было вчера ночью, а вчерашняя ночь попросту оказалась заблуждением.

Отчаянно стараясь не делать поспешных выводов и сохранять спокойствие, Кейт склонила голову набок и с легкой улыбкой спросила:

– Пытаешься меня отговорить?

– Вовсе нет. Я умирал от желания затащить тебя в постель с той минуты, когда мы вчера сели ужинать.

– В таком случае ты пытаешься установить нечто вроде основных правил игры?

– Не совсем.

– Тогда в чем же дело?

– Страдаю от жесточайшего приступа угрызений совести, – с отвращением бросил он, – и стараюсь как-то с ним справиться.

– Это настолько незнакомое для тебя состояние?

– В подобных обстоятельствах – беспрецедентное, – ответил он

напрямик.

– В таком случае я польщена, – усмехнулась Кейт, хотя польщенной она как раз себя и не чувствовала. Наоборот, была сбита с толку, ошеломлена, и с каждой минутой ей становилось все больше не по себе.

– Я всего лишь стараюсь объяснить, что хочу быть уверенным в одном: точно ли ты определила для себя, почему сейчас оказалась именно здесь, а не осталась в своем отеле. До сегодняшнего утра я не знал, что у тебя недавно умер отец. Очевидно, вы с ним были очень близки, и теперь ты растеряна, тоскуешь и чувствуешь себя одинокой. Кроме того, на тебя легло бремя управления его рестораном, следовательно, будущее тревожит и пугает. Все эти эмоции могут помешать тебе верно определить смысл наших отношений.

Он помолчал, вероятно, ожидая ответа.

Но Кейт, не зная, что сказать, просто кивнула, словно желая показать, что поняла. Хотя ничего не понимала. То есть не совсем. Пока что не совсем.

– Еще час назад, – продолжал он, – я считал, что твой чикагский друг – пожилой напыщенный болван, которому нравится показываться с тобой на людях и возить туда, где мало шансов встретить знакомых. Пока что тебе все ясно?

Кейт снова кивнула.

– Прекрасно. Но реальность такова, что в Чикаго живет достойный человек, который готов на тебе жениться. Здесь, в этой комнате, находится человек, который хочет затащить тебя в постель и заниматься любовью, пока мы оба окончательно не обессилеем. Но дальше этого дело не пойдет, иначе все слишком усложнится.

– А тебе не нравятся сложности?

– Нет. Особенно те, которые могут возникнуть у нас с тобой.

– Спасибо за предупреждение, – медленно выговорила Кейт, стараясь не выказать лишних эмоций. Поглубже спрятать унижение, в котором виновата сама. В конце концов, именно она позволила поставить себя в подобное положение. Впрочем, если на то пошло, лучше узнать сразу, что для Митчела она всего лишь легкая, ни к чему не обязывающая связь. Партнер в одной-двух ночах курортного секса. Теперь она все поняла и твердо знала, что обязательно будет мучиться угрызениями совести и отвращением к себе. Не может она изменить Эвану, а наутро как ни в чем не бывало жить дальше. Променять чистые отношения на нечто дешевое и бессмысленное, как откровенно предлагает Митчел?

Конечно, он прав в отношении ее эмоционального состояния. Она сама

себя не помнила после смерти отца и на время потеряла способность мыслить связно. К счастью, Митчел эту способность сохранил. Рассуждает вполне рационально и повел себя крайне благородно, дав ей знать о своих чувствах. И нужно отдать ему должное: он не требует, чтобы она довольствовалась тем, что ей предлагают. Скорее, наоборот: дает полную свободу выбора.

– Ты, несомненно, прав, утверждая, что на меня сильно подействовала смерть отца и я не вполне соображаю, что делаю, – согласилась Кейт. Но, даже говоря это, отчетливо сознавала, что все ее инстинкты и сердце твердят обратное: пусть она не права во всем остальном, в той связи с ним, которую неизменно ощущала, было нечто особенное. Кроме того, она была готова поклясться, что и он чувствует то же самое.

Поэтому она решила рискнуть и выложить карты на стол. В самом крайнем случае Митчел просто посмеется над ней, да и то вряд ли: для этого он слишком хорошо воспитан!

– Думаю, нам самой судьбой было предназначено встретиться именно так, – мягко сказала она, подняв глаза. – Встретиться и стать друзьями. Это было predetermined.

При слове «предetermined» он бросил на нее скептический взгляд, прислонился плечом к окну и сложил руки на груди.

Язык его тела откровенно говорил о полном отрицании всех сверхъестественных воздействий, но Кейт отказывалась так просто сдаваться. Она не позволит ему высмеять ее теорию, прежде чем не объяснит досконально.

– Ты мне очень нравишься, – спокойно настаивала она, – и думаю, что тоже нравлюсь тебе.

– Верно, – согласился он с неожиданно теплой улыбкой. – Так оно и есть.

– Это я и имела в виду, когда говорила о судьбе и предназначении. Обычно я очень медленно схожусь с людьми, и мне редко кто нравится с первого взгляда. Мало того, я была заранее расположена невзлюбить тебя...

– Почему?

– Ты когда-нибудь смотрел на свое лицо? – хмыкнула она.

– Я каждое утро бреюсь.

– Понимаешь, оно чересчур красивое, чтобы принадлежать мужчине, обладающему также добротой и характером. – Истошив все доводы и объяснения, Кейт на мгновение задумалась, подыскивая слова. Затем, подняв руки ладонями вверх, она сухо улыбнулась: – Посмотри на нас. Мы сидим в номере отеля, обсуждаем секс так, словно всю жизнь были

друзьями. Решаем без всякого гнева и притворства, стоит ли ложиться вместе в постель.

Договорив, Кейт вопросительно взглянула на него, словно ожидала согласия.

Митчел, задумчиво прищулив глаза, медленно кивнул, словно пришел к заключению, которое его удивило, причем весьма неприятно.

– Ясно. Значит, вот чем мы занимались?

Поскольку он, кажется, задал этот вопрос себе, Кейт не видела причин отвечать. В создавшихся обстоятельствах вопрос прозвучал по меньшей мере странно, а у нее закончился запас умных, рациональных ответов. Поэтому она встала и направилась к дверям лоджии.

– Ну а теперь, поскольку я еще не изменила своему бой-френду и никто из нас не сделал ничего такого, о чем можно пожалеть позже, почему бы не заняться тем, чем обычно занимаются люди на таком роскошном острове: осмотреть достопримечательности. Когда я вернусь в Чикаго, а ты... куда позовут дела, мы можем обмениваться открытками из других мест, которые еще посетим в будущем, и писать что-то вроде... «помнишь то очаровательное маленькое кафе на Сен-Мартене»?

Ну а когда мы осмотрим остров, ты можешь завезти меня к ветеринару, если не сложно. Я заберу Макса и возьму его с собой на Ангилью.

Митчел молчал так долго, что Кейт оглянулась и увидела, что он не двинулся с места. Все еще стоял, прислонившись к окну и сложив руки на груди, только свел брови и упорно смотрел на нее. Она вгляделась в красивое непроницаемое лицо, но так и не смогла понять, о чем он думает.

– Могу я кое-что спросить? – нерешительно пробормотала она.

Митчел кивнул.

Кейт, не в силах встретиться с ним глазами, отвернулась к лоджии, рассеянно растирая руки.

– Ты разочарован, что прошлой ночью между нами не было истинной магии? Что во всем виноваты подвернувшийся момент и обстановка?

Не дождавшись ответа, она посмела оглянуться. Он нагнул голову, словно внимательно изучая ковер.

– Нет! – резко выпалил он наконец и, подняв голову, прямо взглянул на нее. – Нет.

И тут Кейт словно ударило током. Вот теперь до нее дошло. Все стало так ясно, словно он совершенно недвусмысленно высказал всю правду! От удивления она круто развернулась лицом к нему.

– Ты не разочарован, потому что с самого начала вовсе не хотел никакой магии? Она совершенно не нужна тебе и даже мешает!

– Это ты воспользовалась термином «магия» для описания вчерашней ночи. Не я, – бросил он и, выпрямившись, направился к ней, очевидно, с намерением как можно скорее вернуть в реальность. – Я не верю в магию и волшебство, случающиеся с людьми. Их просто не существует. Кроме того, я не верю в сказки, чудеса, чары, колдовство, фей и гномов.

– Осторожнее! Придержи язык, твои речи опасны! – попыталась пошутить Кейт. Его лицо немного расслабилось.

– Надеюсь, ты тоже не веришь во всю эту чушь?

Обида и разочарование постепенно сменялись настоящей болью. Теперь она понимала, что он доволен сегодняшней ситуацией и в какой-то степени сам ее создал.

– О, на этом этапе вовсе не имеет значения, во что я верю, – старательно-бесстрастным тоном ответила она.

– Сделай вид, что имеет.

– Ладно. Я не верю в Санта-Клауса или в пасхального кролика. Но я умею распознать магию, когда ее чувствую, а прошлой ночью я ее почувствовала. Готова согласиться, что не ты был ее причиной, но...

– Полагаю, ты пытаешься убедить меня, что между тобой и твоим бойфрендом была некая магия? – издевательски усмехнулся он.

Кейт мгновенно отрезвела.

– Прежде всего я не пытаюсь ни в чем тебя убеждать. Далее, если бы ответ на твой вопрос был утвердительным, я не была бы с тобой прошлой ночью и не сидела бы сейчас здесь. И наконец, самое важное: не смей больше упоминать о нем, – жестко предупредила она. – Ни у меня, ни у тебя нет права его обсуждать.

Она впервые встала на защиту своего друга, и Митчел как нельзя яснее осознал, что их отношения дошли до последней черты и он, того не ведая, стоит на самом краю обрыва. В ней слишком много гордости и самоуважения, чтобы довольствоваться той малостью, которую он готов предложить. Ей нужна магия, а без нее она останется верной своему бойфренду. Собственно говоря, она уже решила остаться с ним.

– Беда в том, – продолжала она мягким, извиняющимся тоном, бессознательно сталкивая его с обрыва, – что ты отказываешься верить в магию, а я – нет. И в этом кроется пропасть, через которую нельзя перекинуть мост. Ни в этой комнате, ни где бы то ни было.

Митчел чувствовал, что летит в никуда, отчаянно хватаясь за воздух, сброшенный вниз прелестной рыжей особой с лицом ангела и характером ирландской мятежницы. Но он из последних сил попытался остановить падение и обрести твердую почву под ногами, предложив:

– Почему бы нам не лечь в постель и не посмотреть, что будет потом?
Но она покачала головой и улыбнулась улыбкой мадонны:

– Зачем? Чтобы я постаралась заставить тебя почувствовать магию, пока ты стараешься доказать мне, что таковой не существует? В одиночку магию не создать. Для этого нужны двое. Поэтому ты обязательно выиграешь, а я проиграю, и меня ждет горькое разочарование. Я не хочу, чтобы это случилось в постели с тобой. Не знаю почему, но это для меня очень важно.

Она отвернулась, вышла на лоджию и стала смотреть на воду.

– А теперь давай поездим по острову и узнаем друг друга немного лучше, до того как я увезу Макса на Ангилью. Если хочешь переодеться, я подожду здесь.

Митчел с новой силой испытал ощущение свободного падения, вплоть до того, что внутренности скрутило узлом, а в ушах засвистел ветер.

Стараясь успокоиться, он глубоко вздохнул и уставился в спину женщины, которой позволил сотворить это с собой.

Наконец он обрел достаточное равновесие, чтобы овладеть собой. На лоджии стояла ослепительно красивая ирландочка, которая сумела коснуться его сердца, разогрела кровь и заставила смеяться. Страстная и милая, честная и умная, гордая и непредсказуемая. Она пела в хоре, улыбалась как ангел и подбирала уродливых, бродячих, блохастых собак. Она ожившая волшебная сказка. А он...

Совершенно очарован.

Подойдя сзади, он обнял ее и привлек к себе.

– Давай все усложним, Кейт? – с улыбкой попросил он.

– Спасибо за предложение, – вежливо ответила она, – но лучше оставить все как есть.

Намеренно проигнорировав ее слова, Митчел прижался губами к ее макушке и прошептал:

– Пропой свои заклинания и вынимай амулеты, прелестная ведьма. Взмахни волшебной палочкой и сплетай свои чары.

– Пожалуйста, прекрати, иначе нам не быть друзьями, – остерегла она.

– Мы уже друзья, – пробормотал он, покусывая ее ушко. – И вот-вот должны стать любовниками.

Его дыхание коснулось обнаженной кожи, и она вздрогнула, но все же не сдалась:

– Говорю же, я не хочу.

– Хочешь. И я тоже, – возразил он, целуя ее в висок. – Обними меня и окутай нас обоих магией. Я не смогу сделать это без тебя.

– О, ради Бога! – взорвалась она. – Что ты о себе вообра...

Но Митчел перешел от нежных убеждений к активным действиям и закрыл ей рот рукой, прежде чем она успела договорить.

– Кейт, – тихо, но твердо предупредил он, – в следующий час я желаю слышать от тебя только стоны наслаждения и слова «да», «еще» и «пожалуйста».

Он слегка поднял руку, и она процедила:

– Немедленно прекрати.

– Не те слова. Неправильные, – вздохнул Митчел, поворачивая ее к себе. – Взгляни на меня, Кейт.

Зеленые глаза, в которых плескались настороженность и раздражение, окатили его яростным взглядом из-под изящно изогнутых, но сейчас мрачно сведенных рыжих бровей.

Такого Митчел не ожидал и поэтому осторожно смягчил тон:

– Я пытаюсь признать себя побежденным. Честно говоря, прошлой ночью я чувствовал все то же, что и ты, и тебе это известно.

Глядя в его кобальтовые глаза, слушая чуть хрипловатый голос, Кейт отчетливо сознавала, что сейчас он не лжет и, мало того, приоткрылся и позволил ей заглянуть под очередной «слой». Сердце ее сжало судорожной болью. Его дальнейшие слова были столь же откровенны.

– Все те обескураживающие вещи, которые я высказал тебе несколько минут назад, в основном были следствием моего не слишком искреннего желания спасти тебя от меня...

Он помолчал, склонил голову набок и после минутного раздумья с веселой иронией признал:

– Собственно говоря, может, и наоборот...

Отчаянно стараясь не засмеяться, Кейт прикусила губу и поспешно перевела взгляд на его плечо, но и это не помогло. Ее безнадежно тянуло к нему, и спасения не было. Поражаясь собственной беспомощности, она даже головой покачала. Митчел, очевидно, посчитал это за отказ, потому что строго предупредил:

– Слова «нет» в том списке, что я перечислил, не имеется.

Разрываясь между непрощеной нежностью и неуместным весельем, Кейт признала поражение, положила ладони ему на грудь и тихо выдохнула слово, которого не было в списке:

– Митчел...

И увидела, как в его глазах блеснула радость.

– Можешь добавить это слово к своему списку.

Поднявшись на цыпочки, Кейт обняла его, приблизила к его губам

свои и голосом, дрожащим от пробудившегося желания, прошептала:

– Пожалуйста...

– Превосходный выбор, – изрек Митчел, проводя губами по ее губам в легком, дразнящем поцелуе.

– Еще, – пробормотала она, когда он поднял голову.

– Куда лучше, – одобрил он, ухмыляясь, и крепко обнял ее, готовясь в полной мере насладиться ее ртом. И его спокойный юмор в мгновение ока сменился неутолимый голодом.

Он без всякого сопротивления со стороны Кейт подвел ее к кровати и отпустил, чтобы стянуть рубашку. Но когда уронил ее на пол и протянул руку, чтобы помочь Кейт снять футболку, она улыбнулась и качнула головой, словно хотела сделать это сама. Вытащила футболку из джинсов и стянула ее через голову, оставшись в белом кружевном бюстгальтере. И Митчел невольно улыбнулся в ответ: теплой, игривой улыбкой, слегка сдобренной вызовом. С трудом оторвал взгляд от ее зеленых глаз и взялся за ремень.

Кейт пришлось сначала сбросить босоножки, чтобы выступить из джинсов. Поэтому она нагнулась, и перед ее носом на пол свалились его брюки и трусы. Кейт трясущимися пальцами принялась расстегивать босоножки и, оставшись босой, стала выпрямляться, но на полпути ее взгляд скользнул по напряженной плоти, и она поспешно отвела глаза. Но вид его великолепной груди смущал не менее, чем обнаженные бедра. Его руки легли на ее плечи, пальцы стянули бретельки бюстгальтера, оставив их висеть на ее руках несколько мгновений, прежде чем он обнял ее и расстегнул крючки с легкостью человека, проделывавшего эту операцию много раз.

Невольно подумав об этом, она подняла голову и успела уловить понимающую улыбку, прежде чем он опустил веки. Бюстгальтер упал на пол рядом с его брюками. К ним тут же присоединились джинсы Кейт. Медленный, но внимательный взгляд Митчела дерзко прошелся по ней, изучая груди, талию, живот и курчавый треугольник между бедрами. И Кейт, уже умевшая все чаще угадывать его мысли, ощутила его желание испытать на себе столь же оценивающий взгляд. Но хотя она была готова ласкать Митчела и наслаждаться его ласками, все же почему-то боялась открыто смотреть на то, что увидела случайно всего минутой раньше.

Наконец он потянулся к ней, приподнял ее подбородок и тихо спросил:

– Стесняешься?

Она смело встретила его взгляд.

– Нет... просто немного... не уверена.

– Не смей даже говорить о неуверенности, – велел он, неправильно ее поняв.

Кейт прикусила губу, чтобы скрыть усмешку, положила ладони ему на грудь, и когда он обнял ее за талию, слегка надавила пальцами, медленно проводя по его соскам, животу и дальше вниз, пока притушенные огни в его глазах не загорелись ярким пламенем.

– Я не о той неуверенности, – прошептала она.

Они стояли лицом к лицу, совершенно обнаженные. Он подумал, что у нее изумительные груди, небольшие, но полные, и когда они легли в его ладони, она прикрыла глаза от удовольствия. Он поймал ее сосок и стал играть им, пока не исторг из нее первый тихий стон наслаждения. Ее руки скользнули по его плечам, и она накрыла его губы своими и прижалась всем телом.

Первое неспешное удовольствие взорвалось фонтаном чистого вожделения, и Митчел, изогнувшись, бросился вместе с ней на постель. Его бедро уперлось в соблазнительное кружево волос внизу живота, а руки вновь переместились к грудям. Она немигающе смотрела на него, покорная, отдающаяся с нежной улыбкой. Он не мог припомнить, когда был охвачен таким же яростным желанием, получал такое наслаждение, просто глядя на нее и зная, что она наблюдает за ним.

Ее руки медленно гладили его спину и ягодицы. Не закрывая глаз, она развела ноги, и он напомнил себе, что все случилось слишком быстро, без всяких предварительных ласк. Но стоило его плоти коснуться входа в ее тело, как он с радостью ощутил, какая она влажная, и вошел в нее не больше чем на дюйм, слегка улыбаясь ее ошеломленному виду. Его пальцы запутались в ее волосах, губы припали к губам, широко открывая их, бедра поднялись и вынудили распахнуться ее бедра. Он намеревался войти чуть глубже в тугое, окутывающее тепло, но тут она вцепилась в его ягодицы, выгнулась, насколько позволяла его тяжесть, придавившая ее к кровати, и прошептала настойчиво, почти повелительно:

– Пожалуйста...

Он отстранился, намеренно противясь приглашению.

– Пожалуйста...

И тогда он врезался в нее, погрузившись до конца в страждущее тело. Кейт тихо вскрикнула. Он начал было двигаться, беря ее в плен и увлекая за собой, но тут же нечеловеческим усилием воли перевернулся на спину и посадил ее на себя, чтобы немного замедлить темп. Упираясь ладонями ему в грудь, она вынудила себя сесть прямо. Растрепанные волосы разметались по груди и плечам. Немного помедлив, Кейт стала подниматься и

опускаться в ритме, ставшем частью его дыхания и биения крови в венах. Он мог бы продолжить удовольствие, вонзившись еще глубже, но тут она подняла голову и взглянула в его глаза, столь же возбужденная, как и он, но слегка озадаченная.

– Делай что хочешь и сколько хочешь, – прошептал он. Акт почти самоубийственного бескорыстия, учитывая его безумное нетерпение.

Ее ответ прояснил причину недоумения, светившегося в расширенных глазах.

– Не могу, – призналась она, и Митчел со стоном предвкушения снова швырнул ее на спину и стал вонзаться долгими, медленными, глубокими выпадами. Она с силой сжала его и зарылась лицом в изгиб шеи. Пальцы впивались в мышцы спины, тело напрягалось и двигалось вместе с ним. Не прошло и минуты, как она вскрикнула и прильнула к нему еще теснее, сотрясаемая спазмами, и Митчел с последним ударом присоединился к ней.

Потом Кейт лежала в его объятиях, лениво приглаживая волосы у него на виске.

– Еще? – с надеждой прошептала она.

Митчел разразился смехом и крепче сжал руки.

– Мое любимое слово!

Глава 19

Детектив Чилдресс швырнул чемодан на одну из кроватей в номере 102 отеля «Энклеив».

– Видел, как этот чертов коридорный пытался выдрать у меня чемодан?

– Надеялся на десять баксов чаевых, – пожал плечами Макнил, вынимая из своего чемодана почти невесомый лэптоп.

– Знаешь, что больше всего меня бесит? – пробурчал Чилдресс и, не дожидаясь ответа, пояснил: – Мы окружены роскошными женщинами, гарцующими вокруг в бикини-стрингах, а в их глазах выглядим парочкой геев.

Макнил поднял глаза на партнера, чье желание казаться обычным туристом выразилось в несколько кричащем наряде: бермуды, майка с надписью «Сен-Мартен», перевитой пальмовыми листьями, бейсболка, солнечные очки и камера на шее.

– Это все твои бермуды, – решил он.

Но мысли Чилдресса уже перескочили на другое.

– Мне не нравится находиться так близко к объекту. Это утраивает шансы на то, что Уайатт нас засечет, – продолжал он, подходя к двери и изучая табличку с ценами на номера. – Одна ночь в этом месте стоит больше, чем выплата по кредиту за мою последнюю машину. Окружного прокурора инфаркт хватит, когда он получит счет.

– Я скажу ему правду. Мы не смогли припарковаться ни на шоссе, ни на частной дороге, ведущей к этому отелю, где нам скорее всего придется провести день и ночь, пока Уайатт не уедет. Охранник на входе соглашался дать пропуск всего на час, а когда срок кончился, появился служащий отеля и пытался нас вышибить. Пришлось взять номер.

– Да-да, все это я и без тебя знаю, но очень рад, что объясняться с Эллиотом придется тебе.

Макнил взглянул на часы и потянулся к мобильнику. Настало время проверить связь.

– Мистер Эллиот?

Грей Эллиот, нахмурился, поднял глаза от снимков, разложенных на столе в его чикагском кабинете:

– Что вам?

– Детектив Макнил на проводе.
– Закройте дверь, – попросил Грей и, развернувшись в кресле, выждал, пока выйдет секретарь, прежде чем поднять трубку.

– Привет, Мак.
– Вы получили наш отчет и снимки, посланные по электронной почте вчера вечером? – начал Макнил.

Слишком взволнованный, чтобы сидеть, Грей вскочил и повернулся к окну.

– Получил, – коротко бросил он.
– Уайатт заехал за рыжей в отель сегодня утром, и они только что взяли номер в другом отеле на Сен-Мартене. Мы по-прежнему не знаем, кто она такая, но ее номер в отеле был зарегистрирован на парня по имени Бартлетт. Рано или поздно она воспользуется кредитной карточкой или покажет водительские права, и тут мы...

– Не трудитесь, – сухо перебил Грей, рассматривая крупный план мужчины и женщины, застывших в страстных объятиях вблизи от берега. Снимок делался ночью инфракрасной камерой, и хотя вышел немного зернистым, лица были вполне узнаваемы. – Ее зовут Кейт Донован.

– Это имя должно что-то значить для меня? – осведомился Мак. – Слышится что-то знакомое.

– Ее отец – Дэниел Донован.
– Тот самый? Владелец ресторана?
– Вот именно, – саркастически буркнул Грей. – Тот самый Дэниел Донован, убитый несколько недель назад, как считается, в результате обычного разбойного нападения.

Макнил почти рухнул на край кровати, мысленно складывая кусочки головоломки и приходя к тому же заключению, что и Грей.

– Значит, трое, с кем был связан Уайатт, нашли безвременную кончину за последние месяцы.

– Точно.
– Но каким образом вписывается в картину этот Бартлетт?
– Кейт Донован – подруга Бартлетта! – рявкнул Эллиот. – По крайней мере я так считал. Мы с Эваном знакомы с детства. Он потомственный адвокат, и все его предки пользовались безупречной репутацией. Я уверен, что Эван понятия не имеет, с кем она связалась.

Очевидно, не собираясь оспаривать это утверждение, Макнил спокойно заметил:

– Мы не видели Бартлетта прошлой ночью, но он зарегистрирован в отеле на Ангилье, где остановилась и она.

– Значит, воспользовалась его именем. Но Эван в Чикаго. Вчера я видел его в суде, где он ведет дело.

Опасаясь, что позволил Макниту подумать, будто его личные чувства влияют на объективность, хотя так оно и было, Грей резко сказал:

– Не выпускайте из виду Уайатта и Донован. Мне пора на совещание. Кстати, если яхта Бенедикта выйдет в международные воды, немедленно дайте мне знать, как и в случае, если появятся какие-то признаки, что самолет Уайатта готовится вылететь с Сен-Мартена.

– В аэропорту принцессы Джулианы у нас есть пара механиков, которые глаз не спускают с самолета. Мы проводили Уайатта до отеля на Сен-Мартене, и он оставил здесь свой багаж. Не думаю, что он собирается сегодня вечером вернуться на яхту Бенедикта, но если расстанется с этой Донован, мы не сможем одновременно следить за ними и за яхтой.

– Мой бюджет и без того уже не выдерживает! Раз нет другого выхода, оставьте в покое яхту. Если она выйдет в международные воды, мы ничего не сможем сделать, чтобы выдернуть оттуда Уайатта, но вполне в силах оказать на Зака Бенедикта самое недвусмысленное давление, чтобы он выдал своего дружка.

– Ожидаете, что Уайатт приведет нас к мертвецу, или встретится с сообщником, или что-то еще?

– Я ничего не знаю насчет сообщников, но можете поставить свою пенсию на то, что тело Уильяма где-то там, на семейной ферме. Там, помимо всего прочего, пять акров леса, и мы помогаем местным жителям его прочесывать. Земля замерзла, и снег еще не сошел, но труп может вытаять со дня на день, а когда это случится, я хочу точно знать, где найти Уайатта. Не спрашивайте меня сейчас, откуда я знаю, что именно он убийца и что тело находится на ферме. Как только Уильяма найдут, объявится свидетель и даст показания. А до тех пор я обещал абсолютную анонимность.

Глава 20

Митчел стоял у перил лоджии и, ожидая, пока Кейт оденется для похода в казино, наблюдал, как огни идущего вдали круизного судна медленно движутся к северу.

Немного отдохнув после занятия любовью, они пообедали, снова легли в постель и любили друг друга, после чего погрузились в глубокий сон смертельно уставших людей. Солнце уже садилось, когда он проснулся, все еще сжимая в объятиях Кейт и чувствуя себя на редкость умиротворенным и довольным. Он и сейчас испытывал то же самое.

– Прости, что так долго копалась, – сказала она, подходя сзади.

Митчел повернулся, и улыбка из ленивой превратилась в одобрительную. Одета в маленькое черное платье без бретелек, с вырезанным фестонами и отделанным кружевом лифом и модные босоножки на высоких каблуках с тонкими фигурными ремешками, Кейт Донован была настоящим видением, мечтой любого мужчины: роскошные изгибы, светящаяся полупрозрачная кожа, потрясающие волосы и длинные, длинные ноги. Его взгляд снова и снова останавливался на них. Наконец Митчел откинул голову на подушку, поражаясь собственному изумлению. Ничего не скажешь, вот это ножки! Красивее он не видел!

– Улыбаешься, потому что я выгляжу неотразимой, или потому, что с моим платьем что-то не так? – поддразнила она, хотя в голосе звучали тревожные нотки.

– Я улыбаюсь потому, что только сейчас понял, какие у тебя шикарные ноги. Никогда их раньше не видел, – пояснил Митчел.

– Но они обе имелись при мне и раньше, – шутливо напомнила Кейт. – Собственно говоря, я отчетливо припоминаю, что они были привинчены ко мне, когда мы лежали в постели.

– Я был слишком близко, чтобы приглядеться как следует, когда мы лежали в постели.

Она шагнула к нему, повернулась спиной и подняла волосы:

– Застегнешь молнию до конца? У меня не получается.

Митчел десятки раз делал то же самое для других женщин, но сейчас, глядя на затылок Кейт, ощущал непривычное удовольствие и странную близость с рыжей ирландкой.

– Похоже, ты из тех, кто больше всего ценит в женщине ноги? – пошутила она, когда он потянул за язычок молнии.

Раньше Митчел не задумываясь и без всяких колебаний согласился бы с ней, но по какой-то непонятной причине вопрос казался неуместным, особенно в ее устах. Обняв ее за плечи, он нагнул голову и поцеловал Кейт в щеку.

– Давай не будем об этом говорить, – прошептал он.

Кейт медленно повернулась к нему. Он не захотел ответить на вопрос, о котором она сама пожалела. Потому что не хотела знать, какие части женского тела он предпочитает. Потому что хотела думать, что он предпочитает ее всю. Целиком.

– Хороший ответ, – кивнула она, улыбаясь.

– Я тоже так подумал.

Казино, куда он повез ее, было в голландском секторе: большой закрытый клуб, члены которого говорили едва не на всех языках мира, а ставки были крайне высоки. По пути туда Митчел отозвался о казино как об имеющем «привкус Европы», что, по мнению Кейт, ассоциировалось с элегантной, утонченной и в то же время приглушенно-неброской атмосферой, идеально подходившей Митчелу. Сегодня он в безупречно сшитом сером костюме, темно-серой сорочке и светло-сером галстуке олицетворял изысканную простоту и спокойную самоуверенность.

Это казино напоминало американские только тем, что там и здесь велись вполне легальные азартные игры. Честно говоря, подобные казино она видела только в фильмах, снимавшихся во всемирно известных местах вроде Монако.

Стараясь сделать вид, что посещение подобных заведений для нее – дело привычное, не говоря уже о пребывании в обществе собравшихся здесь людей, Кейт с деланным равнодушием рассматривала столы, за которыми играли в рулетку и баккара богатые мужчины, перед которыми возвышались стопки фишек, и ухоженные, сверкающие драгоценностями женщины.

– Что-то ищешь? – поинтересовался Митчел.

– Да, – кивнула Кейт, бросая на него смеющийся взгляд, – Джеймса Бонда.

– Сегодня придется довольствоваться мной.

– Значит, потерплю, – не колеблясь ответила она. Митчел только головой покачал.

– Собственно говоря, я хотел узнать, какую игру ты предпочитаешь, – пояснил он, подавляя ребяческий порыв обнять ее и прижать к себе.

– Любую, в которую могу выиграть.

– В таком случае нам лучше немедленно уйти, – пошутил он.
– Нет, по правде говоря, мне очень везет в карты. Впрочем, игральные автоматы тоже меня любят. И кости ко мне благосклонны.

– А как насчет удачи в блэкджек^[4]?

– Когда как.

Они нашли два свободных места за столом, где играли в блэкджек, и хотя Кейт в душе дрогнула при виде минимальных ставок в сто долларов, все же, перед тем как сесть, открыла сумочку и решительно вынула пять стодолларовых дорожных чеков.

– Сначала мне нужно их обналичить.

– Я намеревался спонсировать тебя, иначе просто не привел бы сюда.

– Я не могу играть на твои деньги. Отец всегда внушал мне, что леди либо всегда играет на свои деньги, либо не играет вообще.

– У твоего отца были весьма свежие представления об истинных леди, – сухо бросил Митчел, но Кейт упрямо повернулась и отошла к окну кассира. Митчел с бессознательной улыбкой смотрел ей вслед, восхищаясь природной грацией и легким колыханием рыжих волн, сменявшихся крутыми завитками на концах.

– Belle femme^[5], – заметил мужчина справа от Митчела, провожая глазами Кейт.

– Вы правы, – согласился Митчел и, сделав знак крупье, заполнил обычную форму, чтобы снять деньги с кредитки. – Позаботьтесь, чтобы у молодой леди не заканчивались фишки, на случай если она начнет проигрывать, – велел он, когда крупье подвинул к нему стопку фишек.

– Разумеется, мистер Уайатт.

Уже через час Кейт выиграла две тысячи четыреста долларов, и Митчел прекратил игру, чтобы наблюдать за ней. С самого начала стало очевидно, что она точно знала, когда попросить еще карту, когда воздержаться и когда удвоить ставку. При этом Кейт почти всегда выигрывала, но Митчела больше всего завораживало то, что временами, словно повинуюсь непонятному капризу, она поступала против всякой логики и тем не менее тоже выигрывала. К сожалению, эти интуитивные ходы мешали игрокам предвидеть ее действия, и результаты оказывались для них губительными. Митчел как раз гадал, понимает ли она это, когда Кейт подвинула фишки крупье и, попросив обналичить, оглядела остальных игроков и вежливо сказала:

– Простите, что испортила вам игру. Мне очень сложно игнорировать свои предчувствия.

Француз, сидевший рядом с Митчелом, широко улыбнулся, поднял ее руку и с восторгом поцеловал.

– Elle est une tres belle femme^[6], – шепнул он Митчелу. Кейт, шокированная и одновременно довольная, собирала выигрыш, пока мужчина оживленно болтал о чем-то с Митчелом на французском.

– О чем это он? – спросила Кейт, когда они отошли.

– Он заметил, что ты не только прекрасна, но и удачлива.

– Но он сказал не только это. О чем-то тебя спросил, потому что ты покачал головой и ответил ему абсолютно ледяным голосом.

– А что, действительно ледяным? – хмыкнул Митчел.

– Так что он спросил? – настаивала Кейт.

– Хотел узнать, не позволю ли я тебе постоять у его стула, чтобы твоя удача перешла на него, а он заодно подольше бы любовался тобой.

Кейт неделикатно фыркнула и покачала головой:

– Старый развратник! И все, что он сказал тебе, – чистое вранье!

Плечи Митчела затряслись от смеха. Пришлось подавить очередной ребяческий порыв – схватить ее в объятия и зацеловать до бесчувствия.

– И что ты ему ответил?

– Затрудняюсь точно перевести.

– А ты попробуй.

– Примерный смысл такой: я обозвал его старым развратником, который к тому же врет, не краснея.

Кейт засмеялась, но упорно требовала ответа.

Митчел наклонил голову и прошептал ей на ухо:

– Посоветовал иметь собственную девушку, потому что свою я с ним делить не собираюсь.

С этим словами он выпрямился и пошел дальше. Словно вовсе и не думал касаться губами ее щеки.

Сердце Кейт сделало сальто, когда Митчел назвал ее своей девушкой, но кому, как не ей, знать, что это просто такое выражение и не стоит придавать ему какое-то особое значение.

Она прекрасно провела остаток вечера, хотя потеряла половину выигрыша.

Митчел играл с тем же небрежным умением, как делал все остальное. Но Кейт больше всего завораживала его реакция на женщин, бросавших на него откровенные взгляды, вернее, полное отсутствие реакции. Он просто вел себя так, словно женщины были невидимками. Либо настолько привык к подобному, либо не замечал, либо просто не терпел, когда на него взирали как на восхитительно вкусное сексуальное блюдо. Кейт предпочла думать,

что самым верным было последнее.

Вскоре после полуночи, закончив играть, они зашли в уютный маленький зал на первом этаже казино, где выступал певец под аккомпанемент маленького оркестра. Они нашли свободный столик, и пока певец исполнял «Как здорово ты выглядишь сегодня», Митчел уселся, расстегнул пиджак, откинулся на спинку стула и небрежно вытянул длинные ноги. Его образ, образ спокойного красивого мужчины, чувствовавшего себя абсолютно непринужденно в эксклюзивном частном казино, запечатлелся в сердце Кейт, а слова песни переплетались затейливым узором, обрамлявшим этот образ.

Стараясь скрыть восхищенную улыбку, она поставила локти на стол, оперлась подбородком на сложенные руки и стала украдкой наблюдать за Митчелом.

Минуту спустя, очевидно, посчитав, что официанту следовало давно быть здесь, он чуть приподнял голову, едва заметно свел брови и посмотрел направо. К столику немедленно поспешили два официанта, едва не столкнувшись в попытке как можно скорее принять заказ, и Кейт сжала губы, чтобы скрыть смех. В отцовском ресторане она наблюдала самые разные сигналы, от нерешительных до откровенно грубых, и молча дала Митчелу высшее очко и за «стиль» и за «эффективность стиля».

– Как насчет коньяка? – спросил Митчел, когда официант остановился рядом.

– Спасибо, с удовольствием, – кивнула Кейт, зная, что только пригубит напиток, и с улыбкой на губах снова стала слушать певца.

Митчел заказал коньяк, но, неверно поняв причины ее улыбки, спросил:

– Очень нравится песня?

– Очень.

– Какая-то особая причина?

И поскольку она не могла объяснить возникшую только теперь причину, то и привела другую, впрочем, тоже абсолютно правдивую:

– Когда мне было тринадцать, Майкл Бабле с дедом посетили Чикаго и совершенно случайно зашли поужинать в наш ресторан. Дед Майкла очень гордо объявил моему отцу, что внук собирается начать певческую карьеру в Канаде, поэтому отец предложил Майклу «американский дебют» в нашем баре. В то время Майклу было только шестнадцать, но он так изумительно пел, что отец привел меня вниз послушать его.

– И? – не выдержал Митчел, когда она смущенно замаялась.

– И Майкл спел именно эту песню. Собственно говоря, он посвятил ее

мне.

– Мне следует ревновать?

– Разумеется, – заверила Кейт с лукавой улыбкой. – Я безумно влюбилась в него с первого взгляда. А в следующий раз услышала его только в «Карнеги-холл».

Смутившись и чувствуя себя немного глупо, потому что снова рассказала ему историю из своей жизни, хотя ничего не получила в ответ, Кейт опустила глаза и поняла, что рука Митчела лежит в дюйме от ее ладони. Вид этих длинных пальцев приковал ее взгляд. Но, обругав себя наивной дурочкой, она поспешно отвела глаза.

Голова Митчела была опущена, взгляд устремлен на их руки. Совсем как ее несколько секунд назад. И тут он медленно поднял руку и положил поверх руки Кейт.

Дрожь пронизала тело Кейт. Судорожно сглотнув, она искоса посмотрела на Митчела, пытаясь понять его реакцию. Он крепче сжал ее руку.

Глава 21

Стараясь разглядеть в воде голову Митчела, Кейт рассеянно стряхнула с ног песчинки и потянулась за одним из халатов, которые они захватили из номера. Ночь была теплой, но купальник намок, и теперь ее пробрала дрожь не столько от холода, сколько от тревоги.

После ухода из казино Митчел предложил поехать на Махо-Бэй, истратить ее выигрыш в одном из бутиков высокой моды, которые были открыты всю ночь, потворствуя прихотям клиентов ночных клубов и казино. Кейт вместо этого захотела вернуться в отель и пойти искупаться. Она воображала, что ограничится получасовым пребыванием в соленой воде, но когда захотела выйти, Митчел заявил, что поплавает еще немного, поскольку ему неврдно размяться.

Как она обнаружила минуту спустя, вместо разминки он стал со свирепой силой разрезать воду, пролетая сквозь волны с невероятной скоростью, словно за ним гнался полк демонов. Сначала Кейт восхищенно наблюдала за ним, но когда он совершенно исчез из виду, стала волноваться.

Пытаясь не дать тревоге перерасти в панику, Кейт набросила халат и продолжала обыскивать глазами залитую лунным светом воду. Наконец она умудрилась разглядеть крохотную точку на поверхности и, ослабев от облегчения, опустилась в шезлонг.

Вздохнув, она подтянула колени к подбородку, обхватила их руками, закинула голову и уставилась в черное атласное небо, усыпанное сверкающими звездами. Уже через несколько минут острое ощущение отцовского присутствия охватило ее, укутав в теплые сильные объятия... почти яростные небесные объятия. Кейт наслаждалась счастливым моментом, льнула к груди отца, не замечая, что слезы медленно скользят по щекам.

Очнувшись, она смахнула горячие капли и снова посмотрела на воду. Митчел плыл прямо к ней, энергично работая руками.

И в этот момент на нее неожиданно снизошло озарение. Она поняла все так же ясно, словно ее отец сидел рядом в шезлонге, тоже глядя на Митчела и улыбаясь.

Этому суждено было случиться, *им* суждено было случиться. Вот почему она с самого начала испытывала такое необъяснимое чувство магической близости с ним. Вспомнилось неловкое трогательное

признание Митчела: «Прошлой ночью я чувствовал то же, что и ты...»

Им было предназначено встретиться и влюбиться, но капризная судьба не захотела влиять на ход событий.

Смахнув слезу, Кейт снова посмотрела в небо и прошептала:

– Спасибо, папочка. Мне тебя не хватает.

Ощущение его близости уменьшилось, но все еще оставалось несколько минут спустя, когда Митчел встал на ноги. Пригладив волосы, он вышел на берег. Вода струилась по мощным плечам и длинным ногам, темные плавки льнули к мускулистым бедрам. Он был так возмутительно красив, что Кейт покачала головой, улыбнулась, подняла глаза к звездам и прошептала:

– И о чем, спрашивается, вы думали, когда решили, что я заслужила такое совершенство?

Митчел потянулся к полотенцу, протянутому Кейт, и воздержался от желания взъерошить пружинистые мокрые кудри, обрамлявшие ее лицо и копной спадавшие на плечи. Сейчас она выглядела восхитительно, именно такой, как во время самой первой встречи.

– Привет, – с улыбкой сказал он.

Она улыбнулась в ответ.

– Ну, как Ямайка? Акулы по пути не встречались?

Митчел, фыркнув, стал вытираться.

– Я здесь бездельничал целую неделю, – объяснил он. – Нужно было немного размяться.

– И с этой целью ты обычно плаваешь?

Митчел покачал головой:

– На меня работает специалист по боевым искусствам. Я, как правило, тренируюсь с ним.

– А какую работу он выполняет для тебя?

– Он мой водитель.

– Водитель? И одновременно телохранитель?

– По крайней мере он так считает.

Подождав, пока он отбросит полотенце и поднимет халат, она решила задать не дававший покоя вопрос:

– А какой же бизнес требует телохранителя?

– В Европе это обычная практика. Так поступают многие.

Либо случайно, либо намеренно, но он не сказал ей, чем занимается, и прошлой ночью и словом об этом не упомянул. Они спали вместе, и с каждой минутой она все больше в него влюблялась. И умирала от желания побольше узнать и лучше понять его.

По дороге у лестницы, поднимавшейся уступами к самому отелю, она все-таки не выдержала:

– А что у тебя за бизнес?

– Мой бизнес – делать деньги, – ответил Митчел, автоматически дав тот ответ, который неизменно удовлетворял окружающих. Правда, ему тут же стало совестно за то, что обошелся с ней как с чужой. – У меня нет своего бизнеса, – пояснил он, – а даже если бы и был, я просто не обладаю талантом хорошего менеджера. Я вкладываю деньги в идеи и гений других людей, поистине талантливых руководителей.

Кейт сунула руки в карманы халата, тщательно обдумывая следующий вопрос.

– А как ты решаешь, в какие идеи и людей следует вкладывать деньги?

– Отчасти полагаюсь на информацию, отчасти – на интуицию, что почти равняется догадке, основанной на фактах.

Кейт сообразила, что этой репликой он решил положить конец беседе. Стараясь сделать вид, что вовсе не пытается вызвать его на откровенность, она небрежно заметила:

– Когда у кого-то так безошибочно срабатывает интуиция, думаю, это и называется талантом.

– В моем случае это, скорее, приобретенное умение.

– И как же ты приобрел свое умение?

Он остановился, повернулся к ней и с легким нетерпением нахмурился:

– У меня был наставник. Ставрос Константинос.

Кейт тихо ахнула при упоминании о греческом отшельнике-магнате, вышедшем из самых низов и добившемся того, что теперь его считали одним из самых богатых людей в мире.

– Мы говорим о человеке, который живет на острове в окружении вооруженных охранников и яхта которого оборудована торпедами?

Внутреннее сопротивление Митчела сменилось нескрываемым весельем.

– Не торпедами. Противовоздушными зенитками, – поправил он, переплетая ее пальцы со своими. – Его сын Алекс был моим соседом по комнате в одном из пансионатов. Как-то он упросил меня провести зимние каникулы на их острове, уверяя, что иначе «в одиночестве подохнет от скуки», поскольку Ставрос даже за столом толкует о бизнесе. Богатенькие детки редко интересуются, как нужно делать деньги. Им больше нравится их тратить.

Кейт заметила, что Митчел словно исключил себя из категории

«богатеньких деток», но не попыталась выяснить почему и вместо этого с любопытством спросила:

– И что, отец Алекса действительно толковал о бизнесе за завтраком, обедом и ужином?

– Непрерывно, – хмыкнул Митчел. – Но мне не было скучно. Я был потрясен и околдован. Он, разумеется, понял это и, думаю, понадеялся, что я каким-то образом послужу примером Алексу. На следующие каникулы он настоял, чтобы Алекс снова пригласил меня на остров. После этого мы часто виделись. В последующие годы он взял меня под свое крылышко, наставлял и учил, пока я не усвоил его теории. После окончания колледжа он дал мне работу непосредственно под своим руководством, чтобы, как он выразился, «завершить мое образование». Со временем он позволил мне самостоятельно заключать сделки и делить с ним прибыли... или потери.

– Какой чудесный человек, и до чего же тебе повезло!

Митчел согласно кивнул, не упомянув о том, что с того дня, как ему исполнилось семнадцать, жена Ставроса неоднократно пыталась соблазнить его. Ничего не сказал он и о более ранних и менее приятных встречах с богатыми семьями одноклассников: хорошо воспитанными, учтивыми людьми, которых он встречал, когда их сыновья приглашали Митчела провести с ними каникулы. Они задавали ему одни и те же неприятные вопросы, которых он заранее страшился. Вопросы о том, откуда он и кто его родители. Убедившись, что он чужак в их кругу, без семьи и связей, они часто обращались с ним как с авантюристом, скользким типом, пытающимся втереться в доверие к их детям по причинам, которые они считали крайне нежелательными и подозрительными.

Некоторые заходили так далеко, что звонили директорам пансионатов и жаловались на сомнительное происхождение мальчишки, с которым общаются их дети. И неизменно слышали в ответ, что «Митчел получает стипендию, как способный молодой человек и одаренный спортсмен», в котором крайне заинтересован очень влиятельный американский фонд. Митчел узнавал это от детей чересчур заботливых родителей.

И сейчас, шагая рядом с Кейт, он пытался вспомнить, сколько раз в школьные годы слышал вопрос, не родственник ли он чикагских Уайаттов. Какая утонченная ирония заключена в том, что обычно он отвечал отрицательно. Этим, видно, и объяснялось, почему сейчас он едва мог заставить себя признать, что на самом деле ответ прямо противоположен.

Глава 22

Лежа в объятиях Митчела, Кейт смотрела в окно, наблюдая, как ночное небо постепенно светлеет. Вернувшись с пляжа, они пошли под душ и внезапно обнаружили, что ужасно проголодались. Остатки пиршества – блинчики с клубникой и яйца бенедикт – все еще лежали на журнальном столике.

Поужинав, они легли, но на уме у Митчела было кое-что иное, чем сон. Яростная, свирепая, требовательная настойчивость ласк на этот раз сменилась медленной, жаркой чувственностью. Неумолимо увлекая Кейт к последнему, исступленному, наслаждению, то и дело сворачивая на ранее не изведанные эротические маршруты, чтобы вознести ее на самый пик, Митчел настойчиво шептал инструкции и ободряющие слова, так же возбуждавшие Кейт, как и все то, что он делал с ней. К тому времени как он позволил ей забиться в конвульсиях, обезумевшая Кейт извивалась в его объятиях, снова и снова лихорадочно повторяя одно слово «пожалуйста».

Когда последняя судорога улеглась, он сменил темп своих выпадов, и обмякшее тело Кейт словно по собственной воле вдруг изогнулось, как туго натянутый лук, стремясь прижаться к нему, пока он изливался в нее. Кейт услышала собственный стон и прильнула к нему, захваченная мгновением, оказавшимся не только бурно-чувственным, но и почти неистово-духовным.

Позже, оглядываясь назад, она могла бы посчитать себя наивной ученицей, только что получившей урок от истинного, всезнающего, возможно, менее увлеченного мастера... если бы не то обстоятельство, что днем после бурной интерлюдии Митчел прижался к ней всем телом, зарылся лицом в изгиб ее шеи и долго лежал так, словно и на него не менее сильно подействовало все, что произошло.

И сейчас, когда она смотрела на рассвет, ее рука лежала в его руке, а большой палец гладил ее ладонь. Обоими овладела полудрема, периоды молчания становились все дольше, но по мере того как поднималось солнце, свет нового дня вытеснял спокойную эйфорию и наполнял Кейт угрызениями совести и тревогой за Эвана.

Она хотела позвонить ему вчера перед походом в казино, зная, что к этому времени Эван играет в теннис в своем клубе. Она оставила ему сообщение на голосовой почте, заверив, что вовсе не сердится и прекрасно проводит время, посещая соседние острова, и ему абсолютно ни к чему

волноваться или чувствовать себя в чем-то виноватым.

Все, сказанное ею, было правдой. Но вот то, о чем она умолчала, делало ее сообщение непристойным, непростительным обманом. С другой стороны, не может же она порвать с ним по телефону! Это нечестно по отношению к человеку, с которым она была вместе много лет, и особенно после того, как он заговорил о свадьбе! От их запланированной десятидневной поездки осталось только четыре дня. Если суд протянется еще день-другой, он, разумеется, решит, что нет смысла лететь на Ангилью.

Почувствовав, как изменилось ее настроение, Митчел повернул голову к женщине, подарившей ему самые восхитительные, ослепительные, незабываемые сексуальные впечатления. Рыжие локоны в страшном беспорядке рассыпались по плечам и груди, а фарфорово-белые щеки все еще чуть розовели после занятий любовью, но выражение лица было грустно-задумчивым. Митчел предположил, что она скорее всего думает о своем дружке и гадает, собирается ли он прилететь сегодня. Сам он думал о том же.

– Тревожные мысли?

– Не совсем. И не о тебе, – со вздохом заверила Кейт, но тут же улыбнулась и спросила: – Ты был женат?

Обычно подобный вопрос в подобной ситуации настораживал его, но они лежали в постели, время от времени задавая друг другу отрывочные, часто бесцельные вопросы. В конце концов, они только сейчас познали друг друга в самом интимном смысле, и хотя между ними возникли какие-то чувства, фактов явно не хватало. Поскольку они уже обменялись информацией о любимом времяпрепровождении, любимых блюдах, наименее любимых политиках и так далее, вопрос показался вполне резонным.

– Да, а ты?

– Никогда.

В отличие от предыдущих вопросов этот, по мнению Кейт, явно требовал уточнения, потому что она вскинула брови и вопросительно уставилась на него.

– Я был женат три года на Анастасии, дочери Ставроса, – добавил Митчел, чтобы удовлетворить Кейт. Но она явно не удовлетворилась. Перевернувшись на бок, лицом к нему, Кейт прижала палец к его сомкнутым губам.

– Если я умру от любопытства в этой постели, – предостерегла она, – тебе долго придется объясняться с управляющим отелем.

Митчел попытался сделать зверское лицо, но локон мягких волос

щекотал его висок, палец касался губ, а против улыбки невозможно было устоять.

– Анастасия была самым младшим ребенком Ставроса и единственной дочерью, – сдался он. – Отец держал ее в строгости и не выпускал из виду, задавшись целью не давать ей ни цента собственных денег.

– А мне казалось, что наследницы греческих миллиардеров вечно пускаются во все тяжкие.

– Ставрос тоже так считал, – сухо подтвердил Митчел. – К тому времени как ей исполнился двадцать один год, бедняга так отчаянно мечтала о свободе, чтобы наконец познать жизнь, что зрелище представлялось мне довольно жалким. Замужество было единственным способом побега из рабства. Но Ставрос не подпускал к ней мужчин, если не считать тех, кто представлялся ему достойной партией и кого Анастасия искренне ненавидела.

Мы знали и понимали друг друга с детства. Она мне нравилась, я ей тоже. Поэтому мы заключили сделку. Поженились, и я позволил познавать жизнь, как ей заблагорассудится.

– И что же пошло наперекосяк? – спросила Кейт, не сводя с него глаз.

– Анастасия решила, что ей позарез нужно испытать еще одну грань жизненного опыта, чего я не мог допустить. Именно ту, от которой она согласилась отказаться до того, как мы обвенчались.

– И какую же именно?

– Материнство.

– Ты развелся потому, что она хотела иметь от тебя детей?

– Нет. Позволил ей развестись со мной, – отчеканил Митчел таким тоном, что Кейт сразу поняла: тема закрыта. Она опустила глаза, гадая, можно ли попытаться вытянуть из него побольше информации, но решила, что вряд ли это удастся. Не стоит еще больше портить их общее настроение.

Посчитав, что лучше всего будет задать какой-то нейтральный вопрос, она обвела пальцем крошечный шрам на его правой руке:

– Откуда он у тебя?

Как только Митчел понял, о чем она, его тон мгновенно смягчился.

– В пятнадцать лет я наткнулся на рапиру.

– Знаешь, я как-то сразу так и подумала.

Синие глаза потеплели, и в уголках губ притаилась улыбка. Лениво подняв руку, он коснулся большим пальцем ямочки на ее подбородке:

– Откуда у тебя такая милая маленькая ямочка?

– В тринадцать я наткнулась на почтовый ящик.

Митчел засмеялся, решив, что она шутит, и стал целовать ее подбородок, но Кейт вырвалась и покачала головой:

– Я вполне серьезно.

Митчел отстранился и удивленно поднял брови:

– Да как это у тебя получилось, черт возьми?

– За несколько дней до того, как мне исполнилось четырнадцать, я решила тайком отправиться в Кливленд, чтобы повидаться кое с кем, кого не видела очень давно. Я убедила знакомого, пятнадцатилетнего мальчишку, подвезти меня. Утром Тревис позаимствовал у брата машину, в обед мы сбежали из школы и отправились в путь. Проехав три мили, Тревис потерял управление, машина перескочила через обочину и врезалась в почтовый ящик. Я ударилась подбородком о приборную доску.

– Разве пятнадцатилетним подросткам позволено водить машину?

– Официально – нет. Это и стало одной из причин, по которой нас арестовали, когда полиция прибыла на место действия.

– А другие причины?

– Управление краденой машиной, владение марихуаной, прогул и уничтожение государственной собственности.

Митчел задохнулся от смеха.

– Это был незаконный арест, – запротестовала Кейт, приподнимаясь на локтях, и Митчел вновь зашелся от смеха. – Так оно и было! Тревис просто забыл сказать брату, что берет машину, поэтому тот заявил об угоне. И марихуана принадлежала вовсе не нам, а ему!

– Мой образ девушки из хора, кажется, претерпевает радикальные изменения!

– Таковы были события моей бурной молодости. Но так или иначе, в тот день им настал конец.

– Почему?

– Меня пришлось везти в больницу и накладывать швы на подбородок. Врачи, естественно, позвонили отцу. Он был так напуган и зол, что орал на меня всю дорогу до ресторана. А когда мы все-таки добрались туда, отослал меня наверх и заявил, что отмерил мне два месяца домашнего ареста. Добавил, что отменит вечеринку в честь моего дня рождения, а когда успокоится и сможет думать связно, придумает мне новое наказание. Потом он влетел в свой кабинет и так грохнул дверь, что она опять открылась.

– Бедная маленькая озорница, – поддразнил Митчел, снова лаская ямочку на подбородке. – Под арестом целых два месяца!

– Да я не собиралась сидеть дома и два часа. Так взбесилась, что он

посмел меня наказать да еще и кричал как оглашенный, когда мне только что наложили швы! Посидела наверху несколько минут и прокралась вниз, намереваясь отсидеться у подруги. А когда шла на цыпочках к черному ходу, из его кабинета донесся звук, приковавший меня к месту.

– Что это было?

– Всхлип. Я видела его отражение в стенном зеркале напротив его кабинета. Он сидел за письменным столом, закрыв лицо руками, и горько плакал. Понимаешь, отец был таким сильным, нестигаемым человеком, что мне в голову не приходило, что он способен плакать. Это был самый ужасный момент в моей жизни.

– И что же ты сделала?

– Пробралась наверх и два месяца сидела дома. Больше я ни разу не пропустила школу и старалась держаться подальше от неприятностей, по крайней мере больших. С этого дня я покончила с подобными вещами.

Митчел помолчал, размышляя над тем, что она сказала, пытаясь представить объемную картину ее жизни. Но до вчерашнего дня он не общался с людьми ее круга.

– Ты ни разу не упомянула о матери, – сказал он наконец.

Кейт покачала головой:

– И ты тоже.

– Она жива? – упрямо допытывался Митчел.

– Я отказываюсь говорить о ней, пока ты не расскажешь первым.

– Думаю, ты и так мне скажешь.

– Да тебе ничего не вытащить из меня даже штопором!

– Я смогу вытащить все. Причем двумя пальцами, – с абсолютной уверенностью пообещал он, сунув руку под простыню.

– Только попробуй, – прошипела Кейт, сжимая ноги. Почему-то вдруг стало жизненно важно, чтобы он не смог так легко выкачивать из нее секреты и в то же время хранить свои!

Его пальцы скользнули по треугольнику волос.

– Раздвинь ноги, Кейт.

– Ни за что, – начала было она, но тут ей вдруг показалось, что она совершенно не права и что сопротивляться просто глупо. Она расслабилась и тут же громко охнула, когда указательный палец скользнул в нее, а большой стал медленно гладить короткие завитки. Окончательно успокоившись, она позволила Митчелу дарить ей тепло и наслаждение.

– Итак, может, ты что-то хотела мне сказать? – осведомился он, медленно усиливая давление и изменяя ритм.

– Пока что нет, – едва слышно прошептала Кейт, цепляясь за его плечи

и закрывая глаза. Он так близко подвел ее к пику, что она едва удерживалась от того, чтобы не начать двигаться вместе с ним.

– А теперь? Может, теперь у тебя найдется что сказать?

Она льнула к нему, сердце колотилось, ногти впивались в его спину.

– Нет, – выдохнула она, но ее тело уже было на грани конвульсий.

Он вдруг остановился.

– Ну а сейчас?

Она висела над обрывом, в полном отчаянии, обезумевшая, и он это знал. И намеревался лишить ее наслаждения, подведя к самому краю и удерживая там, пока она не сдастся!

Очевидно, она ошиблась, когда вообразила, что он рассчитывает получить ответ, дав ей сначала все, чего безмолвно требовало ее тело! То самое тело, которое умоляло ее капитулировать. Но сердце не позволяло.

Поэтому она выпустила его плечи и откинулась на подушки, глядя на Митчела измученными глазами, безмолвная и разочарованная.

Он продолжал с бесстрастным видом смотреть на нее. Она хотела что-то сказать, но тут он неожиданно схватил ее в объятия. Его пальцы вновь проникли в то место, которое совсем недавно покинули, окончательно сводя ее с ума, даря ощущения, которых намеренно лишали раньше.

Кейт льнула к нему, сотрясаясь в спазмах. Когда буря улеглась, она откинулась на подушки, подняла руку, провела по жесткой щеке, нежно пригладила густые темные волосы.

– Моя мать живет в Кливленде, – прошептала она, признавая свое поражение и его победу. Победу, которой он добился на ее условиях. Не на своих.

Неведомые прежде эмоции бурлили в груди Митчела, поражая его до глубины души. Она предназначена для него. Они созданы друг для друга... Но позже, сегодня или завтра, другой мужчина придет за ней. Мужчина, имеющий больше прав, чем он, Митчел...

В мозгу Митчела звучали трубы и герольды выкликали его имя, призывая появиться на арене Судьбы и предстать перед ревущей толпой: гладиатор без меча и щита, вооруженный только секретами и хрупкими надеждами. Трубы были все громче, и он уже шел навстречу судьбе, беззащитный и бесстрашный.

Рука Кейт лежала на его щеке, пальцы ласкали подбородок, зеленые глаза манили. Митчел, улыбаясь, уткнулся лицом в ее руку, поцеловал ладонь и прошептал:

– Мы, идущие на смерть, приветствуем тебя.

Глава 23

Макнил сидел у окна номера 102, закинув ноги на подоконник и держа наготове бинокль. Вид у него был донельзя усталый. Наконец он зевнул и потянулся, со скукой наблюдая, как розово-пунцовые полосы протянулись по небу над сверкающими водами Карибского моря. Он и Чилдресс спали поочередно, и смена Мака только что началась.

Служащие отеля суетились на пляже, накрывая столики к завтраку и вытирая шезлонги. Несколько такси уже выстроились перед входом в отель, готовые отвезти ранних пташек-постояльцев, куда те пожелают. Если Уайатт решит покинуть отель, ему придется пройти мимо окна Макнила, чтобы взять такси. С этого же наблюдательного пункта Мак прошлой ночью смог наблюдать в бинокль Уайатта и мисс Донован, когда те наконец поднялись в свой номер.

В одиннадцать он и Чилдресс поменялись местами у окна, и Чилдресс налил себе кофе из кофейника, принесенного официантом из обслуживания номеров, пока дежурил Макнил.

– Я слишком долго тут пробыл, – пожаловался Чилдресс, насыпая сахар в кофе. – Прошлой ночью я прочел гостиничный проспект и стал подумывать, что ногти на ногах в самом деле требуют ухода и без педикюра мне не прожить и единого дня.

Он поставил чашку на стол рядом с собой, взял отложенный Маком бинокль и медленно осмотрел пляж в поисках приглянувшейся блондиночки.

– Вот она! Лежит на любимом шезлонге. Послушай, я, кажется, влюбляюсь. Взгляни только... у нее маленькая татуировка на попке. На левой ягодице. Как это я вчера ее пропустил?

Он тщательно отрегулировал бинокль, поставив его на увеличение.

– Да это божья коровка! Здорово, правда?

– Пойду под душ, – бросил Мак и устремился в ванную, цитируя на ходу из того же проспекта: – «... и утонув в роскоши жасминового шампуня».

Чилдресс проворно оглянулся:

– Оставь немного и для меня!

Макнил хмыкнул, остановился у шкафа, вынул свежую сорочку и брюки и тут же бросил на кровать, потому что его мобильник завибрировал.

– Мы только что нашли тело Уильяма Уайатта, – мрачно сообщил Грей Эллиот. – С дыркой в груди. Кто-то пристрелил его из дробовика и бросил в старый колодец на соседней ферме, принадлежащей семье Юдоллов. Собственно говоря, нашли его не мы, а новый хозяин, купивший ферму несколько месяцев назад и споткнувшийся о ржавую крышку колодца под слоем снега. Пока он поднимался, заметил что-то, застрявшее под крышкой и показавшееся ему странным. Он знал, что Уильям исчез в то время, когда должен был находиться на соседней ферме, поэтому оттащил крышку в сторону посмотреть, что там. Местные копы откликнулись на звонок, но предоставили расследование нам. Тело Уильяма и орудие убийства только что прибыли вертолетом. Пока что над дробовиком трудятся баллистики.

– Нашли отпечатки?

– Ни единого, – ответил Грей на удивление безразлично.

Макнил немедленно угадал причину.

– Что застряло под крышкой?

– Черная кожаная пуговица с обрывком нитки, какие обычно пришивают на мужские пальто.

– Пуговица? – повторил Макнил, хмурясь и садясь на край кровати.

– Очень оригинальная пуговица ручной работы с интересным рисунком, выдавленным на лицевой стороне, и эмблемой на обратной, позволяющей установить мастера.

– Значит, вы считаете, что сможете узнать, кто ее сделал?

– И даже больше того. Оказалось, что подобные пуговицы заказываются исключительно европейскими портными, которые ведут тщательные записи всех партий, чтобы в случае необходимости такие же могли быть заказаны для всех клиентов.

– Европа – она большая. И сколько времени уйдет на обнаружение портного или изготовителя пуговиц?

– Эксперты уже осмотрели пуговицу и утверждают, что кожа и краска британские, так что первым делом мы сосредоточимся на лондонских портных. Сейчас вся проблема во времени. Уже через пару часов репортеры пронюхают, что мы нашли труп Уильяма, а если об этом прослышит Митчел Уайатт, его самолет миглом поднимется с Сен-Мартена, унося владельца как можно дальше от американского правосудия, и тогда мы ни за что его не достанем. Если я смогу заманить его обратно в Чикаго, у меня найдется достаточно оснований, чтобы допросить и отобрать паспорт. Это даст нам время разыскать портного, который шил пальто, а еще лучше само пальто. И как только нам это удастся, я немедленно потребую ордер на арест. Я уже договорился с полицейским управлением

Нью-Йорка произвести сегодня днем обыск у него на квартире, когда я получу разрешение. У него также есть квартиры в Риме, Лондоне и Париже, и я попытаюсь организовать одновременный обыск в каждой. Правда, власти в Европе пока что не намерены мне подыгрывать. Придется задействовать личные связи.

– Вам потребуется чертовски лакомая приманка, чтобы оторвать его от этой Донован.

– У меня есть план. Погодите, я вам перезвоню. А пока что постарайтесь не потерять его и не трудитесь следить за Кейт Донован, если они распрощаются. Я сам позабочусь о ней, как только заполучу Уайатта.

– Не потеряем, – пообещал Макнил.

– Мак...

– Да, сэр?

– У меня также имеется свидетель, который видел Уайатта в пальто с точно такими пуговицами, как найденная в колодце.

Глава 24

Мобильник Кейт зазвонил, едва Митчел успел открыть тюбик крема для бритья. Рассеянно встряхнув тюбик, он краем глаза наблюдал, как она выходит с лоджии и берет телефон, чтобы взглянуть на номер звонившего.

Немного поколебавшись, она прикусила губу, но все же поднесла трубку к уху.

В раковину била горячая воды, и за шумом он не слышал, о чем говорит Кейт, но плечи были напряжены, голова опущена, а свободной рукой она потирала затылок. Вся ее поза говорила о внутреннем напряжении и досаде. Митчел предположил, что адвокат либо сообщает о прилете на Сен-Мартен, либо устраивает ей сцену за то, что не отвечала на звонки.

Беседа длилась не более нескольких секунд, после чего она отложила трубку.

Очевидно, у них просто не хватило времени на настоящую жаркую ссору, особенно у адвоката. Они всю карьеру строят на страстных публичных высказываниях, а разговор был не таким долгим, чтобы как следует завести законника. Из этого следовал единственный логический вывод: бойфренд Кейт коротко сообщил, что прилетает на Ангилью, и, судя по продолжительности звонка, она не попыталась его разубедить. Не такого ожидал от нее Митчел.

Когда Кейт вошла в ванную, Митчел стоял у раковины, обернув полотенце вокруг бедер, и брился. Довольная, что застала его в такой интимный момент, она прислонилась к стене и стала наблюдать, как он добривает горло. На покрытом сугробами мыльной пены лице виднелись только черные брови, темно-синие глаза и четко очерченный чувственный рот.

Он вымыл бритву под проточной водой, посмотрев на Кейт в зеркале, слегка улыбнулся ее неприкрытому интересу и стал водить бритвой по щекам. Дорожка за дорожкой обнажали его загорелое лицо с квадратным подбородком и лепными скулами.

Кейт продолжала наблюдать, но мысли о звонке секретарши Эвана не давали ей покоя. По словам Патрисии, они с Эваном в воскресную ночь просидели допоздна, но в конце концов сумели выработать удовлетворительное любовное внесудебное соглашение с противной стороной. Эван пытался позвонить Кейт из офиса, чтобы сказать, что

вылетает на Ангилью в половине третьего ночи и прибывает в половине первого по сен-мартенскому времени. Но и телефон в номере, и ее мобильник были переключены на автоответчик. Отказавшись оставить сообщение, он бросил трубку и потребовал, чтобы Патрисия начала звонить Кейт в понедельник с утра пораньше и не оставляла попыток, пока не услышит голос Кейт.

«Будь я на вашем месте, – смеясь, предупредила секретарь, – встретила бы его на пороге с медовой улыбкой и мартини в руках. Он вне себя. Рвет и мечет из-за того, что уже два дня не может до вас дозвониться».

Кейт понимала, что на деле все обстоит куда хуже и настоящая драма начнется, когда она встретит его у двери с уже сложенными чемоданами.

Митчел все-таки заметил что-то неладное.

– Выглядишь как женщина с кучей проблем, – невозмутимо заметил он.

– Он летит на Ангилью.

– У тебя определенно куча проблем.

– Мне придется встретить его на вилле и объяснить, как обстоят дела.

Не знаю, что сделать или сказать...

– О нет, эта проблема куда значительнее.

Удивленная и немного обиженная его спокойным видом, бойкими ответами и явно равнодушным отношением к ситуации, которая обещала быть весьма для нее затруднительной, Кейт тихо сказала:

– Похоже, у тебя на все есть рецепты. Может, предложишь мне что-нибудь действенное? Или найдешь выход?

– Если он действительно уже на пути сюда, сценарий написан и менять его слишком поздно, – пожал он плечами, снова промывая бритву. – И так как предполагается, что мы оба джентльмены, наши роли распределены, и приходится следовать установленным правилам. Поскольку предполагается также, что отныне ты намереваешься остаться со мной, а не с ним, вышесказанное верно и для тебя.

Смутно удивленная использованием такой обтекаемой фразы, как «намереваешься остаться», Кейт дождалась, пока он побреет верхнюю губу, прежде чем спросить:

– А в чем заключается твоя роль джентльмена?

– Я обязан выразить желание временно удалиться, чтобы он смог провести остаток отпуска с тобой, и дать ему возможность все это время бороться за тебя.

– Ну а его роль?

Проведя бритвой от левой челюсти до скулы, Митчел пробормотал:

– Поняв, что ты серьезно намерена уйти к другому, он обязан благородно смириться с поражением и пожелать тебе счастья, тем самым показав, какого принца теряешь, и одновременно утопив тебя в сомнениях и угрызениях совести, а потом убраться с моей дороги ко всем чертям.

– Так, а моя роль?

– В возможно более короткое время, желательно за несколько часов, а не дней, убедить его в серьезности своих намерений, а тем временем ни за что не подходить к той большой мягкой постели ближе чем на три фута. И не позволять ему увлечь тебя в этом направлении.

Упоминание о постели помогло ей понять причину довольно резкого тона, и Кейт ошеломленно уставилась на нее:

– Да ты, никак, ревнуешь?

– Пока еще нет, но, вероятно, скоро начну, – буркнул он, энергично действуя бритвой за левым ухом.

– Но почему? – спросила Кейт, стараясь скрыть, как постыдно довольна его признанием. – Я не могу порвать с ним по телефону или встретить в аэропорту и все сказать прямо там. Я должна приехать на виллу и честно с ним поговорить, чтобы он отпустил меня с миром.

Митчел, не отвечая, умылся и только после этого спросил:

– Сколько лет сюда из Чикаго?

– Около восьми часов, поскольку прямых рейсов нет.

– Мне кажется, вряд ли он отпустит тебя с миром, после того как добирался сюда восемь часов в полной убежденности, что вы будете вместе до конца дней своих.

До Кейт наконец дошло, что он все не так понял, поэтому она наскоро прояснила ситуацию:

– Звонил не он, а его секретарь. Он велел передать, что вылетает в половине третьего ночи и приземлится в половине первого дня. Я не думала, что он вообще соберется сюда, тем более что от отпуска осталось всего четыре дня. Будь у меня возможность поговорить с ним до отлета, я никогда не позволила бы ему приехать, тем более что он действительно уверен, будто между нами все по-прежнему.

– Прости, я должен был это предположить.

Кейт рассеяла его тревогу улыбкой, но втайне была заинтригована столь лестным свидетельством своей женской власти над ним и заворожена кодексом поведения, который он изложил с такой абсолютной уверенностью. Решив подвергнуть их обоим маленькому испытанию, она сложила руки на груди, склонила голову набок и притворилась, что изучает

маникюр.

– Насчет тех ролей, о которых ты толковал: что бы ты, как джентльмен, сделал, если бы я... скажем, чуточку поколебалась относительно разрыва с прежним другом?

Старательно небрежный тон немедленно насторожил Митчела. Поняв, что она задумала, он с легкой улыбкой потянулся за полотенцем. Он отнюдь не был новичком в играх, поддерживающих хрупкое равновесие сил между мужчиной и женщиной.

– В подобных обстоятельствах, – мягко пояснил он, – правила очень ясны и понятны. Тебе достаточно набрать номер моего телефона, все рассказать, и мы поменяемся с ним ролями.

– И ты бы смирился с поражением и убрался с его пути? – разочарованно пробормотала Кейт.

Скрытая полотенцем улыбка стала еще шире.

– Уверена, что так уж хочешь поиграть со мной именно в эту игру, милая?

– Да нет, не очень, – осторожно ответила она, и он рассмеялся.

Вне себя от радости и удовольствия, Кейт строго добавила:

– Только не позволяй моим локонам сиротки Энни и бесхитростному имиджу певчей ирландского хора одурачить себя. Я вполне могу за себя постоять.

– У тебя привод в полицию. Твой имидж безнадежно испорчен.

Кейт рассмеялась и с притворным недовольством покачала головой. Он поднял брови, ожидая достойного ответа, но, видя, что она молчит, одарил мальчишеской улыбкой превосходства, вернулся к раковине и стал причесываться.

Кейт глянула на часы.

– Не желаю собирать вещи под его взглядом, так что мне нужно все закончить до часу дня, когда он прибудет на виллу. Сейчас начало двенадцатого, так что я должна уйти через четверть часа.

Она оглядела ярко-синюю шелковую блузку, завязанную узлом под грудью, и белые шорты и решила переодеться в брюки, чтобы достойно встретить все, что ждет впереди.

– Думаю, мне нужно переодеться, – бросила она, но, подойдя к шкафу и вынимая белые брюки, заметила, что черное платье и туфли, которые надевала вчера, пропали. – Ты не знаешь, что случилось с черным платьем и туфлями, которые были на мне прошлой ночью?

Митчел помедлил, прежде чем ответить, и она подошла ближе.

– Ты именно это собираешься надеть, пока будешь объясняться с ним?

И при этом надеешься, что он отпустит тебя с миром? – удивился он наконец. – Похоже, ты не совсем поняла смысл правил, о которых я только что тебе толковал.

Господи, неужели он вообразил, что она намеревается вместо этого соблазнить беднягу Эвана?!

Кейт с ужасом посмотрела на него, но тут же хихикнула, опустила глаза и спокойно уселась за туалетный столик напротив раковины и взяла в руки щетку.

– Опять этот тон, – протянула она, словно размышляя вслух. – Не расслышала ли я нотки легкой ревности в голосе человека, который уверяет, что безропотно готов отказаться от меня, вздумай я изменить свое решение?

Обреченно прикрыв глаза, Митчел молча констатировал, что этот последний словесный раунд остался за ней, и снова стал причесываться.

– Начинаю понимать, почему плакал твой отец, – вздохнул он, хотя на самом деле все было наоборот: наблюдая, как она расчесывает блестящие рыжие волосы, он испытывал ощущение непривычной легкости и спокойствия.

Можно ли это назвать счастьем? Пожалуй...

– Дидерик унес нашу одежду, пока мы принимали душ. Он все выгладит, вычистит и вернет.

Через десять минут она вышла на лоджию, где уже стоял Митчел, глядя на воду.

– Мне нужно ехать.

Митчел повернулся, заметил в ее руках сумку и недоуменно уставился на нее, прежде чем сообразил, что ей нужно куда-то сложить вещи с виллы.

Веселое настроение сменилось досадой, когда она положила сумочку на стол и подошла к нему прощаться.

– Ты действительно не хочешь, чтобы я проводил тебя и подождал в Филипсбурге? – прошептал он, обнимая ее за талию.

Кейт положила руки ему на грудь и покачала головой.

Под белой трикотажной тенниской ровно, медленно билось его сердце, и она черпала силы в этом биении.

– Мне нужно немного побыть одной перед встречей, на время забыть о нас и сосредоточиться на нем. Встретимся на пристани капитана Ходжа в четыре. Там, где мы вчера садились на катер.

– В зависимости от того, как он отреагирует, ты можешь оказаться там гораздо раньше назначенного времени.

– В таком случае я использую это время, чтобы окончательно забыть о

нем и вместо этого сосредоточиться на нас обоих.

Митчел улыбнулся, глядя в зеленые глаза Кейт и восхищаясь ее моральными принципами и чувством справедливости.

Она улыбнулась в ответ. Ветер ерошил ее волосы, пальцы нежно лежали на его груди. Отныне это прикосновение в его мыслях всегда будет связано с ней.

Она была абсолютно права, желая на несколько часов забыть о них обоих.

– Поцелуй на прощание, – попросил он, готовый к короткому целомудренному поцелую, но она обняла его, прильнула к губам в долгом, испепеляющем поцелуе, заставившем Митчела впиться пальцами в ее спину.

Стоявший на пляже детектив Чилдресс небрежно поднял камеру и нацелил на фасад отеля, после чего сместил объектив налево и наверх и сделал очередной снимок парочки, обнимавшейся на лоджии четвертого этажа.

Митчел даже не пошел проводить ее до дверей номера, зато увидел несколькими минутами спустя, когда по сигналу швейцара к ней подкатило такси. Кейт положила сумку на заднее сиденье и уселась рядом с водителем. Когда машина проезжала под лоджией, Кейт высунулась в окно и с улыбкой помахала Митчелу.

– Не задерживайся там, – попросил он, и она кивнула.

Такси развернулось и отъехало. Митчел подождал, пока оно не исчезло, и стал наблюдать за круизным судном, медленно пересекавшим линию горизонта. Завтра он возьмет Кейт в круиз на яхте Зака. Через несколько дней из Италии придут сам Зак и Джулия, и он познакомит их с Кейт. Он хотел показать ей дом, который строил на Ангилье, свой первый дом, тот, который будет стоять среди пальмовой рощи на живописном берегу с потрясающим видом на море.

Из всех мест в мире, где можно было построить дом, Митчел по своей прихоти выбрал крошечный островок в Карибском море, где рыжая девчонка с сияющими зелеными глазами облила его коктейлем, пробудила все его чувства, согрела, а потом украла его сердце. И все это менее чем за сорок восемь часов!

Глава 25

Дверь кабинета окружного прокурора в Центре Ричарда Дж. Дейли на Вашингтон-стрит была закрыта. Обстановка в приемной была на удивление тихой, и Пола Москато, секретарь Грея Эллиота, строго хмурила брови и прижимала палец к губам, стоило кому-то приблизиться к ее письменному столу.

Два помощника прокурора стояли у дальней стены офиса, наблюдая, как Грей Эллиот готовит главного свидетеля в деле по убийству Уильяма Уайатта. Свидетель сидел за письменным столом Грея в удобном вращающемся кресле. Перед ним лежали ручка и листок бумаги с ключевыми фразами, которые он должен был произнести по телефону. Этот звонок был крайне важен, поскольку именно он послужит приманкой, способной заманить Митчела Уайатта в Чикаго, в сферу юрисдикции американской Фемиды.

Мать свидетеля сидела перед столом, вертя в руках платочек. Прекрасное лицо было искажено скорбью, потому что теперь она точно знала: муж больше никогда к ней не вернется. Бедняжка ошеломленно наблюдала, как сын готовит ловушку для убийцы ее мужа. Лили Рирдон, одна из помощниц прокурора, наблюдавшая за процедурой, кивнула Кэролайн Уайатт и прошептала коллеге:

– Можешь представить, каково это – узнать, что убийца твоего мужа гостил в твоём же доме с самой его гибели?

Джефф Сервантес покачал головой:

– Если Грей в ближайшие полчаса не покончит с этой процедурой, она наверняка упадет в обморок.

Грей присел на край стола:

– Ты хорошо себя чувствуешь, Билли?

Красивый четырнадцатилетний подросток поднял на него глаза, громко сглотнул и кивнул. Для своего возраста он был очень высок, строен и хорошо сложен и носил темный костюм, белую сорочку и узорчатый галстук с непринужденностью мальчика из привилегированного класса, который так же легко способен влезть в джинсы и майку. Словом, он ничем не отличался от самого Грея в таком же возрасте.

– Выпей воды, прежде чем я просмотрю все в последний раз.

– О'кей, мистер Эллиот.

– Пожалуйста, зови меня Грей. Как по-твоему, сможешь позвонить?

Несмотря на видимое беспокойство, мальчик все же кивнул, сначала неуверенно, потом более убежденно.

– Он убил моего отца, и я сделаю все, чтобы вытащить его сюда.

– Знаю, – вздохнул Грей с легкой улыбкой, потому что сейчас, сидя в его кресле и за его столом, Билли излучал не только обаяние отца, но и стальную решимость Сесила.

– Ладно, давай повторим еще раз. Тебе нужно только сказать Митчелу, что тело твоего отца обнаружено и убийца признался.

– Понял.

– Потом добавишь, что твои дед и мать совсем плохи и ты просишь его приехать, потому что тебе очень-очень страшно.

– Договорились, – сказал Билли и с трогательной бесхитростностью добавил: – Я смогу сказать все. Особенно последнюю часть. Потому что в самом деле ужасно боюсь.

– Постарайся быть как можно более убедительным.

– Хорошо.

Удовлетворившись наконец, Грей нажал кнопку селектора.

– Набирайте номер, Пола, – велел он и, пытаясь не дергать лишний раз нервы четырнадцатилетнему подростку, медленно завел руку за спину и включил диктофон, после чего взглянул на часы. На Сен-Мартене было половина второго, и, согласно сообщению Чилдресса, Митчел Уайатт все еще находился в номере отеля.

Стараясь скоротать время и отвлечься от мыслей об испытании, предстоящем Кейт, Митчел позвонил в свой нью-йоркский офис и попросил помощника переслать факсом кое-какие документы, которые Ставрос просил просмотреть.

Когда зазвонил мобильник, Митчел, не отрываясь от документов, рассеянно потянулся к телефону на журнальном столике.

– Дядя Митчел, это я. Билли, – уточнил подросток дрожащим голосом, почти заикаясь.

– Что случилось? – спросил Митчел, медленно поднимаясь в предчувствии чего-то очень плохого.

– Мой отец...

Митчел, закрыв глаза, ждал того, что сейчас последует. В глубине души он уже все знал.

– П-папу нашли в к-колодце возле н-нашей фермы.

– Мне очень жаль, – хрипло выдавил Митчел и, открыв глаза, тряхнул головой, чтобы немного прийти в себя. – Колодец? Он упал в колодец?

– Не упал. Его убили. Выстрелили в грудь.

Опасаясь сказать что-то не то, Митчел беспомощно ждал, что еще сообщит мальчик.

– Продолжай, Билли. Я здесь. Я тебя слушаю.

– Его застрелил управляющий Аделлов. Он уже признался, г-грязный старый пьяница. Он все рассказал полиции, когда те стали его допрашивать. Ничтожество, ублюдок... застрелил папу. Пожалуйста, Митчел, ты не можешь приехать домой? Мама закрылась у себя в комнате, и я не знаю, что с ней, а дедушка Сесил... его отвезли в больницу с приступом стенокардии.

– Я приеду, – пообещал Митчел.

– Сегодня? Пожалуйста, скажи, что прилетишь сегодня! Я стараюсь быть храбрым и настоящим мужчиной, как потребовал дедушка Сесил. Он еще сказал, что я остаюсь главой семьи, пока ты не приедешь и не позаботишься обо всем.

Его голос прервался, и сердце Митчела сжалось от жалости к мальчику.

– Дядя Митчел, я в самом деле боюсь за маму. Она захватила с собой снотворное и теперь не отвечает мне.

– Я скоро буду.

– Ты сейчас вылетишь?

Митчел снова посмотрел на часы.

– Нет. Часов в пять, не раньше. Это три часа по вашему времени. К восьми буду у вас.

– Хорошо, – покорно пробормотал мальчик. – Дядя Митчел!

– Что, сынок?

– Мой папа очень вас любил. Он... сказал, это вы заставили его гордиться, что он Уайатт.

Митчел проглотил странный, колющий ком в горле и посмотрел в окно.

– Спасибо, что сказал мне это.

Билли повесил трубку, развалился в кресле Грея и широко улыбнулся замороженной публике.

– Ну, как все прошло? – спросил он, выстукивая веселый ритм ручкой по блокноту. – Конечно, наговорил всякой чуши, но думаю, это сработало, верно? Особенно вранье насчет старого пьяницы. Чистая импровизация, но зато какой эффект!

Лили Рирдон невольно передернулась, стараясь не встретиться глазами с коллегой.

– Ты великолепен, Билли, – гордо объявил Грей, вставая. – Просто

великолепен!

Глава 26

Митчел отложил телефон и несколько минут простоял у журнального столика неподвижно, с опущенной головой, стараясь справиться с нахлынувшей волной скорби по брату, которого он едва знал и о чьей гибели услышал только сейчас.

Еще восемь месяцев назад он и не представлял, что это такое – иметь родственников, не говоря уже о потере одного из них. Теперь же стал немного понимать, каково это, и душа разрывалась от боли.

Он так живо представлял Уильяма, стоявшего в гостиной его лондонской квартиры рядом с Кэролайн и Билли.

«– Я понимаю, Митчел, почему ты не отвечал на мои звонки и письма, – с улыбкой заметил Уильям, когда взбешенный Митчел ворвался в гостиную, намереваясь раз и навсегда выбросить их из своего дома, – но родню не выбирают, так что, боюсь, тебе придется довольствоваться нами.

Несмотря на решимость отвергнуть все притязания брата, Митчела постигло настоящее потрясение при виде человека, так явно на него похожего.

– Мне братья не нужны! – отрезал он.

– Зато нужны мне, – дружелюбно возразил Уильям. – Разрешешь нам сесть?

На языке Митчела уже вертелся отказ, но тут он заметил пристальный взгляд Билли. Кэролайн же улыбалась ему, словно желая сказать: «Понимаю, что вы должны чувствовать. Но поверьте, нам это тоже нелегко».

Он и сам не заметил, как согласился повидаться с ними завтра, а потом послезавтра, а потом послепослезавтра...»

Уильям не скрывал, что стремится лучше узнать Митчела, хотя ему уже было известно о брате больше, чем самому Митчелу о себе. По крайней мере он успел выведать обстоятельства зачатия и рождения Митчела, а также просмотрел старые документы, обнаруженные в сейфе Сесила, включая письма и отчеты из школ, где учился Митчел. Уильям честно признался, что ни те, ни другие даже не были распечатаны.

А то, что Уильям не смог отыскать в документах, обнаружил в Интернете. Оказывается, он знал о дипломах Кембриджа и Оксфорда, о Ставресе Константиносе, о браке с Анастасией. Он даже поддразнивал брата получившими широкую известность интрижками с гламурными

женщинами.

Митчел ничего не желал слушать об отце и деде и вообще о семейке Уайаттов, и Уильям поначалу вроде бы с этим смирился, но, как скоро обнаружил Митчел, по характеру братец был чем-то вроде бесшумного локомотива, ломавшего все преграды и появлявшегося там, где его не ждали.

Как-то вечером, когда Митчел был в Чикаго, где у него имелись общие дела с Мэттом Фаррелом, Уильям пригласил его к себе на ужин и выложил, как надеялся, козырную карту, чтобы заинтересовать брата знакомством с Сесилом.

– Пойми, нужно брать в расчет большие деньги...

– Его или мои? – саркастически бросил Митчел, хотя уже знал, что Сесил Уайатт очень богат. Кэролайн быстро опустила глаза, чтобы скрыть улыбку. Уильям громко рассмеялся, но, тут же став серьезным, пояснил:

– Половина моего наследства по праву принадлежит тебе.

– Мне оно не нужно.

– Я не спрашиваю, нужно ли оно тебе, просто ставлю в известность, что не приму его. Как твой старший, хотя, возможно, не слишком мудрый брат, я оставляю за собой возможность действовать в твоих лучших интересах, – объявил он и со смущенной улыбкой добавил: – Я постоянно думаю, как все могло быть, если бы мы выросли вместе. Так и представляю, как ты повсюду таскаешься за мной, а я защищаю тебя от хулиганов, а ты... ну, словом, понимаешь...

– Совсем не понимаю, – честно ответил Митчел.

– А ты во всем бы подражал старшему брату, советовался по любому поводу, смотрел на него снизу вверх и все такое, – улыбаясь, закончила за мужа Кэролайн.

Митчел уставился на «старшего брата», сидевшего во главе элегантно накрытого стола в столовой чикагского особняка. Уильям был на несколько дюймов короче, на несколько лет старше и на много фунтов тяжелее Митчела. Но он был также самым порядочным и великодушным человеком, которого знал Митчел.

«Я и сейчас смотрю на тебя снизу вверх, – подумал он весело, – но если ты собираешься вот так просто лишиться половины своего состояния – это я должен давать тебе советы».

Вскоре после этого Кэролайн, оставшись наедине с Митчелом, заговорила об Уильяме и Эдварде, и все, что она сказала, вполне исчерпывающе объяснило, почему последний по-прежнему не желает иметь ничего общего с младшим сыном.

– Отец Уильяма... твой отец – самый эгоцентричный человек из всех, кого я когда-либо знала. Он идет по жизни, скрывая свое истинное лицо не только от окружающих, но и от себя самого, и пьет без просыпа, чтобы уж наверняка остаться в своем панцире, чтобы никогда не высовывать оттуда голову. Пока Уильям рос, он не обращал на него ни малейшего внимания, поэтому тот сделал все, чтобы обрести брата. Уильям очень зол, потому что до сих пор вы оба были одиноки, зато теперь обрели друг друга, и он очень хочет наверстать потерянное время.

Она велела подавать на стол и, встав, взяла Митчела под руку и повела в столовую.

– Кстати, – призналась она, – на случай если еще не понял, он любит тебя, считает почти гением и невероятно тобой гордится.

Вместо того чтобы сказать, какие чувства он испытывает к Уильяму, как, вероятно, надеялась Кэролайн, Митчел улыбнулся и заметил:

– Ему очень повезло с такой женой.

– Это мне повезло, – просто ответила она.

И теперь, стоя в номере «Энклеив», он мучился воспоминаниями и горько сожалел, что не объяснил тогда Кэролайн, как любит и восхищается Уильямом. Может быть, она все передала бы мужу. Рассказала же Митчелу, как относится к нему Уильям! Почему он так и не смог выговорить нужные слова? Почему не был откровенен... чтобы Уильям, пока был жив, знал, как относится к нему младший брат?

Хрипло вздохнув, Митчел попытался вернуться мыслями в настоящее и стал обдумывать, что следует сделать. Опасения Билли, что мать отравится снотворным, были беспочвенны. Кэролайн с самого начала знала, что Уильям исчез не по собственной воле, что бы там ни считала полиция. Она знала также, что будь Уильям жив, он ни за что не бросил бы семью. Они часто говорили об этом с самого исчезновения Уильяма. Кроме того, Кэролайн и сама не оставит Билли совсем одного на свете, так что ей в голову не придет покончить с собой.

С другой стороны, абсолютно ясно, что Митчел должен немедленно вылететь в Чикаго и оказать всю возможную моральную поддержку Кэролайн и Билли. Он просто обязан сделать это для брата... которого любил.

Когда он все объяснит Кейт, она поймет и простит. В этом он не сомневался. Она так добра и мягкосердечна, что не бросит в беде даже бездомную собаку. И разумеется, сразу согласится, что он не может отвернуться от Кэролайн и Билли.

Следующие несколько дней он может курсировать между Сен-

Мартеном и Чикаго. Подумаешь, всего четыре часа в один конец, ведь он-то летит прямым рейсом! А выспаться можно и в самолете. Однако мысль о том, чтобы покинуть Кейт одну в другом отеле, как сделал ее дружок, была невыносимой.

Он вспомнил, как она упомянула, что любит корабли, и его осенила блестящая идея. Пока его не будет, нужно устроить ей круиз по островам на яхте Зака. Ей наверняка понравится. Зак, Джулия, Мэтт и Мередит вскоре прилетят сюда, чтобы отправиться в более долгое путешествие, и Кейт будет рада с ними познакомиться. Митчел потянулся к телефону.

Первым делом он позвонил своим пилотам и приказал готовиться к вылету в аэропорт О'Хэйр в пять вечера.

Далее он позвонил портье, известив его, что немедленно выписывается из отеля.

Следующий звонок был в Рим. Заку.

Глава 27

Стоя у окна римской квартиры Митчела на площади Навона, Джулия Мэтисон Бенедикт смотрела на великолепный фонтан Четырех рек работы Бернини, купавшийся в электрическом свете. В многочисленных маленьких кафе подавали ужин, любовники и туристы струились по тротуарам непрерывным потоком. В гостиной расположился ее муж. Сидя в барочном кресле семнадцатого века, он просматривал заметки, сделанные во время сегодняшних съемок его новой картины. Они приехали в Рим для натуральных съемок и пробыли здесь уже две недели, но Зак хотел остаться еще на несколько дней и сделать дополнительные дубли.

– Я буду скучать по этому городу, – вздохнула Джулия, оглядываясь на Зака. – И даже по Джованни.

– Да неужели? – ухмыльнулся Зак. – И когда ты поняла, что он не бандит в обличье обычного водителя?

– Вчера, – призналась Джулия. – Когда он практически швырнул меня в машину, а сам погнался за вором, укравшим сумочку у старушки.

Зак резко вскинул голову:

– И когда ты собиралась мне об этом рассказать?

– Прямо сейчас, – безмятежно объявила она, – когда мы уезжаем и ничего подобного больше не случится. Представляешь, Джованни знал Митчела еще мальчиком, когда тот жил в Италии!

– Я понятия не имел, что Джованни знает по-английски больше трех слов, – начал было Зак, но тут зазвонил телефон, и он взял трубку. Обменявшись со звонившим несколькими словами, он как-то странно уставился на жену.

– Что с тобой? – удивилась Джулия.

– Звонил Митчел. Очевидно, он кого-то встретил на островах, но приходится оставить ее и срочно возвращаться в Чикаго. Он просил меня позвонить Прескотту и разрешить ей пожить на яхте и отправиться в круиз по островам, пока его не будет.

Джулия уставилась в веселые глаза мужа:

– Ну-ка немедленно признавайся, что ты от меня утаил?

– Лучшую часть! Митчел намеревается ежедневно летать туда и обратно, чтобы быть с ней.

– Ты это серьезно?

– Как нельзя серьезнее. И он, думаю, тоже не шутит. Да, и еще... – Зак

мгновенно помрачнел. – Он должен лететь в Чикаго, потому что нашли тело его брата. Убит, бедняга.

Он посмотрел на часы и потянулся к телефону.

– Сейчас на Сен-Мартене половина второго, а Митчел сказал, что приведет ее на борт к пяти. Самое время звонить Прескотту.

– А имя у нее есть? – поинтересовалась Джулия.

– Кейт Донован.

Глава 28

Кейт застегнула чемодан, отнесла в гостиную и поставила рядом с дорожной сумкой. Она сто раз повторила про себя, что скажет Эвану, и теперь боялась, что речь будет звучать слишком гладко и заученно, хотя сама Кейт терзалась сознанием собственной вины, хорошо представляя, как больно его ранит.

Когда все дела были переделаны, она вышла в крытый дворик, где сразу же ощутила прилив ностальгии и одновременно что-то напоминавшее счастье. Всего три дня назад она стояла здесь, разговаривая по телефону с Холли и скармливая Максу ломтики бекона. Будущее, казавшееся таким блеклым и упорядоченным, теперь расцвело всеми цветами радуги и обещало столько радостных минут! За три коротких дня все стало другим. Она влюбилась.

Кейт с улыбкой шагнула вперед, провела рукой по каменной балюстраде домика, и светлые воспоминания разом нахлынули на нее. На краю сада у самого пляжа росла пальмовая рощица, где она стояла, когда Митчел смиловился и вернулся, чтобы ответить на какие-то из ее вопросов.

«Моего брата звали Уильям...»

Во дворике, на том месте, где она была сейчас, они впервые танцевали вместе. Она вообразила, что Митчел собирается поцеловать ее, и, не дождавшись, со смехом упрекнула его, что он хочет затащить ее в постель.

«Но я действительно хочу затащить вас в постель», – прошептал он.

В ту ночь он был возмутительно откровенным, совершенно не скрывая своих намерений. И хотел ее настолько, что передумал и вернулся к ней в сад. Он был так же откровенен на следующий день, в «Энклеив».

«... в Чикаго живет достойный человек, который готов на тебе жениться. Здесь, в этой комнате, находится человек, который хочет затащить тебя в постель и заниматься любовью, пока мы оба окончательно не обессилеем. Но дальше этого дело не пойдет, иначе все слишком усложнится».

И всего через несколько минут они пришли к компромиссу. А когда Митчел шел на компромисс, перед ним было невозможно устоять.

«Давай все усложним, Кейт... Честно говоря, прошлой ночью я чувствовал то же, что и ты...»

– Кейт?

Она развернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как Эван закрывает дверь: высокий, стройный, привлекательный мужчина с каштановыми волосами и серыми глазами, мужчина, несколько лет бывший частью ее жизни. Хороший человек, которого она сейчас смертельно обидит.

– Я не знала, что у тебя есть ключ, – пробормотала она, едва не плача от очередного приступа ностальгии.

– Поскольку тебя никогда не бывает в номере, – начал он, направляясь к ней, – я задержался около портье и...

Его взгляд остановился на ее вещах и снова метнулся к лицу Кейт.

– Что происходит?

Нервно вытирая ладони о брюки, Кейт растянула губы в улыбке.

– Иди сюда и садись, – велела она, кивнув в сторону дивана. – Нам нужно поговорить.

– Давай сразу перейдем к итогам, – холодно предложил он. – Ты злишься, потому что я оставил тебя здесь, а я злюсь, потому что ты отплатила мне полным молчанием. Не отвечала на мои звонки и провела меня по всем кругам ада. Я с ума сходил, гадая, не мучают ли тебя опять головные боли и уж не опухоль ли это мозга. Может, признаем, что сквитались, и успокоимся? – процедил он и, не дожидаясь ответа, повернулся и подошел к бару.

В эту странную минуту, уже зная, что между ними все кончено, Кейт вдруг поняла, что именно когда-то привлекло ее в нем: ум и уверенность в себе, способность проникать в суть вещей и видеть ее с точки зрения обеих сторон, умение сохранять голову в самые отчаянные моменты. Именно эти таланты делали его прекрасным адвокатом и хорошим другом.

Она дождалась, пока он выпьет и поставит обратно стакан, прежде чем снова обернуться к ней. Кейт слегка улыбнулась и искренне пожелала, чтобы Эван как можно скорее нашел себе чудесную девушку.

– Почему ты улыбаешься?

– Надеюсь, что ты обрешь достойную тебя женщину.

– Сарказм тебе не идет, – бесстрастно заметил он. – Звучит как чистосердечное пожелание и теряет всю свою остроту.

Не зная, плакать или смеяться, Кейт прикусила губу и опустила глаза. Он был не только ее любовником, но и другом. Теперь она теряет его дружбу, и он навсегда от нее отвернется.

Она подняла голову и глубоко вздохнула.

– Это не сарказм, Эван, а пожелание. От всего сердца.

Его рука со стаканом застыла на полпути к губам. Не сводя с нее глаз, он поставил стакан на стойку.

– О чем ты?

– Я встретила здесь одного человека, и между нами возникло нечто особенное. Я должна дать шанс нам обоим.

Он казался неподвижным, как статуя, и это нервировало ее еще больше.

– Когда все это случилось?

– Два дня назад. Вернее, два с половиной, – поправилась Кейт, боясь, что выглядит в его глазах полной идиоткой, поддавшейся первому порыву.

– Кто он?

– Ты его не знаешь. Он живет в Европе и Нью-Йорке.

– Где ты его встретила?

– Эван, прошу тебя...

– Помоги мне понять, как человек, с которым ты знакома два дня, сумел убедить тебя отказаться от четырехлетних отношений. Могу я узнать подробности?

– Я встретила его в ресторане.

– Чем он занимается?

– Я... я точно не знаю.

– Как его зовут?

– Это совершенно не важно.

– А для меня важно, черт возьми! Мне нужно знать, кого проклинать в тишине своей комнаты. Так устроены мужчины, Кейт. Мы притворяемся, что нам все нипочем и что наши сердца тверды как сталь, а потом напиваемся вусмерть и проклинаям подонка, который украл любимую женщину.

Слезы обожгли глаза Кейт.

– Ты успела переспать с ним, верно? – горько бросил он. – Я два месяца не мог уложить тебя в постель, а ему это удалось всего за два дня.

– Мне лучше уйти, – пробормотала Кейт, берясь за ручку чемодана.

– Но сначала назови имя.

– Митчел Уайатт.

Его лицо на миг превратилось в маску недоверчивого изумления.

– Митчел Уайатт? – повторил он. – Ты связалась с Митчелом Уайаттом?!

– Ты его знаешь?

– Еще бы, – процедил он. – Незаконный внук Сесиля Уайатта.

Кейт абсолютно не придавала значения сказанному. Правда, немного удивилась, узнав, что Эван, очевидно, сталкивался с Митчелом в обществе. Значит, они знакомы... А впрочем, что тут такого? Как она знала по

собственному опыту, люди круга Эвана имели широкие связи во многих городах, постоянно следили друг за другом и с удовольствием сплетничали об очередном скандале. Кейт уже давно перестала сопровождать Эвана на те или иные мероприятия, где, как правило, смертельно скучала. В конце концов, она всего лишь социальный работник и дочь владельца ресторана, а ее отношения с Эваном по-прежнему оставались неопределенными, так что люди просто не знали, кем ее считать, но обращались вежливо исключительно ради Эвана. Кейт отвечала тем же и по той же причине. Время от времени Эван пытался рассказать Кейт о тех или иных событиях, происходивших на подобного рода вечеринках, но как только начинал перечислять, кто там был и кто кому приходится родственником, мозг Кейт автоматически переключался на другой канал, еще до того как он доходил до сути дела. Кейт не совсем точно знала, кто такой Сесил Уайатт, поэтому известие о том, что Митчел его незаконный внук, не произвело должного эффекта.

– Чертовски интересное совпадение, – изрек Эван таким тоном, что сразу становилось ясным: лично он не видит в этом никакого совпадения.

– Что именно? – поспешно спросила Кейт, радуясь, что он на минуту забыл о своих оскорбленных чувствах.

– Встретив его на дне рождения Сесила Уайатта, я упомянул, что мы с тобой летим сюда и остановимся в клубе «Айленд». Он сказал, что будет там в то же время, но собирается жить на яхте друга. Прости, я, возможно, покажусь тебе параноиком, но нахожу немного странным, что он подчеркнуто игнорировал всех женщин на вечеринке, которые буквально бросались ему на шею... Подумать только, на всех островах не нашлось другой женщины... пока он случайно не наткнулся на тебя в отеле, где не снимал номера... и в то время, когда меня не было. Вся эта история кажется мне не столько совпадением, сколько мстью.

– Он понятия не имел, что я тебя знаю, – вмешалась Кейт. – Я не называла твоего имени.

– Зато номер снят на мое имя, – парировал Эван.

Кейт не видела причин оспаривать столь незначительный факт. Но Кейт поразило то, что ее уход может привести его к столь нелогичным выводам.

– Мсть? Но за что? – спокойно спросила она.

– Уайатт рассказывал тебе о своем происхождении?

– Меня не интересует ни его родословная, ни законность появления на свет.

– В таком случае поинтересуйся, Кейт, – резко приказал он. – Гнусная,

грязная история, в которой замешаны и я, и мой отец.

– Хорошо, – вздохнула она, – я слушаю.

– Всего несколько месяцев назад Митчел Уайатт считал, что был брошен при рождении, а его имя кем-то выбрано из телефонного справочника. Он посещал лучшие европейские пансионы вместе с детьми самых богатых людей мира, но ему объяснили, что какой-то фонд дал деньги на его образование.

В душе Кейт поднималось возмущение, но, стремясь поскорее покончить со всем этим, она спросила:

– И какое отношение все это имеет к тебе?

– Мой отец задумал и осуществил весь этот план с целью держать Уайатта в заблуждении, но восемь месяцев назад тот обнаружил правду. Теперь Сесил неожиданно решил приветить нежеланного внука, выведя его из неизвестности и представив всему обществу как своего наследника. Мы с отцом – единственные, кто знает правду о его несчастном прошлом, и за это он чертовски на нас зол, тем более что именно отец выступил посредником Сесила. На дне рождения Уайатт подошел к нам, и, поверь, от него так и шли волны враждебности. Я вмешался в его разговор с отцом и попробовал сгладить обстановку, рассказав о нашем отдыхе на Ангилье. Объяснил, что твой отец только что скончался и я как раз спешу на его поминки.

– Уверен, что назвал ему мое имя? – с трудом выдавила Кейт.

– Да, но это вышло случайно. Я и не подозревал, что именно его гложет, но завтра я узнал, что Сесил и мой отец сотворили с Уайаттом в детстве. А теперь, – грустно усмехнулся Эван, – прежде чем уйти, может, ответишь на один вопрос?

Кейт поняла, что испытание близится к концу и он вряд ли попытается заставить ее признать его правоту во всем, что касается Митчела. За это она еще больше зауважала Эвана. Он считал, что во всем верно определил мотивы Митчела, хотя не знал его так хорошо, как Кейт. Кроме того, как бы порядочно Эван себя ни вел, все же не забывал, что его бросили ради другого, и это, несомненно, лишало его объективности. Она не хотела ранить Эвана, становясь на сторону Митчела, принимаясь осыпать его дифирамбами или бросаясь на защиту. Ей хотелось как можно скорее пройти через все это и не слишком оскорбить гордость Эвана. А потом она вернется к Митчелу и ничем не даст знать, что сегодня услышала душераздирающую историю его детства. В свое время он сам все расскажет. Он уже поделился с ней какими-то подробностями.

Кейт кивнула и улыбнулась:

– Задавай свой вопрос.

– Я давно тебя знаю, Кейт. Тебе не так-то легко пустить пыль в глаза. А может, я просто не знал нужных приемов. Всегда считал, что тебе плевать на связи, деньги, положение в обществе – словом, на все, что я мог предложить. Поэтому я хочу спросить: каким чертовым образом этому человеку за два дня удалось достичь того, что у меня не получалось целых четыре года?

– Эван, пожалуйста, не делай этого, – пробормотала Кейт, смаргивая нахлынувшие слезы. Она никогда не подозревала, что Эван любит ее настолько, чтобы вот так унизиться...

– Скажи. Мне нужно знать. Оливия Хиберт рассказывала, что он строит дом на Ангилье. Ты уже размышляла о жизни на острове? Он показал тебе это место и расписал, как тебе будет там хорошо?

Кейт сама не знала, как ей удалось не выдать своих эмоций. Старательно сохраняя бесстрастное выражение лица, она взялась за сумку. Разве так важно, что Митчел словом не упомянул о доме? Они были слишком заняты своей любовью и стараниями узнать друг друга лучше, чтобы тратить время на подобные разговоры.

– Нет, – спокойно ответила она.

– На пароме я узнал, что яхта Зака Бенедикта стоит в гавани, и если верить тому, что я читал в Интернете, Уайатт – близкий друг Бенедикта и крупный инвестор всех его фильмов. Яхта Бенедикта наверняка та самая, где собирался пожить Уайатт. Может, он взял тебя в круиз и обещал жизнь, полную развлечений в обществе кинозвезд? Именно этого ты всегда хотела?

– Нет, – повторила Кейт так же безразлично. Но осознание того, что Митчел позволил ей распространяться о Заке Бенедикте, когда капитан катера показал им яхту «Джулия», больно укололо Кейт. Все же он не лгал, утверждая, что не является горячим поклонником звезды. Очевидно, они друзья. И нужно отдать Митчелу должное, он не подумал похвастаться этим.

Но Эвана ее тон не одурачил. У нее слишком открытое лицо и выразительные глаза, чтобы скрыть шок или изумление.

– Ты ничего не знала ни о доме, ни о яхте, верно?

– Думаю, дальнейшая беседа бессмысленна и пора ее заканчивать, – твердо заявила Кейт.

– Сразу после того, как ты ответишь еще на один крошечный вопрос о себе. Интересно, почему, зная, что Уайатт живет в Европе и Нью-Йорке, ты понятия не имела о его чикагском адресе?

– Он никогда не был в Чикаго, – вырвалось у Кейт, прежде чем она сумела сдержаться. – Я много рассказывала о Чикаго, и он наверняка назвал бы хоть несколько своих знакомых. Мало того, даже спросил, сколько часов лёта оттуда. Эван, мы говорим о разных людях.

– Надеюсь, ты права, милая, потому что человек, которого я имел в виду, жил в Чикаго с Кэролайн Уайатт.

– Что? – раздраженно бросила Кейт.

– Кэролайн Уайатт. В конце прошлого года человек по имени Уильям Уайатт бесследно исчез. Помнишь?

– Смутно.

– Прекрасная Кэролайн была и остается женой Уильяма. Твой Митчел спутался с женой сводного брата и перебрался к ней, как только тот пропал.

– Он говорил мне о брате, – поспешно заверила Кейт, радуясь, что хоть что-то знает о Митчеле. – Он очень любил Уильяма, и если дом Кэролайн такой же, как у большинства твоих друзей и родственников, значит, он размером с небольшой отель.

Эван нервно пригладил волосы и уронил руку.

– Не позволяй этому сукину сыну причинить тебе боль. А когда это произойдет, вспомни, что это мне, а не тебе он задумал отомстить. Может, это облегчит твои страдания. – Он залпом осушил стакан и добавил: – Мне следовало бы снести твои вещи вниз, но я не могу собственными руками помочь тебе поскорее уйти к нему. Прости, Кейт.

Для Кейт его слова прозвучали вынужденным извинением, а не прощальным уколom.

Вопросы и сомнения одолевали Кейт, когда она вошла в ванную, чтобы взять сумочку и убедиться, что ничего не оставила. Но вместо этого встала перед раковиной, стараясь забыть обо всех обличениях Эвана и хорошенько все обдумать. В ушах звучал шепот Митчела: «... прошлой ночью я чувствовал то же, что и ты, и ты это знаешь».

На душе стало немного легче. Это реальный Митчел, а не созданный Эваном образ.

Сказанное Эваном о детстве Митчела полностью объясняло, почему он избегал расспросов Кейт. История его жизни не из тех, которыми можно легко поделиться с незнакомыми людьми. И то обстоятельство, что Митчел не пытался изобрести более впечатляющее прошлое, которым можно было бы легко одурачить наивную девушку, еще больше говорило в его пользу.

В конце концов она могла найти веские причины и объяснения всему, о чем говорил Эван, включая гнусные сплетни. Единственное, чего она не могла оправдать, как ни старалась, – утверждение, что Митчел пусть и

временно живет в Чикаго. Если это правда, есть только одна причина скрытности Митчела – он не намеревается встречаться с ней, когда они уедут с Сен-Мартена.

Так ли это?

Ответ она должна получить прямо сейчас! Не потом, когда они встретятся и он сможет обезоружить или отвлечь ее. Простой, прямой ответ. В конце концов, именно Митчел послал ее сюда, ожидая, что она порвет с Эваном в самое кратчайшее время и немедленно поспешит назад. У нее есть полное право ожидать честного ответа на свой вопрос.

Закрыв дверь ванной, она порылась в сумке, извлекла мобильник и проспект «Энклейв» и стала дрожащими пальцами нажимать кнопки. Пульс учащался с каждым звонком. К тому времени как телефонистка подняла трубку, Кейт уже держалась за стену, чтобы не упасть, и, нервно заикаясь, попросила соединить ее с мистером Уайаттом в президентском люксе.

– Простите, мэ, – ответила девушка, – но мистер Уайатт выписался.

– Выписался? Он... он оставил сообщение для меня... то есть для Кейт Донован?

– Минуту, пожалуйста.

Колени Кейт задрожали и подогнулись, но она каким-то чудом удержалась на ногах.

– Нет, мэ. Ничего, – заверила телефонистка.

Кейт снова пошатнулась. В звенящих ушах звучал издевательский голос Митчела: «Я хочу быть уверен, что ты не станешь питать ложных надежд и фальшивых иллюзий относительно того, что происходит между нами... но дальше этого дело не пойдет, потому что все может крайне усложниться... Но я намереваюсь затащить тебя в постель...»

Звук рыданий заглушил его голос, и Кейт, нашарив полотенце, прижала его к лицу в тщетной попытке унять предательские звуки. Отчаянно пытаясь взять себя в руки и уйти отсюда, прежде чем Эван придет из сада, она наконец отбросила полотенце и плеснула в лицо холодной водой, после чего приоткрыла дверь и увидела, что гостиная пуста. Когда слезы снова хлынули из глаз и ослепили ее, она, не глядя, схватила вещи, потащила к двери и повернула ручку. Плечи тряслись от молчаливых рыданий, но она толкнула дверь коленом и почти успела выйти в коридор, когда из дворика появился Эван.

– Кейт, подожди, дай мне помочь...

– Все хорошо, оставайся здесь, – откликнулась она, старательно отворачивая лицо. Только плечи по-прежнему предательски вздрагивали.

– Какого черта...

Он сжал ее плечи, повернул к себе и при взгляде на ее искаженное лицо порывисто прижал к груди.

– Что стряслось, милая?

– Пожалуйста... не будь таким добрым... я бросила тебя ради него, а он... он ушел...

– Не волнуйся, – сухо заверил он, – в данный момент мне как-то не хочется проявлять к тебе что-то вроде доброты. Но буду рад отвезти тебя домой.

Кейт кивнула. На большее ее просто не хватило: горло словно перетянули стальной лентой.

– Я... мне нужно забрать Макса, – прохрипела она наконец.

Стоило Максу увидеть такси, как он привычно прыгнул внутрь и свернулся сзади на полу. Эван только головой покачал.

– Похоже, здесь нам будет тесновато, – вздохнул он, садясь на заднее сиденье рядом с Кейт. И действительно его левое бедро и нога прижались к ее ноге, а для руки места уже не хватило, и он положил ее на спинку сиденья за спиной Кейт.

Они десятки раз сидели вот так, рядом, но теперь обоим было неловко, а легкое прикосновение его руки казалось неприятным. Эван тоже это чувствовал; Кейт ощущала его напряжение. Неудивительно, он обижен и рассержен ее предательством. Она не заслуживает его доброты или сочувствия, и сознание, что он рядом в тот момент, когда она больше всего нуждается и в том и другом, хотя недостойна всего этого, наполнило ее таким стыдом и унижением, что она опустила голову, и слезы градом хлынули на блузку. Макс положил на ее колено свою большую голову и не мигая обожаяще уставился на нее. Кейт почесала его за ушами, и две слезинки утонули в густой шерсти. На нее вдруг снизошло, что она даже не извинилась перед Эваном. С трудом проглотив комок, она попыталась найти нужные слова, но смогла произнести только одно:

– Прости... мне очень жаль...

– Я знаю.

Господи, куда подевались все платки?

Кейт пошарила в сумочке, но не нашла ни платка, ни салфеток. А слезы уже лились непрерывным потоком.

– У тебя есть бумажные салфетки, или платок, или что-то, чем можно вытереть лицо?

– Наверное. Передай мой рюкзак, я посмотрю.

– Не трудись, – откликнулась она, уже потянув за молнию. – Я сама...
– Не открывай! – выпалил Эван, но было слишком поздно.

Поверх аккуратно сложенных вещей лежала квадратная лазорево-голубая коробочка от Тиффани, перевязанная кремовой лентой. Коробочка с кольцом.

Кейт посмотрела на нее сквозь пелену слез и, уже не стесняясь, закрыла лицо руками и громко заплакала.

Эван, колебавшись, обнял ее за вздрагивающие плечи и привлек к себе, чтобы она смогла поплакать у него на груди.

– Это мне нужно было утешать тебя, – прерывисто прошептала Кейт.

– Меня уже ничем не утешить, – вздохнул он.

– Ненавижу себя! – яростно взорвалась Кейт.

Эван немного подумал.

– Я тоже тебя ненавижу, – кивнул он с улыбкой в голосе.

Кейт закрыла глаза. Она не может позволить себе думать о Митчеле, иначе просто сломается.

Измученная, уставшая, смятенная, старающаяся выбросить Митчела из головы, она неожиданно для себя задремала, несмотря на то что старое такси подскакивало и скрипело, грозя развалиться.

А когда открыла глаза, обнаружила, что Эван держит ее руку.

– Проснись, мы уже в аэропорту, – сказал он, отстраняясь. Оказалось, что, пока она спала, он надел на ее безымянный палец ослепительный бриллиант-солитер от Тиффани. Кейт ошеломленно уставилась на него и покачала головой:

– Я не могу...

– Вот что я предлагаю, – перебил Эван. – Мне нужно время пережить то, что случилось, да и тебе тоже. А пока предлагаю объявить в газетах о нашей помолвке.

– Зачем?

Он нагнулся к ее уху и прошептал:

– Ну, во-первых, это кольцо будет прекрасно смотреться с тем, что ты наденешь на благотворительный вечер в пользу детской больницы в субботу вечером. Мы – одни из спонсоров.

Кейт продолжала оцепенело смотреть на него. Но Эван отнял свою руку и полез в карман за бумажником.

– А во-вторых?

– Там будет семейка Уайаттов. Понимаешь, – продолжал он, отдавая деньги таксисту, – не знаю, как ты, но будь я на твоем месте, с удовольствием дал бы понять Митчелу Уайатту, что на этот раз

использовали его...

– Использовали в качестве чего? – с горечью спросила Кейт.

Он криво усмехнулся, прежде чем с легким сожалением ответить:

– Твоей последней интрижки.

Глава 29

К половине шестого поток туристов на улицах вокруг пристани капитана Ходжа быстро иссякал. Пассажиры круизных яхт с пакетами, полными добычи из магазинов дьюти-фри, возвращались на отплывающие суда, а туристы, живущие на острове, возвращались в отели немного поспать, прежде чем остаток ночи развлекаться в казино и ночных клубах.

Макнил позвонил из машины Грегу Эллиоту, чтобы доложить о действиях Уайатта.

– Уайатт все еще торчит на пристани. Это плохие новости. А хорошие заключаются в том, что я только-только связывался с нашим агентом в аэропорту. Он утверждает, что самолет Уайатта вывели из ангара, заправили топливом и готовят к полету. Пилоты пьют кофе в зале ожидания. Так что ждите его в Чикаго.

– Ладно, оставайтесь на связи, – ответил Грей. – Интерпол уже оповещен и готов провести одновременные обыски на его европейских квартирах, но я не могу дать им добро, пока самолет Уайатта не поднимется в воздух. Иначе есть риск, что какой-нибудь швейцар или экономка позвонят ему и он поймет, кто на самом деле является объектом расследования. В самолете есть телефон, но не думаю, чтобы он давал номер слугам и подчиненным.

– Позвоню, как только он направится к аэропорту, – пообещал Макнил.

Едва Макнил опустил трубку, как Чилдресс поднял камеру и сделал еще один снимок.

– Этот парень – просто магнит для девчонок, – заметил он с легкой завистью, наблюдая, как в объективе появилась смазливая блондинка.

– Простите, – произнес женский голос, – не можете сказать, который час?

– Половина шестого, – буркнул Митчел, не глядя ни на часы, ни на женщину. Он только сейчас проверял время, и его внимание было приковано к новой яхте, появившейся на горизонте. Ему показалось, что она двигается как раз со скоростью туристического судна. И размеры подходящие. Однако на Сен-Мартене было полно пристаней и марин, так что особенных надежд питать не приходилось. Но прошло уже несколько минут, судно по-прежнему двигалось к пристани капитана Ходжа, и сердце Митчела забило сильнее. Он не спускал глаз с яхты, словно притягивая ее ближе силой воли. Судно действительно пришвартовалось у пристани, и

Митчел стал искать взглядом сверкающую на солнце копну рыжих волос. Через несколько минут после того, как с «Айленд сан» спустили сходни и последний пассажир прошел мимо, Митчел снова вернулся на свой наблюдательный пункт на другом конце пристани и стал обшаривать глазами горизонт в поисках запоздавшего паромы или катера. Очевидно, рейс бойфренда Кейт задержали и он прибыл на час-другой позже.

Слегка улыбаясь, он поражался собственной беспечности. Как вышло, что ни Кейт, ни он не додумались обменяться номерами мобильных? Утром они успели встретить рассвет, посмеяться вместе, обменяться историями, долгими поцелуями и страстно, жадно любили друг друга. И не вспомнили о мобильных. Впрочем, с его стороны это неудивительно, потому что в ее присутствии он терял способность и желание сосредоточиваться на чем-то еще.

Через двадцать минут после прибытия очередного суденышка Митчел больше не улыбался. Солнце уже садилось, и на землю спускались сумерки, а перед глазами стояли невыносимые картины: Кейт, сжавшаяся в углу под кулаками разъяренного бойфренда, или лежащая одна на вилле, раненная, или... или...

Наконец он не выдержал. Слишком сильно разыгралось воображение. Пришлось вытащить из кармана телефон, и после долгих попыток ему удалось дозвониться в клуб «Айленд». В последний момент он вспомнил, что Морис сейчас в Штатах, и попросил заместителя управляющего. Ответил какой-то мужчина, назвавший себя мистером Орли, и спросил, чем может служить.

– Это Митчел Уайатт, – назвалса Митчел, стараясь не выказать страха. – Мисс Донован, с виллы номер шесть, вчера плохо себя чувствовала, а сейчас не отвечает на звонки. Пожалуйста, пошлите кого-нибудь проверить, а я пока подожду.

– Мисс Донован? Вилла шесть? Вы уверены? – протянул мистер Орли.

– Совершенно, – отрезал Митчел. – Немедленно пошлите туда коридорного!

– Рад унять ваши страхи, мистер Уайатт, – жизнерадостно объявил мистер Орли минуту спустя. – Телефон на вилле шесть не отвечает, потому что номер свободен.

– То есть как это «свободен»?

– Постояльцы выписались сегодня в три часа. Если я могу чем-то...

Митчел захлопнул крышечку, отсекая себя от голоса мистера Орли. Но мозг отказывался воспринимать услышанное. Парализованный каким-то болезненным изумлением, он слепо уставился вдаль, забыв убрать телефон.

Ни разу с той минуты, как Кейт помахала ему на прощание, он не усомнился в том, что она будет ждать его на пристани. Она влюблена в него... он влюблен в нее... их взаимное чувство растет с каждым часом, который они провели вместе. Они предназначены друг для друга, и Кейт поняла это даже раньше, чем он. Кейт мечтала о магии, и эта магия между ними была. Между ними. Не между Кейт и ее приятелем. Она никогда не выписалась бы из отеля, чтобы вернуться домой вместе с ним.

Ответ очевиден: приятель выписался и улетел домой. Кейт, возможно, уже спешит к Митчелу, прямо сейчас, умирая от желания поцеловать его. Как сам он умирает от желания вернуть поцелуй. И есть способ узнать, так ли это.

Митчел медленно вытащил из кармана бумажник и нашел клочок бумаги с адресом и номером телефона ветеринара. Снова открыл мобильник, набрал номер, и сердце тревожно сжалось.

– Это Митчел Уайатт, – сообщил он ветеринару. – Скажите, мисс Донован уже забрала Макса?

– Да, несколько часов назад, и он был очень счастлив ее видеть. Я заранее подготовил все документы, чтобы она смогла взять его с собой в Штаты.

– Прекрасно, – выдавил Митчел, морщась от острой боли. – Ей кто-то помогал?

– Да, очень приличный джентльмен.

Чилдресс и Макнил, стоя у машины, наблюдали, как самолет Уайатта бежит по взлетной дорожке, отрывается от земли и с ревом исчезает в темноте. Теперь его присутствие в небе отмечалось только крохотными световыми вспышками.

Глава 30

В отличие от традиционной меблировки европейских квартир интерьер самолета напоминал роскошную гостиную в стиле ар-деко, и цветовая гамма серебряного, черного и желтого оживлялась всплесками красок антикварных вещей того периода, которые Митчел собирал долгие годы. Элегантный, обтянутый устрично-серой кожей диван, достаточно длинный, чтобы на нем было можно растянуться, стоял между парой круглых столов со столешницами черного гранита и полированными хромовыми лампами причудливо-изогнутых форм эпохи ар-деко. Напротив возвышались два огромных, обтянутых кожей того же цвета вращающихся откидных кресла, за которыми находился письменный стол черного дерева работы Макассара. Далее шел ряд кресел поменьше. Невысокая дверь открывалась в небольшую, но элегантную спальню с ванной комнатой.

Обычно, когда Митчелу предстояло пробыть в воздухе несколько часов, он шел либо к столу, либо в спальню в зависимости от времени суток. Сегодня он направился прямо к изогнутой стойке бара в передней части салона и налил бренди в хрустальный стакан.

Растянувшись на диване, он проследил, как исчезают внизу мигающие огоньки Сен-Мартена, после чего поднес стакан к губам, не в силах дожидаться, пока огненная жидкость успокоит ноющую боль в груди.

Он уже выключил верхний свет и зажег лампу, после чего стал медленно и методично воскрешать в памяти последние три дня, пытаясь отыскать какое-то доказательство того, что он переоценил глубину чувств Кейт к нему.

Прошел час, а его одолевали мучительные воспоминания о неотразимой девчонке с рыжими волосами и теплой улыбкой, которая разожгла его кровь своими поцелуями. И все воспоминания вели к одному вопросу, на который так и не нашлось ответа. Как она могла уехать со своим дружкой, даже не попрощавшись с Митчелом на пристани?

Как могла сделать это она, такая храбрая и откровенная в своих чувствах?

«Думаю, судьба предназначила нам встретиться и стать друзьями... так было предназначено... вы мне очень нравитесь... и думаю... я тоже вам нравлюсь. Если мне придется испытать разочарование... не хочу, чтобы причиной были вы...»

Сглотнув непривычный ком в горле, он глубоко вздохнул. Скорее бы

впасть в состояние приятного онемения, в котором он мог думать о ней без мучительного ощущения невозвратной потери. Но вместо этого вспоминал тихую радость утра, радость сидеть вместе в постели, наблюдая рассвет, и непередаваемое удовольствие видеть ее руку, лежащую рядом с его рукой на столе казино.

Она решила остаться с прежним любовником, и благодаря его бойкому изложению их «ролей» сегодня утром он принужден придерживаться этого решения и связан той ролью, которую предназначал ее бойфренду.

«— Поняв, что ты серьезно намерена уйти к другому, он обязан благородно смириться с поражением... а потом убраться с моей дороги ко всем чертям.

— ... что бы ты, как джентльмен, сделал, если бы я... скажем, чуточку поколебалась относительно разрыва с прежним другом?

— В подобных обстоятельствах... тебе достаточно набрать номер моего телефона, все рассказать, и мы поменяемся с ним ролями».

По пути в аэропорт он позвонил в «Энклеив» узнать, не оставила ли она сообщения. Ничего.

Может, ее исчезновение было ребяческой попыткой заставить его ревновать, настолько, чтобы приехать за ней в Чикаго? Если так, она не та, какой он ее считал.

Он знал, как найти ее: она не затерялась в большом мире. Если ее номера нет в телефонном справочнике, он сможет найти Кейт по адресу в газетном некрологе ее отца.

Несколько раз ему приходило в голову, что случилось нечто такое, что заставило Кейт срочно уехать без единого слова.

Но он безжалостно гнал от себя эту мысль вместе с искушением оправдать Кейт под этим предлогом. У нее было время и присутствие духа, чтобы забрать Макса у ветеринара. Она намеренно оставила его ждать на пристани.

Телефон на столике взорвался звонками, но Митчел ни на что не обращал внимания.

— Почему он не берет чертову трубку? — спросил жену Мэтт Фаррел. Сунув руки в карманы, он повернулся и направился к окнам гостиной их пентхауса, выходявшего на Лейк-Шо-драйв. — Я знаю, что он в самолете!

Мередит отложила повестку дня, которую по идее должна была готовить для следующего заседания совета директоров «Бэнкрофт энд компани», сети роскошных универмагов, основанных одним из предков Бэнкрофтов.

— Может, спит? — предположила она, но Мэтт расслышал нотки

нерешительности в ее голосе и припомнил кое-что, делавшее положение Митчела несколько менее мрачным.

– Кстати, о... – многозначительно начал он, подняв брови.

Мерedit прекрасно поняла это выражение, с которым он обычно намекал, что им пора в постель, что казалось весьма маловероятным, учитывая его настойчивое желание поскорее связаться с Митчелом и предупредить, что полиция двух континентов обыскивает его квартиры.

– Кстати, о?.. – вопросительно повторила она.

– Я насчет Митчела и постели, – загадочно объявил муж.

– Ну же? – с притворным нетерпением принялась допытываться она, когда он просто пожал плечами и оставил ее в неведении.

Довольный, что полностью завладел ее вниманием, Мэтт пояснил:

– Когда Зак позвонил сегодня вечером сообщить, что в римской квартире Митчела ведется обыск, он упомянул также, что Митчел утром звонил с Сент-Мартена с весьма интригующей просьбой. Похоже, он с кем-то познакомился на островах, а поскольку должен лететь в Чикаго, просит Билли и Кэролайн, чтобы те помогли леди приятно провести время на «Джулии» в круизе по островам.

Мерedit недоуменно посмотрела на мужа и, склонив голову набок, заметила:

– Мне это не кажется чем-то важным.

– Это действительно не самая важная часть сообщения. А вот тебе главное: Митчел намеревается каждую ночь прилетать на острова, чтобы быть с ней на яхте. Следовательно, – продолжал он, с удовольствием наблюдая, как недоумение жены сменяется искренним удивлением, – вот тебе связь между пребыванием Митчела в постели и этим разговором. Может, они сейчас вместе, и поэтому он не отвечает на звонки. Кстати, ее зовут Кейт.

Улыбка Мерedit поблекла. Мэтт мгновенно нахмурился по той же причине.

– Надеюсь, она на яхте, а не в самолете, – высказалась наконец Мерedit, облакая их мысли в слова. – Какой ужас... если она с ним, а полиция, как считает Зак, поджидает его у самолета.

– Может, Зак зря тревожится, – предположил Мэтт, подходя к телефону.

– Но ты так не думаешь, верно?

– Верно, – кивнул Мэтт, и хотя он предпочитал не волновать жену, все же не мог скрыть от нее правду.

Честно говоря, он сам не знал, чего ожидать. Много лет назад он стал

свидетелем, как его друга Зака Бенедикта арестовали, ложно обвинив в убийстве его жены-актрисы, и тот горький опыт, который приобрели друзья, породил в них крайнее недоверие к системе правосудия. Поэтому Мэтт приказал водителю готовиться к выезду в аэропорт О'Хэйр с двумя адвокатами из конторы, которая вела все дела Мэтта и Митчела в Чикаго.

Телефон рядом с диваном снова зазвонил, и Митчел долго не брал трубку, но в конце концов сообразил, что очень немногие люди знают этот номер и все они по той или иной причине дороги ему. И поскольку выпитое бренди только усилило тоску по Кейт, он все-таки потянулся к трубке, чтобы немного отвлечься.

– Кем бы вы ни были, – сказал он вместо приветствия, – вы чертовски настырны.

– Это Мэтт, – пояснил друг после растерянной паузы. – Час назад звонил Зак сказать, что в твоей квартире кишат полицейские. Что ищут? Неизвестно. Он также добавил, что звонил твой нью-йоркский помощник. Тамошняя полиция обыскивает квартиру.

Митчел медленно выпрямился.

– Что им нужно?

– Помощник утверждает, что они спрашивали о каком-то черном пальто или куртке с пуговицами, на которых выдавлена определенная эмблема. У копов есть ее рисунок. Понятия не имею, что нужно итальянцам, но Зак прислал копию ордера. Он на итальянском, так что смысл остался мне неясен.

– Попытайся прочесть, – почти приказал Митчел, постепенно накаляясь. Гнев уже вытеснял тоску и одиночество, не дававшие дышать последние несколько часов.

Он долго молча слушал, как Мэтт сражается с итальянскими словами, чудовищно искажая произношение.

– Именно это они и ищут, – бросил Митчел, положив конец мукам друга.

– Что именно?

– Мужскую черную куртку или пальто с пуговицами, на которых выдавлена определенная эмблема.

Митчел поднялся и устало потер затылок.

– Понятия не имею, что все это означает.

– Мы с Заком считаем, что это имеет отношение к убийству твоего брата.

– Но племянник сказал, что преступник уже найден. Какой-то старый

пьяница с соседней фермы, – покачал головой Митчел.

– Это сплошное вранье, которое внушила полиция твоему племяннику, чтобы заманить тебя сюда, – возразил Мэтт. – Слушай очень внимательно, потому что я уже прошел через нечто подобное, да и Зак тоже, и мы хорошо знаем, какими методами действует полиция. Обыски в твоих квартирах произошли сразу после обнаружения тела твоего брата, а это означает, что именно ты первый подозреваемый. Значит, полиция ждет твоего возвращения в Чикаго, где тебя либо допросят, либо немедленно арестуют. Думаю, они уже поджидают тебя на летном поле. И Зак со мной согласен. – Мэтт помедлил, ожидая, пока смысл предупреждения полностью дойдет до друга, прежде чем продолжить: – Я позвонил Левинсону и Пирсону и велел им встретить тебя прямо у взлетной полосы. Джо О’Хара готов заехать за ними, как только дашь добро. Правда, Зак против этого плана. Он считает, что ты вообще не должен лететь в Чикаго и сегодня тебе лучше приземлиться в стране, не подпадающей под юрисдикцию США, а завтра нанять адвоката по уголовным делам, который должен договориться о добровольной явке в округ Кук. Зак, вероятно, прав.

Митчел подошел к бару и поставил стакан на поднос.

– Я не собираюсь скрываться. Сейчас позвоню Левинсону и узнаю, кто стоит во главе всей этой травли. Левинсон даст им знать, что я в курсе происходящего и все же собираюсь сесть в О’Хэйр. Пусть это не убедит полицию в моей невиновности, но по крайней мере я получу огромное удовлетворение, унизив их.

Несмотря на серьезность ситуации, Мэтт Фаррел невольно хмыкнул:

– И что потом?

– Тогда полиция может либо попытаться схватить меня прямо в аэропорту, либо позволит Левинсону договориться о цивилизованной дискуссии, но уже завтра утром. Лично я надеюсь на второе.

Митчел позвонил Дэйву Левинсону и объяснил, что от него требуется, после чего повесил трубку, посмотрел на часы и сообразил, что еще не перевел стрелки на американское время. Осторожно вытащил двумя пальцами часовую головку, отвел стрелки на два часа назад, и реальность поразила его с болезненной силой: еще сегодня утром он лежал в постели, любясь восходом солнца над Карибским морем. А рядом прикорнула Кейт, рассказывавшая забавную историю о том, как обзавелась «ямочкой» на подбородке. Прежде чем заснуть, он решил, что сегодня они будут ужинать на борту яхты, а потом отправятся в романтический круиз.

Но вместо этого она оказалась в Чикаго вместе с мужчиной, которого предпочла Митчелу, а он пытается избежать ареста за убийство горячо

любимого брата.

Решительно выбросив Кейт из головы, Митчел направился в спальню побриться и переодеться. Отныне ему придется сосредоточиться только на общении с полицейскими и помощи Кэролайн и Билли. Этим двоим нужно пройти через тяжелое испытание, и он станет им поддержкой. Кейт ушла. Исчезла. С этим покончено. Навсегда. Мысленно Митчел уже изгнал ее из своего сознания, отправил в темную сырую нору, из которой она не сможет выйти и вернуться, чтобы преследовать его. Создание психологических перегородок между явлениями и событиями – один из его величайших талантов. Метод выживания, до которого он додумался еще в детстве. С тех пор он безотказно служил Митчелу.

Войдя в спальню, он сбросил сорочку, шагнул в ванную и вытащил из шкафчика бритву и крем для бритья. Покрыв щеки пеной, взял бритву и стал тщательно бриться.

Но предательское воображение мгновенно создало непрошеную картину: Кейт, вошедшая, когда он брился... Она смотрела на себя в зеркало, скрывая улыбку, пытаясь сделать вид, что вовсе не получает удовольствия от созерцания такой обычной сцены, как бреющийся любовник.

Бритва соскользнула, и Митчел, выругавшись, схватился за бумажную салфетку.

Левинсон позвонил в тот момент, когда Митчел застегивал свежую рубашку.

– Я не смог найти никого, кто знал бы о причинах обысков и о том, кто ведет расследование гибели Уильяма, – сообщил он. – Вроде бы детектив Макнил, но сейчас он на каком-то задании. И поскольку никому ничего не известно, я решил обратиться на самый верх и позвонил домой Грею Эллиоту, прокурору штата. Получилась весьма интересная беседа, в которой по большей части говорил я, а слушал – он. Честно говоря, я до самого конца не понимал, знает ли он о расследовании. Но теперь убежден, что он ведет его лично.

– Почему вы так считаете? – буркнул Митчел, раздраженный полным отсутствием точной информации.

– Потому что в самом конце он велел передать вам: «Добро пожаловать назад» – и пожелал провести приятный вечер. А также добавил, что ему не терпится узнать вас получше завтра в половине двенадцатого.

– Означает ли это, что в аэропорту меня не встретят копы?

– В устах Грея это, возможно, значит: «Пожалуйста, продолжайте лелеять ощущение ложной безопасности и сажайте чертов самолет в

О'Хэйр, где я всегда могу его отследить». Так или иначе, завтра утром вас точно ждет допрос, а уж проведете ли вы эту ночь в тюрьме или нет – кто знает?

– В таком случае вам и Пирсону следует встретить меня прямо у взлетной полосы, – коротко велел Митчел.

К его удивлению, оказалось, что его самолет ожидала всего одна машина – лимузин с адвокатами на заднем сиденье и водителем Мэтта за рулем.

Самолет подкатил к ангару, и через несколько минут Митчел очутился на земле.

– Разговор по душам с Греем, очевидно, убедил его, что вы не собираетесь уклоняться от допроса, – заметил Левинсон, когда машина выехала на шоссе.

Но Джо О'Хара, все это время краем глаза поглядывавший в зеркальце заднего обзора, покачал головой.

– За нами хвост, – сообщил он. – Две машины. Хотите, чтобы я оторвался?

– Ни за что! – воскликнул Пирсон.

Глава 31

– Будь с ним добрее, Люси, – сонно пробормотала Кейт. – Макс не знает, что постель только для кошек.

Протянув руку, она с трудом оттащила шипящую кошку от Макса, который нечаянно вторгся на ее территорию, положив голову на одеяло. Кейт устроила Люси на соседнюю подушку и повернула голову к тумбочке. На часах было половина девятого.

Кейт зажмурилась, стараясь вернуться к мирному забытию сна, но уже через несколько минут сдалась, откинула одеяло и кое-как сползла с постели.

– Ну, как ты спал? – спросила она Макса.

Тот с готовностью завилял хвостом, и Кейт, грустно улыбнувшись, взъерошила его шерсть.

– Тебе придется ладить с Люси и Этель, – пояснила она и, подхватив Этель с комода, на миг прижала к себе.

Макс последовал за ней на кухню, и она выпустила его в огражденный двор маленького дома, который сняла в старом, частично отреставрированном районе Чикаго, неподалеку от прежней работы. Макс осторожно вышел на замерзшую землю, понюхал снег, но когда непривычный холод проник под густой мех, поспешно ретировался в дом.

Кейт отправилась варить кофе, делая вид, что не замечает маневров Макса.

– Дай ему поскорее привыкнуть к дому, – помолилась она, ни к кому в особенности не обращаясь. Ее вера в силу молитв, претерпевавшая довольно крупные взлеты и спады в течение всей ее жизни, теперь, после ночи на пляже с Майклом Уайаттом, была под сомнением.

Но тот момент, когда он плыл к ней под яркими звездами, и ощущение близкого присутствия отца стали самым трогательным, мистическим испытанием для Кейт, доказательством реального существования Божественного присутствия, Грандиозного плана, как говорил ее дядя-священник.

Может, он прав, решила Кейт, вяло насыпая кофе в кофеварку. Если это так, судя по ее опыту, Божественное присутствие обладает жестоким, извращенным чувством юмора. А Его Грандиозный план нуждается в коренном пересмотре.

Пока она размышляла о высоких материях, кофе сварился, и Макс

снова выскочил во двор, где поднял ногу под всеми тремя катальпами. Кейт снова впустила его, поздравила с хорошо выполненной работой и назвала молодцом, стараясь говорить со всем энтузиазмом, который смогла изобразить, после чего налила себе кофе.

Обычно она поднималась очень рано, относила чашку в крошечную гостиную, открывала жалюзи, сворачивалась в кресле перед окном и наблюдала, как медленно просыпается квартал. Но сегодня утром она проснулась на три часа позже обычного, и смотреть «шоу» не было времени. Хотелось одного: заползти обратно в кровать, укрыться с головой и попытаться согреться.

Остановившись в коридоре, чтобы переключить термостат на максимум, она отнесла кофе в спальню, поставила на тумбочку и снова легла. И принялась сооружать безопасный кокон из простыней и пухового одеяла: прислонила подушки к изголовью, подняла колени к груди и обхватила руками. Этель прыгнула с комода и свернулась у ее ног. Люси развалилась на подушке.

К девяти горячий кофе был уже выпит, но Кейт по-прежнему дрожала, не столько от холода, сколько от ледящего озноба воспоминаний о случившемся на Ангилье и Сен-Мартене. Наконец она решила позвонить Холли, сообщить, что вернулась и помолвлена с Эваном, а уж потом потихоньку-полегоньку перейти к истории с Митчелом.

По вторникам и четвергам Холли дежурила с двенадцати до девяти вечера, и поскольку жила всего в двадцати минутах езды отсюда, они, возможно, даже сумеют встретиться.

Она потянулась к телефону, но тут раздался звонок.

– Кейт, – выговорил приветливый, но незнакомый мужской голос, – это Грей Эллиот. Вы скорее всего не помните меня, но мы несколько раз встречались. Нас знакомил Эван.

– Да, разумеется, я прекрасно вас помню, – заверила Кейт, гадая, неужели «самый завидный жених Чикаго» настолько скромн или только притворяется.

– Сегодня утром я звонил Эвану. Он дал номер вашего телефона и сказал, что вы только что обручились. Желаю вам обоим большого счастья.

– Спасибо.

– Я понимаю, что слишком вас тороплю, но не могли бы вы приехать в мой офис к половине одиннадцатого?

Кейт резко села и свесила ноги с кровати, столкнув при этом Этель. Очевидно, помолвка с преуспевающим молодым адвокатом, обладающим прекрасными связями, имеет определенные преимущества. До этого она

едва смогла уговорить детектива, ведущего дело об убийстве отца, позвонить ей и рассказать, как продвигается расследование. А вот теперь ей звонит сам прокурор штата!

– Это насчет убийства моего отца?

– В каком-то смысле.

– Что все это означает?

– Я предпочел бы объяснить вам лично.

Что-то в его голосе встревожило Кейт. Сначала тон был достаточно дружелюбным, но приглашение в офис звучало чересчур деловито.

– Может, мне сразу привести адвоката? – спросила она, стараясь пошутить.

– Кого угодно, мисс Донован, кого угодно, – тепло ответил он, и едва Кейт успела упрекнуть себя за мнительность, добавил: – Однако не думаю, чтобы вам было выгодно присутствие Эвана.

Повесив трубку, Кейт немедленно набрала номер Холли.

– Привет, дорогая! Я вернулась вчера ночью, довольно поздно. Грей Эллиот, прокурор штата, только что звонил мне и просил приехать в его офис к половине одиннадцатого. Что-то связанное с убийством отца. Мне не помешала бы небольшая моральная поддержка, если у тебя есть время, конечно.

– Время я найду, – пообещала Холли. – Заеду за тобой через сорок пять минут, и по дороге расскажешь о своей поездке.

Ровно через сорок пять минут Холли остановила спортивный автомобиль перед домом Кейт. При виде подруги она улыбнулась, но тут же нахмурилась.

– Выглядишь кошмарно. Что с тобой стряслось? – напрямик спросила она, отъезжая.

Кейт была так рада встрече, что немедленно вспомнила о старой привычке превращать даже дурные новости в предмет беспечной дружеской болтовни.

– Итак, что там стряслось? Я влюбилась в шикарного парня и обручилась.

– С Эваном или с тем парнем?

– С Эваном. Макс – моя новая любовь.

– Значит, все просто класс, верно?

– Верно.

– Почему же у тебя такое несчастное лицо?

– Потому что я последовала твоему совету и легла в постель с одним человеком.

Холли бросила на подругу долгий изумленный взгляд и поспешно нажала на тормоза, чтобы не проехать на красный свет.

– И как все прошло?

Кейт запрокинула голову на спинку сиденья и закрыла глаза, пытаясь растянуть губы в улыбке.

– Не слишком...

– Но это не могло длиться больше двух дней. Что можно ухитриться испортить за два дня?

– Можно, да еще как. Все очень, очень, очень плохо.

– А подробнее? – настаивала Холли.

– Позже... на обратном пути. Эван, правда, вел себя на редкость порядочно.

– Ты ему рассказала?!

– Он привез с собой кольцо, – вздохнула Кейт, открывая глаза и улыбаясь уже более естественно. – Послушай...

Холли молча сжала пальцы Кейт и поднесла к глазам. На ней были выцветшие джинсы, потертые ботинки, белая водолазка и широкий синий плащ, выдавший лучшие дни. Длинные светлые волосы были зачесаны назад и скототы большой заколкой-крабиком из черепахового панциря. На лице – ни следа косметики.

– Впечатляюще. Даже очень, – признала она без малейшей зависти. – Немного более четырех каратов, чуть желтоватый, хорошая огранка.

Холли была блудной дочерью богатых родителей, до сих пор живущих в Нью-Йорке и принадлежавших к так называемому обществу. Она хорошо изучила свои драгоценности. Имела трастовый фонд, к которому не притрагивалась и который, по ее словам, был непристойно велик. У нее был истинный талант выглядеть женственной и хрупкой даже в мешковатом рабочем комбинезоне. Кроме того, она обладала необычайной способностью мгновенно превращаться в надменную светскую львицу и прекрасно держаться в любой ситуации.

Холли редко упоминала о родных, разве что иногда со смехом твердила, что она и ее сестра должны сделать все, чтобы искупить грехи предков, баронов-разбойников, помогая менее удачливым созданиям. Холли заботилась о животных, ее сестра Лорел была адвокатом, из чистой благотворительности защищавшим в суде женщин и детей.

Глава 32

– Спасибо за то, что сразу же пришли, Кейт, – поблагодарил Эллиот, как только она познакомила его с Холли. – Давайте сядем здесь. – Он показал на диван, перед которым стояли журнальный столик и пара стульев.

Кейт устроилась на диване. Холли села рядом с ней.

Хмурая и напряженная Кейт с мрачным любопытством наблюдала, как Эллиот взял с письменного стола несколько папок, отнес к журнальному столику и сел на стул, поближе к Кейт.

И, вежливо улыбнувшись, спросил:

– Насколько хорошо вы знаете Митчела Уайатта?

Кейт от неожиданности лишилась дара речи. Сердце куда-то покатилося, а из легких, казалось, выкачали весь воздух. Язык никак не хотел ей повиноваться, так что прошло несколько минут, прежде чем она выдавила:

– Мне казалось, это как-то связано с гибелью моего отца. Я не желаю отвечать на ваш вопрос. Ясно?

– Вполне возможно, что и связано. Именно это я хочу обнаружить. Насколько хорошо вы знаете Митчела Уайатта? – спокойно повторил Эллиот.

– Это Эван сказал, что я с ним знакома?

– Нет, не он, и он ничего не услышит от меня. Поэтому я и попросил вас не привозить Эвана.

Кейт внезапно поняла, что этот человек по-своему добр к ней, и честно попыталась изменить свое мнение о нем.

– Позвольте задать вопрос по-другому, – терпеливо продолжал он. – Как долго вы его знали?

– Дня два. Мы случайно встретились на Ангилье.

– А до этого никогда не виделись?

– Никогда.

– Итак, насколько хорошо вы его знаете? – не отступал Эллиот.

– Почти вовсе не знаю.

– Уверены?

– Абсолютно.

Он разочарованно поморщился и, с сожалением покачав головой, открыл папку и выложил несколько цветных фотографий. На всех были

Кейт и Митчел – обнимающиеся, смеющиеся, что-то обсуждающие.

Кейт подавила стон и отвела глаза от неоспоримого доказательства их с Митчелом близости.

Зато Холли быстро подалась вперед и тихо ахнула:

– Черт бы меня побрал!

Выбрав снимок Митчела и Кейт на балконе «Энклеив», она поднесла его к глазам. Он стоял перед Кейт, опершись руками о стену по обе стороны от нее, и широко улыбался... в тот момент, когда она со смехом призналась, что была уверена в полном отсутствии его одежды в номере.

– Мне хотелось бы иметь копию, – объявила Холли, прерывая неловкое молчание. – И эту тоже.

Она подняла фото, где они безоглядно целовались на пляже... момент, когда Митчел перечислял языки, которыми владел. Его рука лежала на ее затылке, губы прижимались к ее губам, а она прильнула к нему всем телом.

– Жаль только, что снимок такой зернистый, – пожаловалась Холли, выбирая третий, сделанный той же ночью, тот, где его ладонь лежит на груди Холли, а она улыбается ему. – Господи, Кейт, я просто потрясена. Честное слово, давно такого не видела.

Безразличная ко всему, кроме взрыва ярости, сотрясшего все существо, Кейт вскочила, злобно глядя на Грея Эллиота сквозь слезы бессильного бешенства.

– Как вы посмели?

– Итак, еще раз, насколько хорошо вы знаете Митчела Уайатта? – осведомился он, не повышая голоса, но сейчас ей слышались обвиняющие нотки.

– Ответ очевиден. Вам ни к чему меня допрашивать. У вас все доказательства.

– Я бы хотел получить объяснения.

И тут в дело вмешалась Холли. Вытянувшись, как струна, она мягко сказала:

– Идите ко всем чертям.

После чего, поднявшись, оглядела самого завидного жениха в Чикаго с холодным, брезгливым высокомерием, словно случайно забредшего на кухню таракана, недостойного внимания порядочной женщины.

– Наверное, вы слышали имя Лорел Брэкстон. Это моя сестра. Она будет представлять Кейт, в случае если вы снова попытаетесь допрашивать ее об этих снимках с какой-то иной целью, кроме простого любопытства. Впрочем, вы вполне можете оказаться вуайеристом, я вполне допускаю и такое.

– У меня действительно имеется цель, мисс Брэкстон. Гораздо более высокая цель.

– Доктор Брэкстон, – поправила Кейт, и Грей сразу присмирел и с некоторым интересом воззрился на нее.

– Доктор Брэкстон, – согласился он, но тут же сообразил, что его намеренно отвлекают, и снова обратился к Кейт, поспешно вытиравшей слезы: – Кейт... то есть мисс Донован, поскольку вряд ли после сегодняшней встречи между нами возникнет сердечная дружба... – произнес он. Кейт ответила ледяным взглядом, и он с чарующим сожалением закончил: – Рад видеть, что я хотя бы в этом прав.

Но Кейт не поддавалась на такие дешевые уловки. Таким же мальчишеским обаянием обладал Митчел... с нее довольно!

– По какому праву вы вмешиваетесь в мою личную жизнь, следите за мной и делаете эти снимки, а потом унижаете меня, притаскивая сюда и заставляя на них смотреть?! Можете привести хоть один веский довод?

– Смерть вашего отца. Я всего лишь хотел знать, давно ли вы знакомы с Митчелом Уайаттом, чтобы я мог вычеркнуть его или, наоборот, включить в список возможных подозреваемых. За последнее время два члена семейства Уайаттов скончались не своей смертью, а ваш отец – третий в этом печальном списке. Не находите немного странным, если какой-то человек имеет столь катастрофическое воздействие на окружающих его людей? Так вот, Митчел Уайатт, похоже, обладает такой не слишком приятной способностью.

Невероятно, непонятно, глупо... но в этот момент Кейт ощущала яростное желание защитить человека, которого презирала и ненавидела. Человека, на которого снова нападают лишь потому, что он имел несчастье родиться незаконным внуком Сесила Уайатта, а следовательно, объектом чванливого пренебрежения со стороны людей, подобных Эвану и, очевидно, Грею Эллиоту.

– Впервые я встретила Митчела Уайатта несколько дней назад на Ангилье. Остальное можно видеть на этих снимках. Он не имеет никакого отношения к смерти моего отца, и я ни в коем случае не поверю, что он способен убить своего брата. Митчел очень его любил.

– Он говорил с вами об Уильяме?

– Очень мало. Мне пришлось буквально вытягивать из него каждое слово. Он сказал, что его брат мертв... нет, не так, – быстро поправилась она, заметив, как вспыхнули глаза Грея. – Я не знала, что его брат – Уильям Уайатт, но когда Митчел заговорил о нем, предположила, что он мертв.

– Почему?

– Потому что Митчел сказал... – Кейт нечеловеческой силой воли удержалась от слез, повторяя слова, казавшиеся в то время такими трогательными: – Он сказал... «Моего брата звали Уильям».

– Когда он сообщил, что Уильям мертв?

– Да вы слышите меня? – взорвалась Кейт, раздраженно топнув ногой. – Митчел сказал «звали», поэтому я и предположила, что Уильяма нет в живых. Он и слова не сказал о том, что тот мертв!

– Хорошо, это мне ясно. А теперь объясните, откуда вы знаете, что Уайатт любил брата.

– Судя по его тону, очень. По крайней мере для меня это было очевидно.

Грей кивнул, явно обдумывая ее слова.

– Ладно, вы меня убедили. Значит, судя по тону и выражению лица, Уайатт любил брата.

– Д-да, – пробормотала Кейт, которой до смерти хотелось схватить сумочку и бежать отсюда со всех ног.

– И судя по поведению Уайатта, вы предположили также, что он неравнодушен к вам.

Кейт не ожидала такого удара и оказалась неготовой к вопросу, столь откровенно проводившему параллель...

– Предположила, – прошептала она. – И что дальше?

– Довольно, – громко объявила Холли. – Мы уходим.

С этими словами она выудила из сумочки визитную карточку сестры, сунула Грею и, подхватив подругу под руку, потащила из комнаты.

– Мисс Донован! – неожиданно окликнул Грей.

Кейт повернулась и свирепо уставилась на него.

– Мне очень жаль, – грустно продолжал он. – Даже глядя на эти снимки, я не мог предположить, что вы были так крепко связаны с ним не только физически, но и эмоционально.

Ну уж нет, простым извинением, да еще к тому же неискренним, он от нее не отделается!

Поэтому Кейт, сохраняя достоинство, спокойно ответила:

– Даже знай вы все, наверняка протащили бы меня через эту грязь. И после этого вы считаете, что чем-то отличаетесь от него?

В машине по пути домой Кейт рассказала Холли всю печальную историю и под конец призналась, что Эван пригласил ее на благотворительный вечер в пользу детской больницы и ожидает, что там она даст Митчелу достойный отпор.

– Но я просто не знаю, как взгляну ему в лицо, после того что он со мной сделал.

– Зато знаю я! – заверила Холли. – И вполне успею тебя натаскать. Мало того, если Эван выделит мне местечко за вашим столиком, я тоже пойду. Для моральной поддержки.

– Обязательно выделит.

– Прежде всего тебе необходимо шикарное платье, требующее непряменного похода в «Бэнкрофт».

– Честно говоря, – призналась Кейт, – Эван уже звонил в «Бэнкрофт» и договорился с продавцом, чтобы помог мне выбрать платье на субботу.

– Эван может оплачивать счета, но платье выбираю я!

Глава 33

Грей Эллиот вместе с Лили Рирдон и Джеффом Сервантесом, стоя у не приметного двустороннего зеркала, наблюдали, как в комнате дознавателей Макнил и его постоянный партнер Джо Торелло готовились начать допрос Митчела Уайатта.

– Кто они? – спросил Сервантес.

– Пирсон и Левинсон. Адвокаты, – пояснил Грей.

– Те самые Пирсон и Левинсон? Вместе, в одной комнате? – благоговейно прошептала Лили. – Удивительно, почему они не порекомендовали Уайатту адвоката по уголовным делам?

– Порекомендуют. Когда время придет.

Лили отчитывалась непосредственно перед Греем и вела дела, которые особенно его интересовали. Джефф отчитывался перед ней. Именно ему предстояло помогать Лили на предстоящем суде над Уайаттом.

– Мы уже получили результаты обысков? – поинтересовалась Лили.

– Пока нет, – покачал головой Грей.

– Кто привез Уайатта утром? – допытывался Сервантес.

– Сам приехал. Левинсон прошлой ночью позвонил мне домой, пока Уайатт еще был в воздухе. Похоже, кто-то доложил ему о наших обысках, и он сообразил, что мы его одурачили и что главный подозреваемый – он сам.

– И все равно приземлился в О’Хэйр?

– Как видите.

– Поступок невинного человека? – предположила Лили.

– Или довольно умного, который хочет, чтобы мы пришли к такому заключению, – возразил Джефф.

– Думаю, он куда умнее, чем вам кажется, – вздохнул Грей, вытаскивая из кармана статью, которую нашел в Интернете и сегодня утром велел перевести с греческого на английский. – Шесть лет назад греческий репортер уговорил Ставроса Константиноса дать ему интервью, где просил объяснить, в чем секрет его успеха и как ему удалось вытеснить конкурентов.

Грей показал снимок, на котором греческий магнат гордо поднимал вверх кулаки.

Подпись под фотографией гласила: «Я дерусь кулаками, которые еще достаточно крепки. Правым кулаком я утверждаю силу и способен раздавить каждого, кто пойдет против меня. А вот левый кулак более

деликатен: он использует разум, проницательность, рассудительность и сдержанную силу против моих врагов. Но действую я обоими кулаками».

– И какое отношение это имеет к Уайатту? – удивилась Лили, отдавая ему статью.

– Митчел Уайатт – его «левый кулак», – пояснил Грей. – Константинос говорит об этом в статье.

Сервантес всмотрелся в зеркало:

– Смотрите, как он сидит!

Стол был овальным, с двумя стульями по сторонам и по одному стулу на концах. Уайатт сидел спиной к Пирсону, лицом к зеркалу, нога на ногу, косо отставив стул подальше от стола. На столе рядом с его локтем лежали блокнот и ручка. Тут же стояла нетронутая чашка с кофе, принесенная Макнилом.

– Он повернулся спиной к одному адвокату и игнорирует другого.

– Считает, что они ему не нужны, – предположил Грей. – Думаю, он надеется все уладить сам.

– Адвокаты наверняка посоветовали ему ничего не пить, чтобы мы не смогли взять образцы ДНК, – добавил Сервантес. – Он также знает, что это двустороннее зеркало и что за ним наблюдают.

Словно услышав, Уайатт повернул голову направо и уставился прямо на них.

– Черт, – пробормотала Лили. – В жизни он даже лучше. Если среди присяжных будут гетеросексуальные женщины или голубые, я никогда не добьюсь обвинительного приговора.

Грей, не отвечая, кивком показал на зеркало:

– Внимание! Макнил собирается начать с фотографий. Хочет создать у него впечатление, что мы месяцами за ним следили.

Макнил просмотрел снимки, сделанные им и Чилдрессом, и выбрал один, с крупным планом, где Уайатт и Донован целовались на лоджии «Энклеив».

– Давайте потихоньку возвращаться назад, ко дню убийства вашего брата, согласны?

Уайатт вскинул брови, но ничего не ответил.

– Как вы можете объяснить вот это? – спросил Макнил, небрежно кидая снимок на стол.

Уайатт чуть подался вперед, взглянул на снимок и пожал плечами:

– По-моему, вы достаточно взрослый человек и сами все понимаете.

Макнил бросил другую фотографию, сделанную предыдущей ночью на вилле. Ту самую, где рука Митчела лежала на груди Кейт.

– Объясните это.

Уайатт мельком посмотрел на снимок.

– Что именно вам здесь непонятно?

– Интересно, – протянул Грей, – не думал, что будет так легко вывести его из себя.

– Ну уж нет! Он абсолютно невозмутим, – запротестовала Лили.

– Ошибаетесь. Он стиснул челюсти, правда, всего лишь на миг. Уайатт страшно зол, но очень умело это скрывает. Помните об этом на суде.

Макнил неторопливо уложил снимки в папку, позволив при этом Уайатту увидеть целую стопку подобных же папок со снимками.

– Может, в таком случае проще начать сначала? – объявил он. – Где вы были в день исчезновения Уильяма Уайатта?

– Я не знаю, какой это был день, – спокойно ответил Митчел. – Он отсутствовал некоторое время, прежде чем его жена и сын, поняв, что его нет на ферме, начали розыски.

– Вы когда-нибудь бывали на ферме Уайаттов?

– Никогда.

– Уверены?

– Совершенно.

Инициативу перехватил детектив Торелло.

Открыв конверт, он вынул прозрачный пакетик, где лежала кожаная пуговица с характерным рисунком, выдавленным на лицевой части.

– Узнаете это?

Адвокаты мгновенно насторожились.

– Вы не обязаны отвечать на этот вопрос, – поспешно вмешался Левинсон. Но Уайатт предпочел проигнорировать предупреждение:

– Похожа на оторванную пуговицу с одного из моих пальто.

– Знаете, где мы нашли эту пуговицу, мистер Уайатт? – Не дождавшись ответа, Торелло пояснил: – Она застряла под крышкой колодца, где обнаружили тело вашего брата. Колодец находится в нескольких футах от границы владений Уайаттов, где, по вашим словам, вы ни разу не бывали. Не хотите ответить правду?

– Я уже сказал правду.

– Можете ли вы объяснить, как эта пуговица туда попала?

– Не могу.

Торелло присел на край стола.

– И каким же образом пуговица, которая, по вашему признанию, оторвалась от вашего же пальто, могла застрять в крышке колодца на ферме, где вы никогда не бывали?

– Повторяю, – терпеливо ответил Уайатт, – у меня нет объяснений.

Лили бросила на Грея довольный взгляд, но, к своему удивлению, заметила, что тот мрачно хмурится, сунув руки в карманы.

– Он не убийца, – ответил он на ее недоуменный вопрос. – И уверен, что может это доказать.

– О чем это вы? Как?!

– Не знаю, но у меня предчувствие, что сейчас все откроется. Он уже дважды посмотрел на часы. Очевидно, сыт по горло.

Торелло тем временем сверлил глазами Уайатта, но тот по-прежнему молчал. Тогда Торелло решил надавить:

– Позвольте рассказать, как, по нашему мнению, эта пуговица застряла в крышке...

– Уверен, что это будет весьма занимательная и затайливая история, но, к сожалению, у меня слишком мало времени. У вас есть что еще обсудить, помимо этой пуговицы?

Торелло ошеломленно уставился на него.

– Судя по вашему виду, вам нечего сказать. В таком случае я могу сообщить вам все необходимые сведения. Уильям исчез в ноябре. Пальто, с которого оторвана пуговица, было сшито в Лондоне и доставлено мне в Чикаго в конце декабря.

– Где было приобретено пальто и может ли кто-то удостоверить дату, когда оно было доставлено? – вкрадчиво осведомился Макнил тоном «доброго» копа, поспешно выступая вперед.

– Я дам имя и адрес своего лондонского портного. Он также сможет точно сказать, кто производит эти пуговицы, и засвидетельствовать, что у меня нет другой одежды с такими же пуговицами.

– Где сейчас это пальто?

– Я отослал его портному с просьбой заказать новую пуговицу и заштопать дырку, оставленную оторванной. Что-нибудь еще или мы закончили?

– Не совсем, – покачал головой Макнил. – Когда вы впервые обнаружили, что пуговица пропала?

– В середине января. Я вынул пальто из шкафа и увидел, что пуговицы нет. Понятия не имею, где ее потерял.

– Либо в самом деле не знает, либо не хочет верить, – пробормотал Грей и, не отрывая взгляда от зеркала, приказал: – Скажите Макниту, чтобы вышел.

Сервантес постучал и просунул голову в дверь:

– Простите, что вмешиваюсь, но мне нужен детектив Макнил.

Детектив, могу я перемолвиться с вами словечком?

Макнил вышел, закрыл за собой дверь и вопросительно взглянул на Грея:

– Вы верите Уайатту?

Грей кивнул:

– Пока что да. Возьмите у него паспорт и посоветуйте не покидать Чикаго, пока мы не поговорим с портным и сами не осмотрим пальто.

Уайатт мельком взглянул на лицо Макнила, вернувшегося в комнату, встал, молча вынул паспорт из внутреннего кармана пиджака и швырнул на стол, после чего взял чашку, сделал глоток и поставил обратно.

– Вот вам ваша ДНК, и учтите, сданная добровольно. Постарайтесь не спутать с анализами кого-то другого, пока не закончите расследование. Итак, позвольте откланяться, – сухо отчеканил он. Адвокаты тоже поднялись и схватились за портфели.

– Прошу не покидать Чикаго без нашего позволения.

– Я учту ваше предупреждение, – коротко бросил он. – А вам лучше учесть мое: если я еще раз увижу эти снимки, где бы то ни было вне стен этой комнаты, похороню Грея Эллиота и всех детективов, принимавших участие в этом фарсе, под горой судебных исков, направленных как против вас лично, так и против города Чикаго и штата Иллинойс. И поверьте, я сделаю все, чтобы представители прессы узнали о вашем вуайеристическом хобби, а также дорогостоящих поездках на Карибские острова за счет налогоплательщиков во имя этого самого хобби. Короче говоря, я вываляю ваши имена в грязи, от которой вам не отмыться.

– Вы мне угрожаете? – процедил Макнил.

– Я недостаточно ясно выразился? – отрезал Уайатт. – Кстати, красивый у вас загар. Сразу видно, что вы хорошо отдохнули.

Он направился было к двери в сопровождении открыто ухмылявшихся адвокатов, но остановился и послал следующую угрозу прямо в зеркало, за которым прятался Эллиот:

– Требую, чтобы до конца дня вы встретились с Кэролайн Уайатт и объяснили, что я не имею никакого отношения к гибели Уильяма. Если не сумеете убедить Кэролайн, я приведу ее завтра утром в ваш офис, и вам придется делать это при мне.

Едва дождавшись ухода Уайатта, Грей ворвался в комнату дознавателей.

– Подумать только, меня второй раз за день обозвали вуайеристом, – смешливо пожаловался он и, повернувшись к Макнилу, добавил: – Встретимся завтра в десять в моем офисе. Принесите с собой все

материалы. Я, кажется, знаю, кто убил Уильяма, но действовать придется крайне медленно и осторожно.

– Договорились, – кивнул Макнил и, заметив, что прокурор изучает его редяющие волосы, с любопытством спросил: – Что-то не так?

– У вас волосы вроде стали другими.

– Это еще какими? – удивился Макнил, поспешно отводя глаза.

– Не знаю точно... пушистыми...

– Новый шампунь, – промямлил Макнил.

Глава 34

В отличие от больших благотворительных мероприятий вечер в пользу детской больницы был эксклюзивным ежегодным событием, а лист приглашенных содержал всего триста пятьдесят имен, причем каждое выбиралось по соображениям щедрости жертвователя. Гостям подавался изысканный ужин, на протяжении всего вечера проходил аукцион, где продавались настоящие шедевры искусства, ювелирные изделия музейной ценности и бесценный антиквариат. Начальная цена за самые дешевые предметы была пятьдесят тысяч долларов, а столик на десять человек стоил сто тысяч долларов с каждого.

И год за годом во время ужина мэр Чикаго объявлял имя почетного гостя и самого щедрого филантропа. В этом году почетным гостем вот уже в пятый раз был Сесил Уайатт.

Праздник проходил в клубе «Фаундерз», занимавшем два верхних этажа в Эндикотт-Тауэр, роскошном восьмиугольном восьмидесятиэтажном здании из стекла и камня, расположенном в деловой части города.

Членство в клубе сначала было ограничено богатыми потомками семей – основателей города, но поскольку многие потомки не сумели сохранить состояния предков или совершили еще более ужасные преступления, клуб несколько смягчил требования. Теперь, для того чтобы стать членом клуба, представителям той или иной семьи достаточно было принимать «значительное участие в общественной жизни города» на протяжении последних ста лет и иметь достаточно денег, чтобы позволить себе членские взносы в пятьдесят тысяч долларов. Однако в качестве мер безопасности рекомендации давались исключительно советом директоров, что предотвращало появление в клубе «нежелательных личностей», которые претендовали на членство в клубе, просто подавая заявления, а потом, когда ничего не получалось, поднимали жуткий шум.

Как только желанное членство было получено, новому члену позволялось наслаждаться прекрасными интерьерами клуба, роскошными обедами и ужинами и, конечно, всю хвастаться такой честью.

На обстановку и мебель не жалели никаких расходов: все тут было предназначено для того, чтобы производить впечатление, и устроители достигли цели. Достаточно сказать, что на втором этаже клуба был сделан специальный вестибюль для лифтов: восьмиугольная ротонда с изящной

оградой из кованого железа, от которой вела дорожка к широкой лестнице, грациозно спускавшейся на первый этаж. Гигантская люстра была подвешена в центре потолка второго этажа, и с многочисленных позолоченных ярусов свисали великолепные хрустальные подвески.

В передней части зала у своего столика стоял Мэтт Фаррел, наблюдая, как жена медленно пробирается сквозь толпу на первом этаже. Извинившись перед своим собеседником, он поспешил ее догнать.

– Ищешь кого-то? – спросил он, подходя сзади. Мередит смотрела вверх, на ротонду второго этажа, где были выставлены лоты аукциона.

– Просто хочу убедиться, что все идет, как предполагается.

Она была хозяйкой сегодняшнего вечера и несколько месяцев трудилась не покладая рук, совещалась с различными комитетами, обсуждала бесчисленные детали, не бросая своих основных обязанностей президента «Бэнкрофт энд компани».

Мэтт, подражая ей, посмотрел наверх, где приглашенные переходили от столика к столику с бокалами шампанского в руках, записывая ставки, беседуя и смеясь, под звуки струнного квартета, разместившегося на лестничной площадке. Столики, освещенные свечами, были уставлены сверкающим хрусталем и фарфором и украшены великолепными розами, кремовыми с красным, привезенными из Южной Америки.

– Больше половины гостей толпятся наверху с ручками наготове, а армия официантов разносит выпивку, чтобы они окончательно размякли. Твой успех гарантирован. И, – нежно прошептал он, – ты потрясающе красива.

Мередит послала ему ослепительную улыбку, взяла его под руку, чуть сжала и кивнула в сторону главного стола, где почетный гость беседовал с мэром.

Мэтт едва заметно поморщился:

– Вполне типично для Сесила Уайатта! Удрать из больницы, чтобы войти на очередное возвышение и принять очередную награду.

И словно для того чтобы смыть дурной вкус во рту, поспешно проглотил остаток шампанского. Рядом немедленно появился официант с подносом.

– И сколько ты истратила на спиртное? – поддел Мэтт.

– Много, – вздохнула она. – Смотри, а вот и Митчел!

В дверях действительно появился Митчел. Вежливо улыбаясь своим новым «друзьям семьи», которые то и дело останавливались перед ним, чтобы поздороваться или представиться, он медленно шел по залу. Минуту спустя рядом появился Сесил и отвел внука в сторонку.

Мерedit недоуменно тряхнула головой:

– Так и не могу привыкнуть к этому зрелищу: Митчел в обществе Сесила! Мы так давно знаем Митчела, и он столько раз гостил у нас! Просто поверить невозможно, что он ждал полгода, чтобы рассказать о родстве с Сесилом! И если бы мы не увидели его на дне рождения Сесила, вряд ли вообще что-то узнали!

– Можно подумать, ты была бы на седьмом небе, обнаружив, что связана родством со старым деспотичным эгоцентриком! Впрочем, погоди... ты уже влипла, – поддразнил Мэтт, а Мерedit, расхохотавшись, поцеловала мужа в щеку.

– Ш-ш-ш... – прошептала она, – мой отец стоит прямо у тебя за спиной.

– Это совсем плохо, – притворно вздохнул он. – Давай поменяемся местами. Терпеть не могу оказываться к нему спиной.

Мерedit знала, что в каждой шутке есть доля истины. Особенно в этой. У Мэтта были веские причины не любить ее отца. Когда они были совсем молоды, именно он разрушил их брак. Правда, десять лет спустя Мэтт снова появился в ее жизни, но отец опять попытался вмешаться и в результате едва не потерял Мерedit. И теперь Мэтт терпел его ради жены, но так и не простил. И не простит.

– Я в долгу у него за то, что убедил директоров клуба позволить нам устроить здесь праздник, – заметила Мерedit. – Это действительно огромное достижение, которым не грех и похвастаться.

– Он сделал это не ради тебя, – хмыкнул Мэтт. – Просто хотел показать мне, что все еще может чем-то тебе помочь. Добиться того, что мне не по силам. Бывшие рабочие сталелитейного завода из Гэри, штат Индиана, не могут стать членами клуба, независимо от того, насколько преуспели в жизни. Знаешь, каким образом я это усвоил?

Плечи Мерedit тряслись от смеха, потому что она уже имела некоторое представление о том, каким может быть ответ.

– И каким же образом, дорогой?

– Твой отец сказал. Повторил пятьдесят раз. Только на этой неделе.

Мерedit рассеянно улыбнулась и снова устремила взгляд на Митчела:

– О, смотри! Оливия Хиберт держит его под руку! До чего же забавно наблюдать, как он ухаживает за маленькой старушкой. Ему бы куда больше подошла роскошная красавица с экзотическим именем, а он относится к тетке с таким терпением и искренним энтузиазмом.

– Митчел все делает с искренним энтузиазмом, – сухо ответил Мэтт, – и ему легко сегодня быть терпеливым, потому что завтра он улетает

в Европу. Он уже сказал, что мечтает лишь об одном: поскорее оказаться по другую сторону океана и как можно дальше от Чикаго.

Лицо Мередит помрачнело.

– Что-то его тревожит.

– То есть не обвинение в убийстве брата, необходимость отдать паспорт и вынужденно оставаться в городе, пока Грей Эллиот не проверит его показания? Ты это хочешь сказать?

Мередит, проигнорировав иронию в его тоне, усердно закивала:

– Что-то кроме вышеперечисленного. Эти проблемы разрешились, и поскольку Кэролайн сегодня с ним, значит, согласна, что он непричастен к гибели Уильяма. Нет, у него на уме совсем другое.

– Я не заметил в нем ничего необычного.

– Мужчины таких деталей не замечают, – вздохнула она. – Тебе не приходило в голову, что он ни разу не упомянул при нас имя Кейт? Она была настолько небезразлична ему, что он собирался курсировать между Чикаго и Карибскими островами, только чтобы видеться с ней каждый вечер. Но с тех пор он молчит. Я попыталась кое-что выведать, спросив: не появился ли в его жизни кто-то особенный? Он сказал, что нет.

– Митчел не рассуждает вслух о женщинах в своей жизни.

– Да, но при этом позвонил Заку, чтобы поговорить о Кейт, – возразила Мередит. – Интересно, что с ней произошло?

– Она так и не побывала на яхте. Когда Зак спросил, что случилось, Митчел буркнул: «Возникли сложности», – и больше тот от него ничего не дождался, – напомнил Мэтт как раз в ту минуту, когда рядом остановился официант с подносом канапе.

– Да, ты уже говорил. Так, значит, для Мариссы путь свободен?

Мэтт так и замер с протянутой к подносу рукой.

– Для нашей дочери? Мариссы?

– Когда я вчера поцеловала ее на ночь, она сказала, что решила выйти замуж за Митчела, когда подрастет.

– Я к такому не готов! – объявил он, выбрав наконец канапе с подноса.

– Похоже, наш будущий зять потихоньку курсирует в нашем направлении, – ухмыльнулась Мередит.

– Кейт, – сочувственно прошептала Холли, – мы не можем просидеть весь вечер в дамской комнате. Выпей это и идем.

Говоря это, она вынула пустой бокал из трясущейся руки Кейт и заменила на свой, полный.

– Пей до дна, – одобрила Холли.

– Митчел там! – едва не заплакала Кейт. – Я видела его с балкона.

– Знаю. А теперь постараемся, чтобы он увидел тебя.

– Я не готова выйти на люди.

– Готова-готова!

Кейт машинально осушила бокал, второй за десять минут.

– Как я выгляжу?

Холли критически осмотрела подругу. Серое атласное платье, подражание элегантным роскошным нарядам тридцатых годов, косого покроя, с узким лифом фасона «американская пройма» и глубоким треугольным вырезом, невероятно шло Кейт. Чтобы дополнить ретро-стиль платья, Кейт уложила волосы волнами и заколола с одной стороны старинным гребнем с аметистами и бриллиантами, позаимствованным у матери Эвана.

– Мне нравится эта прическа а-ля Вероника Лейк^[7], – объявила Холли. – А глядя на гребень, каждый сочтет, что твои серьги настоящие, а не обычная бижутерия.

И в самом деле, с ушей почти до плеч Кейт свисали длинные серьги с поддельными аметистами и бриллиантами.

Обе посторонились, когда две женщины, воспользовавшись туалетом, прошли через увешанное зеркалами помещение. Женщины улыбнулись, кивнули, прежде чем выйти, и в открытую дверь донеслись смех и музыка.

Холли подождала, пока дверь снова закроется, после чего снова отняла у Кейт бокал и взяла ее под руку.

– Я обещала наставить тебя и объяснить, как пройти через это, – начала она торжественно, глядя в широко раскрытые, лихорадочно блестящие зеленые глаза. – И я намеренно выжидала нужного момента. – Она повернула Кейт лицом к зеркалу и бесцеремонно ткнула пальцем в ее отражение: – Взгляни на себя. Ты абсолютно неотразима! Это твоя ночь, Кейт! Твой дебют в качестве будущей жены Эвана, и сегодня ты увидишь, что даже самые закоренелые снобы будут приветствовать тебя, как свою. Они уже знают, что ты не какая-нибудь жалкая охотница за приданым, а дочь владельца чикагского ресторана, который тоже был знаменитостью в своем роде. Ты его преемница. Обладаешь природной элегантностью, умеешь держаться и выделяешься из толпы. А главная твоя черта – доброе сердце, что делает тебя бесконечно привлекательной. Пока что тебе все ясно?

Смущенная всей этой лестью, Кейт кивнула:

– Я все поняла. Хочешь, чтобы сегодня я считала себя блистательной.

– Ты в самом деле блистательна. А теперь речь пойдет о Митчеле

Уайатте. В течение следующих двух часов тебе предстоит обязательно с ним столкнуться...

Три женщины, смеясь и болтая, вошли в комнату, чтобы поправить косметику. Девушки мгновенно повернулись к зеркалу, делая вид, что занимаются тем же. Кейт вытащила из сумочки помаду, но при мысли о том, что она снова взглянет в синие глаза Митчела, увидит это жесткое красивое лицо, ей становилось не по себе. Он заставил ее смеяться, стонать от наслаждения, сжимал в объятиях так крепко, словно не собирался отпускать. И всего хуже, он так вскружил ей голову, что она вообразила себя влюбленной.

А потом он отослал ее на виллу, велел как можно скорее порвать с Эваном, хотя сам не собирался больше видаться с ней.

Теперь, оглядываясь назад, она ясно видела: все, что делал Митчел с того момента, как она встретила его, даже когда послал за «Скорой» и доктором, чтобы помочь Максу, служило одной цели. Она ничуть не сомневалась, что он сам послал ей «Кровавую Мэри», а потом явился в ресторан, чтобы представиться.

При мысли о том, как хладнокровно он назначил свидание, после того как она вылила на него коктейль, Кейт скрипнула зубами.

«Будь я на вашем месте, предложил бы пригласить меня к ужину...»

Из всех эгоистичных, наглых, спесивых...

Наверное, он был поражен и очень доволен, когда представился и она не узнала его имя. Ее неведение облегчило ему задачу. Как он, должно быть, забавлялся, соблазняя безмозглую подружку Эвана Бартлетта!

– Перестань перебирать в памяти все, что он сделал, – настойчиво потребовала Холли, едва женщины удалились. – Хотя бы на сегодняшний вечер забудь все кошмарные подробности и постарайся быть абсолютно объективной, иначе все завалишь! Пойми простую истину: Митчел Уайатт настолько закомплексован, что пытается сквитаться с Эваном, соблазнив тебя! И все только потому, что Эван посвящен в его тайны! Согласись ты прыгнуть к нему в постель сразу, после ужина на вилле, все кончилось бы в ту же ночь и не затронуло бы твоих чувств. Но тебе приспичило сначала узнать о нем побольше. Поэтому ему пришлось вернуться к тебе и рассказать о брате, после чего он принялся активно обольщать тебя в саду. Но как только сообразил, что ты не собираешься спать с ним в номере, снятом на имя Эвана, перебрался в отель на Сен-Мартене. Там он честно предупредил, что не стоит питать никаких иллюзий и ложных надежд, и добавил, что не желает ни сложностей, ни «магии». Ему всего лишь нужен хороший секс с тобой, только и всего. И ты снова отклонила его

предложение, поэтому он выдал знаменательные фразы: «давай все усложним» и «я чувствовал то же самое»...

– Хочешь сказать, что это отчасти моя вина?

– Господи, нет! Я пытаюсь объяснить, что его истинным намерением вовсе не было причинить тебе боль. Ему требовалось либо заставить Эвана молчать, либо поставить на место, заимев интрижку с его подругой.

Кейт пробил озноб. В устах Холли логика Митчела казалась безупречной, а методы – безжалостными.

– Я скажу тебе что-то такое, чего не говорила раньше, – продолжала Холли. – Думаю, что в каком-то отношении Уайатту было с тобой лучше, чем он ожидал. Иначе после секса он просто похлопал бы тебя по задку и отослал на виллу.

– С чего бы это? Ведь я была такой страстной, на все готовой партнершей в постели, – с горьким самоуничижением произнесла Кейт.

– Неплохой аргумент, но почему он повел тебя в казино и, самое главное, почему сидел с тобой в постели, любуясь рассветом? Типы, которым нужен только секс, немедленно поворачиваются к женщине спиной и засыпают.

К полному унижению Кейт, она жадно схватилась за это слабое утешение. Не потому что поверила. Просто отчаянно нуждалась в любом средстве, способном хоть немного облегчить бремя стыда.

– Однако, – жизнерадостно заявила Холли, – это не меняет того факта, что он холодный, расчетливый подонок с гигантским эго, и ты просто обязана отомстить. Любым способом. Даже самым подлым.

– Но как мне это сделать? – спросила Кейт, зачарованно глядя на Холли.

– Веди себя так, словно он всего лишь мимолетное, легко забываемое увлечение.

– Он не поверит. Знает, как я к нему отношусь. Я оставила его, пообещав порвать с Эваном и вернуться назад.

– Да, но он не может быть на сто процентов уверен, что ты это сделала. Далее он не может быть на сто процентов уверен, что ты не использовала его как племенного жеребца в отсутствие Эвана. И кроме того, он не может быть на сто процентов уверен, что ты с самого начала не знала, кто он, и что твоей целью не было вытянуть из него кое-какие смачные подробности, чтобы поделиться со своими подружками!

– Но кто способен на такую гнусность? – фыркнула Кейт.

– Женщины в твоём новом социальном кругу, который также является и его кругом, – спокойно заявила Холли. – Поверь, я знаю, каковы они.

Выросла в их храме злобных шуточек и ледяных сердец. Эван инстинктивно понимает, по каким правилам следует играть, поэтому и хотел, чтобы ты сегодня была здесь. Он постарается, чтобы Уайатт увидел тебя с ним, веселую, смеющуюся, гордую. Главное – высоко держать голову. Присутствие Эвана покажет Уайатту, что он просто ничтожество и ничего для тебя не значит.

– Подумать только, – с грустной улыбкой выдохнула Кейт, – что из нас двоих именно мне полагается разбираться в психологии.

– Учебники по психологии пишутся не для избранного общества. Словом, теперь картина тебе окончательно ясна, верно?

– Абсолютно.

– Итак, единственная эмоция, которую тебе позволено проявить при встрече с Уайаттом... единственная эмоция, которая даст тебе некоторое удовлетворение...

– Сдаюсь, – вздохнула Кейт, улыбнувшись столь драматичной паузе. – И что это за эмоция?

– Улыбка! Ты должна обращаться с ним чуть свысока и с веселой улыбкой, словно знаешь забавный маленький секрет, о котором он понятия не имеет.

– И какой же секрет мне известен? – с некоторым раздражением спросила Кейт.

– Это тот самый вопрос, который станет его мучить. Вопрос, который еще долго не даст ему покоя.

Мэтт и Мередит обменялись смеющимися взглядами с Митчелом, пытавшимся развернуть тетку в их сторону. Но бабушка цеплялась за его руку, радостно щебеча и заставляя его останавливаться каждые несколько шагов, чтобы представить племянника очередному гостю. Он был выше ее на фут с лишним, и чтобы понять смысл ее болтовни, то и дело сгибался в три погибели.

Мэтт подошел к бару и заказал водку для Митчела, а к тому времени как вернулся со стаканом, Митчел уже стоял рядом с Мередит. Протянув ему водку, Мэтт объявил:

– Это твоя награда за успешное окончание долгого, изнурительного путешествия.

– Выпивка не мешает, – согласился Митчел и, поднеся стакан к губам, поднял глаза...

И увидел Кейт.

Увидел и застыл, недоверчиво сведя брови. Как она оказалась здесь?

Как девчонка с курчавыми рыжими волосами, целовавшая его на лоджии отеля, превратилась в светскую даму в элегантном, дорогом атласном платье, спокойно общавшуюся с сильными мира сего, членами высшего общества, многие из которых отводили ее в сторону, чтобы чмокнуть в щечку и поболтать.

– Это Кейт Донован, – пояснил Мэтт, проследив за направлением его взгляда. – Ее отец недавно умер, и, насколько я понял, она пытается управлять его рестораном. Разве мы никогда не ужинали у Донована, когда ты приезжал сюда?

– Никогда.

– Обязательно сходим, когда ты соберешься сюда в следующий раз. Кстати, когда ее отец был жив, приходилось заказывать столик не меньше чем за две недели. Может, теперь все будет по-другому.

– Знаете, что Кейт только что обручилась на островах? – вставила Оливия, спеша принять участие в беседе.

– Н-нет, – пробормотала Мередит, заметив, что Митчел опять смотрит в сторону Кейт.

Оливия утвердительно кивнула и обратилась к Митчелу:

– Не правда ли, романтично?

– Мне трудно судить, – коротко ответил племянник.

– Объявление появилось в четверг в «Трибюн», – добавила тетка и, заметив, что Кейт как раз отошла от группы собеседников, жизнерадостно окликнула: – Кейт, дорогая, иди к нам! – Довольная тем, что девушка ее заметила, Оливия повернулась к Митчелу и добавила: – Ты, кажется, знаком с женихом, дорогой?

– Разве?

– Да. Она помолвлена с Эваном Бартлеттом.

Митчел пристально рассматривал содержимое стакана.

– Неужели? С Эваном Бартлеттом? – переспросил он с холодной, иронической усмешкой.

Глаза супругов встретились, и Мэтт едва заметно кивнул жене. Значит, это и есть та самая Кейт!

Колени Кейт тряслись, а сама она от всей души жалела, что в бокале осталось всего несколько капель шампанского и с каждой минутой она все больше теряет присутствие духа.

Кейт сама не понимала, как умудряется сохранять внешнее спокойствие и сдержанность. Она нашла в себе силы ответить на призыв Оливии и готова встретить человека, который использовал ее и бросил.

– Здравствуй, дорогая! – воскликнула Оливия, целуя ее в щеку. –

Надеюсь, вы с Эваном будете счастливы.

Этот ритуал повторялся сегодня десятки раз: приветствие, наилучшие пожелания и традиционно-равнодушный поцелуй. Должно быть, так принято в тех кругах, где вращается Эван, и всех обрученных поздравляют подобным образом. Она напряглась, ожидая, что Митчел последует примеру тетки, особенно после того, как Оливия официальным тоном добавила:

– Позволь представить моего племянника, Митчела...

Как ни странно, но, несмотря на состояние Кейт, все шло словно по маслу. Она взглянула в потемневшие глаза Митчела с таким видом, словно знала забавный маленький секрет, который не собиралась с ним делить.

– Мы уже знакомы, – ответила она, слегка подавшись вперед и механически подставляя щеку в ожидании приветственного поцелуя.

– ... и уже целовались, – холодно бросил Митчел, игнорируя подставленную щеку.

Мэтт поспешно встал перед растерявшейся Оливией, положил ее руку себе на сгиб локтя и торжественно повел к столу.

Потрясенная, но полная решимости казаться беспечной и спокойной, что бы он ни сказал или ни сделал, Кейт склонила голову набок и одарила его игривой улыбкой.

– Разве у вас не найдется добрых пожеланий для меня? – кокетливо спросила она.

– Сейчас придумаю. – Немного помедлив, он издевательски отсалютовал ей стаканом: – За твой вечный успех в подъеме по социальной лестнице, Кейт!

Грязный намек на то, что она втируша, стремящаяся пролезть в высшее общество, несколько поколебал ее стойкость духа.

– О, не подначивай опрокинуть на тебя очередной коктейль!

– Такая выходка слишком типична для среднего класса и потому непростительна, – уничтожающе бросил он, – а ведь ты стараешься пройти в высшую лигу. Здесь, в этой самой лиге, мы обманываем, лжем, мошенничаем, говорим гадости друг другу, но только с глазу на глаз. Публичные выражения чувств – дурной тон. – Но тут он увидел, как изумрудные искры в ее глазах быстро разгорелись опасным пламенем, и намеренно подлил в этот огонь словесного масла: – Прими мой совет и помни правила в следующий раз, когда подцепишь незнакомца в отеле...

– Заткнись! – в бешенстве прошипела Кейт.

– ...чтобы наставить рога тому чванливому кретину, за которого выходишь замуж.

И тут Кейт сорвалась. Тревоги последних дней и природная вспыльчивость сыграли с ней злую шутку, и она попыталась заставить его замолчать единственным доступным ей способом – выплеснула в лицо то, что еще оставалось в бокале. Правда, там было недостаточно жидкости, чтобы поразить мишень, но несколько капель расплылось на его груди, намочив рубашку. Кейт со смесью страха, стыда и свирепой радости приготовилась к взрыву.

– Жест лишен той спонтанности, какая была на Ангилье, – невозмутимо заметил он, принимаясь небрежно стряхивать жидкость, – однако цвет куда лучше.

Кейт не нашла, что ответить и судорожно дернула головой влево, где услужливый официант уже маячил с подносом, на котором возвышались бокалы с шампанским. Запоздало вспомнив о необходимости сделать вид, будто ничего не произошло, Кейт схватила полный бокал, дрожащими пальцами стиснула салфетку и панически уставилась на Митчела, который продолжал все тем же бесстрастным тоном:

– Немедленно отдай салфетку и натяни извиняющуюся улыбку на физиономию... – Кейт автоматически протянула ему салфетку. Он взял ее и, продолжая вытирать рубашку, спокойно закончил: – ... иначе Бартлетт поймет, что женится на аморальной стерве с гнусным характером.

– Предупреждаю... – пробормотала Кейт, но ей нечем было ему пригрозить. Поэтому она оглянулась, пытаясь понять, наблюдают ли за ними, и покрепче сжала ножку бокала: единственную соломинку, за которую можно схватиться в этом ускользящем безумном мире.

Не дождавшись продолжения, Митчел искоса взглянул на нее и заметил, как судорожно вцепились ее пальцы в бокал. Поспешно опустив голову, он вкрадчиво пробормотал:

– Если ты хотя бы наклонишь стакан в мою сторону, растянешься на своей заднице раньше, чем первые капли упадут на пол.

И, приняв ее неподвижность за нерешительность, поднял голову и взглянул на нее глазами, в которых оцетинились осколки льда.

– Испытай меня, Кейт, – тихо попросил он. – Валяй, испытай меня.

Временный паралич уступил место мучительному осознанию реальности, возмущившей ее настолько, что голос понизился до дрожащего шепота:

– Господи... под всем этим фальшивым обаянием... и маской светского льва кроется... кроется монстр!

Вместо того чтобы оскорбиться или разгневаться, он недоуменно уставился на нее и, грустно улыбнувшись, покачал головой:

– А что ты ожидала найти, солнышко: брошенного любовника с разбитым сердцем? – И прежде чем Кейт успела ответить, коснулся ее бокала своим в подобии тоста и устало обронил: – Прощай, Кейт.

Он отошел, а Кейт обнаружила, что смотрит прямо в прищуренные глаза Мередит Бэнкрофт. Еще секунда – и Мередит повернулась и последовала за Митчелом.

Глава 35

– У меня от этого парня мурашки по коже, – признался Макнил Грею, стоя вместе с ним у двустороннего зеркала и наблюдая, как рыдающий Билли Уайатт выкладывает Джо Торелло подробности «случайной» гибели отца. Они забрали мальчишку сегодня утром и привезли на допрос. Тут же присутствовала Кэролайн.

– Удивляюсь, как она еще не вызвала семейного адвоката.

Эллот, сложив руки на груди, обдумывал удивительное поведение Кэролайн.

– Думаю, она опасалась, что Билли имеет какое-то отношение к смерти отца, с того дня в моем офисе, когда он говорил по телефону с Уайаттом. Бедняжка выглядела потрясенной и расстроенной его импровизацией и той отсебятиной, которую он нес, чтобы заманить дядю в Чикаго. Позже, когда я сказал ей, что пуговица, найденная в колодце, сорвана с пальто Митчела Уайатта, она ни словом не возразила. Не спросила, уверены ли мы, осмотрели ли его другую одежду в поисках идентичных пуговиц, словом, не задала ни одного из ожидаемых вопросов. Кэролайн несколько раз попадала в список лучше всего одетых женщин. Ей ли не знать, что пуговицы ручной работы отличаются от обычных!

– И все же не пойму, почему она еще не вызвала адвоката.

Грей немного подумал.

– Она любила Уильяма и любит Билли. Наверное, считает, что единственный шанс спасти сына – заставить его сказать правду и снять с души бремя вины. Их фамильный адвокат – Генри Бартлетт, а она знает, что Бартлетт выполнит любое пожелание Сесила. Сесил прикажет ему заткнуть Билли рот и потом найдет способ снять парня с крючка.

– Не понимаю, как она может находиться в одной комнате с ним.

– О, тут нет ничего сложного. Она винит себя за то, что не сообразила раньше, сколько вреда принесет ее сыну появление Митчела Уайатта в их жизни.

В это время Торелло вручил Билли ручку и блокнот.

– Прежде чем запишешь показания, давай еще раз повторим все с самого начала, чтобы не было неясностей.

Кэролайн стояла позади Билли, положив руки на плечи сына, словно оберегая его.

– Неужели ему необходимо еще раз пройти через это? Пусть просто

напишет, и покончим с этим.

– Всего один раз. С самого начала, – неумолимо повторил Торелло.

Четырнадцатилетний подросток вытер глаза руками и дрожащим голосом начал:

– Я поехал на ферму с отцом, как мы и собирались в тот уик-энд. Ну... я подумал, что, может, постреляем дичь на ферме Аделлов, вот и захватил дробовик. Пока мы гуляли, отец сказал, что собирается продать ферму тому же застройщику, что купил землю Аделлов. Мы заспорили. Я сказал, что он не имеет права это делать, а потом...

– А почему ты посчитал, что он не может это сделать?

– Потому что ферма должна была перейти ко мне! – яростно прошипел Билли. Куда только девалась его мнимая приниженность! – Мой дедушка Эдвард всегда говорил, что ферма будет моей, но забыл записать это в завещании!

– Ладно, и что было дальше?

– Мы с папой заспорили, и я так расстроился, что не видел, куда иду. Споткнулся, и ружье выстрелило.

Потянувшись к коробке с салфетками, он принялся тереть глаза.

– Отец отошел от меня всего на несколько футов и упал, когда раздался выстрел. Я пытался сделать ему искусственное дыхание, но у него в груди появилась огромная дыра, я был весь в крови и, увидев это, до смерти перетрусил. Боялся, что ма никогда меня не простит и я попаду в тюрьму. Но тут вспомнил, что старый колодец совсем рядом, отодвинул крышку и... и... Остальное вы знаете.

– Все равно досказывай.

– Я подтащил к нему отца, сбросил вниз, а за ним и дробовик.

Кэролайн подняла руку и на мгновение прикрыла глаза. Сильная дрожь сотрясла ее.

– А как насчет отпечатков пальцев на ружье? – уточнил Торелло. – Что ты с ними сделал?

– Вытер ружье о куртку, перед тем как сбросить в колодец.

– Что было потом?

– Вернулся домой, но тут мне в голову пришло, что я наделал глупостей. Нужно было вызвать «Скорую» и полицию. Поэтому я позвонил дедушке Сесилу, во всем признался и спросил, что теперь делать. Дед велел мне сидеть смирно и никуда не выходить, пока он не приедет. Пришлось долго ждать, потому что пошел снег.

– Что сделал Сесил, когда приехал?

– Он... он сказал, что моему па уже ничем не поможешь и теперь

нужно думать, как спасти меня и уберечь от потрясений маму. Еще он сказал, что мой па не хотел бы, чтобы его сын сидел в тюрьме из-за несчастного случая, а если ма узнает о смерти отца, то не переживет этого. И добавил, что скажет копам, будто я провел уик-энд с ним, а к ферме и близко не подходил.

– А что получилось с машиной твоего отца? Почему ее нашли брошенной в двадцати пяти милях от фермы?

Билли помедлил, чтобы снова вытереть глаза, на взгляд Грея, казавшиеся, впрочем, совершенно сухими.

– Дедушка Сесил сказал, что будет лучше, если копы посчитают, что и па не было на ферме в день исчезновения. Тогда они не будут обыскивать округу и скорее всего не доберутся до старого колодца. Дедушка велел мне сесть за руль папиной машины и ехать за ним по шоссе, пока он не найдет подходящее место, где ее оставить.

– Тебе только четырнадцать. И ты умеешь водить машину?

Билли ответил презрительным взглядом.

– Я с двенадцати лет ездил по всей ферме. Вести машину по шоссе во время снегопада было не так-то легко, но я справился не хуже отца, если бы тот сидел за рулем.

Макнил, старавшийся не пропустить ни единого слова, поморщился и передернул плечами:

– Парень – настоящий социопат.

– Мы почти закончили, Билли, – ободряюще заметил Торелло. – А теперь пропускаем два месяца и сразу переходим к январю. Поиски твоего отца прекращены, никому в голову не приходит заглянуть на ферму, но ты отправляешься к мистеру Эллиоту и заявляешь, что слышал, как Митчел Уайатт врал твоей матери, будто никогда не был на ферме. Ты прекрасно понимал, что это делает его главным подозреваемым и мы непременно начнем шарить на ферме. Почему ты открыл эту банку с червями, когда тебе и без того все сошло с рук?

– Потому что застройщик, купивший ферму Аделлов, пришел к маме насчет покупки нашей фермы. Ну и упомянул, что они начали кое-какие работы и собираются построить на границе собственности каменный забор. Тогда я сообразил, что они сразу найдут колодец.

– О'кей, значит, ты думал. Работал мозгами, – усмехнулся Торелло, словно отпускал комплимент. – Понял, что тело твоего отца вот-вот обнаружат, поэтому оторвал пуговицу от пальто Уайатта, добрался до фермы и сунул пуговицу под крышку колодца, где ее непременно должны были увидеть.

Билли кивнул, явно польщенный похвалой Торелло.

– Но почему ты решил все свалить на Митчела Уайатта?

– Потому что, – прошипел Билли с искаженным яростью лицом, – этот гребаный ублюдок вел себя так, словно принадлежит к нашей семье! Решил занять место моего отца, а ма все ему позволяла! Жил в нашем доме, заботился о моей маме, все время торчал рядом с ней. Это я должен был стать главой семьи, а она просила совета у него! Не у меня! Он даже посоветовал ей продать ферму. И дедушка Сесил вел себя с Митчелом точно так же! Раньше я был его любимцем. Он всегда твердил, что мы из одного теста, но после смерти отца видел только Митчела, а на меня и внимания не обращал! Я сам слышал, как он говорил ма, что на дне рождения хочет представить его всем! И добавил, что она тоже должна быть там. Пусть все узнают, что и она приняла его в семью.

– Ладно, Билли. Я рад, что ты говоришь правду и верно изложил все факты. Вот тебе бумага и перо. Постарайся все написать так, как только сейчас рассказывал мне. Хочешь колу или что еще?

– Хочу «Доктор Пеппер», – объявил Билли, потянувшись к ручке.

– А как насчет «Фритос» с чили и сыром?

– Здорово! Как вы узнали, что я люблю «Фритос»?

Торелло ничего не ответил, но, отвернувшись, бросил многозначительный взгляд на двустороннее зеркало. За последние две недели они объехали каждую автозаправку и придорожный магазинчик между фермой и Чикаго, зная, что Сесилу обязательно придется где-то остановиться. Служащая на одной из автозаправок опознала фотографию Билли. Сесил послал внука заплатить за бензин наличными, чтобы не регистрировать кредитную карту, но пока он ждал, Билли решил купить бутылку «Доктор Пеппер» и любимые чипсы. Когда кассир в магазинчике сказала, что у них только простые «Фритос», он обозвал магазин мусоркой, а ее – деревенской дурой.

– Я уже предвижу, как выстроят защиту семейные адвокаты, – брезгливо бросил Макнил. – Первым делом они заявят, что мальчишка не подпадает под юрисдикцию округа Кук, потому что преступление случилось за его границами. Ему четырнадцать, значит, его будут судить как несовершеннолетнего, а как только за дело возьмутся адвокаты Уайаттов, наверняка убедят мать позволить им заявить, будто отец тайно издевался над беднягой Билли. Черт, Сесил – старик с больным сердцем, а если он умрет до начала суда, они постараются все перевернуть с ног на голову, и окажется, что это Сесил убил родного внука.

– Все так, но если я раньше доберусь до Сесила и приведу его в

чувство, может, мы сумеем добиться своего, – ответил Грей, отворачиваясь, и, уже отходя, добавил: – Немедленно звоню ему и хочу, чтобы ты для пущего эффекта находился рядом.

Глава 36

– Мистер Уайатт примет вас через несколько минут, – объявил Грею дворецкий Сесила. Моросил дождь, капли оседали тонкой сверкающей пленкой на кашемировом пальто Грея. Дворецкий почтительно взял пальто и удалился.

Сесил принял его в кабинете, сидя за гигантским столом в окружении портретов славных предков.

– Как ваши родители, Грей?

– Прекрасно, благодарю вас.

Пока он усаживался, старик пристально изучал его лицо.

– Насколько я понял, это не светский визит? – заключил он.

– Боюсь, что нет.

Он кивнул, повернул голову к мгновенно возникшему дворецкому и приказал:

– Немедленно свяжитесь с Генри Бартлеттом.

– Внизу ждет детектив, чтобы отвезти вас в участок. Генри может встретить вас там.

– Значит ли это, что меня арестовали?

– Это зависит от того, насколько вы готовы сотрудничать с нами. Билли только что подписал показания, в которых признается, что убил отца.

– Что он вам сказал?

Грей не видел причин скрывать что-то от Сесила, зная, что Генри Бартлетт сумеет получить показания Билли в течение нескольких часов. Поэтому он наскоро перечислил основные пункты признания. Выслушав до конца, Сесил холодно осведомился:

– И вы верите какому-то мальчишке? Seriously считаете, что я в этом участвовал?

– Абсолютно серьезно. Меня все время донимала одна мысль: почему вы держали в секрете существование Митчела до самого января? Впервые вы встретились в августе, а в сентябре Эдвард предположительно покончил с собой, выбросившись с балкона. В ноябре исчез Уильям. И все же вас ничуть не волновало то обстоятельство, что возвращение новообретенного внука в лоно семьи каким-то образом совпало с этими несчастьями. Мало того, вы не сообщили о нем полиции, расследовавшей оба происшествия. И знаете, что это мне сказало?

– Что я сентиментальный, доверчивый старик, ослепленный угрызениями совести, из-за того, что лишал Митчела его законного наследия? – саркастически предположил Сесил.

– Нет, что вы хитрый, коварный, надменный манипулятор людскими судьбами, у которого появилась необходимость в новом наследнике, на которого можно было бы положиться. Но вы не хотели, чтобы полиция или кто-то еще узнал, где он обретался последние тридцать четыре года.

– Спасибо, – сухо, но искренне ответил Сесил, – вы совершенно правы. Вы всегда были способным молодым человеком.

– И поскольку мы оба знаем, что вы не сентиментальны и не доверчивы, у вас оставалась единственная причина с полной уверенностью считать, что Митчел не повинен в смерти Эдварда или исчезновении Уильяма.

– И какова эта причина?

– Вам с самого начала было известно, что именно случилось с обоими родственниками и что Митчел тут ни при чем. Вот поэтому я уже возобновил расследование исчезновения Уильяма, считая вас потенциальным главным обвиняемым, но тут в мой офис неожиданно явился Билли.

– И что он вам рассказал?

– Рассказал, как Митчел уверял Кэролайн, будто никогда не был на ферме, что, по его словам, являлось чистой ложью. Тогда мы сосредоточились на Митчеле. А теперь скажите мне, Сесил: когда вы обнаружили, что это дело рук Билли? Когда узнали, что он сунул пуговицу Митчела под крышку колодца?..

– Кэролайн пришла сюда сразу после того, как вы заставили Билли позвонить Митчелу на Сен-Мартен. Она рассказала, что происходит, и была вне себя, думая, что мы пригрили на груди убийцу. Я ответил, что это наверняка какая-то ошибка.

– Вы знали, что Билли подкинул пуговицу?

– Мы беседуем без протокола?

Грей, колебавшись, кивнул:

– Без протокола.

– Я сразу сообразил, что это должен быть Билли. Кому еще выгодно нечто подобное? Кроме того, он сидел прямо передо мной, когда Кэролайн сообщила о найденной вами пуговице, подозрениях насчет Митчела и телефонном звонке, который, по вашему требованию, сделал Билли, чтобы выманить его в Чикаго. По выражению лица Билли сразу можно было заключить, что это он всему причина. Он улыбался, явно гордясь своей

сообразительностью.

Грей тяжело вздохнул, удивленный откровенностью Сесила.

– Если бы пальто доставили Митчелу до исчезновения Уильяма, мы бы арестовали его и судили за убийство брата. Неужели вы позволили бы, чтобы его осудили только ради спасения жизни Билли?

Подавшись вперед, Сесил положил руки на стол и с гордостью ответил:

– Митчел никогда бы не позволил такому случиться. Он умеет выйти с честью из любой ситуации, совсем как я и они... – Он подбородком показал на портреты предков.

Вместо того чтобы бесцельно оспаривать логику Сесила, Грей перешел к истинной цели своего визита:

– Помогая Билли, вы сами совершили несколько преступлений...

– Нам совершенно ни к чему обсуждать это сегодня. И арестовать меня вы тоже не сможете. Генри и Эван Бартлетт уже заверили меня, что это дело не в вашей юрисдикции. Кроме того, признания Билли ничего не стоят, потому что при его допросе не присутствовал адвокат. У вас не было права допрашивать его без присутствия адвоката.

– Но при этом присутствовала его мать, и она дала свое согласие.

– Кэрлайн не в таком состоянии, чтобы судить здраво, не говоря уже о вещах, касающихся Билли. Вы зря тратите время...

– Я вполне могу позволить себе потратить еще одну минуту, – ледяным тоном заверил Грей, многозначительно глядя на часы в оправе орехового дерева на письменном столе Сесила. – С вашей стороны будет весьма мудро позволить мне потратить эту минуту и выслушать меня очень внимательно, потому что в моей власти вывести вас отсюда в наручниках.

Сесил откинулся на спинку стула и оскорбленно свел брови, но все же промолчал.

– Генри Бартлетт говорит вам то, что вы хотите слышать. Версия, которую я буду отстаивать в суде, такова: в тот уик-энд Билли поехал на ферму с отцом, заранее намереваясь его убить, а это означает, что замысел преступления созрел в округе Кук. Генри может затянуть это дело на год или больше, пытаясь изменить мотив преступления, и заставить Билли отказаться от своих показаний, но, поверьте, рано или поздно я настою на своем, и вы предстанете перед судом, как сообщник Билли. Ну а за это время папарацци примутся за вас по-настоящему, вытащив из шкафов все фамильные скелеты, накопившиеся там за последние сто лет.

Лицо Сесила оставалось бесстрастным, но тонкие пальцы сжимались и разжимались.

– Если сделаете Генри одолжение, отправившись на тот свет еще до того, как дело попадет в суд, он, вероятно, посоветует Билли изменить показания и заявить, что это вы убили Уильяма и убедили бедного мальчика взять вину на себя. В конце концов, вы будете мертвы, а платить жалованье Генри придется Билли, так к чему адвокатишке и дальше защищать вашу репутацию?

Говоря это, он пристально наблюдал за реакцией Сесила. Минуты шли, и крошечный маятник на часах мерно ходил взад-вперед.

– Что вы предлагаете в качестве альтернативы?

– Я не стану обвинять вас в сообщничестве, а вы позволите судебной системе округа Кук поступить с Билли по справедливости. Он несовершеннолетний и уже потому отделается легче, чем следовало бы.

– Но у него должны быть лучшие защитники в стране!

– Я не требую, чтобы вы оставили Билли без защиты. Просто прошу: пусть он ответит за содеянное сейчас, а не через два года.

Сесил снова поколебался, прежде чем кивнуть.

– И еще одно, – добавил Грей, вставая. – Каким образом погиб Эдвард? Он звонил вам за час до того, как выброситься с балкона. Вы уверяли, что говорили о совещании, на котором должны были присутствовать на следующее утро. Но все было не так. Или вы задавались вопросом: уж не Митчел ли помог ему перелезть через перила?

Сесил поднялся, очевидно, решив положить конец неприятной беседе.

– Он был, как всегда, пьян и сказал, что хочет попрощаться, потому что жизнь стала ему невыносима. Я ответил то, что отвечал всегда, когда он приставал ко мне с подобными вещами. Велел ему взять себя в руки. Не думал, что на этот раз он твердо вознамерился сделать то, что обещал. Я так долго слушал это омерзительное нытье, что перестал обращать на него внимание.

Глава 37

Кейт поставила кружки с дымящимся горячим шоколадом на поднос рядом с гигантской миской хорошо промасленного попкорна – традиционное угощение для зимних кинопросмотров, которые они с Холли устраивали два раза в месяц.

Предстояло отнести поднос в гостиную. Кейт старательно обошла Макса, развалившегося перед журнальным столиком. Холли, стоя у шкафа с кассетами, вопросительно посмотрела на подругу.

– Как насчет «Памятного романа»? – спросила она, поднимая кассету.

– Спасибо, у меня уже был один, который я стараюсь забыть.

Холли невесело усмехнулась и снова стала рыться в кассетах.

– Поверить не могу, каким же подонком оказался твой Уайатт! На вечере он вел себя как последний негодяй!

Кейт и сама не верила. Но Митчел ясно дал понять, что презирает ее, а это могло означать одно: он с самого начала в грош ее не ставил, даже когда занимался любовью на Сен-Мартене.

– Он просто псих, – решила Холли, облекая мысли Кейт в слова.

– Либо псих, – кивнула Кейт, пытаясь свести разговор к шутке, – либо не слишком любит, когда над ним подсмеиваются. – И, резко сменив тему, спросила: – Как насчет «Дня свадьбы»?

– При условии, что ты не будешь перематывать пленку до сцены танцев, где Майкл Бабле поет «Покачивайся».

– Заметано.

Холли вставила кассету и села на диван рядом с Кейт. С минуту они сидели молча, положив ноги в толстых носках на журнальный столик и набросив на плечи пледы.

– Мне будет не хватать наших киношных вечеров, – призналась Холли, захватив горсть попкорна из миски.

– Ты это о чем? – удивилась Кейт, потянувшись к кружке с шоколадом.

– О том, что не могу представить себя сидящей между тобой и Эваном с миской попкорна в руках. Вы уже назначили дату?

– Мы еще даже не спали вместе, – покачала головой Кейт.

– Почему? Ты вернулась три недели назад.

– Мы оба согласились, что необходимо время пережить то, что я натворила на Сен-Мартене, прежде чем начать все заново.

Холли ошарашенно уставилась на нее:

– Хочешь сказать, что с тех пор он ни разу не выразил желания пометить территорию?

– Это в тебе говорит ветеринар, – хмыкнула Кейт, закатывая глаза, после чего глотнула шоколада и отставила кружку.

– Уверена, что он не наказывает тебя тем, что специально держится на расстоянии?

– Совершенно. Вчера он повел меня ужинать и сказал, что хочет потом остаться и провести со мной ночь. Но...

– Но...

– В разгар ужина мне стало нехорошо. Сильно тошнило, и голова кружилась. Честно говоря, мне и сейчас не по себе. Не пойму, что со мной творится. Последние дни еле на ногах держусь, чувствую себя ужасно усталой, и все время хочется спать.

– Стресс обычно ослабляет иммунную систему и подрывает здоровье. Кстати, как идут дела в ресторане?

– Служащие относятся ко мне покровительственно, что неудивительно, поскольку моложе меня там только рассыльный. Об остальном еще слишком рано говорить. Давай смотреть кино.

Глава 38

– Кейт, доктор Купер получила результаты твоих анализов.

Кейт подняла глаза и улыбнулась секретарше Бонни Купер. Бонни была подругой Холли и по совместительству гинекологом Кейт. Осмотрев ее, она потребовала сделать анализы, а потом посидеть в приемной.

– Быстрая работа, – сказала Кейт, садясь напротив стола Бонни. Та открыла карточку Кейт.

– У меня еще нет всех результатов, но в них нет необходимости. Самый главный анализ уже показал причину твоей тошноты и сонливости.

– И каков же ответ?

– Ты беременна.

Кейт приподнялась, но тут же упала в кресло, расслабилась и улыбнулась.

– Это ошибка, Бонни. Ты спутала мои анализы с чужими. Я еще ни разу не пропустила приема противозачаточных таблеток.

– Таблетки никогда не давали стопроцентную гарантию. Во всяком случае, не для всех.

– Для меня давали. Эван – мой жених... мы четыре года жили вместе, и я ни разу не забеременела.

– Ты не принимала никаких антибиотиков за последние два месяца? Некоторые антибиотики влияют на эффективность таблеток.

– Знаю, но я вообще не пила никаких лекарств, если не считать пилюль от мигрени, которые прописал доктор на Сен-Мартене.

Бонни потянулась к лежащей на столе книге.

– Я не знаю средства от мигрени, которое действовало бы на противозачаточные таблетки. Как оно называется? Я сейчас посмотрю.

– Не помню... – нахмурилась Кейт. – Вертится на кончике языка...

– Пока ты вспоминаешь, скажи, были ли у тебя за последние четыре года сексуальные сношения с кем-то, кроме твоего жениха?

Кейт колебалась, поняв, что теперь придется признать существование Митчела Уайатта.

– Да, за последний месяц. Но какое это имеет значение?

– Всегда существует возможность того, что тыходишь в то крошечное количество женщин, на которых не действуют таблетки, и причина, по которой ты не беременела до сих пор, заключается в том, что твой жених бесплоден.

Кейт неожиданно вспомнила первую часть названия лекарства от мигрени:

– Бутал что-то там такое. От головной боли помогает.

Бонни нахмурилась.

– Бутабитал, верно?

– Точно!

– Доктор не спросил тебя, принимаешь ли ты противозачаточные таблетки?

– Он спросил, пытаюсь ли я забеременеть, и я сказала «нет». Правда, доктор говорил исключительно по-французски, но водитель немного знал английский, он и служил переводчиком. Доктор просил водителя сказать, что у меня, возможно, мигрени.

– Почему ты поехала не в больницу, а к местному доктору?

– Чтобы ждать полдня, когда кто-то соизволит обратить на меня внимание? Бонни, моя голова раскалывалась. От боли меня рвало всю дорогу до Сен-Мартена, и я хотела одного: чтобы кто-то эту боль облегчил. Мне было совершенно все равно, на каком языке они говорили. Он принимал на дому, но был очень мил, и в очереди сидели хорошо одетые пациенты.

– Значит, в переводе водителя что-то затерялось. Должно быть, доктор просил узнать, опасаясь ли ты забеременеть.

– Какая разница? – раздраженно бросила Кейт, но в душе уже знала. Помогите ей Боже. Она уже знала...

– Бутабитал очень эффективное средство и действительно блокирует самые сильные головные боли. Однако оно также значительно снижает эффективность оральных контрацептивов. Когда женщина, принимающая их, начинает пить бутабитал, ей требуются дополнительные средства контроля над рождаемостью.

Комната завертелась перед ее глазами, и Кейт резко подалась вперед, схватившись за живот и пытаясь прийти в себя.

– Ты точно знаешь, кто отец?

Кейт с трудом подняла глаза. Все три недели, прошедшие после смерти отца, она не ложилась с Эваном в одну постель: это стало одной из причин, почему он настаивал на десятидневном отдыхе на Карибских островах.

Она беременна от Митчела Уайатта.

Волна истерии накатилась на нее, принесла с собой головокружение и тошноту, и Кейт вцепилась в край стола.

– О да, – с горечью выдавила она. – Я знаю, кто отец.

Глава 39

– Кейт, это я! – крикнула Холли, открывая двери дома Кейт своим ключом. Она часто приходила сюда в отсутствие хозяйки, чтобы ухаживать за кошками, пока Кейт была на островах.

При виде Холли Макс подбежал к ней, виляя хвостом.

– Какой же ты прекрасный сторожевой пес, – засмеялась она, рассеянно глядя его по голове и с тревогой оглядываясь.

Машина Кейт с заснеженными стеклами стояла на подъездной дорожке, а это означало одно: сама Кейт дома, хотя свет не горит, а она не отвечает на звонки. Вчера, обнаружив, что беременна, она решила сразу же обо всем рассказать Эвану, хотя Холли советовала сначала хорошенько все обдумать. Правда, Кейт согласилась последовать совету подруги и отправиться в офис Эвана, где он не сможет устроить сцену.

– Кейт! – повторила Холли.

– В гостиной! – откликнулась Кейт, поспешно включая лампу и отбрасывая подушку, которую судорожно стискивала в руках все то время, пока тупо смотрела в темноту.

– Я заснула, – солгала она. – Хочешь кофе?

– Еще бы! – обрадовалась Холли.

– Который час?

– Начало седьмого.

Кейт спустила ноги с дивана, встала и поплелась на кухню. Холли, поняв, что случилось неладное, отправилась следом.

– Мне нужно переодеться и идти на работу. Еще два часа назад мне следовало быть в ресторане.

Пока она насыпала кофе в кофеварку, Холли подошла к буфету и вынула две кружки.

– Надеюсь, с Эваном все обошлось?

Вместо ответа Кейт протянула левую руку, на которой больше не было обручального кольца.

– Собственно говоря, я и ожидала чего-то в этом роде, – произнесла она ровным голосом, наполняя кофеварку водой. – Что ни говори, а я собиралась признаться, что беременна от другого мужчины, которого Эван презирает от всей души. Но...

– Но – что? – настаивала Холли.

Опершись ладонями о раковину, Кейт внимательно наблюдала, как

поднимается уровень воды в кофеварке.

– Но мне в голову не приходило, что все так ужасно кончится. Услышав, в чем дело, он побледнел, но тут же пришел в себя и даже обнял меня и сказал, что я не виновата и что Митчел сделал жертвами нас обоих, как, должно быть, и задумал с самого начала. И добавил, что мы можем все исправить и продолжать жить дальше, словно ничего не случилось.

– Но что же все-таки произошло?

– Я сказала, что вряд ли смогу вынести такое испытание, как аборт.

– И что было потом?

– Он как с цепи сорвался, – глухо пробормотала Кейт и, заметив, что кофеварка переполнилась, поспешно завернула кран и включила свет. – Ты когда-нибудь задавалась вопросом, каким образом спокойный, уравновешенный человек вроде Эвана способен запугать противную сторону в суде?

– Я задавалась вопросом, почему все считают его таким хорошим адвокатом. Повернись, чтобы я видела твое лицо, – попросила Холли, кладя руки на плечи Кейт и вынуждая ее повернуться.

– Можешь больше не гадать, – посоветовала Кейт, громко сглотнув. – Сегодня я получила некоторое представление о том, как он ведет перекрестный допрос. Он начал с быстрых, глубоких надрезов скальпелем, припомнив все те глупости, которые я успела наделать за все прошедшие годы и с которыми он был принужден мириться. Ну а потом вооружился бензопилой и уже не миндальничал. Осыпал меня всеми мыслимыми ругательствами и орал так громко, что, должно быть, его крики разносились по всему этажу. Наконец, он велел мне убираться и больше не показывать туда носа.

– Грязный лицемер! Только не воображай, что он был верен тебе все эти четыре года! О нем ходило много слухов, и все на одну тему!

Кейт отвернулась и взяла сахарницу и две чайные ложки.

– Это всего лишь слухи. А на деле это я подлая и грязная, а не он.

– Но ведь он был готов продолжать «мириться» с твоими недостатками, согласишься ты сделать аборт!

– Да. Определенно, – кивнула Кейт, пытаясь выглядеть беспечной. Но вместо этого казалась бесконечно измученной. – Мне даже показалось, что аборт в его представлении – это некий род мести: убийство ребенка Митчела – плата за оскорбление Эвана и моей гордости.

– Плевать ему на твою гордость. Все дело в гордости Бартлеттов. Бьюсь об заклад, он был бы куда меньше оскорблен, если бы тебя обрюхатил кто-то, кого он считает своей ровней.

Кейт почти улыбнулась на это. Почти, но не совсем.

– Сколько раз я тебе говорила, что Эван двуличный...

– Не надо, – перебила Кейт, снова хватаясь за кофеварку. – Мне мерзко вспоминать, как он обошелся со мной, и я не вернулась бы к нему, даже если бы он на коленях молил меня об этом. Но он был совершенно раздавлен. Я глубоко ранила его на Ангилье, когда обо всем рассказала, но сегодня он был просто уничтожен.

Они молча уселись за кухонный стол, ожидая, пока будет готов кофе. Кейт подвинула Холли кружку и сахарницу, после чего подхватила свою кружку и устремилась в спальню.

– Ужасно не хочется оставлять тебя, но мне нужно одеться и ехать на работу.

– Не нужно. С самого своего приезда ты каждый день работаешь до полуночи.

– Но два дня назад мы смотрели кино, и я брала выходной.

– Ну да, в воскресенье, когда ресторан закрыт! Можно же пропустить хоть один вечер!

Кейт повернулась, посмотрела на кружку в своей руке и рассерженно пожаловалась:

– Я все время хочу спать, так что глаза сами собой закрываются и ноги подкашиваются. И еще я беременна, потому что вообразила себя влюбленной в мужчину, оказавшегося безжалостным, жестоким, развратным чудовищем. Если на свете есть Бог, у меня будет выкидыш!

И тут словно прорвало плотину: Кейт прижалась к Холли и громко зарыдала.

– Даже если бы я и хотела сейчас ребенка, все равно страшно подумать, какие гены он унаследует от своего папаши. Он м-монстр!

– Знаю, – кивнула Холли, улыбаясь и глядя Кейт по спине. – А теперь пойдем в гостиную. Позвонишь в ресторан, я выберу фильм, а потом переночую у тебя.

Холли остановилась на «Красотке», потому что фильм был легким и хорошо кончался.

– Не могу я родить этого ребенка, – прошептала Кейт с дивана, и к тому времени, как Холли вставила кассету и обернулась, она уже спала.

– Пойдем, Макс, – позвала Холли. – Не знаю, как насчет тебя, а мне требуется что-то покрепче кофе. Сделаем набег на винный погреб!

И с этими словами она вернулась на кухню, но не успела добраться до полочки с напитками, как кто-то громко постучал в дверь. Холли от неожиданности подскочила, но, надеясь, что это Эван, возможно,

приползший сюда на коленях, открыла дверь. И удивленно отступила. На пороге стоял мрачный седовласый мужчина лет шестидесяти в облачении католического священника: черный костюм и белый воротничок.

– Господи! – взорвалась она, когда первоначальный шок сменился раздражением. – Что это с вами, праведниками? Или вы в каждой бочке затычки и подключены к каждой акушерке в этом городе? Убирайтесь! Она сама способна решить за себя!

– Вы, должно быть, Холли, – кивнул священник, слегка улыбаясь.

– И нечего меня пугать! Оставьте свои брошюры на крыльце, и, обещаю, она их получит, – буркнула Холли, пытаясь закрыть дверь. Но он взялся за дверную ручку.

– Я отец Донован, дядя Кейт. Вчера она приходила ко мне, но меня не было дома. Моя экономка сказала, что Кейт выглядела расстроенной. На мои звонки она не отвечает. А теперь могу я войти?

Пристыженная, но полная решимости Холли отступила, открыла дверь и прошептала:

– Кейт сейчас спит, и, кроме того, ей сильно нездоровится. Я не хочу ее будить. Если желаете подождать, пройдите на кухню.

Священник молча последовал за ней.

Холли закрыла кухонную дверь и тихо спросила:

– Хотите кофе?

– Нет, спасибо. Насколько я понял, Кейт беременна?

Бунтарка по натуре, Холли питала мало уважения к религии и еще меньше – к ее служителям.

– Вам придется обсуждать это с ней, отец Донован, – объявила она, не давая себя запугать. Полочка с винами находилась в углу комнаты, и она, бесцеремонно вытащив бутылку красного вина, принялась ее открывать. При этом Холли пыталась вспомнить, кто не одобряет алкоголя – католики или баптисты. – Мне сейчас очень грустно из-за Кейт. Вот я и собираюсь утопить свою печаль в большом стакане вина, – предупредила она. – Надеюсь, вы не возражаете.

Судя по тону, даже посторонний мог заключить, что ей в высшей степени плевать на все возражения.

– Собираетесь выпить всю бутылку сами?

– Возможно. А что?

Не дождавшись ответа, она обернулась и неожиданно обнаружила, что смотрит прямо в глаза, такие же зеленые, как у Кейт, но исполненные веселого любопытства.

– Если не осилите всю бутылку, – пояснил он, – я бы мог разделить ее

с вами. Выпьем по стаканчику, пока Кейт не проснулась.

– Разумеется, – пробормотала Холли, смущенная собственной грубостью. Как можно быть такой невежливой! – Но я все равно не собираюсь рассказывать вам о... маленькой проблеме Кейт. Если она хочет исповедаться перед священником, это ее дело.

– Я здесь не как ее духовник, – заметил он, – а как родной дядя.

– Вы священник. И обязательно станете твердить, что она обязана сохранить... младенца от этого ублюдка, – упрямо буркнула Холли, разливая вино по стаканам. Втайне она ожидала, что отец Донован станет возражать. – Именно это и собираетесь сделать, верно? – с горечью продолжала она, протягивая ему стакан и садясь напротив.

– Полагаю, Кейт приходила сегодня ко мне сообщить, что беременна. И значит, она уже знала, что именно я собираюсь ей сказать, а это, в свою очередь, заставляет меня задаться вопросом: что она хочет услышать? Удивительно другое: как она могла полюбить человека, которого вы считаете ублюдком? Обычно она прекрасно разбиралась в людях.

Холли пригубила вина и вздохнула:

– Только не на этот раз.

Отец Донован, в свою очередь, приложился к стакану.

– Должно быть, он все же обладал некоторыми привлекательными качествами, иначе она вряд ли поддалась бы на удочку.

– Он бессердечная свинья, – рассерженно объявила Холли, глотнув вина. – Но бессердечная свинья с невероятным обаянием и соответствующей внешностью.

– Ясно. Бедняжка Кейт. Она встречалась с этим молодым человеком четыре года. Насколько я понял, та бессердечная свинья, о которой мы говорим, – это не он?

– Нет. Но эта бессердечная свинья сегодня разорвала их помолвку и вышвырнула Кейт из своего офиса. С той бессердечной свиньей, которая ее обрюхатила, она познакомилась несколько недель назад на Ангилье. И не просите меня рассказать больше.

– Не попрошу.

Холли долго молчала, прежде чем поднять взгляд на человека с глазами Кейт.

– Поверить не могу! На что он пошел, лишь бы насолить Эвану... – измученно выдавила она.

– Эван – та бессердечная свинья, что бросил ее сегодня?

– Да. А Митчел Уайатт – тот, кто использовал ее и разбил сердце. Я пыталась вдолбить ей в голову, как следует обращаться с ним, когда им

предстояло встретиться... а он... он мимоходом разбил ей сердце еще раз. И на этом конец.

– Но вы желали ей добра. Тут нет вашей вины.

Холли растерянно прикусила губу.

– О нет, отчасти тут есть и моя вина, иначе она вообще не связалась бы с ним. Эван повез ее на Ангилью и оставил в одиночестве, а я посоветовала ей завести интрижку, что она и сделала.

– А я уверен, что это был выбор Кейт, – возразил отец Донован.

– Вот уж нет! – рассерженно бросила Холли. – Она встретила Митчела Уайатта в ресторане и случайно плеснула ему на рубашку «Кровавой Мэри». Потом оказалось, он знал, что она подружка Эвана, но притворился, будто ему ничего не известно...

– Какая печальная история, – искренне вздохнул отец Донован час спустя, после того как Холли, не выдержав, выложила ему все до мельчайших подробностей, закончив рассказом о столкновении Кейт с Уайаттом на благотворительном вечере в пользу детской больницы.

На столе между ними стояла уже вторая бутылка вина вместе с бумажной коробкой, из которой Холли время от времени вытягивала салфетку, чтобы промокнуть глаза.

– Так бы и придушила голыми руками! – яростно прошипела она.

– Я тоже! – объявил отец Донован.

Холли с искренним уважением уставилась на него:

– Правда?

– Это всего лишь оборот речи.

– Но что теперь делать? – спросила она, беспомощно протягивая ему руки. – Ей нужно управлять огромным рестораном, а рядом нет никого, кто бы о ней позаботился.

Отец Донован изумленно вскинул брови.

– У нее есть вы, Холли, – улыбнулся он. – Вы – человек храбрый, верный и сильный. И у нее есть я. Мы поможем ей пройти через это. А когда все будет сделано и сказано, у нее появится ребенок, которому она отдаст любовь и который отдаст свою любовь ей. А мы будем делить эту любовь с ней.

В дверях появилась сонная Кейт и, переведя взгляд с Холли на дядю, радостно улыбнулась:

– Привет, дядя Джейми.

Священник встал и, раскинув руки, нежно ответил:

– Здравствуй, Мэри Кейт!

Кейт бросилась в знакомые объятия.

Глава 40

В теплое июньское утро Кейт, находившаяся уже на четвертом месяце беременности, спешила на работу. Оказавшись под декоративными темно-красными маркизами витрин «Донована», она вдруг поймала в стекле собственное отражение и с мрачным интересом принялась на ходу изучать свой разительно изменившийся силуэт. Голова опущена, плечи сгорблены, словно ей приходилось прокладывать дорогу через спешившую на обед толпу. Волосы превратились в массу непокорных локонов, стянутых в хвост, потому что так меньше возни... и живот уже был заметен. Сын Митчела Уайатта объявлял о своем присутствии.

И словно всего этого было недостаточно – обнаружилось, что стекло, очевидно, давненько не мыли.

Она открыла тяжелую, обитую медью дубовую дверь, поискала взглядом метрдотеля, оценила общую обстановку и встревоженно посмотрела на часы. Одиннадцать пятнадцать. Четверть часа до того, как ресторан открывался на ленч. К этому времени столы давно должны быть накрыты белоснежными скатертями, на которых возвышались сверкающий хрусталь, фарфоровые блюда с золотой буквой «Д» в центре и изящные медные лампы. Проходя по залу в комнату для отдыха, Кейт насчитала десять столиков, которые еще не были накрыты, и заметила, что цветной темно-красный ковер не позаботились пропылесосить.

Вестибюль был отделен от столовой резной перегородкой красного дерева с панелями-витражами. Он занимал весь правый угол здания. Прикрытые жалюзи окна, по переднему фасаду и боковой стороне, выходили на улицу. Днем жалюзи оставляли открытыми, чтобы посетители могли любоваться уличными сценами. Когда же темнело, жалюзи закрывали, и ресторан превращался в уютное убежище, где рядом с небольшой танцевальной площадкой играл джазовый квартет.

Остальные две стены были заняты баром, стойкой в форме буквы «L», точной копией старой стойки, с темно-зелеными мраморными столешницами, медными подставками для ног и деревянным резным балдахином над табуретами, обтянутыми темно-красной кожей.

Косоугольного зеркала на двух задних стенках было почти не видно за ярусами хрустальных бокалов и знаменитой коллекцией спиртного, собранной со всего мира.

Прежний ирландский паб юности Кейт занимал примерно половину

площади нынешнего вестибюля. Обычно при виде помещения ее охватывала ностальгия. Сейчас же она не испытала ничего, кроме раздражения, особенно когда узрела Фрэнка О'Халлорана, бегавшего с одного конца стойки на другой и расставлявшего блюдца с орехами и вазы с фруктами.

Обычно по будням бар обслуживали два бармена. По вечерам с понедельника по среду их количество увеличивалось до трех, а с четверга по субботу – до четырех.

– Привет, Фрэнк, – окликнула Кейт лысеющего бармена, который проработал в ресторане двадцать лет. – Кто сегодня в паре с тобой?

– Джимми, – безразлично буркнул он.

– Я думала, Джимми работает в вечернюю смену.

– Он поменялся с Питом Феллоузом.

– В таком случае где же Джимми?

– Не знаю, Мэри Кейт.

Распределение по сменам было обязанностью Луиса Келларда, как управляющего рестораном.

– Полагаю, Луис позаботится прислать тебе помощника, – бросила Кейт, поворачиваясь, чтобы уйти.

– Мэри Кейт, мне нужно кое-что тебе сказать.

Кейт снова повернулась. От его тона ей вдруг стало не по себе.

– Что? – тихо спросила она, подходя к нему. У бедняги на лбу от усилий даже пот выступил.

– Я увольняюсь.

Кейт тихо охнула при мысли о том, что еще одно знакомое лицо навсегда исчезнет из ее жизни.

– Ты заболел, Фрэнк?

Бармен вскинул голову и посмотрел ей прямо в глаза:

– Болен. Меня тошнит каждый раз, когда вижу, как это место с каждым днем все больше приходит в запустение. Я столько лет гордился тем, что работал у Донована. Стоит посетителю прийти сюда несколько раз, как я стараюсь запомнить его имя и какую выпивку он предпочитает. Твой па, упокой, Господи, его душу, был точно таким же во всем, что касалось его постоянных клиентов.

– Знаю, – прошептала Кейт, сжимаясь от завуалированного намека на ее некомпетентность.

– «Донован» всегда был особым местом. Даже когда твой па решил сделать его рестораном высшего класса, все равно сумел сохранить уют и тепло. Придал свой, только ему присущий стиль, и именно это влекло сюда

людей. Хочу быть честным с тобой, Мэри Кейт, и высказать все, что думают те, кто проработал здесь несколько лет. У тебя нет отцовского таланта. Мы думали иначе, но оказалось, что ошиблись.

Кейт изо всех сил старалась не разрыдаться.

– Я провожу здесь не меньше времени, чем когда-то отец, – возразила она.

– Да. Вот только душу не вкладываешь. Если бы твой отец увидел меня одного за стойкой! Уж он не стал бы пожимать плечами и отсылать меня к Луису! Из кожи вон вылез бы, но прислал бы мне помощника, а заодно поинтересовался бы, почему Луис с самого начала об этом не позаботился!

Несмотря на все старания, слезы обожгли глаза Кейт, угрожая перелиться через край, и она, поспешно отвернувшись, направилась в обеденный зал.

– Скажи Марджори, чтобы при увольнении выдала тебе жалованье за два месяца вперед, – пробормотала она, имея в виду доверенного бухгалтера, работавшую на отца более десяти лет.

– Это ты ей скажи, Мэри Кейт Донован! – злобно заорал ирландец потрясенной девушке. – Это твоя работа. Ты – босс! Не я и не Марджори!

Кейт молча кивнула, пытаясь дышать ровно и медленно, чтобы не пришлось бежать в ванную и там корчиться в приступе рвоты.

– И еще одно! – продолжал кричать Фрэнк. – Почему ты позволяешь мне разговаривать в таком тоне? Твой па никогда бы такого не спустил.

– Иди к дьяволу, – прошептала Кейт.

– Я еще не закончил! – настаивал он.

Кейт, сжав кулаки, повернулась и увидела, что он, красный от гнева, перегнулся через стойку.

– Что стряслось с твоими глазами, если ты не замечаешь, что лимоны и лаймы, которые я ставлю на стол, несвежие? Почему не мчишься на кухню, чтобы допытаться, кто и какого черта позволяет компании поставлять нам такое дерьмо?

Кейт стойко промолчала. Но все же увидела, что метрдотеля Кевина Сандовски по-прежнему не было на месте в одиннадцать двадцать пять, когда она проходила мимо его стола. На кухне она нашла его, Луиса Келларда и нескольких официантов, которые должны были заниматься последними приготовлениями в обеденном зале, а вместо этого перешучивались с кухонными работниками.

– Что здесь происходит? – осведомилась она, как ей казалось, строгим, неодобрительным тоном.

Сандовски сполз с табурета, но ей показалось, что он выразительно закатил глаза, так чтобы видели официанты. Луис Келлард посмотрел на ее выпирающий живот и сочувственно улыбнулся:

– Кейт, у меня двое детей, и я знаю, каково приходится беременной женщине. Знаю, как трудно морально и физически выносить такое состояние и одновременно справляться с работой. Не стоит зря расстраиваться. Постарайтесь не обращать внимания на пустяки.

– Я не расстраиваюсь, – бросила Кейт, не совсем понимая, искренне он пытается ее утешить или просто хочет отделаться. – Но Фрэнк О’Халлоран сказал, что мы получаем некачественные продукты. Это правда?

– Разумеется, нет, – оскорбился Луис. – Просто у нас теперь идет меньше лимонов и лаймов, чем раньше, поэтому они лежат немного дольше.

– А почему у нас идет меньше лимонов и лаймов?

– Спросите у Марджори. У нее все цифры. Она точно знает, как идут дела. Сейчас у нас некоторое затишье. Но все не так уж страшно.

Кейт кивнула и выбралась из кухни.

– Если понадобится, я буду в кабинете.

Кабинет отца – теперь ее кабинет – находился неподалеку от главного обеденного зала и был отделен от него обшитым панелями коридором. Из него можно было попасть в кабинеты бухгалтера и управляющего. Лестница, ведущая из старого трактира в квартиру наверху, была закрыта, а новая – расположена рядом с кабинетом отца. Квартира до сих пор оставалась в прежнем виде, но отец редко бывал в ней и заходил только в плохую погоду, когда не хотел ехать домой или работал допоздна.

Марджори сидела за столом, увлеченно барабанила пальцами по клавиатуре калькулятора. Вся столешница была завалена раскрытыми бухгалтерскими книгами.

– Фрэнк О’Халлоран собирается увольняться, – сообщила Кейт. – Прошу вас выдать ему жалованье за два месяца вперед.

Седоволосая бухгалтер подняла глаза.

– И вы собираетесь позволить ему уволиться?

– Как я могу его остановить? – процедила Кейт, впиваясь ногтями в ладони.

– Не знаю. Думала, может, у вас возникнет идея?

– У меня есть одна идея.

– Какая именно?

– Не мешало бы нам поставить здесь компьютер. Эти книги так же устарели, как...

– Как я? – иронически закончила Марджори.

– Я не это хотела сказать.

– Ресторан подключен к компьютеру, – заверила Марджори, пожалев девушку. – Заказы на продукты, резервирование столиков – словом, все. Неужели не заметили?

– Конечно, заметила, – устало пробормотала Кейт, чувствуя себя совершенно измотанной, хотя пробыла здесь всего полчаса. – Я имела в виду бухгалтерские книги, которыми вы пользуетесь. Почему эта информация не занесена в компьютер?

– Занесена. Просто ваш отец любил отслеживать все, пользуясь теми же методами, что и всегда. Поэтому я переношу кое-какую информацию из компьютера в книги.

Она терпеливо ждала, что скажет Кейт, но та молчала. Марджори снова взялась за калькулятор.

– Кейт, – мимоходом бросила она, – мне кажется, вы не созданы для этого бизнеса. Вам нужно подумать о продаже ресторана.

Раненная в самое сердце, Кейт снова промолчала и вышла, окончательно потеряв веру в себя. Несколько месяцев назад, до появления Митчела Уайатта, она была настолько уверена в своих силах, что легко смогла бы справиться с Луисом, Фрэнком и Марджори. Но не теперь. Теперь она не только потеряла веру в себя. Хуже то, что и окружающие тоже в нее не верили.

Благодаря Митчелу и беременности она превратилась в измученную массу обнаженных эмоций. Настроение менялось каждую секунду, но чаще всего ей хотелось плакать. Беда в том, что она не могла спокойно подумать о ребенке, которого носила, без того, чтобы не вспомнить, какой была доверчивой душой, поддавшись чарам его отца. Все это время она пыталась почувствовать нечто вроде родственной связи с малышом. Но этого так и не случилось, и она начала бояться, что ненависть к Митчелу мешает ей полюбить ребенка.

Кейт села за отцовский стол и попыталась смириться с тем очевидным фактом, что дела пойдут еще хуже. Если, конечно, она не найдет какой-то выход из положения и не смиритсся с тем, что сделал Митчел. Как только это у нее получится, она сможет оставить позади все обиды и горести и смело смотреть в будущее.

Но для того чтобы простить и забыть, она сначала должна понять ход его мыслей. Понять, почему случившееся с ним в детстве сделало его таким мстительным и жестоким.

Кейт подперла рукой подбородок, размышляя, как бы получить

необходимые ответы.

Ни Кэролайн, ни Сесил Уайатт не захотят говорить с ней за его спиной. Мэтью Фаррел и Мередит Бэнкрофт знали Митчела, но Мередит стала свидетельницей их ссоры на благотворительном вечере. А потом смотрела сквозь Кейт, словно той вообще не существовало. Правда, Эван еще на Ангилье рассказал о детстве Митчела немало того, что привело Кейт в ужас, но вряд ли Эван захочет видеть ее теперь...

И тут Кейт мысленно увидела, как Грей Эллиот снимает какие-то папки с высокой стопки на столе и несет к журнальному столику, где сидели она и Холли. В этих папках лежали фотографии... но, кроме них, на столе было еще много всего...

Внезапно ощутив новый прилив сил и оптимизма, она потянулась к телефонному справочнику.

Пришлось довольно долго ждать, прежде чем Грей Эллиот поднял трубку.

– Мисс Донован? – переспросил он деловито, но с некоторым любопытством. – Секретарь сказал, что вы хотите поговорить со мной по неотложному делу.

– Да, – решительно ответила Кейт, – но только лично.

– Но у меня полно...

– Я отниму у вас всего несколько минут. Это срочно и... очень важно.

Грей поколебался, и Кейт почти видела, как он смотрит на календарь.

– Не сможете приехать завтра, в четверть первого? Поговорим, я еще успею на ленч.

– Конечно, смогу, – обрадовалась Кейт. – Спасибо.

Глава 41

– Мистер Эллиот сейчас примет вас, мисс Донован, – сказала секретарь.

Кейт встала и последовала за ней в кабинет. Вчера она выглядела сущим чучелом, но сегодня уделила всяческое внимание своей внешности, стараясь произвести впечатление элегантной женственности, которое, как она отчаянно надеялась, поможет забыть последнюю неприятную встречу с прокурором штата. Бирюзовый сарафан без рукавов с завышенной талией скрывал набухший живот и выгодно оттенял пестрый геометрический рисунок ее летней полотняной сумки в бирюзовых, сиреневых и белых тонах. Длина немного выше колена придавала сарафану определенный стиль, а высокие каблуки босоножек подчеркивали красоту ног.

В тон скроенному по моде шестидесятых сарафану была и прическа. Кейт выпрямила волосы, заложила за уши и скрепила на макушке заколкой из черепахового панциря.

Завидя ее, Грей вежливо поднялся, и судя по его короткой растерянной улыбке, она определенно выглядела лучше, чем во время их последней встречи. Этого крошечного успеха оказалось достаточно, чтобы впервые за несколько месяцев поднять ей настроение.

– Давайте сядем там, мисс Донован, – предложил он, обходя стол и показывая на диван со стульями, где она и Холли сидели раньше.

Кейт раздвинула губы в ослепительной улыбке:

– Пожалуйста, просто Кейт!

– Хорошо... Кейт, – повторил он, бросив на нее подозрительный взгляд.

И поскольку он уже заподозрил неладное, Кейт решила быть полностью откровенной и ошеломить его своей честностью.

– Я надеялась, что если мы будем менее официальны, – призналась она, продолжая очаровательно улыбаться, – вы будете более склонны сделать мне одолжение, о котором я пришла просить. Но для меня это крайне важно, мистер Эллиот.

– Пожалуйста, зовите меня Греем, – вежливо попросил он, поскольку она не оставила ему выбора, разрешив звать себя по имени.

Подойдя к журнальному столику, Кейт намеренно села на стул, поскольку не хотела утопать в мягких подушках дивана и тем самым казаться ниже ростом и более хрупкой, чем на самом деле. Очевидно, Грей

Эллиот разгадал ее маневр, поскольку, вместо того чтобы опуститься на диван, сел на стул, на другом конце столика.

– Что будете пить? – спросил он.

– Спасибо, ничего, – покачала головой Кейт, после чего кокетливо скрестила ноги и, украдкой наблюдая за ним, подалась вперед, чтобы поставить сумку на диван. Он взглянул на ее ноги и отвел глаза. Он не хотел смотреть, но, очевидно, был равнодушен к женским ножкам, грустно подумала она, неожиданно представив Митчела, стоявшего на лоджии. Ее словно в сердце ударили, а короткий духовный подъем мгновенно увял.

«– Улыбаешься, потому, что я выгляжу неотразимой, или потому, что с моим платьем что-то не так?

– Я улыбаюсь потому, что только сейчас понял, какие у тебя шикарные ноги. Никогда их раньше не видел...

– Но они обе имелись при мне и раньше. Собственно говоря, я отчетливо припоминаю, что они были привинчены ко мне, когда мы лежали в постели...»

Она так углубилась в невеселые мысли, не замечая, что рука по-прежнему лежит на стуле, а взгляд устремлен на спинку дивана, что вздрогнула, когда Грей Эллиот спросил:

– Кейт, вы хорошо себя чувствуете?

– О да, прекрасно, – поспешно солгала Кейт.

Грей кивнул и перешел к делу:

– Чем я могу помочь?

Кейт нервно облизнула губы и глубоко вздохнула:

– Когда я в последний раз была здесь, у вас на столе громоздилась гора папок. В тех, что вы сняли сверху, были фото – мои с Митчелом Уайаттом. Я верно предположила, что в этих папках было досье на него?

Грей нахмурился. В больших серых глазах светилась настороженность.

– Почему вы спрашиваете?

– Но вы вели расследование? – спокойно, но упрямо допытывалась Кейт. Грей продолжал молчать, и поэтому она ответила за него: – Разумеется, вы за ним следили. Не потратили же вы кучу денег налогоплательщиков, посылая детективов на Карибские острова, только затем, чтобы сделать непристойные фотографии в доказательство, что он соблазнил меня... и кого бы там ни было еще, кроме меня, – добавила она, словно что-то вспомнив.

– Если, придя сюда, вы желаете выяснить именно это, могу охотно признать, что вы – единственная, кем он заинтересовался, находясь на

Ангилье.

– Как мне повезло, – иронически бросила Кейт. Но тут же тряхнула головой, запрещая себе выказывать любые чувства, особенно горечь. – Честно говоря, он и мной не слишком интересовался...

Она искренне попыталась сказать правду, но недоверчивая улыбка Грея остановила ее на полуслове.

– Но эти снимки говорят обратное. Я бы сказал, что он полностью поглощен вами, – возразил Эллиот.

– Вернее, хотел, чтобы я так считала. Впрочем, это не важно. Я отвлекаюсь от темы, – пробормотала Кейт и решила отказаться от тщательно составленного плана и сразу перейти к тому, что считала важным: – Мне нужно кое-что у вас спросить, но прежде скажите, готовы ли вы дать слово, что сказанное в этой комнате не выйдет за ее пределы?

– Это зависит от того, имеет ли предмет разговора какое-то отношение к криминалу, – полушутя ответил он, что ужасно рассмешило Кейт. На этот раз ее улыбка была теплой и искренней.

– Если доверчивость и просчет в оценке ситуации можно назвать преступлениями, я согласна, доставайте наручники.

Он вернул ей улыбку и, откинувшись на спинку стула, приготовился слушать.

– Даю вам слово, что разговор останется только между нами.

– Спасибо. Мне нужна информация о Митчеле Уайатте из ваших досье, но как подозреваемый в убийстве он меня не интересует.

– Что же является предметом вашего любопытства?

– Я не любопытна, – коротко пояснила Кейт. – Я беременна.

Эти два слова разорвались в тишине комнаты словно бомба, посылая во все стороны ударные волны. Грей долго ошеломленно молчал, прежде чем пробормотать:

– Вам скорее всего удастся его разыскать, если долго шарить в Интернете. Впрочем, я готов дать его адреса.

– Не собираюсь я его разыскивать, – заверила Кейт, и второй раз за несколько минут Грей Эллиот лишился дара речи.

– Но почему? Он вправе знать о ребенке и, кроме того, имеет финансовые обязательства перед ним и вами.

– Поверьте, он вряд ли захочет воспользоваться правами на ребенка. Когда первая жена захотела иметь детей, он из-за этого с ней развелся. Насколько я понимаю, он не собирается выполнять обязательства и перед этим малышом. Так получилось, что я, сама того не зная, занималась с ним незащищенным сексом. И это я предпочла не прерывать беременность.

Ответственность за ребенка лежит исключительно на мне, но я ничего не имею против.

Он долго, пристально изучал Кейт, словно ход ее мыслей был слишком необычен и, следовательно, не достоин доверия.

– Что вы хотите обнаружить в нашем досье?

– Эван немного рассказывал мне о детстве Митчела и о том, что с ним сделали Уайатты. Вы что-то знаете об этом?

– Собственно говоря, все.

– И вам также известно, что отец Эвана задумал и провел в жизнь дьявольский план?

Грей, к ее удивлению, кивнул.

– В таком случае вы поверите, что Митчел задумал и поставил весь спектакль обольщения, чтобы отомстить Бартлеттам. Встретив его на Ангилье, я понятия не имела, что он вообще бывал в Чикаго, не говоря уже о том, что знает Генри и Эвана. Уайатту с самого начала было ясно, кто я, и, услышав, что Эвана со мной нет, он из кожи вон вылез, чтобы затащить меня в постель.

Она немного подождала, пока до Грея полностью дойдет сказанное, прежде чем с грустным смехом добавить:

– Только месть получилась более жестокой, чем он рассчитывал. Мы с Эваном разошлись, и я беременна от Митчела.

– Но чем могут вам помочь собранные материалы?

– Мне нужно побольше узнать о нем, чтобы понять, почему он пошел на такую подлость. И если мне это удастся, надеюсь, я смогу его простить и полюбить своего ребенка. Понимаете, я не могу думать об этом бедняжке, не испытав нового прилива ненависти к его отцу и к себе за то, что оказалась такой дурой.

Грей Эллиот внимательно рассматривал потолок, и Кейт затаила дыхание.

Наконец он посмотрел ей в глаза:

– Уильям Уайатт потратил целое состояние на частных детективов, потому что хотел узнать все, что возможно, о младшем брате, которого убрали с глаз долой, отослав в Европу и предоставив самостоятельно пробивать себе дорогу. Кэролайн Уайатт отдала нам это досье, посчитав, что оно поможет в наших расследованиях.

Поднявшись, Грей подошел к встроенному деревянному шкафу, откуда вытащил толстую папку.

– Формально, – объявил он, выкладывая досье на стол для совещаний, – эти документы не зарегистрированы и не имеют отношения к

нашим материалам, так что я не обязан соблюдать конфиденциальность. И не вижу причин, почему бы вам не посидеть одной и не просмотреть папку, пока я буду обедать.

Любая эмоция, даже облегчение, легко вызывала слезы на глазах у Кейт. Смахнув с ресниц непрошеную влагу, она улыбнулась и встала.

– Спасибо вам, – тихо прошептала она.

Грей вздрогнул, как от озноба, и, вернувшись к шкафу, достал охапку папок потоньше, которые выложил рядом с первой.

– А вот это строго секретно, – добавил он с многозначительной улыбкой. – Я вернусь через час.

– Мисс Донован все еще в кабинете, – сообщила секретарь.

Грей кивнул, открыл дверь и заглянул в комнату. Кейт была так погружена в чтение, что даже не заметила его возвращения. Когда он уселся за письменный стол, кресло скрипнуло, и она растерянно уставилась на хозяина кабинета.

– Через двадцать минут у меня совещание, ну а пока время еще есть, мисс Донован.

– Спасибо, – кивнула она и немедленно углубилась в чтение.

Грей подвинул к себе блокнот и стал набрасывать повестку совещания, то и дело поглядывая в сторону Кейт. Через десять минут он сдался, отложил ручку и стал открыто за ней наблюдать. Она все еще дочитывала документы из темно-синей папки Уильяма, в которой содержались сведения о первых двадцати годах жизни Митчела. Ничего значительного: школьные табели, письма и характеристики тех учителей, которые его помнили и все еще работали в тех пансионах, где он учился, копии страниц из школьных журналов, где упоминалось его имя.

И все же она явно нашла нечто важное для себя, потому что временами улыбалась или хмурилась, а минуту назад он отчетливо видел, как она почти нежно коснулась кончиками пальцев газетной фотографии Митчела.

Он невольно залюбовался Кейт. Она сидела, склонив голову, рассыпав по плечам блестящие волосы, и казалась очень молодой, очень беззащитной и очень-очень красивой, особенно с этой ямочкой на подбородке. Странно, как это он раньше не замечал, до чего она прелестна! Впрочем, эти темно-рыжие волосы всегда казались ему неотразимыми, но он впервые рассматривал ее лицо так близко. Сочетание необыкновенных волос и прозрачно-фарфоровой кожи показалось ему ослепительным. А если прибавить к этому изумрудные глаза и пару самых стройных в мире ножек, вторую такую красавицу просто трудно сыскать!

К несчастью для нее, Митчел Уайатт тоже это заметил, как и гнусный, двуличный паразит Эван Бартлетт. Он не преминул дать знать всем в своем кругу, что именно он бросил ее и разорвал помолвку. Вот только позабыл упомянуть, что она первая наставила ему рога. Как же, такой удар по его мужскому достоинству!

Поднявшись, Грей присел на угол стола.

– Нашли что-то нужное для себя?

Она подняла голову, кивнула и широко улыбнулась:

– Он был способным спортсменом. Ему все удавалось, за что бы он ни брался. Верно?

Удивленный таким интересом к спортивным талантам Уайатта, Грей пожал плечами:

– Похоже, что да. Помню, что многие школьные газеты и журналы помещали его фотографии с кубками и наградами.

– А вы ничего больше не заметили?

– Нет. Что тут замечать?

– На этих снимках он всегда один, – дрогнувшим голосом пояснила она и в качестве доказательства пролистала несколько страниц и вынула первый попавшийся снимок. Грей оттолкнулся от письменного стола и подошел к ней посмотреть, что все это значит. На этом фото Уайатту было лет шестнадцать, и он только что получил футбольный кубок как нападающий, забивший больше всех голов в истории школы.

– Но он не один. Смотрите, по обе стороны стоят товарищи по команде, тоже получившие награды, – возразил Грей.

– Стоят, – тихо согласилась Кейт. – Но рядом со своими родителями. И то же самое на всех снимках.

Она стала медленно листать досье в обратную сторону. И наткнулась на снимок, снятый во время матча в крикет. Тут ему было лет шесть, и бита казалась для него слишком большой, но он старался так, что маленькое личико было сморщено в гармошку.

– Он целиком сосредоточен на мяче, – заметил Грей.

Она хотела что-то сказать, но, передумав, покачала головой.

– Вы читали интервью со зрителем здания пансиона во Франции, где одно время учился Митчел?

– Такие вещи меня не интересуют, – отмахнулся Грей. – А что вы там нашли?

– Месье Брике сказал, что Митчел несколько раз проводил Рождество с ним и его женой, а не с директором и его семьей. Позже он писал им, уже из другой школы, но жена месье Брике к тому времени умерла и сам он

перестал отвечать на письма, – чуть не плача, объясняла Кейт. – Знаете, почему Митчел писал письма абсолютно чужому человеку, которому был не нужен?

– Понятия не имею.

– Видите ли, во всех закрытых школах для мальчиков считается обязательным два раза в месяц писать родственникам. Ему просто больше некому было писать, – всхлипнула Кейт, но тут же с вымученной улыбкой добавила: – Знаете, после всего что я прочитала, трудно винить его за ненависть к Бартлеттам и желание отомстить. Поверьте, мне даже стало легче, оттого что я все узнала... хотя со мной поступили нечестно и непорядочно... но, может, он иначе поступить не мог, и причина была вполне достойная.

Грей грустно усмехнулся:

– Вы не прочитали самого главного. Несколько последних лет были для Уайатта сплошным триумфом. В одной из этих папок есть журнальная статья о Ставрозе Константиносе. Он назвал Уайатта своим левым кулаком.

– Своим... что?!

Перегнувшись через ее ноги, Грей порылся в папках и нашел статью, которую ранее показывал Лили Рирдон и Джеффу Сервантесу. Кейт пробежала ее глазами, и ее улыбка сразу погасла.

– Мне как-то проще видеть его мальчиком и молодым человеком, чем удачливым бизнесменом, – пробормотала она, отдавая ему статью. – И куда труднее простить удачливого умного человека, чем закрыть глаза на бессердечие мальчишки, росшего с богатенькими детишками и считавшего себя объектом благотворительности, не имеющего ни единой родной души в целом мире.

И, мимоходом подумав о том, что было бы неплохо выпросить у Эллиота фотографию Митчела, чтобы когда-нибудь показать сыну, Кейт потянулась к папке с фотографиями.

На самой первой был Митчел, в одиночестве стоявший на пристани Филипсбурга. На заднем плане краснел огромный шар заходящего солнца. Судя по дате и времени суток в правом углу снимка, он был сделан без четверти шесть вечера в тот день, когда они договорились встретиться на этой же пристани в четыре.

Дрожащей рукой Кейт подняла снимок и, не веря собственным глазам, снова проверила дату и время.

– О Господи, – прошептала она, берясь за тот снимок, что лежал ниже. Этот был сделан в пять пятнадцать в тот же день. – О Господи...

– Что вас так расстроило в этом снимке? Вас на нем нет.

– Но должна была... – пробормотала Кейт, просматривая снимок за снимком. Все лежали в хронологическом порядке, и самый первый был сделан в половине четвертого.

Сейчас Грей Эллиот сочтет ее безумной... но в этот момент Кейт было все равно. Кончиком пальца она нежно коснулась виска Митчела, словно приглаживая непокорный темный локон.

– Ты был там, – прошептала она, морщась словно от боли. – Ты ждал меня...

Ошибки быть не могло: она забеременела в предрассветные часы того дня.

Грей выпрямился, с удивлением заметив ее горящие щеки и неестественно блестящие глаза.

– Вам нехорошо? Может, принести воды?

Кейт засмеялась, но тут же заплакала.

– Вы меня пугаете, Кейт.

Она снова засмеялась и, вскочив, неистово обняла его свободной рукой. Снимки она так и не выпустила.

– Вам нечего пугаться, если только не попытаетесь вырвать у меня эти снимки, – предупредила она с сияющей улыбкой.

– Я не могу...

– Можете, и еще как! Никто не узнает. Когда-нибудь я покажу это его сыну.

Судя по виду Грея, он был готов исполнить свой долг, сражаясь до конца за вещественное доказательство. Тогда Кейт коротко объяснила, почему это так важно для нее, а когда закончила, обоим стало ясно, что прокурор штата наголову разбит.

– Позвоните, когда захотите устроить ужин, – пообещала она, – и я позабочусь, чтобы вас обслужили как короля.

– Звучит как взятка.

Но Кейт была так отчаянно счастлива, что нежно погладила руку едва знакомого человека и с улыбкой заверила:

– Не взятка, а вознаграждение!

С этими словами она подхватила сумку и направилась было к двери, но на полпути остановилась и обернулась.

– Исключительно из любопытства: куда он поехал, когда ушел с пристани?

– Прямоком в аэропорт и вылетел сюда. В тот день нашли тело его брата. Племянник позвонил Уайатту и умолял немедленно вернуться.

– Тот самый племянник, который позже признался в убийстве

Уильяма?

Грей мрачно кивнул:

– Тот самый безумный маленький подонок, которому удалось провести самого снисходительного судью в судебной системе по делам несовершеннолетних и отделаться годом лечения в психиатрической клинике, последующим курсом амбулаторной терапии и тремя годами условного срока.

Выйдя на улицу, Кейт с трудом сдержала порыв широко раскинуть руки и медленно закружиться в вальсе. Митчел ждал ее на пристани! Правда, теперь она не так наивна, как раньше, и не обманывает себя, воображая, будто он был влюблен в нее и собирался взять с собой в Чикаго.

То обстоятельство, что он все-таки пришел на пристань, не опровергает притворства, обмана и множества тайн, на которых он выстроил их отношения. Он делал вид, будто никогда не был в Чикаго, ничего не знает о Заке Бенедикте, а сам отослал ее на виллу с требованием порвать с Эваном, даже не признавшись, что с самого начала знал, кто такой Эван.

Но он вовсе не намеревался заставлять ее мчаться обратно в «Энклеив», словно нетерпеливую собачонку, только чтобы обнаружить исчезновение хозяина. Этой подлости он не совершал. Может, он и ждал ее для того, чтобы сказать: «Прости, что я использовал тебя и причинил боль – моей единственной мишенью были Бартлетты».

Но теперь уже не важно, почему и с какой целью он ее ждал. Важно, что Митчел был здесь. Холли, должно быть, права: осуществляя план мести, он все-таки не остался равнодушен к Кейт... настолько, чтобы любоваться вместе с ней восходом солнца. Правда, его поведение на благотворительном вечере решительно опровергало последнюю мысль, так что Кейт решила никогда больше не думать о той ужасной ночи.

Тоненький голосок в сердце умолял ее найти Митчела и посмотреть, нельзя ли сделать так, чтобы чувства, которые тот питал к ней, стали глубже и сильнее. Но логика твердила, что это бесполезно. Она беременна его ребенком, а Митчел не собирался стать отцом. Наверное, считал, что вид малыша воскресит беспомощность и боль собственного детства. В эту минуту Кейт вполне могла бы своими руками прикончить Генри и Эвана Бартлеттов, Сесила Уайатта и всех, кто подверг красивого черноволосого синеглазого мальчишку бессмысленному унижению и одиночеству с самых ранних лет.

Кейт взяла такси, скользнула на заднее сиденье и попросила водителя отвезти ее в ресторан. Когда она попыталась назвать адрес, тот отмахнулся

и небрежно бросил:

– Все в Чикаго знают, где это.

Кейт посчитала это преувеличением, но спорить не стала. Обхватив руками живот, словно защищая свое дитя, которое еще час назад не хотела принимать, она прошептала:

– Дэниел Патрик Донован, нам пора ехать управлять рестораном.

Такси остановилось перед «Донованом». Кейт вышла и энергичным шагом направилась к дверям, но приостановилась и решила, что Дэниел Митчел Донован – идеальное имя для ее будущего сына.

Глава 42

Кейт остановила машину на парковке ресторана за десять минут до открытия, но ни одного из служащих не было на месте, хотя обычно им полагалось стоять на парковке в одиннадцать двадцать.

Она оставила Дэнни и его няню у ресторана ровно в девять, а сама поехала к зубному врачу. Теперь ей хотелось поцеловать сына, прежде чем Молли поведет его в парк, что делала каждый день примерно в это время.

Дэнни в свои год и десять месяцев был совершенным непоседой, озорником, обожавшим качели, санки и прыгунки. В прошлое воскресенье, чудесным сентябрьским днем, Кейт повела его в тот парк, что у их дома, и сделала несколько изумительных снимков, на которых сын пускал кораблик в большом фонтане на фоне залитых солнцем деревьев.

В тот день люди то и дело останавливались, любуясь ребенком, что, впрочем, было совершенно обычным явлением. Дэнни уродился копией отца: те же густые темные волосы и кобальтовые глаза в обрамлении черных ресниц. Он даже унаследовал его ленивую улыбку и бесконечное обаяние. И, как Митчел, магнитом притягивал женщин, завоевывая их сердца всего одной победной усмешкой. И они – от старушек и подростков до милой двухлетней малышки с юга по имени Капертон Бейрн – безропотно падали к его ногам. От Кейт он взял только волнистые, хотя не такие кудрявые, как у нее, волосы.

Для своего возраста он был на редкость высок, прекрасно держался и рос так быстро, что Кейт иногда хотелось остановить время, отсчитывавшее минуты и дни его детства. Кроме того, он был чрезвычайно способным ребенком (что неудивительно) и без труда подхватывал и повторял слова и фразы на разных языках, услышанные от служащих ресторана, принадлежавших к разным культурам и национальностям. Недавно он умудрился подхватить красочное польское ругательство, после чего Кейт решила, что ему лучше оставаться наверху вместе с Молли в расширенной и отремонтированной квартире. Теперь она могла несколько раз в день забегать к сыну во время работы.

Гадая, куда девались служащие парковки, Кейт подумала, что лучше свернуть за угол и самой оставить машину на стоянке, но потом рискнула остановить машину здесь, пока не найдет служащего, который ее припаркует. Она уже почти подошла к двери, когда Хэнк, продавец углового газетного киоска, громко крикнул:

– Поздравляю, мисс Донован!

Озадаченная Кейт помахала ему, но не замедлила шаг.

Открыв тяжелую входную дверь, она вошла и... и не увидела ни единой души. Обеденные залы были накрыты к ленчу, все идеально, все в порядке, если не считать того, что ни метрдотеля, ни официантов, ни рассыльных, ни служащих парковки не было на месте.

Удивленная и сбита с толку, Кейт направилась к кухне, пролетела через раскачивающиеся двери, рядом с которыми повара обычно развешивали листочки с наименованиями фирменных блюд дня, чтобы облегчить работу официантов. Сегодня вместо списка блюд там красовалась одна строчка:

Кейт Донован – ресторатор года

Кейт выхватила Дэнни из рук Молли и оглядела море улыбающихся лиц:

– Что все это значит?

Фрэнк О’Халлоран широко улыбнулся Марджори, а потом и остальным служащим.

– Она еще не видела, – пояснил он, и все разразились смехом.

– Чего не видела? – недоумевала Кейт.

Дру Гаретти, управляющий, два года назад сменивший Луиса Келларда, протянул ей утренний выпуск «Чикаго трибюн». Статья занимала целую страницу, а заголовок гласил:

КЕЙТ ДОНОВАН, ЧИКАГСКИЙ РЕСТОРАТОР ГОДА!

Согласно статье, Кейт была удостоена этого титула отчасти благодаря прекрасной еде и безупречному обслуживанию в «Доноване», а отчасти программе, по которой шеф-повар и его помощники четыре раза в год менялись местами со своими коллегами из других столь же знаменитых ресторанов по всей стране. Это давало посетителям возможность наслаждаться меню других известных заведений.

В газете было напечатано несколько снимков Кейт, в том числе тот, где она стояла рядом с губернатором Иллинойса, и еще один, на кухне. Рядом на высоком стульчике важно восседал Дэнни. Подпись под снимком гласила:

«Кейт Донован управляет рестораном, пока ее сын Дэниел смотрит и учится с высоты своего положения».

Кейт пробежала глазами статью, оглядела свой штат и высказала именно то, что сейчас было у нее на душе. Потому что награду заслужила не она одна.

– Не знаю, как и благодарить вас за это! – просто воскликнула она.

Дру посмотрел на часы.

– Через две минуты открываемся! – предупредил он и, проходя мимо, потрепал Кейт по плечу: – Ты самая лучшая.

Кейт обняла сына:

– Слышишь, Дэнни? Мы с тобой лучшие.

Малыш запечатлел мокрый поцелуй на ее щеке и объявил:

– Мамочка, мы с Молли идем в парк.

Кейт опустила его на пол, и Дэнни сразу же ухватился за руку Молли. Он обожал няню, которая появилась в их доме со дня его рождения. А пожилая ирландка любила его, как собственного внука.

– И никакого флирта с Капертон, – шутливо остерегла Кейт, провожая их до двери.

– В приемной ждет Билли Уайатт, – сообщила секретарь Эвана, когда тот прошел мимо ее письменного стола с портфелем и газетой в руках. – Сидит с десяти часов и требует встречи с вами.

– Принесите мне стакан воды, пошлите кого-нибудь за банкой «Доктор Пеппер» и впустите его, – коротко бросил Эван, прежде чем швырнуть на стол газету и выгрузить из портфеля гору документов, над которыми работал ночью.

Появилась секретарь со стаканом ледяной минеральной воды, и Эван уселся за стол, после чего развернул «Трибюн» и еще раз прочитал статью об очередных успехах Кейт. Она была тем шипом в боку, от которого он так и не смог избавиться. Все знали, что они были помолвлены, и каждый раз, когда люди начинали потихоньку забывать Кейт, она снова появлялась, как звезда на небе, в очередной чертовой местной газетной или журнальной статье.

Если верить этой писанине, регулярными посетителями ресторана были мэр города и прокурор штата. Несколько недель после появления такой статьи Эван не мог показаться ни в суде, ни в одном месте, где собирались адвокаты, без того чтобы его не начинали немилосердно изводить, уверяя, что не будь он так недалёковиден и слеп, сейчас мог бы сделать блестящую политическую карьеру. Кое-кто даже не стеснялся вслух жалеть человека, упустившего такую завидную невесту.

Сегодняшняя статья, как и предыдущие, на все лады превозносила ее,

но в отличие от других в ней были помещены прекрасные цветные снимки Кейт и маленького ублюдка Уайатта на кухне. Он второй раз видел эти снимки. Просто не мог не смотреть на них снова и снова. Маленький сукин сын как две капли воды походил на отца, и это бесило Эвана еще больше.

– Привет, Эван. Спасибо, что уделили мне время.

Эван, брезгливо отбросив газету, встал и пожал руку Билли. В свои семнадцать он казался настоящим красавцем, чуть полноватым, как отец, но далеко не таким симпатичным. Эвану в его присутствии всегда становилось не по себе.

Психиатры и судьи с небольшой помощью лучших защитников, выбранных фирмой Эвана, пришли к соглашению, что психический срыв в тот день был вызван лекарством, которым врачи лечили Билли от СГИДВ^[8]. Тут не было ничего необычного, поскольку имелось множество свидетельств того, что подобные средства вызывают у некоторых людей временные приступы умопомешательства. Год заключения в психиатрической больнице плюс амбулаторное лечение во время трехлетнего условного срока, вероятно, помогли Билли разрешить внутренние конфликты и научиться держать себя в руках.

– Как твоя новая подружка? – спросил Эван, пытаясь вспомнить имя девушки, которое назвал Билли во время своего последнего визита.

– Ребекка? Нормально.

– Где ты с ней познакомился?

– На групповой психотерапии. Вы, наверное, знаете Кроуэллов? Это ее родители.

Эван не знал никаких Кроуэллов, поэтому предпочел покончить с пустыми разговорами.

– Чем могу помочь? – спросил он, хотя уже подозревал причину появления Билли. Недавно скончавшийся Сесил оставил треть своего состояния благотворительным учреждениям, а вторую треть – правнуку. Эта треть должна была содержаться в трастовом фонде, пока Билли не исполнится тридцать лет, с условием, что за это время он не будет осужден за очередное преступление. Последняя треть доставалась Митчелу Уайатту, который уже потребовал от душеприказчиков создать на эти деньги Фонд Уильяма Уайатта для жертв насилия.

– Я хочу нанять вас, чтобы оспорить завещание дедушки Сесила. Митчел намеревается основать гребаный фонд на мои денежки, и я требую остановить его, пока не стало слишком поздно. Мой отец мертв, дед и прадед мертвы, и все должно принадлежать мне. Если бы па не притащил сюда Митчела, дед не выделил бы ему ни цента, а я был бы богат. Вместо

этого мне придется ждать до тридцати лет, чтобы получить жалкую часть того, что должно принадлежать мне по праву, а я такого не потерплю. Через полтора года кончается мой условный срок, и я желаю получить деньги и жить собственной жизнью!

– Билли, мы уже говорили на эту тему. Как я объяснял, завещание Сесила было составлено лучшей чикагской фирмой по наследственным делам, которую выбирала моя контора. Я сам хорошо изучил завещание, и ты никак не сможешь отнять деньги у Митчела. Понимаю, это несправедливо, но тебе придется научиться с этим жить...

– Вы не понимаете! Я ненавижу этого сукина сына! Ненавижу так, что не могу этого вынести...

– Поверь, я прекрасно тебя понимаю.

Билли презрительно усмехнулся, явно не веря, поэтому Эван молча положил перед ним «Трибюн».

– Видишь этот снимок? Это моя бывшая подруга. Она забеременела от Митчела Уайатта. Этот парнишка – его ребенок.

Билли долго изучал снимок.

– Что же получается... вот это мой кузен? – леденящим тоном осведомился он.

Глава 43

Ближайший к ресторану парк занимал целый квартал. Сквозные дорожки между деревьями вели к четырем соседним улицам. Дэнни было слишком тяжело добираться туда на своих двоих, но он всегда старался идти, пока мог, и обычно одолевал часть пути пешком, а остальную – в коляске.

– Посмотри, кто там! – воскликнула Молли, когда они приблизились к парку. – Это наша подружка Роба с воздушным шаром. Интересно, для кого этот шар?

– Для меня! – обрадовался малыш, захлопав в ладоши, и не успели они подъехать к скамье около качелей, как он спрыгнул на землю и подбежал к Робе, мирно читавшей книгу. Две недели назад, впервые придя в парк, девушка сказала Молли, что ей восемнадцать и она хочет немного отдохнуть перед колледжем.

– Привет, Дэнни! – кивнула она, делая вид, что не имеет никакого отношения к красному воздушному шару, плавающему на нитке, прикрученной к ее пальцу.

– Мой? – спросил Дэнни, показывая на шар. – Пожалуйста, – добавил он с кривой усмешкой, неизменно вызывающей ответные улыбки женщин всех возрастов. Обычно негодник таким нехитрым способом получал все, что хотел.

Роба со смехом встала, все еще держа воздушный шар, и подмигнула Молли:

– Иди за шариком Дэнни, и я покажу тебе сюрприз.

– Черепаху?! – весело предсказал Дэнни, топая за девушкой по дорожке. Молли, не выпуская его руки, толкала пустую коляску.

– Иди за шариком! – пропела Роба, не замедляя шага.

– Смотри, шарик такого же цвета, как твоя рубашка. Какого именно? – спросила Молли.

– Красного! – торжественно объявил Дэнни.

Какая-то возня в кустах слева отвлекла внимание няньки, но все, что она успела увидеть, – краешек бейсбольной биты, прежде чем она обрушилась на ее голову. Она уже не заметила, как бита снова поднялась в воздух. Не слышала, как Роба яростно кричит:

– Не смей, Билли, не смей! Ты ее убьешь! Оставь ее в покое!

Не слышала, как Дэнни с плачем зовет свою няню.

Не почувствовала, как за вырез платья сунули листок бумаги.

Две молодые матери, сидевшие у качелей, услышали шум, но увидели только ярко-красный шар, медленно поднимавшийся в небо. И разумеется, ничего не заподозрили, пока через четверть часа не увидели с трудом ковылявшую по дорожке женщину с залитым кровью лицом.

В квартале отсюда на противоположной стороне парка отдыхавший на скамье старик кормил орешками белок. По дорожке шла молодая пара, толкавшая темно-зеленую коляску, в которой сидел пытавшийся подняться малыш. Мать со смехом нажала на его плечи, заставляя сесть. Старик не увидел в этом ничего необычного и спохватился только минут двадцать спустя, когда к парку со всех сторон, ревя сиренами и слепя мигалками, стали съезжаться патрульные машины.

Грей Эллиот сидел за письменным столом в своем офисе на пятом этаже Центра Ричарда Дж. Дейли и, жуя ленч, одновременно делал наброски речи, которую собирался произнести перед комиссией по предупреждению преступлений в штате Иллинойс. Держа сандвич в одной руке, он взялся другой за телефонную трубку. Звонил начальник полицейского округа Рассел Харви.

– Грей, – начал он – мне позвонил лейтенант, который знает, что иногда мы с вами обедаем в «Доноване». Час назад сын Кейт Донован был похищен из парка рядом с рестораном. Я посчитал, что вам следует это знать.

Грей уронил сандвич и встал.

– Кто ведет дело?

– Пара довольно опытных детективов. Они сейчас едут к Кейт сообщить о похищении.

– Не могли бы вы назначить вместо них Макнила и Чилдресса? Они вот уже года два, как работают в паре, и, судя по тому, что я слышал, у них лучшая раскрываемость во всем департаменте.

– Я уже это сделал. Не собираетесь в ресторан? Я, пожалуй, заеду и заверю Кейт в нашей безусловной поддержке.

– Уже иду, – ответил Грей, натягивая пиджак. – Передам ей ваши слова.

Глава 44

– Мисс Донован, я детектив Макнил, а это детектив Чилдресс.

Кейт, работавшая за письменным столом, когда-то принадлежавшим отцу, посмотрела на мрачные лица мужчин, и медленно пробуждавшийся ужас, подобного которому она еще никогда не испытывала, поднял ее на ноги.

– Дэнни? – мгновенно угадала она самую жуткую причину их визита. – Где Дэнни? Что случилось? Где Молли?

– Дэнни похитили из парка примерно час назад.

– О Боже! Нет! Пожалуйста! Не Дэнни! Только не Дэнни! – пронзительно закричала она.

Услышав страшные крики, Марджори вскочила и бросилась в кабинет Кейт, но по дороге столкнулась с Дру Гаретти, который спешил на помощь с другого конца ресторана.

– Где Молли? – истерично допытывалась Кейт. – Она с Дэнни? Он не так испугается, если...

– Миссис Майлз сбили с ног ударом по голове, и она потеряла сознание, – пояснил детектив Макнил, – но скоро пришла в себя, сумела привлечь внимание прохожих и получить помощь. «Скорая» отвезла ее в «Паркстон дженерал» с подозрением на повреждение черепа. Однако она сумела дать точное описание молодой женщины, которая, по нашему мнению, участвовала в похищении.

Сердце Кейт разрывалось от страха, вопли рвались наружу, но она молча стояла, дрожа всем телом так сильно, что пришлось обхватить себя руками, чтобы не упасть.

– У нас есть все шансы благополучно вернуть Дэнни, – спокойно продолжал Макнил, стараясь утешить несчастную мать, – но действовать нужно быстро, и нам необходима ваша помощь.

Кейт механически кивнула. Зубы ее стучали.

– Ч-что? Что в-вам т-требуется?

– Мы собираемся объявить желтую тревогу^[9]. Для этого нам необходима одна из последних фотографий Дэнни, описание его одежды, возраст, вес и рост.

Кейт схватила со стола фотографию в рамке, протянула было Макнилу, но тут же, словно спохватившись, прижала к груди.

– Мое дитя, – сокрушенно прошептала она. – Мое дитя...

– Я принесу сверху другой снимок, – вызвалась Марджори, выбегая из комнаты.

– Пожалуйста, постарайтесь сосредоточиться, иначе мы только затянем дело, – попросил Макнил. – Нам нужен рост и вес Дэнни.

Кейт честно попыталась выполнить все, что от нее требовали, и повернулась к компьютеру, чтобы найти номер телефона педиатра Дэнни в электронной адресной книге.

– Дэнни только что прошел осмотр у педиатра, – лихорадочно болтала она, сама не зная, что говорит. – Он знает точный рост и вес Дэнни.

– Одежда! Что на нем было надето? – неожиданно спросил детектив Чилдресс, держа наготове блокнот с ручкой. Кейт оглянулась. Чилдресс был моложе Макнила и не так хорошо умел притворяться, что все будет в порядке.

– Н-на Денни была к-красная рубашка и синий джинсовый к-комбинезон...

Лицо смеющегося Дэнни внезапно всплыло перед глазами, и хрупкое подобие самообладания мигом рухнуло. Громко плача, она пыталась найти телефон педиатра.

– Не могу...

– Я сам попробую, – вызвался Дру, протискиваясь мимо детективов и обходя стол. – Как зовут врача?

Кейт кое-как сумела припомнить имя. Дру тут же нашел номер телефона, позвонил, объяснил ситуацию сестре в приемной и в две минуты выяснил все необходимое.

Мобильник Макнила зазвонил, и как раз в тот момент, когда Чилдресс записывал полученные цифры, в комнату ворвался Грей Эллиот.

– Кейт, главное – это спокойствие, – объявил он, обнимая ее трясущиеся плечи. – Все обойдется. Вашим делом занялись двое лучших детективов во всем округе, а оперативная группа уже организована. Нельзя ли нам обосноваться в помещении попросторнее?

– Наверху, – коротко обронила Кейт и стала подниматься по ступенькам в большую гостиную, где они вместе с Дэнни и Молли играли или смотрели телевизор, когда Кейт могла выкроить время.

Макнил, все еще говоря по телефону, остановился на пороге. Отключившись, он взглянул на Грея и с чем-то вроде облегчения пояснил:

– Нашли записку от похитителей с требованием выкупа. Парамедики обнаружили ее за вырезом платья Молли, когда стали раздевать беднягу. Там сказано, что сегодня в восемь они позвонят и укажут, куда привезти деньги.

Кейт рухнула на диван, почти ничего не слыша, и только смутно понимала, что внизу уже все известно и взволнованные люди толпятся в дверях.

– Похищение за выкуп обычно имеет гораздо лучший исход, чем другие виды воровства детей, – пояснил Грей. – Макнил, в записке есть какие-то особенности?

– Ничего такого, но я немедленно прикажу полицейскому отнести ее экспертам. Пока что я узнал одно: она напечатана на компьютере. На белой бумаге. Чилдресс, готовь все к желтой тревоге. А вы, Марджори, отдайте снимок детективу Чилдрессу.

Марджори протянула снимок Чилдрессу, вытерла руки о юбку и, повернувшись, направилась к кухне.

– Сейчас сварю всем кофе.

– Хорошая мысль, – кивнул Грей и обменялся многозначительным взглядом с Макнилом, который немедленно последовал за Марджори и остановил ее у кухонной двери.

По-прежнему сидевшая на диване Кейт увидела, как Марджори кивнула Макнилу, потом спросила о чем-то и в ужасе прикрыла рот рукой, словно заглушая крик.

– Что случилось? – охнула Кейт, приподнимаясь, когда Марджори побежала в спальню Дэнни.

Но Грей успел схватить ее за руку и потянуть обратно на диван.

– Нам нужен образец ДНК Дэнни с его расчески или зубной щетки.

– Зачем? – тупо спросила Кейт, окончательно потеряв способность соображать.

– После объявления желтой тревоги мы начнем получать звонки со всей страны, десятки людей будут уверять, что ребенок, соответствующий описанию Дэнни, только сейчас объявился в том или ином городе. Мы сумеем избежать ложных надежд, если разошлем ДНК Дэнни всем местным властям для сравнения.

Но Кейт сердцем чувствовала, что должна быть иная, куда более зловещая, причина, по которой им потребовался образец ДНК. Вот только мозг отказывался работать в этом жутком направлении. Следующие слова Грея отвлекли ее от всех мыслей:

– Похитители требуют десять миллионов долларов сегодня к девяти вечера.

Кейт недоверчиво уставилась на него:

– Десять миллионов? Но у меня нет таких денег! Я смогу собрать два миллиона, если только мне дадут немного времени, взять кредит и...

– Вам этого времени не дадут.

Тошнота подкатила к горлу Кейт, и она пулей ринулась в ванную.

Через несколько минут она вернулась. Грей увидел ее белое лицо и обхватившие живот руки и в панике огляделся, боясь, что она упадет. Но Кейт остановилась посреди комнаты.

– Я все жду, что Дэнни вот-вот выскочит из кухни или своей спальни, – прошептала она, не вытирая слез. – Где мое дитя? Я хочу видеть свое дитя... его улыбку... об-бежайте, что в-вернете его. Пожалуйста, дайте мне слово...

– Давайте поговорим о деньгах на выкуп.

– У меня их нет, – заплакала она. – Или вы не слышали? Откуда у меня такие деньги? Я и два миллиона вряд ли соберу, но могу попытаться.

Она с лихорадочной скоростью метнулась к телефону и схватилась за трубку.

– Сейчас позвоню банкиру...

– Не нужно, – коротко велел Грей. – Лучше позвоните отцу Дэнни.

Кейт сосредоточенно наморщила лоб, словно не понимая, что он имеет в виду.

– Вы уверены, что Митчел Уайатт – отец Дэнни?

– Уверена ли я...

Открыв от удивления рот, она окинула его яростным взглядом.

– Конечно, уверена!

– Тогда звоните ему.

Сердце Кейт, казалось, вот-вот разорвется. Она никак не могла собраться с мыслями.

– Неужели вы вообразили, будто я знаю, как с ним связаться? А если он и согласится поговорить со мной, в чем я очень сомневаюсь, думаете, поверит мне и даст денег?

– У вас есть иной выход?

– Это не выход. И даже не попытка.

– Повторяю, у вас есть хоть какая-то надежда собрать деньги?

Кейт долго молча смотрела на него, застыв в трансе невыразимого ужаса, тоски и беспомощности. Медленно-медленно в ее сознание проникла мысль о том, что она обязана что-то делать, и какими бы бесплодными ни оказались эти действия, она обязана предпринять все, чтобы вернуть Дэнни. Размышления превратились в решимость, и она снова бросилась к телефону, но, подняв трубку, тут же опустила.

– Грей, я не знаю, как с ним связаться. А вы?

– У меня есть различные адреса и телефоны, но может уйти несколько

часов на то, чтобы его разыскать. Зато в Чикаго у него имеются близкие друзья, Мэтт Фаррел и Мередит Бэнкрофт. Мэтт Фаррел – глава «Интеркомпа». Он сможет направить нас по верному пути.

Кейт, кусая губы, стала набирать номер справочной. Запросив телефон «Интеркомпа», она записала цифры на первом попавшемся клочке бумаги и протянула Грею:

– Я все ему расскажу, но сначала вы попытайтесь уговорить его побеседовать со мной.

Грей кивнул, набрал номер и, вопросительно вскинув брови, уставился на Кейт.

– Во время моей последней встречи с Митчелом рядом стояла Мередит, – объяснила Кейт, – она слышала все, в чем он меня обвинял. Отходя, она смотрела сквозь меня, словно не видела. Можете не сомневаться, она все изложила мужу, так что Мэтт Фаррел не захочет иметь со мной ничего общего.

– Я заставлю его выслушать вас. Но сначала должен кое о чем предупредить, – добавил он, после того как попросил секретаршу в приемной «Интеркомпа» соединить его с офисом Мэтта Фаррела. – Прежде чем просто так отдать десять миллионов долларов, Уайатт, несомненно, захочет получить какое-то доказательство, что Дэнни его сын. В досье есть формула ДНК Уайатта, а через несколько часов мы получим данные ДНК Дэнни. Если вы дадите слово, что Дэнни просто не может быть сыном другого мужчины, я поклянусь, что оба ДНК совпадают. Если же окажется, что вы не правы, я отзову свое заявление, прежде чем Уайатт отдаст деньги, и скажу, что произошла ошибка.

– Никакой ошибки нет и быть не может!

– Хорошо, – вздохнул он. – Это секретарь Мэтта Фаррела? У телефона Грей Эллиот. Мэтт у себя? Дело очень срочное.

Кейт, сама того не сознавая, затаила дыхание. Секунды шли, а она могла думать только о том, что Дэнни сейчас неизвестно где, с чужими людьми.

– Мэтт, – неожиданно сказал Грей в трубку, – я в квартире Кейт Донован. Ее малыша похитили сегодня утром. С минуты на минуту объявят желтую тревогу, так что сам можешь все узнать, если включишь радио или телевизор. Кейт необходимо поговорить с тобой.

Кейт встала и взяла трубку.

– Мистер Фаррел, – сухо объявила она, – отец Дэнни – Митчел Уайатт. – Она помедлила, ожидая какой-то реакции, но, ничего не услышав, очертя голову бросилась вперед: – Похитители требуют десять миллионов

долларов сегодня вечером. К девяти. У меня и четверти такой суммы не найдется. – Кейт замолчала и, снова не получив ответа, прерывисто вздохнула и нерешительно пробормотала: – Пожалуйста, попросите Митчела мне позвонить. Я дам вам номер телефона. Скажите... скажите, что я передам ему ресторан как часть долга и найду какой-нибудь способ отдать остальные деньги.

Слезы мешали говорить, и Кейт покрепче вцепилась в трубку.

– Пожалуйста, вы должны найти Митчела и сказать ему. Дэнни еще нет двух, а он где-то в чужой комнате, с чужими... – Она осеклась, сглотнула и, каким-то чудом сумев взять себя в руки, твердо закончила: – Скажите Митчелу, что когда он позвонит, Грей Эллиот поговорит с ним и заверит, что данные ДНК, которые имеются у него в досье, и ДНК Дэнни совпадают. Запишите мой номер. Это ресторан, но у меня наверху есть квартира, – поспешно добавила Кейт, чтобы Мэтт Фаррел не подумал, будто она, как обычно, работает, хотя ее сына похитили.

Наконец молчаливый мужчина на другом конце линии соизволил заговорить:

– Я позвоню ему. И передам все, что вы сказали.

– Спасибо, – пробормотала Кейт и уже хотела положить трубку, когда он вдруг сказал:

– Мне очень жаль, что вашего сына похитили.

Терзания Кейт мгновенно сменились бешенством.

– Дэнни не только мой сын. Он еще и сын Митчела, – отчеканила она.

– Я напомню Митчелу об этом, – к ее величайшему изумлению, пообещал Мэтт.

Глава 45

– Да, мистер Фаррел, мистер Уайатт у себя в кабинете. Минутку.

Софи Патнем, нью-йоркская помощница Митчела, в момент звонка была крайне занята, объясняя только что нанятой секретарше Клер ее обязанности. Однако пришлось отвлечься от этого увлекательного занятия, чтобы соединить Фаррела с боссом.

– Мистер Уайатт, мистер Фаррел на проводе. Первая линия, – сообщила она Митчелу.

– Спасибо, Софи, – буркнул он.

Выполнив свой долг, Софи снова обратила благосклонное внимание на Клер, но прежде чем успела продолжить, та глянула на закрытую дверь кабинета Митчела и прошептала:

– Сколько времени пройдет, прежде чем перестнешь замечать, как он красив?

У новой секретарши были безупречные рекомендации, и поскольку в их маленьком офисе приходилось работать бок о бок, Софи не посчитала этот вопрос неуместным и чересчур личным.

– Когда поймешь, что он не путает работу и развлечения и не спит с подчиненными... никогда, заруби себе это на носу, – мигом расслабишься и забудешь о его внешности. Года через два, через три, – пошутила она.

– У него много женщин?

И поскольку Клер наверняка будет каким-то боком участвовать в жизни босса: заказывать театральные билеты, ужины и приглядывать за пентхаусом в Верхнем Ист-Сайде, – Софи и этот вопрос сочла вполне резонным.

– Леди дня – Кира Данхилл, – сообщила она, с легкой гордостью произнося имя знаменитой голливудской звезды, игравшей с Ли Валенте в новой бродвейской пьесе, премьера которой была назначена на сегодняшний вечер. – Правда, она немного задирает нос, но зато роскошная дама и очень талантлива, так что кто может ее винить?

– А как насчет мистера Уайатта? По-моему, он достаточно высокомерен и временами даже вспыльчив?

– Ошибаешься. Он ожидает, что ты будешь выкладываться по полной, и в этом случае будет относиться к тебе с уважением. Никогда не забудет твоего дня рождения, не станет гонять тебя по пустякам или посылать купить цветы для своих дам. Он также самый воспитанный человек из

всех, кого я знаю. Даже не ругается вслух, – добавила она, направляясь в офис Митчела, чтобы тот мог официально приветствовать Клер как нового члена их нью-йоркской команды.

У Митчела еще хватило выдержки попрощаться с Мэттом, прежде чем трубка с треском полетела на рычаг.

– Сукин сын! – выпалил он на английском, после чего перешел на французский и отвел душу. Подняв со стола кулак из стубеновского [\[10\]](#) хрусталя, подарок Ставрса, Митчел стиснул его с силой, достаточной, чтобы превратить в порошок, даже будь он из камня. Алые волны бешенства заливали мозг, полыхали перед глазами, а разум отказывался воспринимать услышанное. Приходилось повторять снова и снова то, что сказал Мэтт, и с каждым повторением он накалялся все больше.

У Кейт Донован оказался почти двухлетний ребенок, и она назвала отцом его, Митчела Уайатта! И в его отцовстве нет ни малейшего сомнения, потому что доказательства лежат в офисе Грея Эллиота! В довершение ко всему мальчика еще и похитили!

У нее не хватило ни порядочности, ни честности, чтобы сообщить ему о сыне!

Она растила его сына, в точности как растили самого Митчела, тщательно скрывая, кто его отец!

Где-то там, в Чикаго, маленький мальчик... его сын... в опасности!

Почти обезумевший от ярости Митчел посмотрел на кусок хрусталя в руке и, не помня себя, швырнул его через всю комнату, как раз в тот момент, когда Софи открыла дверь. Клер инстинктивно прикрыла руками голову, но Софи застыла в полном оцепенении, когда десятифунтовый снаряд просвистел мимо ее уха, ударился о стену, рухнул на каменный пол и разлетелся сотнями сверкающих осколков.

– Ч-что-то случилось, мистер Уайатт? – пролепетала Софи, когда Митчел сорвался со стула, обошел письменный стол и угрожающе надвинулся на нее.

– Я что, выгляжу так, будто все в порядке? – прошипел босс, и не успела она опомниться, как он забросал ее приказами: – Я вылетаю в Чикаго. Позвоните Калли, пусть ждет меня внизу. И передайте, что он летит со мной. Найдите моих пилотов и скажите, что вылет через час. Позвоните в Чикаго Пирсону и Левинсону, сообщите, чтобы ждали моего звонка через четверть часа.

– Сэр, самолет на профилактическом ремонте. Может быть готов только завтра.

– В таком случае немедленно закажите два билета на первый прямой рейс до Чикаго.

– А если я не смогу достать первый класс?

– Сойдут любые места, – коротко обронил Митчел, направляясь к двери.

– Но сегодня, после премьеры, вы ужинаете с Кирой Данхилл, Ли и Майклом Валенте и Заком и Джулией Бенедикт, – крикнула вслед Софи.

– Обзвоните всех, скажите, что возникли неотложные дела и я не смогу приехать.

– Мистер Уайатт!

Митчел нетерпеливо обернулся.

– Но сегодня у мисс Данхилл премьеры на Бродвее.

– Спасибо за то, что напомнили. Пошлите ей цветов побольше.

– Цветов? За то, что пропустили ее премьеру?

– Вы совершенно правы. Возможно, такой проступок требует колье или браслета. Выберите на свой вкус и отправьте ей, – бросил он, открывая дверь.

– Сэр! – отчаянно крикнула Софи, вытягивая шею, поскольку он уже поворачивал за угол. – Сколько я могу потратить?

Но ответа не получила. Митчел испарился.

Глава 46

Кейт медленно мерила шагами гостиную, наблюдая, как часы отсчитывают мгновения каждой минуты, проходившей в ожидании звонка от Митчела. Маленькая стрелка сделала уже семьдесят пять оборотов: один мучительный час с четвертью. И ни звука от бессердечного негодяя, которого, как ей казалось, она любила когда-то.

Отец Донован поспешил приехать сразу же после звонка Марджори и теперь сидел на диване, беспомощно гипнотизируя телефон. Взгляд устремлен на аппарат, руки сложены на коленях. Очевидно, он молился, чтобы Митчел позвонил.

Грей Эллиот сидел на табурете у длинной стойки, отделявшей зону кухни от гостиной. С сегодняшнего утра он стал лучшим другом Дэнни, готовым на все, чтобы обеспечить его благополучное возвращение. Судя по мрачному как туча лицу Эллиота, его заветной мечтой было выдернуть Митчела из той норы, куда он забился, обвинить в преступном отсутствии человечности и обеспечить пожизненное заключение в самой суровой тюрьме Штатов.

Макнил стоял у окна, выходящего на улицу перед рестораном, где все было забито полицейскими машинами с мигалками. На тротуаре толкались репортеры, взволнованные жители, любопытные зеваки, надеявшиеся на какие-то новости. Кейт не понимала, о чем думает Макнил, но тот все время поглядывал на мобильник, словно одной силой воли можно было вызвать звонок. Может, он ждет какой-то подсказки, которая поможет обнаружить похитителей... послать поток полицейских машин, ревущих сиренами, на спасение Дэнни...

Холли оставила Мауи в разгар конференции ветеринаров и вылетела в Чикаго. В одном из обеденных залов ресторана «Донован» разместилась оперативная группа, и после объявления желтой тревоги на вновь установленные телефонные линии стали поступать звонки. Узнав о похищении сына, Кейт немедленно приказала, чтобы ресторан закрыли, но большинство служащих оставались на местах, неся молчаливую вахту ради маленького синеглазого мальчика с сияющей улыбкой, который умудрился навсегда покорить их сердца.

Чилдресс был где-то внизу, должно быть, работал с оперативной группой.

Мобильник Макнила издал резкий щебет, и детектив поднес его к уху

так быстро, что движение получилось смазанным. Немного послушав, он повернулся и перевел взгляд с Кейт на Грея:

– Внизу стоят два адвоката: Дэвид Левинсон и Уильям Пирсон. Они представляют Митчела Уайатта.

Услышав имена адвокатов, Эллиот мгновенно выпрямился.

– Скажите, чтобы их немедленно впустили и проводили сюда. Надеюсь, они здесь не за тем, чтобы пригрозить Кейт иском, в котором попытаются отрицать отцовство Уайатта.

Но Дэвид Левинсон объявил причину появления, едва войдя в гостиную с большим портфелем. Такой же был и у Пирсона.

– Мистер Уайатт уполномочил нас перевести десять миллионов в любой форме, которую затребуют похитители.

Руки Кейт безвольно опустились. Она пристально уставилась на адвокатов. Улыбнулась. И заплакала от радости и облегчения.

Джо О'Хара подвел лимузин Мэтта Фаррела возможно ближе к ресторану и, оглянувшись, спросил:

– Хотите, чтобы я подождал вас, Митчел?

О'Хара служил у Фаррела так долго, что давно стал членом семьи. Водил машину, как помешавшийся на скорости маньяк, на что Фарреллы не обращали внимания, не трудился обременять себя небольшими формальностями вроде вежливого обращения к Митчелу «мистер Уайатт», на что Митчел предпочитал закрывать глаза.

– Нет, спасибо, – буркнул Митчел, оглядывая элегантный ресторан, занимавший большую часть квартала. То, что Кейт когда-то описывала как «маленький ирландский паб».

– Когда все закончится, я возьму такси. Могу оставить Калли, чтобы присматривал за обстановкой.

– Мэтт велел передать, что приглашает остановиться у них, как бы поздно вы ни вернулись.

– Посмотрим, – вздохнул Митчел, подумав, что в сложившихся обстоятельствах отель был бы удобнее.

Появление лимузина было тут же отмечено репортерами, торчавшими у входа в ресторан, и Митчел, выходя, низко наклонил голову и потянулся было к чемодану, но Калли ловко его перехватил:

– Это моя работа. И лучше, если репортеры посчитают, что это мои вещи.

На два года старше и на полголовы ниже Митчела, Джованни Каллиорозо был одним из пятерых детей семейства Каллиорозо, которых

Митчел принимал за своих братьев и сестер, пока в пять лет его внезапно не отослали в частный пансион во Франции.

Калли с детства полюбил боевые искусства и поэтому душой и телом посвятил себя спорту, став всемирно известным боксером. Но несколько лет назад, до смерти устав от этого не слишком чистого бизнеса, он попросил, чтобы Митчел взял его к себе водителем и по совместительству телохранителем.

Верный своему характеру, Калли и в своей новой профессии стал незаменим. Прежде всего он потребовал от Митчела послать его на специальные курсы, где водителей обучали сложным приемам вождения машины в экстремальной обстановке, на случай внезапного нападения на дороге или попытки похищения.

На выпуске Калли назвали одним из лучших водителей, когда-либо обучавшихся на курсах, и всю свою преданность и свирепую верность он перенес на Митчела. Митчел знал, что если потребуется, Калли бросится ради него под грузовик. Однако в этот момент Калли был не совсем уверен, требует ли его преданность Митчелу снова забираться в машину, за рулем которой сидел О'Хара.

– Где, черт возьми, он научился так водить? – раздраженно буркнул он, когда они пересекли мостовую, обходя бамперы полицейских машин.

– «Гонки с выбиванием»^[11], – рассеянно ответил Митчел. – Полагаю, он ни разу не побывал в аварии.

– Нет? Что ж, сегодня он едва не стал причиной таковой. Джип, который следовал за нами, едва не вцепился в пикап, когда они оба пытались убраться с его пути.

– Больше никакого английского, – велел Митчел, переходя на итальянский, как только они стали проталкиваться сквозь толпу. – Может, от меня хотят кое-что утаить, зато в твоём присутствии будут говорить свободно.

Кое-кто из собравшихся держал зажженные свечи, и у Митчела сжалось сердце при мысли о том, что они делают это для сына, которого он никогда не видел... и, возможно, не увидит живым.

Он даже задохнулся от гнева, достигшего точки кипения. Как Кейт посмела утаить от него сына?!

Макнил со своего поста наблюдал, как высокий мужчина выходит из лимузина и вместе со своим спутником переходит улицу. Уже стемнело, но уличные фонари горели, так что, узнав вновь прибывшего, он обратился за инструкциями к Грею Эллиоту, поскольку мать Дэнни давно ушла в спальню ожидать звонка похитителей.

– Уайатт здесь.

Грей обменялся довольными взглядами с отцом Донованом и сказал:

– Прикажите, чтобы его проводили сюда.

Один из копов, дежуривший под маркизами у входной двери, ответил на звонок, убрал телефон и решительно шагнул вперед, заставив толпу расступиться и дать дорогу Митчелу и Калли.

Репортеры немедленно схватились за камеры, на случай если вновь прибывшие окажутся важными фигурами, каким-то образом имеющими отношение к случившемуся. Но Митчел, не обращая ни на кого внимания, продолжал идти.

С ощущением нереальности происходящего он прошел через опустевший ресторан, но не заметил ничего из того, что описывала Кейт. Зато увидел Пирсона и Левинсона, чинно обедавших за одним из столиков, и приветственно кивнул.

Коп провел его по обшитому панелями коридору, в самую глубину ресторана, где он увидел лестницу, расположенную рядом с кабинетом. Вот сейчас обстановка смутно напоминала ту, о которой рассказывала Кейт. На верхней площадке виднелась дверь в квартиру. Митчел велел Калли оставить чемодан внизу.

Первым, кого увидел Митчел, войдя в просторную уютную гостиную, был Грей Эллиот. Рядом стоял детектив, который допрашивал его три года назад по делу об убийстве Уильяма. Тот самый детектив, который посмел фотографировать его и Кейт на лоджии отеля!

Митчел, брезгливо морщась, проигнорировал протянутую руку Грея, повернулся и встретился с пристальным взглядом человека с зелеными глазами и высоким воротничком с белой вставкой.

– Я дядя Кейт, Джеймс Донован, – пояснил незнакомец, вставая и протягивая руку. – А вы, разумеется, Митчел.

– Разумеется, – саркастически согласился Митчел. Руку священника он пожал и тут же, кладя конец светским любезностям, почти грубо спросил: – Где она?

– В спальне Дэнни. Первая дверь справа, – вежливо пояснил священник, кивнув в сторону выхода из гостиной.

Комната его сына...

Митчел сразу понял, что спальня была обставлена так, чтобы радовать ребенка и развивать его воображение. На трех стенах красовались настоящие джунгли, из-за деревьев и высокой травы выглядывали причудливые животные. В одном углу возвышалась лошадка-качалка, а вдоль стены стояли коробки с игрушками. И повсюду разбросаны

грузовики: красные пожарные машины, желтые самосвалы, синие фургоны, большегрузные автомобили. У четвертой стены стояла кровать с изголовьем в виде палисадника. На острых кольях сидели яркие попугаи и канарейки. Между ними резвились кролики. Рядом с кроватью примостилось кресло-качалка.

При виде Кейт Митчел ожидал ощутить все, что угодно, кроме жалости. Но сейчас его захлестнула именно жалость. Одетая в джинсы и объемный желтый свитер-водолазку, она сидела в качалке, подвернув одну ногу под себя. Глаза закрыты, голова откинута, к груди прижат большой полинявший лопухий кролик. Кролик выглядел так, словно его долго тащили по дороге за машиной... а может, это просто озорной мальчишка таскал его за собой повсюду, куда несли его крепкие ножки?

Ее рыжие волосы свободно падали на плечи, ресницы лежали курчавыми веерами на неестественно бледных щеках. Не отталкивайся Кейт босой ногой от пола, Митчел подумал бы, что она спит.

– Кейт! – чересчур резко окликнул он.

Ее тело дернулось, словно от электрического тока. Глаза открылись. Несколько мгновений она смотрела на него так, словно не верила глазам. И только потом слегка улыбнулась.

– Спасибо, – вежливо сказала она.

– За что? – холодно бросил Митчел, борясь с сюрреалистическим ощущением пребывания в спальне, принадлежавшей сыну, которого он никогда не видел. Он здесь и говорит с женщиной, зачавшей этого сына во время незабываемой ночи любви, долго-долго терзавшей его воспоминаниями.

Все еще прижимая к себе кролика, она с трудом встала, словно собралась с силами исключительно ради него.

– Спасибо за то, что одолжил мне и Дэнни деньги на выкуп, – пояснила она. – Я дала твоим адвокатам долговую расписку и попросила составить дарственную, по которой ресторан переходит тебе. Я найду способ со временем выплатить остальное, – заверила Кейт и, не заметив, как бешено дергается жилка на щеке Митчела, добавила: – Но тебе совсем ни к чему было приезжать...

– Не благодари меня и не пытайся отделаться, – предупредил Митчел. – Тебе, мне и нашим адвокатам предстоит долгая беседа, как только мальчик благополучно окажется здесь.

– Не смей называть его мальчиком, – свирепо прошипела Кейт. – Его...

– Почему нет? – процедил Митчел. – Ты сделала все, чтобы я не имел права называть его сыном. До сегодняшнего дня я даже не знал о его

существовании.

– Составляя извещения о рождении сына, я вычеркнула тебя из списка посвященных, когда ты назвал меня аморальной стервой, – парировала Кейт. – А кроме того, я хорошо запомнила, что ты развелся с той женщиной, которая хотела родить тебе сына.

Но короткий взрыв праведного гнева мгновенно растворился в мучительной реальности исчезновения Дэнни.

– Уходи, – измученно прошептала она, отворачиваясь и зарываясь лицом в кролика. Слезы снова полились на потертый искусственный мех. – Мое дитя! Они забрали мое дитя!

Митчел повернулся и вышел.

– Подожду внизу, – сообщил он священнику, зайдя в гостиную.

– Это будет ошибкой.

– Почему?

– Видите ли, что бы Кейт ни сказала в приступе скорби, вы все равно остаетесь отцом Дэнни. И как его отец, имеете право быть там. Мало того, ваш долг поддерживать его мать в это ужасное время.

Митчел колебался, подошел к креслу и сел.

– Видите ли, – добавил священник, – я все думаю: каким образом мужчина и женщина, знакомые всего три дня, смогли за это время так безоговорочно разочароваться друг в друге, что даже через три года не смогли преодолеть этой неприязни?

– Понятия не имею, – коротко ответил Майкл.

– Зато имею я, – заявил отец Донован, но не стал ничего объяснять, а Митчел и не думал спрашивать.

Глава 47

Удобно расположившись в кресле, лицом к двери, Митчел со своего наблюдательного пункта продолжал рассматривать квартиру, о которой Кейт рассказывала на Ангилье. Совершенно не похожа на темное маленькое жилище, которое он представлял. Очевидно, его расширили и отремонтировали, все было новым и ярким, включая резьбу по дереву и окна с мелкими переплетами, идущие по трем сторонам квартиры и частично прикрытые светлыми гардинами, раздвинутыми и подхваченными лентами.

Квартира представляла большой прямоугольник, занимавший целый этаж здания. Современная кухня с новейшими приборами и гранитными столешницами была отделена от гостиной большой стойкой с четырьмя табуретами. Гостиная была достаточно просторна, чтобы вместить пару кожаных диванов, между которыми стоял журнальный столик. Диваны были расположены под прямыми углами к большому легкому креслу, в котором сидел Митчел. За гостиной находилась большая игровая зона с детскими стульями и столиками, школьной доской и длинными ящиками для игрушек у подоконников, одновременно служивших и сиденьями. Коридор, проходивший параллельно лестнице, вел к спальням.

Митчел взял экземпляр журнала «Гурме» с приставного столика и стал листать отчасти для того, чтобы не дать священнику возможности цитировать Писание, читать мораль и затрагивать другие темы, интересующие служителей церкви, и отчасти для того, чтобы не смотреть в сторону кухни. Не пытаться представить семилетнюю девочку, расprostертую на старом деревянном столе, подобно салунной певичке на рояле.

В комнате воцарилась тишина, и Митчелу неожиданно захотелось встать, пройти в игровую зону и взглянуть на вещи сына.

Но уже через минуту все изменилось. По лестнице трусцой взбирался Макнил, пыхтя и отдуваясь. Зато вид у него был торжествующий.

Он подошел прямо к Грею Эллиоту и стал шепотом что-то докладывать. Выслушав ответ, он кивнул и поспешил вниз. Эллиот поднялся и подошел к Митчелу. К величайшему изумлению последнего, он обратился не столько к отцу Доновану, сколько к нему:

– Кажется, у нас прекрасные новости. Родители молодой девушки, которая ходит на групповую психотерапию вместе с Билли Уайаттом,

недавно увидели объявление о пропаже ребенка. Дело в том, что их дочь сегодня полдня просидела в гостевом домике, приглядывая за маленьким мальчиком, якобы сыном подруги. Они уверены, что это Дэнни. Мы немедленно выслали туда машины и минут через десять точно узнаем, он ли это. А пока не стоит ничего говорить Кейт. Кто знает, что с ней будет, если надежды окажутся напрасными. Она в очень тяжелом состоянии. До звонка похитителей еще целый час. Лучше посидеть спокойно, без лишнего шума, делая вид, что ничего не случилось. Кто знает, а вдруг похитители наблюдают за происходящим из окон другого здания?..

Отец Донован кивнул, но Эллиот явно ждал ответа Митчела. Очевидно, он относился к нему с уважением, подобающим настоящему отцу мальчика, что шокировало Митчела, поскольку в последний раз расстались они отнюдь не друзьями.

– Похоже, так будет лучше всего, – согласился Митчел и, не в силах противостоять искушению, поднялся и направился в игровую зону. Рассмотрел каракули на доске и решил, что художник из сына вряд ли выйдет. И поскольку, кажется, никто не обращал на него внимания, он нагнулся и открыл крышку одного из сидений. Ящик был набит игрушечными грузовиками и машинками. Из этого Митчел заключил, что будущее сына, возможно, связано с транспортной индустрией. Он не знал, что сын разделяет его любовь к самолетам, пока не заглянул во второй ящик. Там, кроме других игрушек, оказалось с полдюжины самолетов, все реактивные. Ни одного с пропеллером, и ни одного вертолета. Митчел с детства увлекался реактивными самолетами.

Он посмотрел на часы, гадая, почему полицейские так долго не могут подтвердить, действительно ли Дэнни держат в гостевом домике.

Но через четверть часа на лестнице поднялась суматоха, и Эллиот, вскочив, почти побежал к двери.

– Какого черта вы не позвонили? – рявкнул он, но в голосе не звучало надлежащей злости, и Митчел, мгновенно напрягшись, выпрямился.

Эллиот снова появился в гостиной, улыбаясь во весь рот и неся на руках малыша. Отец Донован подошел к двери спальни и крикнул:

– Кейт, немедленно выходи! Кто-то очень хочет тебя видеть!

Эллиот поставил ребенка на пол как раз в тот момент, когда из коридора вышла Кейт. В гостиной появлялись все новые и новые люди: вопили, орали, плакали от радости.

– Дэнни! – охнула Кейт, и ребенок громко засмеялся. Мать, разразившись слезами, бросилась перед ним на колени. – Дэнни, – прошептала она и, проведя ладонями по его лицу и груди, стиснула в

объятиях. – Дэнни, Дэнни, Дэнни...

Имя ребенка в ее устах звучало как молитва, и у Митчела перехватило горло. За всю свою жизнь он не видел столь откровенного проявления материнской любви, тронувшего сердце и оставившего отпечаток в мозгу. Он с трудом осознавал, что рыдающая счастливая мать, крепко сжимавшая сына, – та женщина, которая когда-то лежала в его объятиях на Сен-Мартене.

Кейт подхватила сына и отнесла к двери, чтобы показать собравшейся толпе. Только сейчас до Митчела дошло, что люди были одеты либо в белое, как повара, либо в черное, как официанты.

– Кейт, – прошептал отец Донован, – думаю, Митчел имеет право побыть наедине с тобой и Дэнни.

Кейт тупо уставилась на него, медленно выплывая из бездумной эйфории.

– Я забыла, – сказала она вслух, словно не веря, что действительно могла забыть о присутствии Митчела. Или о том, как велела ему убираться из спальни Дэнни. Или о том, как через два часа после ее звонка Мэтту Фаррелу он послал адвокатов с десятью миллионами долларов выкупа.

Красная от стыда, она обвела взглядом счастливые лица в поисках одного, жесткого и не улыбающегося. Но не нашла.

Она повернулась, не выпуская Дэнни из рук, и увидела Митчела, стоявшего в дальнем конце комнаты. Он молча ждал, сунув руки в карманы. Ждал встречи с сыном.

Благополучное возвращение Дэнни стало самым счастливым мгновением в жизни Кейт. Вернее... вернее, вторым самым счастливым мгновением. И это было очень странно. Она никогда не позволяла себе надеяться на новую встречу с Митчелом или на то, что он захочет повидать сына, но чудеса случаются. Он здесь. Рядом.

С мыслями о Митчеле Кейт поблагодарила собравшихся за их молитвы и подождала, пока дядя проводит всех вниз. Обняла на прощание Грея Эллиота, а тот пообещал позвонить, как только Билли Уайатта задержат и привезут в участок. Детектив Макнил смущенно покраснел, когда она порывисто поцеловала его в щеку.

Наконец она закрыла дверь и опустила Дэнни на пол. Он выглядел сонным, взъерошенным и немного помятым. Поэтому она наклонилась, пригладила его волосы и расправила рубашку и джинсовый комбинезончик. И скорее почувствовала, чем услышала, как Митчел шагнул вперед.

– Прежде чем познакомить тебя с сыном, – начала она, оглядываясь и

словно впервые видя красивое лицо того, кого она едва различала сквозь слезы всего полчаса назад, – я хочу кое-что прояснить.

– Что именно? – бросил он, и сердце куда-то покатилося при звуках памятного любимого голоса.

– Во-первых, извини за то, что выгнала тебя из спальни. Мне было так плохо, что я не могла ни думать, ни видеть, ни слышать. Честно говоря, в этом ужасном оцепенении я совсем забыла, что ты здесь.

– Что же, ты была права, – бесстрастно заметил он.

– И во-вторых, – продолжала она, вставая и намеренно загораживая собой Дэнни, – приготовься к некоторому потрясению.

– Это еще почему?

Глаза Дэнни сами собой закрывались, но любопытство и желание увидеть обладателя незнакомого голоса перевесили. Он попытался выглянуть из-за ног матери, но не успел.

Вместо ответа Кейт еще раз пригладила кудри сына и с гордостью объявила:

– Митчел, это твой сын, Дэниел Митчел Донован. Я хочу, чтобы ты знал, как его зовут, но думаю при этом, что ты узнал бы его даже в толпе, так что представлять его не надо.

Взяв мальчика за руку, она отступила, чтобы Митчел смог наконец понять, о чем идет речь.

Сцена, последовавшая за этим, оказалась настолько трогательной, что Кейт в который раз за этот день залилась слезами. Митчел с выражением, весьма напоминавшим благоговейно-счастливое, во все глаза смотрел на свою миниатюрную копию и, похоже, не верил тому, что видит.

Дэнни, задрав голову, точно с таким же выражением разглядывал высокого незнакомца. Но вскоре ему стало не по себе от столь пристального изучения. Маленький подбородок задрожал, и Дэнни крепче ухватил мать за руку, явно готовясь зареветь.

– Все хорошо, милый. Все хорошо, – успокоила его Кейт. – Как насчет того, чтобы пожать друг другу руки?

К ее невероятному изумлению, Митчел посчитал, что она успокаивает его, и поэтому он, благодарно кивнув, шагнул вперед и протянул Дэнни свою большую руку. Дэнни торжественно вложил в нее маленькую ладошку, и пальцы Митчела рефлекторно сжались и разжались, словно он боялся причинить малышу боль.

Он совсем не умел обращаться с детьми и сейчас понятия не имел, что делать дальше. Это немного встревожило Кейт, но тут Митчел присел на корточки и, словно на него снизошло вдохновение, широко улыбнулся сыну

и похвастался:

– У меня есть самолет.

– У меня тоже. Много, – не сдавался Дэнни, в свою очередь, улыбаясь отцу.

– Я люблю реактивные, – хрипло прошептал Митчел.

– Я тоже, – удивился сын.

– И сколько их у тебя?

Дэнни поднял ручонку, растопырил пальцы и гордо провозгласил:

– Вот! Целых пять!

И поскольку незнакомец, кажется, напрочь лишился дара речи, Дэнни, в свою очередь, поинтересовался:

– А у тебя сколько?

– Всего один, – развел руками Митчел и поднял палец.

Кейт поспешно отвернулась, боясь, что выдаст обуревавшие ее чувства.

Дэнни стал показывать Митчелу игрушки, и тот старательно восхищался каждой. Но вскоре стало ясно, что мальчик засыпает на ходу и его нужно срочно вести в спальню.

– Хочешь уложить Дэнни в постель, когда я его искупаю? – неожиданно спросила она.

– Спасибо, – просто ответил он.

– А пока ты будешь его укладывать, я приму душ и переоденусь, – решила Кейт и за руку повела Дэнни в ванную.

– Есть у меня шанс немного поесть, когда Дэнни заснет? – окликнул ее Митчел.

– Вполне реальный, – заверила Кейт. – Это все же ресторан...

Она вдруг осеклась. По спине прошел ледяной озноб.

– Но наверху нет никакой еды, – пробормотала она с таким страхом, что Митчел насторожился.

– Как ты сказала, это все же ресторан.

– Я не могу оставить Дэнни одного. Даже если бы он был достаточно взрослым, все равно не могу. После того, что случилось сегодня...

– Он не будет один. Внизу сидит телохранитель, который не оставит Дэнни ни на минуту, пока Билли Уайатт не окажется в тюрьме. И не важно, сколько времени для этого потребуется.

Кейт нахмурилась, не слишком одобряя присутствие телохранителя в доме все двадцать четыре часа в сутки, но прежде чем успела высказать свое мнение по этому поводу, Митчел непререкаемо бросил:

– Это не подлежит обсуждению, Кейт.

Глава 48

– Тебе повезло, – шепнула Кейт. – В кухне все еще горит свет.

– С каких пор это считается удачей? – удивился Митчел, следуя за ней по широкому коридору, где с обеих сторон располагались офисы.

– Просто это означает, что кто-то готовит нам ужин, и этот ужин наверняка будет съедобным, – пояснила она, бросив через плечо смеющийся взгляд и распахивая широкие двери из нержавеющей стали, скрытые за антикварным дубовым экраном с инкрустацией черного дерева. Митчел увидел небольшую компанию, по-видимому, все еще праздновавшую благополучное возвращение Дэнни. Вместо того чтобы идти за Кейт, он вернулся в коридор, где висели фотографии в рамках, таблички и вырезки из газет и журналов, которые он успел заметить, пока шел сюда.

Выставка показалась ему весьма впечатляющей, судя по многочисленным наградам, которые получил ресторан, и статьям, посвященным самим владельцам. Экспонаты были расположены в хронологическом порядке, так что он добрался до хвалебных рецензий о Кейт, только оказавшись в самом конце коридора. Судя по статьям, Кейт еще больше повысила репутацию ресторана, а прочтя последнюю, Митчел ощутил странную гордость, хотя, если разобраться, какое ему дело до того, что ее назвали чикагским ресторатором года?

Кейт вернулась с кухни, когда он еще только дочитывал статью из «Трибюн». Он лишь сейчас заметил, что на ней рыжевато-коричневые джинсы и зеленый свитер того же цвета, что и глаза, с широким вырезом лодочкой, то и дело норовившим обнажить плечи. Длинные волнистые волосы и мягко покачивающиеся на ходу бедра придавали ей вид женственный, величественный и одновременно неотразимо сексуальный.

– Помню, как ты тряслась от страха, что не сможешь управлять рестораном, – заметил Митчел, кивнув в сторону статьи, – но взгляни только, чего добилась!

– Первые несколько месяцев я натворила дел и наверняка бы сдалась, если бы не Дэнни. Я должна была добиться всего ради нас обоих, – пояснила она, прежде чем повести его в ближайшую к входу часть ресторана.

Они прошли мимо стола метрдотеля, Кейт щелкнула выключателем, и мягкий свет озарил стильный вестибюль с резной стойкой бара,

занимавшей две стены. Несмотря на размеры, помещение было очень уютным.

– Я попросила Тони принести ужин сюда, – бросила она на ходу. Направляясь к бару, Митчел неожиданно вспомнил, как она выглядела за столом на вилле во время ужина при свечах у моря. Теперь, глядя на нее, он понял, почему в ту ночь она казалась такой хладнокровной и уверенной в себе.

Кейт украдкой наблюдала, как он осматривается. Поверить невозможно, что Митчел стоит всего в нескольких футах от нее! День, начавшийся жутким кошмаром, заканчивался как лучший в ее жизни. Он успел снять наверху галстук и пиджак, закатать рукава, и это еще больше усиливало ощущение скрытого притяжения и вновь зародившейся приязни. Правда, Кейт не менее остро чувствовала, что эти отношения пока еще очень хрупкие, почти несуществующие. Рожденные иллюзией и тоской по Дэнни, они тщательно поддерживались негласным соглашением избегать любых разговоров о прошлом.

– Хочешь выпить? – спросила она, зайдя за стойку.

Митчел молча кивнул. Кейт очень хорошо помнила, что Митчел предпочитает водку, но решила сделать вид, что они только познакомились:

– Что будешь пить?

Митчел перевел на нее взгляд:

– Ты прекрасно знаешь, что именно.

Всего пятью словами он намеренно сорвал все покровы притворства и толкнул их обоих в предательские зыбучие пески, именуемые их общим прошлым. Кейт потрясенно застыла, но, к счастью, сумела взять себя в руки.

– Ты по-прежнему крайне самоуверен, – упрекнула она, потянувшись за бутылкой лучшей водки.

– А ты по-прежнему неотразима.

Рука Кейт на миг замерла на горлышке бутылки. Осторожно сняв ее с полки, она взялась за стакан.

– Я не думала, что ты считаешь меня красивой.

– Черта с два ты не думала!

А вот это совершенно новый тон. Вовсе не из их прошлого. Кейт налила ему водку с тоником, положила ломтик лайма, как на Ангилье, и решила – учитывая направление, которое приняла их беседа, – что ей тоже следует выпить.

Болезненные вопросы теснились в мозгу, вопросы, которые она не желала задавать, ответы на которые не хотелось слышать и которым вряд

ли поверит, даже услышав. Она была так счастлива и благодарна за все, что он сделал сегодня... так поражена нежностью в его глазах при виде сына, что уж лучше подавить эти эмоции, оставить Митчела в покое.

– Не сделаешь мне одолжение? – с улыбкой спросила она, протягивая ему стакан.

– Смотря какое, – осторожно ответил Митчел, хотя уже знал, о чем она попросит. Ее взгляд, как и раньше, был честным и откровенным, и в глубине души он был склонен согласиться с просьбой. Однако какой-то внутренний голос упрямо возражал, вызывая внутреннее сопротивление.

– Пожалуйста, давай не говорить о прошлом. И ни о чем не вспоминать.

Но Митчел взглянул ей прямо в глаза и почти грубо спросил:

– Почему, черт возьми, ты вообще могла согласиться выйти замуж за такую шваль, как Эван Бартлетт?

– Это что, очередной разговор по душам, где ты ведешь допрос, а на мою долю достаются ответы? – мрачно осведомилась она.

Загадочная улыбка коснулась его губ. Голос неприметно смягчился:

– Нет.

– Тогда начинай первым, – велела она.

Митчел кивнул, сделал глоток и оперся правым локтем о стойку.

– Задавай свой вопрос.

Кейт не хотела его сговорчивости. Ей всего лишь требовалось сохранить мир между ними.

– Нет у меня вопросов, – солгала она.

– В таком случае отвечай на мой. Почему, черт возьми, ты вообще могла согласиться выйти за такую шваль, как Эван Бартлетт?

– Боюсь, тебе будет не слишком приятно это слышать, – вздохнула Кейт, показывая на столик у окна и направляясь прямо туда. – Не уверена, что могу привести хотя бы одну вескую причину, по которой я обручилась с Эваном. Скорее, это неудачное сочетание всех тех подробностей, что я узнала о тебе. Оно и привело к нашей помолвке.

– Обо мне? – скептически обронил он.

– Именно о тебе, – подтвердила Кейт, глядя на него с недоуменной грустью. – Скажи, разве тебе доставило удовольствие узнать, что я была полностью и абсолютно очарована и одурачена тобой? Как ты можешь быть таким талантливым и необыкновенным во многих отношениях и в то же время... таким бессердечным эгоистом?

– На это мне очень трудно ответить, но обещаю серьезно подумать, как только пойму, к чему ты клонишь. Кстати, к чему ты клонишь? – резко

спросил он.

Изнемогая от тоски и отвращения, Кейт неожиданно решила выложить все, что ему давно следовало бы услышать:

– О'кей, Митчел, слушай, как все было. Попрощавшись, я оставила тебя в «Энклеив», а сама уехала с Сен-Мартена, отправилась прямо на виллу и сложила вещи, как послушная маленькая дурочка. И стала ждать Эвана. Не успел он войти, как я объявила, что встретила тебя и уверена, что между нами возникло нечто особенное.

– И как же он отреагировал? – процедил Митчел.

– Не пытаюсь перечислить откровения в порядке их душераздирающего эффекта, Эван объяснил, что встречался с тобой на дне рождения Сесила Уайатта, назвал тебе мое имя и упомянул, что мы вместе собираемся отдохнуть на Ангилье в клубе «Айленд». Он также рассказал мне о твоём детстве и причинах, по которым ты ненавидишь его отца и его самого. Потом спросил, знаю ли я, что ты гостишь на яхте Зака Бенедикта, строишь дом на Ангилье и живешь в Чикаго вместе с Кэралайн Уайатт? – До сих пор поражаясь собственной глупости, она тихо закончила: – Но я так сходила с ума по тебе, что не придавала значения его словам... если не считать одной вещи, для которой не смогла найти извинения.

– Какой же именно? – сухо поинтересовался он.

Кейт, помолчав, поставила на столик свечу.

– Я никак не могла взять в толк, почему ты позволил мне распространяться о Чикаго, будто сам там никогда не был. Даже спросил меня, сколько часов лёта из Чикаго до Сен-Мартена. Насколько я знаю, существуют только две причины, почему мужчина скрывает от женщины тот факт, что живет в одном с ней городе: либо он женат, либо не собирается встречаться с ней, когда оба вернутся в этот самый город. Мне очень хотелось верить, что у тебя имеется третья причина, поэтому знаешь, что я сделала?

Митчел подошел сзади, положил руки ей на плечи, чтобы помешать сесть, и притянул к себе.

– И что ты сделала? – спросил он, касаясь губами ее волос.

Отказываясь сопротивляться, Кейт стояла неподвижно и смотрела прямо перед собой.

– Позвонила тебе в «Энклеив», узнать, в чем дело. Мне сказали, что ты выписался. Я посчитала это ошибкой, потому что помнила, как ты стоял на лоджии и просил, чтобы я «поспешила», – продолжала Кейт, безуспешно стараясь сохранять спокойствие. – И вот я, с чемоданами и сумками, стою на вилле лицом к лицу с гнусной правдой: ты соблазнил меня, чтобы

сквитаться с Эваном. Отослал на виллу, чтобы порвать с ним. Твердил, чтобы я скорее торопилась назад, а тем временем выписался из отеля.

Она с трудом перевела дыхание, едва найдя в себе силы договорить до конца.

– Я выплакалась на плече Эвана, и когда слез уже не осталось, заснула. Проснувшись, я обнаружила на своем пальце обручальное кольцо, которое Эван привез на Сен-Мартен.

Руки Митчела сжались, почти грубо поворачивая ее лицом к себе и крепко прижимая к груди.

– Сразу после того как ты уехала на виллу, Билли позвонил мне и сообщил, что найдено тело моего брата. Я немедленно выписался из отеля, договорился с Заком устроить тебе круиз по островам на его яхте.

Он оперся подбородком на ее макушку и, не переставая гладить Кейт по спине, прошептал:

– У меня свой самолет, так что я намеревался каждый вечер прилетать из Чикаго, добираться до того места, где пришвартована яхта, чтобы мы могли проводить ночи вместе. Вот и ждал тебя на пристани в Филипсбурге, пока не стемнело, а потом догадался позвонить ветеринару и узнал, что ты и какой-то мужчина забрали Макса еще днем. Я долго не верил, что ты могла меня обмануть.

– Знаешь, на четвертом месяце беременности я поехала в офис Грея Эллиота, и он показал мне твои снимки. На них были дата и время. Вот тогда я поняла, что ты меня ждал, – призналась Кейт. – Не представляешь, как я была счастлива. В то время для меня это означало все на свете. По крайней мере я убедилась, что ты вовсе не желал, чтобы я вернулась в отель и там узнала о твоём отъезде.

Митчел ладонью прижал ее щеку к своей груди.

– Когда ты узнала, что беременна?

– Недели через две после благотворительного вечера. Ты, должно быть, гадаешь, каким образом я умудрилась забеременеть...

– Поверь, я прекрасно знаю, каким именно образом ты умудрилась забеременеть, – хрипло бросил он. – Я даже с точностью до минуты знаю, когда это случилось.

– Понимаешь, я пила противозачаточные таблетки и одновременно принимала средство от мигрени, ослабившее действие таблеток, – добавила Кейт, бессовестно наслаждаясь его близостью. Ей все равно, даже если он не до конца откровенен. Она готова довольствоваться полуправдой! – Но почему ты так обошелся со мной на вечере?

Митчел коротко мрачно рассмеялся:

– Я скажу почему: в тот момент, сам того не сознавая, я чувствовал себя брошенным любовником, которому безжалостно разбили сердце. И поверь, до того как ты появилась под руку с Эваном Бартлеттом, я понятия не имел, что он и есть твой таинственный бойфренд.

Он приподнял ее подбородок и посмотрел в глаза. Прямо и нежно.

– Мы лежали в постели, любуясь восходом, хотя глаза сами собой закрывались. И все потому, что боялись расстаться хотя бы на минуту. Даже для того, чтобы немного поспать.

Опустив голову, он коснулся губами уголка ее губ.

– Я так тосковал без тебя. И мне так не доставало нашей магии...

Кейт поняла, что пропала.

Глава 49

Холли порылась в холодильнике Кейт, вытащила две бутылки воды и протянула одну Калли.

– Хотите? – спросила она.

Калли взглянул на нее, вежливо улыбнулся, покачал головой и сказал по-итальянски:

– Ты очень красива. Я предпочел бы получить тебя.

Поняв только, что воды он не желает, Холли пробормотала, кладя одну бутылку обратно:

– Насколько я поняла, это означает «нет».

Из спальни вышла Кейт, в третьем по счету платье. Сегодня она собиралась ужинать с Митчелом и поэтому несколько затруднялась в выборе наряда. Первые два лежали на диване в гостиной.

Митчел вместе с Дэнни отправился за покупками, и оба отсутствовали с одиннадцати утра.

– Слишком нарядно? – взволнованно пробормотала Кейт, медленно поворачиваясь перед Холли. Даже Калли с любопытством поднял голову от стойки.

– Нет, но синее шерстяное мне нравится больше.

Раздраженная и сбита с толку, Кейт решила узнать мнение человека, лучше знавшего вкусы Митчела. Схватив с дивана оба платья, стала поочередно подносить к Калли.

– Для Митчела. Что лучше? – допытывалась она.

Калли ухмыльнулся, уверенно показал на черное прямое платье и пояснил по-итальянски:

– Митчелу не терпится снять его с тебя сегодня ночью, так что лучше надень то, что с молнией, а не с пуговицами.

– Ладно, значит, черное платье, – кивнула Кейт и с теплой улыбкой добавила, смело употребив одно из двух известных ей итальянских слов: – Grazie^[12].

Калли кивнул.

– Твой рот создан для поцелуев, но Митчел мне как брат. Кроме того, если он узнает, что я это говорил, вырвет мне сердце голыми руками, – продолжал он на том же языке.

– Должно быть, итальянский куда более многословен, чем английский, – удивилась Холли, но тут же взволнованно попросила: – Кейт,

пожалуйста, будь поосторожнее. Митчел однажды уже разбил тебе сердце, и страшно вспомнить, что было потом. А ты, вместо того чтобы поостеречься, снова влюбляешься в него.

– Вовсе нет, – твердо ответила Кейт.

Калли вскинулся и озабоченно свел брови.

– Влюбилась, да еще как! – настаивала Холли.

Кейт привалилась к спинке дивана, забыв о зажатых в руке вешалках.

– Ты права, – призналась она. – И я так боюсь! Прошлой ночью я убедила себя, что ничего такого не случится, если я немного в него влюблюсь.

– А сегодня? Что ты чувствуешь сегодня?

Кейт обреченно вздохнула:

– Его нельзя любить немножко. Он – настоящий наркотик. Если бы я могла натянуть его на себя, как одеяло, и завернуться с головой, наверняка сделала бы это и все же хотела бы стать еще ближе к нему: телом и душой. И сложнее всего то, что, думаю, он испытывает то же самое.

– Ты и в прошлый раз так считала.

Кейт с силой оттолкнулась от дивана и опустила плечи.

– Знаю.

– Когда он возвращается?

– Он звонил сказать, что они запоздают, но постараются быть к шести, – ответила Кейт, посмотрев на часы. – Я должна спуститься вниз к восьми, приветствовать мэра и его гостей, а потом мы с Митчелом поедem ужинать.

Холли поднялась:

– Сейчас половина шестого, так что мне пора. Хочешь, чтобы я по пути домой заехала и покормила Макса и кошек?

– Нет, – отказалась Кейт, возвращаясь в спальню, чтобы повесить отвергнутые наряды. Она уже нарядилась и причесалась, чтобы выглядеть как можно лучше к возвращению Митчела и Дэнни, так что теперь время у нее было. – Мы собираемся привезти их сюда, пока полиция не поймает Билли Уайатта. Телевизор у меня постоянно включен на канал новостей. Я целыми днями только и жду объявления об аресте Билли, но пока этого не произошло, мы будем жить в этой квартире. Здесь охранная система намного лучше, чем в моем доме.

– А как там Молли?

– Поправляется. Завтра думает приступить к работе. Но я хочу, чтобы она осталась дома и отдохнула еще несколько дней.

– Мапочка, мапочка, смотри!

Кейт, заранее улыбаясь, поспешила вниз посмотреть, что купили Митчел и Дэнни в своих скитаниях по магазинам. При виде Дэнни, стоявшего посреди комнаты с выжидающей улыбкой, у нее едва не остановилось сердце. Куда девались длинные локоны и одежда из «Бэби гэп»! Его темные волосы были подстрижены в точности как у Митчела. И точно такой же костюм, с пиджаком, галстуком и сверкающими черными туфлями. Мало того, он и стоял в той же позе, сунув руку в карман и заложив другую за спину.

Кейт задохнулась от гордости и одновременно вдруг затосковала по малышу, каким он был всего несколько часов назад.

– Вы, никак, скупили весь «Бэби Брукс бразерс»! – пошутила она.

– Подарок мамочке! – объявил Дэнни, вынимая руку из-за спины и протягивая ей поникшую ромашку.

– Какая прелесть! – восхитилась Кейт, посылая Митчелу улыбающийся взгляд.

Он улыбнулся в ответ и спросил Дэнни:

– А где другой мамочкин подарок?

Ухмыляясь знакомой улыбкой Митчела, Дэнни полез в карман пиджака и вытащил изящный кулон на тонкой цепочке. Кейт дрожащей рукой взяла чудесное золотое сердечко. Она все глубже и глубже утопала в мечтах. Мечтах, в которых становилась частью семьи... возлюбленной и женой черноволосого мужчины, который уже научил ее сына дарить матери цветы.

Она подняла глаза, чтобы поблагодарить Митчела, но его внимание уже было приковано к телевизору. Одним прыжком оказавшись рядом, он усилил звук.

– Сегодня в четыре часа дня, – объявил диктор, – чикагская полиция задержала Билли Уайатта, семнадцати лет, подозреваемого во вчерашнем похищении малолетнего Дэниела Донована из местного парка. Надежные источники в департаменте полиции информируют, что Уайатт признался в преступлении, но во всем винит чикагского адвоката Эвана Бартлетта, утверждая, что это он подал идею похищения. Согласно этим источникам, мысль о похищении возникла у него после того, как Бартлетт показал ему недавнюю газетную статью со снимками Дэниела и его матери Кейт Донован, владелицы ресторана. Бартлетт предположительно сказал Уайатту, что отец Дэниела – Митчел Уайатт, которого Билли давно винил в своих бедах. Наш репортер Сидни Соломон встретился сегодня с Бартлеттом в «Глениглз кантри клуб».

Кейт обернулась и в тревоге отступила при виде плотно сжатых губ и сверкающих глаз Митчела, следившего за каждым движением Эвана. Тот, спокойный и невозмутимый, с ракеткой в руке, явно спешил возобновить партию в теннис.

– Ах он сукин сын! – процедил Митчел.

– Сукин сын! – с чувством повторил Дэнни.

Митчел безуспешно попытался казаться спокойным – исключительно ради Дэнни, – после чего поцеловал на прощание Кейт с таким видом, словно почти забыл о ее существовании. Правда, в дверях повернулся и сказал:

– У меня важное дело. Заеду за тобой в восемь.

Глава 50

– Я открою, Келли, – крикнула Кейт, когда в начале десятого в дверь квартиры постучали. Но Келли, проигнорировав ее, успел добежать до двери первым. Митчел опаздывал на целый час, и, увидев на пороге Грея Эллиота в компании с детективом Макнилом, Кейт мигом запаниковала.

– Господи Боже мой, что стряслось на этот раз? – выдохнула она.

– Эвана Бартлетта отвезли в больницу со сломанной челюстью и треснувшими ребрами, – сообщил Эллиот, заглядывая в комнату поверх ее плеча. – Можно войти?

– Д-да, разумеется, – недоумевающе кивнула Кейт.

– Где Уайатт? У вас?

Кейт сразу поняла, к чему он клонит, и растерянno огляделась. Неужели...

В голове настойчиво билась одна мысль: как защитить Митчела?

– А что, Эван обвиняет Митчела в избиении? – презрительно осведомилась она, стараясь выиграть время.

– Эван не видел, кто напал на него. Незвестный ждал его на парковке «Глениглз кантри клуб», когда он шел к машине после партии в теннис.

– Эван занимается в тренажерном зале и вполне способен себя защитить, – продолжала тянуть время Кейт. Сейчас главное – придумать алиби для Митчела, когда будет задан неизбежный вопрос.

– Я спросил, где Уайатт, – уже тверже повторил Грей.

– Не понимаю, зачем вам Митчел. Э... вы нашли какие-то доказательства, что это он?

– На преступнике были тонкие резиновые перчатки, такие же как носят ваши повара.

– Ну вот вам и доказательство! Митчел в жизни не был на нашей кухне!

– Рассыльный утверждает, что около шести вечера он заглянул туда и попросил стакан воды.

Не в силах мыслить связно, или, точнее, изобретательно, изнемогая под буравившим ее взглядом Грея, Кейт поспешно пробормотала:

– Извините меня, я на секунду. Я ужасно расстроена.

Поспешно повернувшись, она помчалась по коридору в спальню. К сожалению, сзади слышались шаги Грея. Очевидно, он пошел за ней посмотреть, куда она войдет. Кейт пулей влетела в спальню и прислонилась

к двери, по-прежнему пытаюсь придумать правдоподобное алиби.

Наконец желанная идея посетила ее. Бросившись к кровати, она переворошила одеяла и простыни и стянула матрац, так что он одним углом свисал с края. Полубовалась эффектом, подскочила к стене, на которой висели две картины, и сдвинула их наискось, после чего осторожно перевернула лампу на тумбочке и сбросила на пол абажур. Посчитав свою миссию законченной, Кейт бросилась в ванную, намочила полотенце и вернулась в гостиную.

– Простите, – извинилась она, вытирая лицо. – Мне стало нехорошо. Не могу больше слышать ни о каком насилии. Так или иначе, это не мог быть Митчел, потому что он ушел всего несколько минут назад.

– А где он сейчас?

– Поехал... привезти собаку и обеих кошек. Мы останемся здесь, пока вы не поймаете Билли Уайатта.

– Мы арестовали его сегодня днем.

– Неужели? – ахнула Кейт, широко раскрыв глаза.

– В самом деле, – сухо бросил Грей. – Не возражаете, если детектив Макнил заглянет в комнаты, расположенные по коридору?

– Ничуть, – откликнулась Кейт, продолжая, на этот раз уже всерьез, прикладывать к лицу мокрую ткань и нервно топая позади Макнила. – Только не разбудите Дэнни. Он в спальне справа.

Калли, с неизменной ответственностью относившийся к обязанностям телохранителя, следовал за ними, мрачно хмурясь, когда детектив осторожно осмотрел ванную и шкаф Дэнни.

– А это что за комната? – спросил Макнил.

– Моя спальня.

– Разрешите? – спросил он, взявшись за ручку двери.

Кейт уже собиралась пригласить его, но тут же спохватилась и вместо этого сказала:

– Видите ли, мне бы не слишком хотелось... – Она подождала, пока Макнил не кинет на нее многозначительный – может, привезти ордер на обыск? – взгляд, прежде чем с притворным смущением пробормотать: – О, ради Бога, детектив, выполняйте свои обязанности.

Макнил открыл дверь, включил свет и окаменел. Калли протиснулся мимо него, не понимая, в чем дело, и нагло расхохотался, что заставило Кейт залиться краской и упорно смотреть в пол, когда все они вернулись в гостиную, где терпеливо ждал Грей.

– Что случилось? – удивился он при виде сконфуженной хозяйки. Не дождавшись ответа, он перевел взгляд с Кейт на Макнила и Калли, не

пытавшегося скрыть довольную ухмылку.

Наконец Кейт, нервно вертя в руках полотенце, призналась:

– Мы с Митчелом... э... провели этот вечер в постели.

– Значит, все в порядке, – кивнул Грей. – Когда Митчел вернется, попросите его позвонить.

– И что вы с ним сделаете? – подозрительно осведомилась Кейт, испуганная, злая и несколько удивленная тем, что он назвал Уайатта по имени.

– Посмотрим на его руки. Если костяшки пальцев не сбиты, значит, он тут ни при чем.

– Прекрасно. Это совсем просто.

– Да. Но такое доказательство нельзя ни скрыть, ни замаскировать.

– Почему вы сами расследуете такое пустяковое дело, Грей? – не выдержала она.

Он сжал ее руку:

– Я начинаю считать себя другом семьи.

– В таком случае я попрошу Митчела позвонить, как только он придет, – пообещала Кейт, провожая их до двери. – Он может немного задержаться, если вздумает заехать за собачьей едой.

Макнил и Эллиот спустились вниз и остановились на тротуаре.

– Что это за история со спальней? – поинтересовался прокурор.

– Судя по виду этой спальни, – хмыкнул Макнил, – бедняга Уайатт еле ноги волочит! Где ему еще и Бартлетта отделать! Силенок не хватит!

– Если бы я был уверен, что смогу спустить на тормозах эту пустячную историю, я бы так и сделал, – поклялся Грей. – Мало того, я собственноручно выбил бы все дерьмо из Бартлетта, будь только уверен, что мне это сойдет с рук. К сожалению, помимо всего прочего, он еще и адвокат и даже со скрепленной скобками челюстью вопит, требуя крови Уайатта.

– И что теперь делать?

– Искать Уайатта и всячески документировать наши усилия, – вздохнул Грей, – иначе Бартлетт напустит на нас репортеров, и те обольют грязью и полицию, и прокуратуру. Но не стоит слишком усердствовать. В конце концов, Бартлетта никто не убивал. Уайатт летел сюда коммерческой авиалинией, поскольку его самолет стоит на профилактике. Мы уведомили аэропорт О'Хэйр, требуя задержать его, если он попытается пройти через регистрацию. Согласитесь, что это достаточные меры с нашей стороны. Я не собираюсь поднимать на ноги всю полицию страны, чтобы угодить Бартлетту. Кто виноват, что он сейчас валяется на больничной койке? Не

нужно было подличать.

У машины уже ждал Чилдресс. Грей остановился и взглянул на небо:

– Чудесная ночь. Жаль, что приходится возвращаться в офис.

– Уайатт вот-вот должен прийти, – предсказал бдительный Чилдресс.

– Звоните, если что-то увидите или услышите, – велел Грей и, махнув на прощание, удалился.

Кейт сражалась с тяжелым матрасом, пытаясь уложить его на место. Но все мысли были только о Митчеле. Она до смерти волновалась. За него. И за себя тоже, потому что все повторялось. Слишком глубоко и слишком быстро она завязла. Он и вправду был как наркотик, и когда находился рядом, она превращалась в безмозглое растение. В реальном времени она провела с ним всего пять дней за три года, и в обоих случаях жизнь полностью изменялась, стоило ему в ней появиться. Сегодня она уж точно нарушила закон, создав ему ложное алиби.

А в это время на кухне Калли внимательно слушал инструкции босса. Повесив трубку, он потащил в комнату Дэнни несколько больших пластиковых мешков для мусора и стал бесшумно набивать их одеждой и игрушками. Процедура не отняла много времени. Закончив, он вышел в коридор, убедился, что Кейт по-прежнему в спальне, понес мешки вниз и вышел черным ходом в переулок за рестораном. Оставил свою поклажу, обошел здание и велел служащему парковки немедленно привести прокатную машину к переулку, поставить там и сразу же позвонить ему на мобильный. Служащий выслушал Калли и рысцой побежал выполнять приказ.

К десяти часам Кейт не находила себе места от тревоги за Митчела. Он просто не мог исчезнуть, не позвонив, без всякой причины... если только подозрения Эллиота не были беспочвенными. Или это он напал на Эвана, или у него вошло в привычку исчезать из жизни женщины, едва отношения усложнялись и простая интрижка грозила перерасти в нечто более серьезное.

– Митчел хочет попрощаться с вами и Дэнни. Он в аэропорту и должен срочно вылететь по делам фирмы. Мне приказано привезти вас туда.

Кейт круто развернулась и потрясенно открыла рот при виде Калли, говорившего на правильном английском с едва заметным очаровательным итальянским акцентом. Но сейчас ей было не до того. Сердце больно сжималось при мысли о том, что Митчел решил их покинуть. Впрочем... может, потом, с годами, подтвердится, что будет легче, если сразу все порвать. Если он уедет и больше не вернется. Очевидно, никакие прочные

отношения с этим человеком невозможны. По крайней мере на этот раз он попросается с Дэнни.

Поэтому Кейт, взяв себя в руки, спокойно спросила:

– Вы, конечно, летите с ним?

– Разумеется.

– Нам будет вас не хватать. Сейчас я разбужу Дэнни.

– Машина у черного хода, – предупредил Калли, уже направляясь к двери с чемоданом в руках. – У парадного толкнутся репортеры.

Откуда Кейт было знать, что он солгал?

Внимательно перечитывая документ, Грей Эллиот поднял трубку трезвонившего телефона. Голос Макнила звучал устало и расстроено:

– Минуту назад, пока я пил кофе, у Чилдресса появилась идея. Он позвонил в Ла-Гуардия^[13].

– И?.. – раздраженно бросил Грей.

– Похоже, что самолет Уайатта поднялся в воздух час назад, и, судя по полетному листу, направился в Индианаполис. Но несколько минут назад они изменили курс и сейчас летят на Мидуэй^[14].

– Черт. Вот тебе и Чилдресс. Дернуло же его!

– Да, у него потрясная интуиция, – осторожно заметил Макнил. – Мы на пути в Мидуэй.

Грей сосредоточенно наморщил лоб. Мало того что Бартлетт наверняка спровоцировал похищение и возможную смерть Дэнни Донована от рук спятившего Билли Уайатта, он еще и ухитрился вытащить на свет божий, что Кейт – мать-одиночка, забеременевшая в свое время от одного из чикагских Уайаттов. Теперь же он вознамерился поставить Митчела перед судом присяжных!

Грей встrepенулcя и, мгновенно приняв решение, объявил:

– Пожалуй, я сам обо всем позабочусь. Передайте Чилдрессу, что он молодец.

– Обязательно, – заверил Макнил. – Кстати, у него голова разболелась, так что он не возражает последить за рестораном, пока мы попробуем перехватить самолет Уайатта в Мидуэе. Не стоит пытаться уладить все самому, без детектива. Очень важно соблюдать процедуру задержания, особенно когда жертва – адвокат.

– Спасибо, Мак, – пробормотал тронутый Грей.

– Я за вами заеду. Мы всего в нескольких кварталах от вас. Полагаю, лучше взять вашу машину.

– Почему вы притворялись, что не знаете английского, Калли? – спросила Кейт, чтобы как-то отвлечься от неминуемого расставания с Митчелом. Дэнни крепко спал, положив головку ей на колени, а ее пальцы все машинально шарили в поисках безжалостно остриженных локонов.

– Митчел не был уверен, что вы согласитесь держать его в курсе дела насчет пропажи Дэнни. А люди не стесняются высказываться откровенно перед человеком, не знающим их языка.

Она не помнила, как они оказались в Мидуэе. Машина мчалась мимо ангаров с частными самолетами, усеявших бетонное покрытие. Калли включил поворотник, въехал в открытые ворота, повернул еще раз и направился к большому, ярко освещенному ангару. Перед ним на предангарной площадке ожидал изящный реактивный самолет со стреловидными крыльями и большими черными буквами «12TE», выведенными на хвосте. Трап был опущен, внутри горел свет.

– Я понесу Дэнни, – вызвался Калли, как пушинку поднимая с заднего сиденья спящего мальчика.

Кейт стала подниматься по ступенькам трапа, но на полпути что-то загородило свет. Кейт подняла голову. Перед ней стоял Митчел. Широкие плечи едва помещались в проеме.

«Это прощание», – подумала она, словно только сейчас осознав все до конца. Что-то укололо в самое сердце. Боль была такой мучительной, что Кейт поклялась больше никогда не позволять себе оказаться в таком положении.

Митчел выступил вперед и протянул ей руку. Кейт взяла ее и даже изобразила улыбку, входя в роскошно обставленный салон.

– По какой-то причине, – заметила она, – я никак не представляла тебя в интерьерах ар-деко.

– В какой же обстановке ты меня представляла? – поинтересовался Митчел, забирая Дэнни и внося его внутрь. Калли деловито принялся разгружать мешки, которые ухитрился тайком умыкнуть из квартиры Кейт.

Кейт мгновенно забыла о вопросе, наблюдая, как Митчел осторожно укладывает спящего сына посреди огромного серого кожаного дивана и нежно накрывает большой ладонью его руку. Большой ладонью... с маленькими синячками на костяшках пальцев. Кейт с зачарованным ужасом уставилась на неоспоримое свидетельство того, что Митчел оказался способен на жестокое насилие. Но почему-то не испугалась, испытав, к собственному стыду, необычайное удовлетворение. Наконец кто-то нашел в себе мужество хотя бы отчасти отплатить Эвану за все, что

он натворил без всякого следа сочувствия или раскаяния.

Она так погрузилась в размышления, что не заметила, как Митчел протянул ремень безопасности поперек раскинувшегося во сне Дэнни.

– Очень важная поездка? – спросила она Митчела, когда он помогал ей снять замшевую куртку.

– Очень, – подтвердил он так торжественно, что Кейт пристально присмотрелась к нему.

– Надолго улетаешь?

– Это зависит...

– От того, когда пройдут синяки? – язвительно хмыкнула она.

Митчел широко улыбнулся и покачал головой:

– Не совсем.

Безуспешно борясь с приступом неуместной тоски, Кейт оглядела роскошный интерьер:

– Похоже на шикарную гостиную.

Калли что-то сказал на итальянском. Митчел нагнулся, выглянул в окно и, подняв трубку телефона, заговорил на незнакомом Кейт языке. Кейт предположила, что он отдает приказания пилотам по внутреннему телефону, поскольку на аппарате не было ни циферблата, ни кнопок.

Еще минута – и в хвостовой части самолета раздался громкий звук. Улыбающийся Калли выступил вперед, прошел мимо нее и устроился на большом кожаном вращающемся кресле около кабины пилота.

– Что же, – вздохнула Кейт, глядя в веселые синие глаза Митчела, – пора прощаться. Я думала, у нас будет больше времени. Давай будить Дэнни, чтобы он смог попрощаться и увидеть твой самолет, пока мы еще здесь.

Странная улыбка скривила губы Митчела, и Кейт импульсивно подалась вперед и поцеловала его, смагивая слезы, когда его руки обвили ее. Самолет слегка дернулся, и Кейт, выглянув в окно, сообразила, что он начал двигаться.

– Хватай скорее Дэнни! – встревожилась она. – Мы едем! Нужно как можно скорее выходить...

– Это не автобус, Кейт.

– Знаю. Но нам нужно...

Она схватилась за спинку стула, подозрительно прищурившись, когда Митчел уселся на диван и попытался потянуть ее вниз, на сиденье. Но Кейт продолжала стоять, не сводя глаз с окна, за которым по дороге, ведущей к площадке перед их ангаром, мчалась машина с мигалкой.

– Митчел, что все это значит? Что ты задумал?

Рев двигателей перешел в тонкий вой. Самолет стал набирать скорость, и голос второго пилота, донесшийся из переговорного устройства, ответил на все ее вопросы разом:

– Мидуэй-тауэр, это «Гольфстрим Один-Два-Танго-Фокс» требует срочного взлета. Назовите номер взлетной полосы.

– Вас понял, «Один-Два-Танго-Фокс», – ответил диспетчер. – Рулите через Ки-Уай на взлетную полосу тридцать один в центре.

Сердце Кейт стучало в ритме все увеличивающейся скорости самолета. Чтобы скрыть замешательство, она наклонила голову, поспешно села и застегнула ремень. Она понятия не имела, куда и почему летит, но ей было все равно. Важнее всего, что Митчел хочет быть с ней и Дэнни, а это означало, что прошлой ночью он не лгал, говоря о своих чувствах.

Но ее по-прежнему беспокоило появление неизвестной полицейской машины, которая, похоже, гналась за ними.

Кейт бессознательно затаила дыхание, наблюдая за машиной до тех пор, пока самолет, резко свернув влево, еще набрал скорость и вырулил к взлетным полосам.

Наконец машина затормозила и остановилась. Только мигалка все еще работала. В переговорном устройстве снова раздался голос диспетчера:

– «Гольфстрим Один-Два-Танго-Фокс», это Мидуэй-тауэр. Разрешаю немедленный взлет. Взлетная полоса тридцать один, центр.

– Мидуэй-тауэр, – ответил второй пилот, – вас понял. «Гольфстрим Один-Два-Танго-Фокс» рулит на взлетную полосу тридцать один, центр.

Двигатели снова взревели, и самолет рванулся вперед.

Легонько глядя спинку Дэнни, Митчел изучал профиль Кейт, отмечая, что хотя она не противится похищению, все же не смотрит на него. Она по-прежнему не поднимала головы, а скулы заметно розовели. Митчел вдруг сообразил, что ей немного совестно за то, что так легко, не противясь хотя бы для виду, она позволила ему увезти ее и сына. Улыбнувшись, он слегка качнул головой. Почему-то ему припомнился полет из Сан-Мартена в Чикаго, когда он был уверен, что Кейт навеки для него потеряна.

– Кейт! – весело начал он.

Кейт мрачно уставилась на него, возмущенная таким произволом. Ничем его не проймешь!

– Я люблю тебя.

Кейт громко сглотнула, вновь опустила глаза и расстегнула ремень, потому что Митчел расстегивал свой. Она по одному его взгляду поняла, что в самолете есть спальня.

Полицейская машина все еще оставалась на площадке у ангара. Грей и

Макнил молча наблюдали, как самолет мчится по взлетной полосе, легко отрывается от земли и начинает набирать высоту. Огни на полосе погасли, шасси втянулись в брюхо самолета, и лайнер растворился в ночном небе.

– Ничего не скажешь, у этого человека есть стиль, – улыбнувшись, задумчиво протянул Грей.

– У вас тоже, – тихо признал Макнил, глядя куда-то в сторону.

Глава 51

На следующий день после исчезновения Митчела из Чикаго запечатанные, подписанные от руки конверты были доставлены узкому кругу людей.

Мэтт и Мередит Фаррел получили свой в половине десятого вечера. Мэтт распечатал конверт, прочел записку и широко улыбнулся.

– Что там? – лениво любопытствовала Мередит.

– Приглашение на свадьбу Митчела, – пояснил муж, протягивая записку. Мередит прочитала и рассмеялась.

– Подумать только, умыкнул Кейт и Дэнни, срочно раздобыл им паспорта и увез в Италию, где убедил Кейт выйти за него как можно скорее. Боится, что, если дать ей время поразмыслить, она передумает. Свадьба через три дня. Как это похоже на Митчела! Ему никакие препятствия нипочем! Обязательно сделает то, что задумал!

Все еще смеясь, она потянулась к телефону и позвонила Джулии Бенедикт, только что получившей такое же послание.

– Зак отменяет съемки, – объявила Джулия. – Вы с Мэттом сможете уехать?

Мередит вопросительно глянула на мужа и повертела в руке конверт. Мэтт кивнул.

– Разумеется, – заверила она Джулию.

Третье письмо было доставлено в дом миссис Оливии Хиберт и вручено престарелым дворецким. Миссис Хиберт распечатала конверт, прочла приглашение и расплылась в сияющей улыбке.

– Через три дня Митчел женится на Кейт Донован в Италии. Грейнджер! Мы с вами летим туда его личным самолетом.

– С нетерпением жду этого события, мадам, – заверил Грейнджер.

– Угадайте, кто летит с нами, – мечтательно протянула Оливия и, прижав письмо к груди, вздохнула.

– Понятия не имею, мадам.

– Зак Бенедикт! – воскликнула старушка.

Четвертое послание было доставлено наутро в дом священника чикагской церкви Святого Михаила. Отец Макки, молодой помощник настоятеля, открыл дверь, принял конверт и отнес в кабинет отца Донована.

– Это письмо только сейчас принесли для вас, отец.

– Положите на стол. Я составляю бюджет на следующий месяц.

– Я обещал тому, кто его принес, вручить его вам немедленно и лично.
– Прекрасно, – рассеянно пробормотал отец Донован, отложив ручку и потянувшись к конверту. – Кстати, вы внесли в свою воскресную проповедь те изменения, которые я предлагал?..

– Не все, но некоторые, – ответил молодой священник, посланный в церковь Святого Михаила работать под руководством старого служителя церкви.

Отец Донован, вскрывая конверт, тяжело вздохнул.

– Роберт, вы преданы церкви и написали превосходную проповедь, но, к сожалению, стремитесь проводить жесткую линию именно в тот момент, когда вам следовало бы чуточку смягчиться, и, наоборот, слишком легко уступаете, когда следовало бы стоять на своем. Особенно это заметно, когда я слушаю, как вы беседуете с прихожанами, которые приходят к вам за советом. Думаю, со временем вы сумеете понять, когда следует быть непоколебимым и защищать принципы и доктрины церкви, а когда следует расслабиться и посчитаться с реальностями жизни прихожанина, – наставлял отец Донован, вынимая и разворачивая единственный листок бумаги с инициалами «М.У.» в правом верхнем углу. Прочитав письмо, он стал медленно подниматься. Глаза загорелись таким негодованием, что отец Макки поспешил спросить:

– Что-то случилось? Надеюсь, все не так уж плохо.

– Ну и наглец! – взорвался отец Донован, обретя дар речи.

Поскольку газеты уже раструбили на всю страну правду об отце ребенка Кейт Донован, его внезапном прибытии в Чикаго и готовности выплатить десять миллионов долларов выкупа, отец Донован не видел причин скрывать от отца Макки содержание письма.

– Митчел Уайатт, как оказалось, отвез мою племянницу и ее сына Дэнни в Италию и теперь просит меня приехать, чтобы провести церемонию венчания в маленькой деревне близ Флоренции. И извещает меня, что свадьба назначена на послезавтра! Ничего не скажешь, дерзости у этого уб... человека хоть отбавляй! – выпалил отец Донован, хватаясь за телефонную трубку. – Мне нужно позвонить в Рим, и немедленно, – объявил он телефонистке, прежде чем прочесть телефонный номер, напечатанный в конце шапки на личном бланке Митчела Уайатта. – Дорого обойдется мне этот звонок? – спросил он под конец и очень обрадовался, когда оператор назвал ему совершенно немыслимую сумму за минуту разговора. – Не забудьте, разговор идет за счет итальянского абонента! Хотите сказать, это обойдется еще дороже? Превосходно!

Повертев трубку в руках, он мстительно ухмыльнулся.

– Что это? – спросил Митчел, когда Кейт принялась разворачивать пакет, только что доставленный круглосуточной международной почтой.

– Не знаю, но это от Грея Эллиота, – сообщила Кейт.

– Поосторожнее. Там, возможно, «жучок».

– Это свадебный подарок, – возразила она, прочитав приложенную карточку.

– Значит, следует вызвать саперов, – убежденно заключил Митчел.

Кейт, проигнорировав предупреждение, подняла крышку коробки и убрала тонкую бумагу. Внутри оказался красивый старинный фотоальбом. Кейт осторожно откинула обложку и подняла сияющие глаза на Митчела. В альбоме лежали снимки, сделанные на острове Макнилом и Чилдрессом. На первом Кейт и Митчел стояли очень близко друг к другу на лоджии отеля в Сен-Мартене. Оба улыбались, и чувствовалось, что они только что разомкнули объятия.

– Мистер Уайатт! – окликнула секретарь Митчела, входя в гостиную его римской квартиры, и из уважения к Кейт, сидевшей рядом с ним на диване, объяснила по-английски: – Звонок с оплатой, которого вы ожидали, по вашей личной линии. Звонивший кажется... несколько расстроенным.

Митчел снял руку с плеча Кейт и встал.

– Это скорее всего твой дядя, – мягко шепнул он, подходя к большому удобному мягкому креслу, стоявшему перед окном, выходящим на площадь Навона. И только устроившись в кресле, он посмотрел в окно на любимую панораму и поднял трубку.

– Доброе утро, отец Донован. Полагаю, вы получили мое письмо?

Отец Донован устремил взгляд на молодого священника, которого наставлял в его обязанностях, и рассерженно осведомился, стараясь, чтобы голос звучал как можно более непрерываемо:

– Митчел, вы действительно хоть на момент посчитали, что я собственными руками и на всю оставшуюся жизнь свяжу Кейт священными обетами брака с человеком, который не позволит ей иметь детей?

– Нет, разумеется, нет.

– Тогда в чем смысл этого... этого возмутительного приглашения провести церемонию во Флоренции?

– Я пообещал Кейт, что она сможет иметь столько детей, сколько захочет и когда захочет.

Отец Донован кивнул отцу Макки, но, ободренный успехом, потребовал дальнейших заверений, вместо того чтобы просто принять

обещания Митчела.

– И вы никоим образом не будете ей противиться?

– Наоборот, с огромным удовольствием сделаю все, чтобы помочь ей их зачать.

– Если целью этой непристойной, бесстыдной реплики было смутить меня, поверьте, я разочарован, но не шокирован, – сообщил отец Донован. Отец Макки тревожно подался вперед, но наставник улыбнулся и взмахом руки успокоил молодого священника, после чего смело вступил в следующую схватку с собеседником: – Вы католик? Крестились по католическому обряду?.. Были женаты по католическому обряду... итак, если вы близко не подходили к церкви в течение пятнадцати лет, полагаю, можно предположить, что вы не были женаты по католическому обряду. Однако в столь важных делах нельзя довольствоваться предположениями, поэтому я обязан знать точный ответ.

Отец Донован повторил короткое «нет» Митчела, чтобы услышал и отец Макки, и приготовился к генеральному сражению. Но сначала предложил некоторое утешение, чтобы немного смягчить и отвлечь противника:

– В этом случае, Митчел, я не вижу непреодолимых препятствий к проведению свадебной церемонии. Судя по вашему письму, вы уже обо всем договорились со священником местной церкви. Он согласен с моим участием?

Отец Донован кивнул отцу Макки, из чего последний заключил, что ответ положительный. Разговор продолжался.

– Что же, это прекрасно! – восхитился отец Донован, после чего вкрадчиво добавил: – Но если вы пятнадцать лет обходились без церкви, значит, столько же не были на исповеди. Естественно, перед церемонией об этом необходимо позаботиться...

Митчел немедленно прервал его коротким раздраженным вопросом. Отец Донован ответил тоном, призванным выразить понимание и терпение, но терпение, уже несколько поистощившееся:

– Нет, Митчел, уверяю, что не шучу. Когда вы и Кейт встанете передо мной в Божьем доме в день своей свадьбы, готовые произнести священные обеты, я хочу, чтобы души ваши были чисты, как у новорожденных. Это означает, что вы оба должны исповедаться перед свадьбой. Это не просьба. Это требование. – Сделав паузу, чтобы слова как следует улеглись в мозгу несчастного Митчела, отец Донован уже мягче произнес: – Дети часто отказываются идти к исповеди, потому что в их мозгу она ассоциируется с чувством вины и стыдом, но таинство исповеди обычно предназначено для

того, чтобы нести прощение и понимание, помочь нам почувствовать себя свободными от грехов. – Он снова помедлил, ожидая реакции, но трубка молчала, поэтому священник смело продолжал: – Если препятствием служит языковой барьер или какая-то иная причина, по которой вы не хотите исповедаться местному священнику, я сам готов выслушать вашу исповедь.

На это предложение Митчел ответил немедленно, да так, что плечи отца Донована затряслись от смеха. Зажав ладонью микрофон, он прошептал отцу Макки:

– Он только что посоветовал мне взять эту мечту с собой в ад.

С трудом обретя равновесие, отец Донован почти мягко заметил:

– Митчел, ни вы, ни я не попадем в ад. Можете исповедаться любому священнику, какому захотите. Лишь бы это произошло до венчания. А теперь, пожалуйста, позовите к телефону Кейт. Я должен потолковать с вашей будущей женой.

Митчел протянул трубку Кейт, примостившейся на подлокотнике его кресла.

– Твоя очередь, – раздраженно прошипел он и поднялся, чтобы смешать коктейли. Однако, прислушиваясь к беседе, он немного повеселел, поскольку ей явно приходилось не лучше, чем ему самому. Недаром Кейт то и дело послушно бормотала:

– Да, знаю. Да, вы правы. Да, обязательно.

Прошло не менее пяти минут, прежде чем она попрощалась и с видимым облегчением повесила трубку.

Митчел вручил ей коктейль, снова уселся в кресло и притянул ее себе на колени.

– Твоя дядя – напыщенный, самоуверенный, лицемерный мелочный тиран и святоша, – объявил он.

Кейт с нежной улыбкой прижала пальцы к его губам.

– Он читал мне наставление о необходимости в будущем больше доверять тебе и напомнил мне о моей роли в том, прошлом, недоразумении, приведшем к трехлетнему разрыву отношений. Кроме того, он заявил, что ты человек огромной силы воли, цельный, с поразительным характером, способный глубоко и навсегда полюбить меня и Дэнни и отдать все ради этой любви.

– Как я уже успел сказать, – широко улыбнулся Митчел, – твой дядя – человек, обладающий поразительной проницательностью и способностью прекрасно разбираться в людях.

А вот отец Макки не был в этом так уж уверен. Мало того, питал

серьезные сомнения относительно мудрости решения отца Донована одобрить этот брак. Он встал, направился было к выходу, помедлил и вернулся. Отец Донован сидел, блаженно улыбаясь, явно довольный исходом сражения, но улыбка померкла при виде встревоженного лица молодого священника.

– У вас обеспокоенный вид, Роберт. Что случилось?

– Не понимаю, как можно быть уверенным в прочности брака между людьми, знающими друг друга всего несколько дней и пережившими трехлетнее отчуждение?

Отец Донован сложил руки на груди и надолго задумался, прежде чем заговорить:

– Я отвечу на это тем же вопросом, который когда-то задал Митчелу. Как возможно, что двое людей, знакомых всего три дня, успели настолько бесповоротно разочароваться друг в друге, что не смогли забыть об этом и через три года?

– Возможно, причины чисто психологические, и не забудьте, что у Кейт родился ребенок, о котором отец даже не подозревал. Кто знает, каков настоящий ответ?

– Я знаю, – уверенно ответил отец Донован. – Прожив вместе три дня, эти люди так полюбили, что не смогли примириться с тем страданием, которое они, сами того не желая, причинили друг другу.

– Что же, вполне возможно. Но все же мужчина и женщина...

– Только не цитируйте мне очередной трактат о святости брака, который прочли в семинарии. И еще одно: я хочу, чтобы вы прочли книгу, которая на самом деле поможет вам осознать духовную реальность, существующую между истинно любящими парами. В обычных списках литературы для чтения вы этой книги не найдете.

– Буду счастлив прочесть все, что бы вы ни предложили. Что это за книга?

– «Пророк» Джебрана Халиля Джебрана.

Отец Макки с сомнением покосился на священника, но, промолчав, подошел к столу и записал название книги и имя автора на листочке бумаги. Потом, что-то вспомнив, с открытым ртом уставился на отца Донована.

– Погодите, но разве этого Джебрана не отлучили от веры?

Отец Донован пожал плечами:

– Да, как и Галилея, за то, что посмел предположить, будто Земля вертится вокруг Солнца, а не наоборот. И взгляните только, кто же посмеялся последним?

Глава 52

В этой деревушке неподалеку от Флоренции, где до пяти лет жил Митчел, любая свадьба становилась источником любопытства и поводом поприбавлять. Митчел выбрал это место для своего венчания, потому что считал, что лучшие годы его детства прошли здесь, в доме семейства Каллиорозо.

В день свадьбы церковь была набита местными жителями. Каков же был их восторг, когда они увидели американскую кинозвезду. Знаменитый актер провел жену к первым рядам, а потом вернулся, чтобы проводить еще одну женщину, сухонькую старушку, гордо улыбающуюся всем собравшимся в церкви. Она тоже прошла к первым рядам, где сидели приглашенные гости, люди, дорогие Митчелу и Кейт, в том числе и семейство Каллиорозо. Именно такую, скромную, тихую, свадьбу и хотели Кейт и Митчел.

За день до того Митчел послушно пошел на исповедь к отцу Лоренцо и, выйдя из исповедальни с несколько ошеломленным видом, отправился на поиски Кейт, которая ждала его на деревенской площади.

– Ну, как все прошло? – весело осведомилась она, беря его под руку.

– Видишь ли, – протянул Митчел, – мне показалось, что отец Лоренцо несколько разочарован моим отсутствием воображения. Хотя, если учесть, какое покаяние он наложил на меня в виде бесчисленных «Отче наш» и «Аве, Мария», можно заключить, что его весьма впечатлила моя цепкая память.

– И сколько же молитв ты должен прочитать в качестве покаяния?

– Если начну прямо сейчас, может, успею к нашей свадьбе.

Кейт ехидно хихикнула.

Зато теперь, стоя перед алтарем, где отец Лоренцо и ее дядя должны были проводить церемонию, и чувствуя на себе улыбающийся взгляд Митчела, она все острее сознавала, как благословил ее Господь. И поэтому произнесла обеты отчетливо и гордо. Митчел последовал ее примеру, только отвечал на итальянском, чтобы Каллиорозо лучше поняли. Отец Донован одобрительно кивал при каждом слове, однако к концу церемонии выражение его лица слегка изменилось, когда Митчела спросили, обещает ли он любить, почитать и лелеять Кейт.

Вместо того чтобы ответить: «*Si, lo voglio*»^[15], – Митчел громко произнес:

– Con ogni respiro che prendo^[16].

Сначала отцу Доновану показалось, будто ответ Митчела был лишен определенности, но отец Лоренцо расплылся в улыбке, что успокоило все сомнения.

На приеме после церемонии отец Донован отвел в сторону отца Лоренцо, знавшего оба языка и свободно общавшегося с американскими гостями, включая чету Бенедикт и Фаррелов.

– Отец Лоренцо, – спросил священник, – что сказал Митчел, когда обещал любить, почитать и лелеять Кейт?

– Когда я спросил Митчела, обещает ли он любить, почитать и лелеять Кейт, вместо того чтобы ответить «обещаю», он произнес: «Каждым своим вздохом».

Глаза Кейт и всех женщин затуманились при этих словах, хотя Кейт, еще стоя у алтаря, знала, что сказал Митчел.

Потому что та же самая фраза была выгравирована на внутренней стороне ее венчального кольца.

notes

Примечания

Товарный знак недорогих надежных часов, производимых одноименной компанией в г. Гринвич, шт. Калифорния. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Корабль, на котором прибыли в Америку первые поселенцы.

3

Пристань для яхт.

4

Игра в очко.

Красавица (*фр.*).

6

Очень красивая женщина (*фр.*).

7

Известная киноактриса 1930х годов.

СГИДВ – синдром гиперактивности и дефицита внимания.

Объявление по радио и телевизору обстоятельств преступления с показом фотографии жертвы и просьбой всем, кто что-то видел или знает, позвонить по соответствующим телефонам.

10

Известная американская марка цветного стекла и хрусталя.

Соревнования, в которых гонщик должен выбить с трассы все остальные автомобили даже путем лобового столкновения.

Спасибо (*ит.*).

НьюЙоркский аэропорт, названный в честь одного из мэров НьюЙорка.

Чикагский аэропорт для внутренних линий.

15

Да, обещаю (*ит.*).

Каждым своим вздохом (*ит.*).